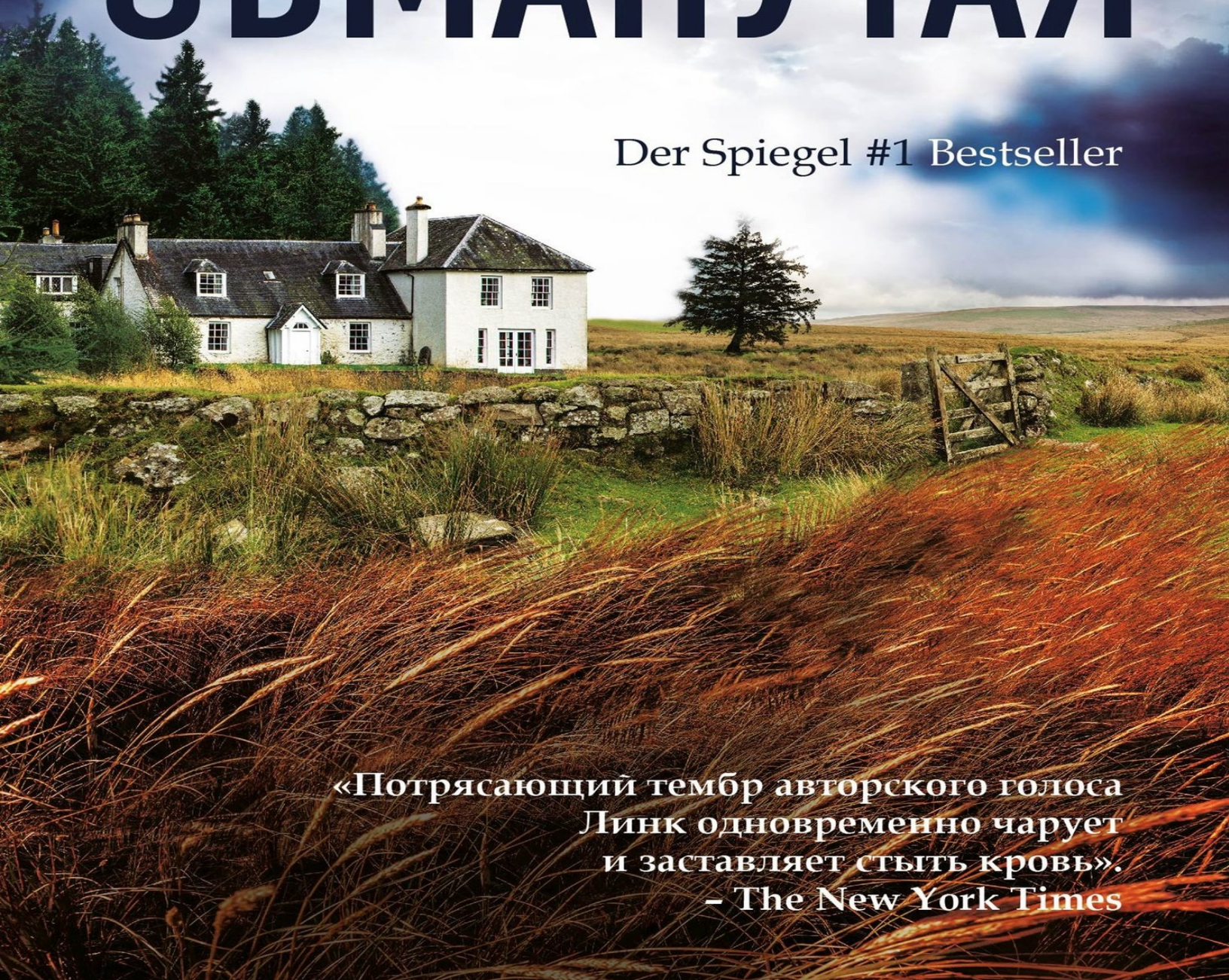

INSPIRIA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР
ГЕРМАНИИ

ОБМАНУТАЯ

Der Spiegel #1 Bestseller

«Потрясающий тембр авторского голоса
Линк одновременно чарует
и заставляет стыть кровь».
– The New York Times

 INSPIRIA

Annotation

В мире продано более 30 миллионов экземпляров книг Шарлотты Линк.

Der Spiegel #1 Bestseller.

Идеальное чтение для поклонников Элизабет Джордж и Кары Хантер.

Шарлотта Линк – самый успешный современный автор Германии. Все ее книги, переведенные почти на 30 языков, стали национальными и международными бестселлерами. В 1999—2018 гг. по мотивам ее романов было снято более двух десятков фильмов и сериалов.

Жизнь Кейт, офицера полиции, одинока и безрадостна. Не везет ей ни в личном плане, ни в профессиональном... На свете есть только один человек, которого она искренне любит и который любит ее: отец. И когда его зверски убивают в собственном доме, Кейт словно теряет себя. Не в силах перенести эту потерю и просто тихо страдать, она, на свой страх и риск, начинает личное расследование. Ее версия такова: в прошлом отца случилось нечто, в итоге предопределившее его гибель...

«Потрясающий тембр авторского голоса Линк одновременно чарует и заставляет стыть кровь». – The New York Times

«Пробирает до дрожи». – People

«Одна из лучших писательниц нашего времени». – Journal für die Frau

«Мощные психологические хитросплетения». – Focus

«Это как прокатиться на американских горках... Мастерски рассказано!» – BUNTE

«Шарлотта Линк обеспечивает идеальное сочетание напряжения и чувств». – FÜR SIE

-
- [Шарлотта Линк](#)
    - [Пятница, 14 сентября 2001 года](#)
    - [Суббота, 22 февраля 2014 года](#)

- Понедельник, 28 апреля
  - 1
  - 2
- Суббота, 3 мая
  - 1
  - 2
- Воскресенье, 4 мая
- Суббота, 17 мая
- Пятница, 23 мая
- Среда, 4 июня
  - 1
  - 2
- Четверг, 5 июня
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
- Пятница, 6 июня
  - 1
  - 2
  - 3
- Суббота, 7 июня
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- Понедельник, 9 июня
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
- Вторник, 10 июня

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [Среда, 11 июня](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
  - [Четверг, 12 июня](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
  - [Пятница, 13 июня](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
  - [Суббота, 14 июня](#)
  - [Вторник, 17 июня](#)
  - [Понедельник, 23 июня](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Шарлотта Линк
Обманутая

Пятница, 14 сентября 2001 года

Было еще по-летнему жарко. Ровно в полдень он вернулся из школы. И тотчас схватился за свой велосипед. Этот бесподобный, быстрый велосипед, цвета «синий металлик», полученный в июле ко дню рождения. Ему исполнилось пять, и с сентября он ходил в школу. Ему там нравилось. Учителя были добры, одноклассники – тоже. Он ощущал себя таким взрослым... А главное, у него был самый классный велосипед в классе. Хоть Гэвин, его сосед по парте, и хвастался, что у него велосипед еще лучше, но это было вранье. Он его видел: велосипед и вполтину не был так хорош, как его.

– Чтобы в шесть был дома! – крикнула ему вслед мама. – И смотри, аккуратнее там!

Он лишь бесстрастно кивнул. Мама вечно волновалась. Из-за уличного движения, из-за плохих людей, которые похищали ребят, из-за грозы...

– Это все потому, что мы тебя любим, – говорила она, когда он возмущался.

И все же он был осторожен, пока не выехал за город. Он был уже не ребенок и понимал, что к чему. Теперь же перед ним раскинулась гоночная трасса. Он обнаружил ее пару недель назад и с тех пор приезжал сюда едва ли не каждый день. Узкая проселочная дорога, на которой почти не попадалось машин. Она тянулась меж полей и лугов, не имела ни начала, ни конца. Солнечным днем, вроде сегодняшнего, она казалась белой, запыленной лентой среди полей, что раскинулись до самого горизонта. Летом пшеница наверняка скрадывала обзор, но сейчас все было убрано. Это усиливало ощущение бесконечности. И свободы.

Он был прославленным гонщиком и сидел за штурвалом «Феррари».

Вот он вырывается вперед, однако соперники не отстают. Нервы напряжены до предела, он должен выложиться. Победа все ближе, но требует от него полной отдачи. Остальные тоже хороши, но он – лучший. Еще немного, и он будет стоять на пьедестале, поливая шампанским ликующую толпу. Все камеры направлены на него, комментатор срывает голос...

Он налегал на педали. Подался вперед, распластавшись на руле. Встречный ветер растрепал волосы. Он готов был кричать – такой прекрасной казалась ему жизнь.

На многие километры вокруг не было никого, кроме воображаемых

соперников. Только он один. И бесконечная даль дороги.

Он и не подозревал, что уже не один.

Не подозревал, что через две минуты все оборвется. И останется в прошлом карьера прославленного гонщика.

И жизнь, какой он знал ее прежде.

Суббота, 22 февраля 2014 года

У него были все шансы выйти сухим из воды.

Спальня в доме Ричарда Линвилла располагалась на мансардном этаже. Дверь запиралась на замок, и в комнате имелся телефон. В ту холодную февральскую ночь, уже в предрассветные часы, разбуженный странным шумом, похожим на звон разбитого стекла, Ричард мог одним прыжком оказаться у двери, запереть ее и вызывать полицию.

Однако он был не из тех, кто зовет на помощь лишь потому, что услышал какой-то шум посреди ночи, причем вполне мог обмануться. До выхода на пенсию Ричард был старшим инспектором в полиции Северного Йоркшира, и мало что могло напугать его.

Если что-то казалось ему подозрительным, он предпочитал разбираться самостоятельно.

Бесшумно и с неожиданным для своего возраста проворством Ричард скользнул с постели и подобрался к прикроватной тумбочке. Пошарил в темноте. В верхнем ящике, запрятанный под стопками платков, лежал пистолет. В годы службы он не носил оружия, но, будучи криминалистом в отставке, знал, что уход на покой не гарантировал ему личной безопасности. Столько народу перед судом предстало его стараниями! По его милости кое-кто провел за решеткой уйму лет. Само собой, у него имелись враги. Так что Ричард обзавелся пистолетом – обыкновенная мера предосторожности. Ему проще было засыпать, зная, что оружие находится на расстоянии вытянутой руки.

Ричард прокрался из комнаты, замер у лестницы и прислушался. В доме царил безмолвие, только вода тихо журчала в трубах отопления. Не было слышно ни подозрительного скрипа, ни хруста осколков – ничего, что указывало бы на разбитое окно. Возможно, ему это просто показалось... или приснилось... Хорошо хоть не стал сразу звонить бывшим коллегам и не выставил себя посмешищем.

И все-таки, прежде чем вернуться в постель, ему хотелось удостовериться.

Мягко, не издавая ни малейшего шума, Линвилл стал спускаться по лестнице. В марте ему стукнет семьдесят один, и Ричард гордился своим телом, словно неподвластным старению. Он связывал это с тем, что спорт всегда занимал важное место в его жизни. Линвилл и теперь каждый день, независимо от погоды, пробегал внушительные дистанции, а свои не самые

здоровые пристрастия в еде компенсировал полным отказом от курения и значительным отказом от алкоголя. Многие, когда видели его впервые, и не подозревали, сколько ему в действительности лет. И в глазах многих женщин он по-прежнему был привлекателен. Но это не имело для него значения. Его супруга, Бренда, с которой он прожил сорок один год, умерла три года назад после длительной борьбы с раком.

Линвилл спустился на первый этаж. Справа располагалась входная дверь – и на ночь она всегда запиралась. Ричард заглянул в гостиную: ничего подозрительного. Окна выходили на проезд, шторы были раздвинуты, и, как правило, даже ночью была видна церковь Скалби, расположенная в конце улицы, на вершине обсаженного деревьями холма. Но в этот раз квартал был окутан плотным туманом, и сложно было разглядеть даже дома с противоположной стороны улицы. На краткий миг Ричардом овладело тревожное чувство, словно он один, всеми брошен. Однако он быстро оправился. Глупости. Все как обычно. Все дело в тумане.

Не успел он развернуться, как снова услышал шум. Это походило на тихий хруст и не имело ничего общего с привычными звуками спящего дома. Звук доносился из кухни; казалось, кто-то ступает по осколкам. Что вполне увязывалось со звоном стекла, который и разбудил Ричарда.

Линвилл снял пистолет с предохранителя и двинулся к кухонной двери. Он понимал, что предпринимает шаги, от которых полиция неустанно предостерегала граждан и от которых он сам призывал воздерживаться.

Если вам показалось, что в ваше жилье кто-то проник, ни в коем случае не пытайтесь действовать самостоятельно. Попробуйте обезопасить себя, покинув дом или запершись в комнате, и вызовите помощь. При этом старайтесь вести себя как можно тише. Злоумышленник не должен знать, что его заметили.

Но к нему это, конечно же, не относилось. Линвилл сам был полицейским, хоть уже и не состоял на службе. Кроме того, у него имелся пистолет, и он превосходно с ним обращался. Это отличало его от большинства других граждан.

Ричард замер у кухонной двери. Зимой она всегда закрывалась на ночь. Дверь, ведущая из кухни в сад, обветшала, и в щели тянуло холодом – так что это позволяло хотя бы сохранить тепло в остальных комнатах. Ричард понимал, что дверь давно следовало сменить, и прежде Бренда постоянно жаловалась на этот счет. Не только из-за холода, но также из соображений безопасности. В отличие от крепкой входной двери, взломать заднюю не составляло труда.

Ричард прислушался, держа пистолет на изготовку. Он слышал собственное дыхание. Больше ничего.

Но там что-то было. *Кто-то* был. Линвилл знал это. Он не добился бы таких успехов в полиции, если б за годы службы не развил в себе это безошибочное чутье.

На кухне кто-то был.

По крайней мере теперь следовало озаботиться помощью. Ричард понятия не имел, сколько человек проникло в дом. Возможно, это был только один человек – но их могло оказаться двое или даже трое. И тогда его преимущество во владении оружием сошло бы на нет. Позднее он и самому себе не сможет объяснить, что заставило его отбросить все предписания и пойти на этот необдуманый риск. Старческое упрямство? Самонадеянность? Или он хотел что-то доказать себе? Так или иначе, ему осталось не так много времени, чтобы обдумать этот вопрос.

Все произошло практически одновременно. Ричард стал осторожно поворачивать ручку кухонной двери и в тот же миг уловил движение рядом, из погруженной во мрак обеденной зоны. Затем последовал удар по руке – такой силы, что Линвилл вскрикнул от боли. Он отчаянно пытался удержать пистолет, но удар пришелся точно по нерву, и все мышцы на мгновение парализовало. Пистолет выпал и стукнулся об пол в темноте столовой. Ричард подался в сторону в попытке нашарить оружие, хоть и сознавал всю бессмысленность этого порыва: противник находился именно там, в столовой. Он понял, что совершил чудовищную ошибку, приняв как данность версию о том, что неизвестные проникли в дом через кухню, поскольку там находилось самое уязвимое место. Но в столовой также имелась дверь, ведущая в сад, и вероятно, они разбили стекло там. В годы службы Ричард наставлял немало молодых полицейских, и первый из его постулатов звучал так: *Ничего не принимайте как данность. Перепроверяйте всё, любой возможный вариант. От этого может зависеть ваша жизнь и жизни других людей.* Просто не укладывалось, что именно этой ночью он поступил наперекор едва ли не всем собственным принципам.

В следующую секунду Линвилл получил мощный удар в живот и рухнул на колени. Затем тяжелый кулак врезался ему в висок. У него потемнело в глазах, лишь на краткий миг, но и этого оказалось достаточно – Ричард повалился на пол. Он не потерял сознания, но мир вокруг закружился и перед глазами поплыло. Линвилл попытался подняться, но получил ногой по ребрам и снова оказался на полу. Не успел он опомниться, как чьи-то крепкие руки подхватили и вздернули его.

Противник был чрезвычайно силен. И полон решимости.

Распахнулась кухонная дверь, зажегся свет, и Ричарда втащили на кухню. Удерживая его одной рукой, взломщик пододвинул стул и поставил в центре комнаты. Линвилл зажмурился от слепящего света. В следующий миг он уже сидел на стуле, все еще хватая ртом воздух: последний удар под ребра вышиб из него дух. Ричард чувствовал, как левый глаз начинает заплывать, а из носа течет что-то вязкое – вероятно, кровь. Он не мог толком сообразить, что с ним происходит, не говоря уже о том, чтобы оказать какое-то сопротивление.

Ему грубо завели руки за спину и так крепко перетянули запястья, что кисти онемели почти мгновенно. Затем тонкая проволока врезалась в голые лодыжки, торчащие из штанин пижамы. Кабельная стяжка, как он выяснил позднее. Это означало, что не было ни малейшего шанса освободиться самостоятельно. Ричард ощутил стопами ледяной холод каменного пола.

«Надо было надеть тапочки», – подумалось ему.

В текущих обстоятельствах эта мысль казалась нелепой. У него были проблемы куда серьезнее.

Ричард огляделся и заключил, что преступник один. Впрочем, в его положении число нападавших не имело значения.

Это был довольно крупный тип. Судя по телосложению, сравнительно молодой – наверное, лет тридцати. С первого взгляда было ясно, что он немало времени проводил в спортзале. Возможно, даже занимался боксом. И был настроен крайне агрессивно.

Ричард отметил еще одну деталь, но пока не мог сказать с уверенностью, можно ли извлечь из этого что-то благоприятное. Незнакомый действовал в перчатках и натянул на лицо вязаную шапку. Значит, ему хватало сообразительности, чтобы не оставлять отпечатков пальцев и следов ДНК. Кроме того, он скрывал свою внешность и тем самым проявлял определенный профессионализм. В этом случае шансы на благополучный исход возрастали: такие обычно не впадают в панику и не устраивают кровавую бойню. А тот факт, что он предпочел остаться неузнанным, дарил определенную надежду. Ричард вполне мог и пережить эту ночь. Однако чутье подсказывало, что оставлять в живых его не намерены. Вероятнее всего, непрошенный гость принял все меры – просто чтобы быть готовым к любой неожиданности.

Это был кошмар наяву с неизвестным финалом.

Вряд ли этот человек собирался обчистить дом. Линвилл по опыту знал, что простые взломщики избегали открытых столкновений с обитателями дома. Вор, едва слышав шаги на лестнице, скорее поспешил

бы убраться через ту же дверь в столовой. У него было достаточно времени. Он не стал бы прятаться, а потом еще и нападать, подвергаясь ненужному риску.

Нет, вторжение каким-то образом касалось лично Линвилла. Если б он не проснулся, преступник поднялся бы в спальню и напал бы на него во сне. Судьба предоставила ему шанс – и Ричард им не воспользовался...

Что, черт возьми, нужно этому типу?

– Смотри на меня, скотина, – сказал молодой человек.

Он горой возвышался над Ричардом. Джинсы, футболка с коротким рукавом, несмотря на промозглый холод снаружи. Этот человек был силен как бык.

Ричард поднял взгляд. Левый глаз неумолимо заплывал, но правый пока еще видел.

– Узнаёшь? – спросил незванный гость.

Именно над этим Линвилл лихорадочно размышлял последние несколько минут. Впрочем, он не видел лица незнакомца, и это заметно усложняло задачу.

– Как же я узнаю, – ответил он, – если вы прячете лицо?

И получил в ответ сокрушительный удар в челюсть. В глазах вспыхнули искры. Ричард чувствовал, что еще немного и он потеряет сознание. Боль настигла его с запозданием, но затем обрушилась такой мощностью, что Ричард не сдержал тяжелый стон. Должно быть, внутри что-то сломано. Вероятно, челюстная кость. Он попробовал сглотнуть, но это удалось лишь с нескольких попыток. В горле ощущался плотный сгусток крови.

– Что... вам... нужно? – с трудом проговорил Ричард.

– Ты и впрямь не помнишь? – спросил незнакомец. – Мое лицо не имеет значения, ясно тебе? Достаточно вспомнить некоторые подробности из своего мерзкого прошлого. Тогда уж ты поймешь, кто перед тобой стоит.

Кто-то из тех, кого он в годы службы отправил за решетку? Но их было так много...

Ричард не решался отвечать и лишь с отчаянием смотрел на своего мучителя.

– Ты и впрямь думал, что так просто отделаешься?

Ричард с трудом шевелил губами:

– Я... не знаю... кто... вы...

Он сжался в ожидании очередных ударов, но их не последовало. Незнакомец покачивался на пятках.

– Не имеешь ни малейшего понятия, мелкий гаденыш... Даже не

догадываешься, так?

– Нет, – подтвердил Ричард.

И вновь последовал удар, на этот раз в живот – и такой силы, что несколько секунд Ричард не мог вдохнуть. Хватая ртом воздух, он наклонился насколько мог и сплюнул кровь на пол.

Он меня убьет. Только за этим он и явился.

Однако злоумышленник проник в его дом не случайно, Ричард был убежден в этом. Этот человек не просто присмотрел дом, чтобы напасть на хозяев, поистязать их, а затем убить. За годы службы Ричард не раз наблюдал подобное; порой просто не верилось, как в чередке случайных событий люди становились жертвами ужасных преступлений. Но этот случай был явно не из тех. Ричард ощущал ненависть, исходящую от незнакомца. Он хоть и не узнавал его, но понимал, что выбор пал на него не случайно.

– Прошу вас, – простонал он, – скажите мне...

Незнакомец пнул его по голени, и Ричард взвыл. На молодом человеке были шипованные ботинки. Ричард почувствовал, как штанина пижамы пропитывается кровью.

Он должен выяснить, что связывало его с этим человеком. В этом состоял его единственный шанс. Поговорить с ним. Разговоры помогали почти безотказно. Конечно, если знать при этом, о чем следовало говорить.

Ричард собрал свое мужество в кулак. У него болело все: ребра, живот, нога, лицо. Он боялся, что получит очередной удар, если только посмеет раскрыть рот, но если он этого не сделает, то однозначно погибнет.

– Я... действительно не понимаю... в чем вы вините меня, – вымолвил Ричард. Он с трудом выговаривал слова. Губы тоже начали распухать, и он то и дело сглатывал кровь. – Прошу вас... я хочу знать. Мы бы... могли поговорить...

Ричард успел заметить кулак и дернулся в сторону. Удар прошел вскользь, но в тот же миг противник схватил его за волосы и удержал голову, после чего рывком оттянул назад, так что Линвилл удивился даже, как не переломился хребет. Теперь удары один за другим обрушивались на сломанный нос, распухший глаз, разбитые губы.

«Я умру, – думал Ричард, – я умру, я умру...»

Удары прекратились, когда Линвилл уже готов был потерять сознание. Он чувствовал, что лишь какая-то доля секунды отделяла его от обморока, и жалел, что этого не произошло. Единственное, чего он желал в этот момент, это отключиться. Или умереть поскорее.

Его сотрясала дрожь, и бросало в жар от боли. Боль составляла все его

существо. Он трясся в лихорадке и едва мог дышать. И спрашивал себя, почему вообще до сих пор жив.

Представил себя со стороны: пожилой мужчина в клетчатой фланелевой пижаме сидит, связанный по рукам и ногам, на кухонном стуле, с лицом, разбитым в кровавое месиво, истекает кровью и тихо стонет. Каких-то пятнадцати минут оказалось достаточно, чтобы превратить его в этот человеческий остов, обреченный на смерть.

Ему вспомнилась Кейт. Ричард знал, чем для нее обернется его смерть. У нее никого больше не было, кроме него, и он с глубокой скорбью сознавал, что придется покинуть ее. Кейт была единственной его дочерью... одинокая, несчастная женщина, неспособная обзавестись друзьями, покорить мужское сердце, завести семью. Или, на худой конец, обрести счастье в профессии. Они никогда не заговаривали о том, как ей было одиноко и тоскливо. Кейт всегда делала вид, что всё в ее жизни в порядке, и Ричард с уважением относился к ее желанию сохранить эту видимость. Никогда не говорил, что знает, как ей худо. Теперь, вероятно, в последние минуты жизни, он понял, что совершал ошибку. Когда они виделись, то заняты были тем, что притворялись друг перед другом и попусту тратили время. Как видно, ему уже не представится случая исправить эту ошибку...

Он с трудом поднял голову. Сквозь щели заплывших глаз увидел, как неизвестный без всякой спешки роется по кухонным ящикам и шкафам. Наконец он нашел то, что искал, – полиэтиленовый пакет.

Ричард все понял. Он раскрыл рот и хотел закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный, отчаянный хрип. «Нет, – хотел он сказать, – прошу, не надо!» В следующий миг палач надел пакет ему на голову и чем-то стянул вокруг шеи, скотчем или шнурком.

Ричард хотел что-то сказать. Теперь он знал, с кем имеет дело. Догадался, о каких подробностях прошлой жизни говорил его истязатель. И как же он сразу этого не понял?

Но было слишком поздно. Ричард уже не мог говорить. Он еще дышал. Яростно, безумно, лихорадочно, все быстрее...

Вдыхал последние капли кислорода в своей жизни.

Понедельник, 28 апреля

Джонас Крейн не мог отделаться от мысли, что впустую тратит время. Однако он обещал Стелле, что запишется на прием к доктору Бенту, и теперь не мог отступить, сколь бы сомнительной ни казалась ему эта затея. В отличие от своей жены, Джонас не мог причислить себя к ярким сторонникам гомеопатии – но и однозначным ее противником не был. Кому-то она, возможно, помогала, кому-то – нет. Стелла всегда выглядела расслабленной и счастливой после визитов к доктору Бенту. Правда, трудность с ребенком и ему оказалась не по силам. В конце концов, никто не смог и помочь. Вероятно, с какими-то проблемами в этой жизни оставалось просто смириться.

Ждать пришлось довольно долго, и Джонас извелся от раздражения. Ему было назначено на одиннадцать часов, но, пока подошла его очередь, прошло лишних сорок минут. Стелла его предупредила:

– Он проводит с пациентами очень много времени. Поэтому иногда приходится подождать. Но потом и тебе уделят столько времени, сколько нужно. Доктор Бент не выпроваживает пациента только потому, что в приемной ждут другие.

Это казалось ей превосходным, а вот Джонас считал такой подход крайне сомнительным. Однако он убеждал себя, что ему еще повезло попасть на прием в первой половине дня. Те, кто записался после полудня, действительно заслуживали сочувствия. Учитывая, как сдвигалось расписание, сорок минут ожидания, вероятно, должны были показаться сущим пустяком. Так или иначе, доктор Бент оказался весьма приятным человеком. Предприимчивым и умным. Внимательным. Из тех врачей, которые воспринимают своих пациентов всерьез и действительно хотят помочь.

Доктор изучил данные его электрокардиограммы.

– Но я не вижу проблем.

– Да, в этом-то и проблема, – ответил Джонас. Он постарался не думать о том, что в час у него назначена важная рабочая встреча и ему придется добираться в другой конец Лондона. Он дождался своей очереди, и следовало переключить все внимание на этот разговор. – Похоже, что всё в порядке. Я посетил уже немало врачей. Сердце, давление, пульс... всё в норме. Вот, – он достал из внутреннего кармана сложенный листок и положил на стол, – общий анализ крови двухнедельной давности. Никаких

отклонений.

– Действительно, – согласился доктор Бент. Он внимательно взглянул на Джонаса. – Похоже, что вы вполне здоровы. И все-таки... что-то вас беспокоит?

– Ну... да, – ответил Джонас.

Ситуация складывалась крайне неловкая. Сорокадвухлетний мужчина, по всей вероятности, совершенно здоровый, сидел в кабинете у востребованного врача и убеждал его, что болен, хотя все анализы указывали на обратное. Ипохондрия? Кризис среднего возраста? Но Джонас чувствовал, что доктор Бент не собирается его упрекать, и начинал понимать, почему Стелла так настоятельно советовала сходить к нему. Глядя на него, пациент чувствовал, что может рассказать все, без страха выставить себя идиотом или навлечь на себя недовольство.

– Я... как-то встревожен. Уже какое-то время... примерно с начала года меня беспокоят эти странные симптомы. Головокружение. Внезапная заложенность в ушах. Покалывание в левой руке, а потом ощущение, будто она вдруг немеет. Поначалу я думал, это признаки скорого инфаркта, но мои опасения не подтвердились. Врачи ничего не нашли. Вообще ничего такого, что проявлялось бы подобными симптомами. Но это не прекращается. Я рад, конечно, что за этим не кроется ничего серьезного. И все же это сбивает с толку. Во всяком случае, Стелла говорит, что от этого не стоит просто отмахиваться.

Доктор Бент улыбнулся.

– Как дела у Стеллы?

– Спасибо, все хорошо.

– А малыш Сэмми?

– Тоже хорошо. Даже очень. Ему исполняется пять через пару дней. С нетерпением ждет дня рождения.

– И вы по-прежнему довольны своим решением? Насчет приемного ребенка, я имею в виду.

– Да. Абсолютно. Это лучшее, что мы могли сделать. И это положило конец бесконечным и безуспешным попыткам... – Джонас не договорил. Доктор Бент был в курсе.

Он покивал.

– Восемь попыток искусственного оплодотворения, верно?

– Да. И это продолжалось больше года, под конец мы просто вымотались... В какой-то момент Стелла решила прекратить это и обратиться в службу по усыновлению. Только это и спасло наш брак. И банковский счет. В финансовом плане мы тоже долго не протянули бы.

– Вы уже поправили финансовое положение? Все-таки прошло несколько лет...

Джонас покачал головой. Как оказалось, откровенный разговор действительно шел на пользу. Не нужно было изображать, что у него всё под контролем. Можно было говорить обо всем без утайки.

– Нет, мы до сих пор не расплатились по долгам. И взносы за дом еще не скоро удастся погасить. Да еще и пришлось взять второй кредит, чтобы оплатить «Борнхолл».

Так называлась клиника, где они пытались зачать ребенка. «Борнхолл» был основан врачами, которые первыми зачали ребенка в пробирке – Луизу Браун. Однако в случае с Джонасом и Стеллой они оказались бессильны.

– Кое-как удастся все выплачивать. Но нельзя допускать, чтобы в моей работе что-то вдруг пошло не так, все завязано на этом.

– Вы работаете сценаристом, верно?

– Да.

– И хороши в своем деле?

– Да, вполне. Но...

Джонас беспомощно повел плечами. Доктор Бент спокойно наблюдал за ним.

– Но когда телефон не звонит в течение дня, вы начинаете беспокоиться. И если киностудии не отвечают на письма. И когда падают рейтинги. Но полагаю, даже когда все идет наилучшим образом, вы ощущаете приближение катастрофы. И чем лучше обстоят дела, тем сильнее страх не удовлетворить собственные запросы. Провалиться. Верно?

Джонас изумленно смотрел на доктора. У него в голове не укладывалось, как этому человеку удалось всего за несколько минут заглянуть ему в душу. Так ясно и доходчиво обозначить его страхи.

– Да, – ответил он, – все именно так. Я живу в постоянном ожидании катастрофы.

Вслушался в это слово. *Катастрофа*. Не слишком ли драматично? Нет. Нельзя было точнее отразить его душевное состояние. Он жил в ожидании катастрофы. Финансового коллапса. Профессиональной неудачи. Полного фиаско. Провала по всем фронтам. *Катастрофа, коллапс, неудача, фиаско, провал...* Не эти ли страхи по временам занимали его разум – и постоянно жили в подсознании? Если так, то и удивляться, наверное, нечему.

– Как вы спите? – спросил доктор Бент.

– Плохо. И мало. Вообще-то засыпаю хорошо, но часа в два

просыпаюсь с учащенным пульсом и ощущением паники. А потом в голову лезут мысли. Часто лежу без сна, пока будильник не зазвонит.

Все это время доктор Бент делал заметки. Но вот он отложил карандаш, положил руки на стол и очень серьезно посмотрел на Джонаса.

– Вы должны вырваться из круговорота негативных мыслей, мистер Крейн. Это очень важно. Физически вы пока здоровы, но тело усиленно подает вам сигналы. Нарушения сна, учащенный пульс, головокружение, онемение в руке... Все это серьезно. Неважно, что показывают исследования, – он указал на результаты ЭКГ и анализа крови. – Не сказал бы, что положение критическое, но и затягивать с этим не стоит. Вам следует притормозить, *сейчас*.

Вырваться из круговорота негативных мыслей.

– И как же мне быть? – спросил Джонас.

– Все решаемо, – заверил его доктор Бент. – Все не так просто, но решаемо.

– Как до этого вообще дошло? Я понимаю, что люди время от времени волнуются, и это нормально. Но вы правы, я живу в ожидании беды, даже когда для беспокойства нет ни малейшего повода. Раньше такого не было. А потом – раз, и... Я даже не заметил, как это началось.

Доктор Бент кивнул.

– Это происходит не в одночасье. Стресс нарастает постепенно, и человек пока еще уживается с ним и полагает, что у него всё под контролем. Когда же тело внезапно сигнализирует: «Я больше не могу!», то уже слишком поздно. Последние годы были непростыми для вас, мистер Крейн, я понял это из разговоров со Стеллой. Вы с супругой годами надеялись зачать ребенка. Потом эти изматывающие попытки искусственного оплодотворения. Постоянные разочарования. Большие расходы. Затем – процедуры по усыновлению, что тоже далеко не просто. И при всем этом вы же должны были работать, еще усерднее, когда начали расти долги. Полагаю, финансовые проблемы вы большей частью взяли на себя, чтобы лишний раз не беспокоить Стеллу. Но это и усугубило вашу ситуацию.

Джонас кивнул. Именно так все и было. «А мы можем себе это позволить?» – обеспокоенно спрашивала Стелла перед пятой, шестой, седьмой, восьмой попыткой. Джонас улыбался и отвечал: «Да, вполне. С заказами полный порядок. Не волнуйся».

Стелла была измучена сумасшедшими дозами гормонов, бесконечными попытками, забором яйцеклеток, введением оплодотворенных яйцеклеток, ожиданиями и надеждами – и

разочарованиями. Ему же, с медицинской точки зрения, отводилась довольно простая роль, и потому он считал своим долгом избавить Стеллу от прочих забот. Эту роль Джонас целиком брал на себя – и, как видно, она выжала из него силы.

– Я выпишу вам капли. Пожалуйста, принимайте их каждое утро перед завтраком, – сказал доктор Бент и вырвал листок из блокнота. – Но помимо этого...

– Да?

– Как, по-вашему, вы могли бы на пару недель сойти с дистанции?

– Сойти с дистанции?

– Когда вы в последний раз были в отпуске, мистер Крейн? Я имею в виду *настоящий* отпуск. Без телефона, ноутбука и всего прочего. Так, чтобы исчезнуть на время?

Джонас задумался.

– Наверное, никогда. С тех пор, как в нашей жизни появилась вся эта техника. Даже когда мы едем на отдых, я, можно сказать, и не покидаю свой кабинет. Просто продолжаю работать.

– Вот об этом я и говорю. У меня бывали пациенты с такими же симптомами. Ваш случай далеко не единственный в своем роде. Технический прогресс дает нам немало удобств, но при этом не осталось мест, где мы могли бы от всего отвлечься, сосредоточиться на себе и текущем моменте. Мы до позднего вечера то и дело проверяем почту, и с утра все начинается по кругу. Мы перестали прислушиваться к себе и не можем хотя бы ненадолго остаться наедине с собой.

Джонас уже догадывался, к чему клонит доктор.

– Вы советуете взять паузу? Отправиться куда-нибудь, где меня никто не достанет?

– Некоторые из пациентов, когда попробовали, были в восторге от результатов. Они как будто заново родились. Вновь нашли себя, смогли отделить важное от второстепенного. Поняли, какие проблемы стоят их внимания, а какие – нет. Они сумели обрести покой.

– И надолго этого хватает?

– Необходимо время от времени повторять. Но потом это происходит само по себе. Важен первый шаг.

Джонас с трудом представлял себе такое.

– Я с ума сойду, если окажусь где-нибудь в глуши и без связи!

– В первые дни – возможно. Но потом приходит умиротворение. Вы сами в этом убедитесь.

– То есть лучше всего снять где-нибудь дом. Где-то посреди

необитаемого захолустья. Без телефона и всего прочего. Это вы имеете в виду?

– Некоторые отправляются в монастырь, – предложил доктор Бент.

Джонас покачал головой.

– Это явно не для меня. Вот если уединенный остров или что-то в таком духе... А можно взять семью?

– Конечно, лучше всего без семьи. Но для начала лучше попробовать так, чем вообще не пробовать. А уж во второй раз, возможно, вы добровольно решитесь на полное уединение.

Джонас поднялся и взял рецепт, выписанный доктором Бентом.

– Спасибо, доктор. Капли я в любом случае буду принимать. Насчет остального... мне нужно подумать. Я вам охотно верю, но пока не представляю, смогу ли последовать вашей рекомендации.

– Просто время от времени возвращайтесь к этой мысли, – посоветовал доктор Бент. – И вскоре сами убедитесь, какой заманчивой она вам покажется.

«Вот уж вряд ли», – подумал Джонас. Он взглянул на часы и пришел в ужас.

– Уже опаздываю!.. Мне пора, доктор Бент. Важная встреча.

– Всего хорошего.

* * *

Ясно было одно: Хамза Халид тоже пребывал в постоянном ожидании беды, и ему точно не помешало бы придумать какой-то способ совладать с ситуацией. Его темно-карие глаза безостановочно бегали, и он словно был не в состоянии хотя бы на полминуты сосредоточить взгляд на собеседнике. Всякий раз вздрагивал, если где-то раздавался громкий голос, а когда официантка уронила чашку, вдруг беспомощно задрожал. Это был щуплый, тощий мужчина пятидесяти лет. Черные волосы тронуты сединой на лбу и висках. Он словно ждал, что в любую секунду на него обрушится страшная беда.

Как если бы они по-прежнему преследовали его. Подручные ныне покойного Саддама Хусейна.

Джонас уже знал историю Хамзы, которая должна была лечь в основу документального фильма. Ему предложили написать сценарий, и он согласился без раздумий, хотя прежде ничем подобным не занимался. В его компетенции были детективы для телевидения – он мог продумать сюжет

сам или адаптировать какой-то роман. Историй с политическим подтекстом в его карьере еще не было. Кроме того, Джонас ни разу не брался за картину, которая хотя бы отчасти имела документальный характер. Но ему предложили хороший гонорар, и это стало решающим фактором.

Хотя он понимал, что в нынешних обстоятельствах подобных вызовов принимать не стоило.

Он знал историю Хамзы. Киностудия предоставила ему общие материалы. В сентябре девяносто восьмого года Хамза Халид был схвачен у себя дома и доставлен в тюрьму. Долгое время он не знал, в чем его обвиняли, но постепенно у него сложилось впечатление, что это как-то связано с его другом, который, по всей видимости, имел неосторожность публично покритиковать режим. Этот человек тоже находился в тюрьме. Каждый, кто состоял с ним в близком контакте, попал в поле зрения спецслужб. Хамза подвергался пыткам, и полученные увечья обернулись в дальнейшем подорванным здоровьем. Потом к нему внезапно потеряли интерес и отпустили. Хамза никогда уже не смог стать прежним: он страдал от панических атак, анорексии и тяжелой депрессии. Не смог вернуться к нормальной жизни, какую вел прежде. Он был вынужден часто обращаться к врачам, брал отпуск по болезни, не появлялся на работе. Хамза так и не узнал, сказалось ли данное обстоятельство в том плане, что на него снова пало подозрение, но однажды он получил сигнал, что его снова намерены арестовать. Мужчина сбежал из квартиры через окно, буквально в последнюю минуту, когда люди из тайной полиции уже стояли перед дверьми. Он искал убежища у друзей, но никто не мог приютить его надолго: каждый опасался за собственную жизнь. Случай, который произошел в тот период, и сейчас то и дело оживал у него в памяти. При встрече Хамза первым делом поведал о нем, хотя Джонас, конечно, уже знал обо всех событиях.

– Меня в который раз перевозили из одного убежища в другое. В машине знакомого. Я прятался сзади, в ногах пассажирского сиденья, накрытый одеялом. Мы остановились на светофоре. С виду все было нормально. Под одеялом темно и слишком жарко, душно; все звуки слышатся приглушенно и доносятся как будто издали...

– Но внезапно вы почувствовали опасность... – осторожно уточнил Джонас. Он внимательно изучил материалы.

– Да. Я почувствовал опасность. *Почувствовал*. До сих пор не могу объяснить, что предостерегло меня тогда. Внезапно пришло осознание: они здесь. Они рядом. Я задрожал, не мог вдохнуть...

Хамза запнулся. Его глаза стали еще темнее, лицо побледнело. На лбу

выступил пот.

– Это подсознание. Со времен первого ареста ваше восприятие заметно обострилось, – пояснил Джонас. – Дикие животные обладают этим инстинктом. Они чуют опасность задолго до того, как что-то увидят или услышат. В тот момент ваши инстинкты сработали превосходно, мистер Халид.

Хамза сбросил одеяло, распахнул дверцу и выскочил из машины. По счастью, они стояли у перекрестка, который примыкал к небольшому заросшему парку. Хамза скрылся в кустарнике. Как выяснилось позднее, машина тайной полиции стояла через два автомобиля позади них. Захват должен был произойти через минуту-другую. И снова Хамза спасся в последний момент.

Позднее контрабандисты переправили его в Пакистан. При этом ему пришлось пройти немало испытаний, и один раз он едва не угодил в руки иракских шпионов. В конце концов оказался в Британии, где запросил убежище и получил одобрение. Его история захватывала дух, и вскоре кто-то свел его со знакомым журналистом. О нем написали в газете. И вот беглецом заинтересовались в киностудии. У Джонаса складывалось впечатление, что Хамза прямо-таки сгорал от нетерпения. Ему дали возможность рассказать всё. К нему прислушивались. На него обратили внимание. И главное – обратили внимание на *беззаконие*, которое учинили над ним.

Хамза был глубоко травмированным человеком, которого лишили нормальной жизни. Он *выжил*, но пока так и не смог вернуться к достойному существованию. Он по-прежнему жил теми событиями и не понимал, почему истории, подобные этой, не вызывали криков негодования по всему миру. Теперь Хамза хотел наконец-то услышать этот крик. И тогда все обернется к лучшему, он сможет перевернуть эту страницу и посмотреть в будущее.

Джонас сомневался, что надежды Хамзы оправдаются, но пока не хотел это обсуждать. Фильм не получит отклика, которого так ждал беженец. С тех пор в его стране произошло столько всего... Саддама Хусейна давно нет в живых, и в регионе борются с иными проблемами. Для общественности история Хамзы была вчерашней новостью. Без сомнения, она заслуживала внимания и нашла бы своего зрителя, но за ней не последует оживленных дискуссий, и газеты не поместят ее на первые полосы. Хамза мечтал выступать на ток-шоу, читать лекции и давать интервью. Он надеялся, что обретет исцеление, когда люди разделят с ним его ужасы.

– Вы ведь точно напишете сценарий? – спрашивал он то и дело. – Фильм обязательно снимут?

– Насколько можно судить, все идет по намеченному плану, – отвечал Джонас. – Не беспокойтесь.

Хамза постоянно оглядывался, внимательно смотрел на других посетителей в кафе, впивался взглядом в прохожих за окнами.

– Этот самый инстинкт, знаете ли, – говорил он, – который спас мне жизнь тогда, в Багдаде... Не могу его теперь приглушить. Он всюду со мной, постоянно на взводе.

– Понимаю, – Джонас вежливо кивнул.

Однако то, что Хамза называл *инстинктом*, давно таковым не являлось. Он видел врагов там, где их быть не могло. Он страдал тяжелыми нервными расстройствами, или даже психозами. И постоянно бежал от ищеек давно умершего диктатора. Когда Хамза поднес чашку ко рту, его руки так дрожали, что кофе пролился ему на брюки. Едва он поставил чашку на блюдце, как снова затравленно огляделся.

Джонасу вспомнились слова доктора Бента, и он вдруг понял, что, в сущности, между ним и Хамзой куда больше общего, чем могло бы показаться. И он, и Хамза пребывали во власти тревог, для которых в действительности не было никаких оснований. Хамза – и Саддам Хусейн. Джонас – и профессиональный и социальный крах. Две совершенно разные истории, два внешне совершенно разных человека...

И все же оба жили с бомбой замедленного действия внутри, и часовой механизм отсчитывал минуты только для них.

– Что теперь? – спросил Хамза.

– Я напишу черновой вариант, – пояснил Джонас. – Разбитый по сценам и главам. Мне уже предоставили подробную запись вашей истории. Как только черновик будет готов, вы сразу сможете с ним ознакомиться. Затем нам нужно будет снова встретиться, чтобы еще раз все обговорить, и после я смогу взяться за окончательный вариант.

– А долго ждать? Я имею в виду, когда будет готов черновой вариант?

Джонас сдержал вздох. Работа обещала быть непростой.

– Это займет какое-то время. Пока еще не решено, будет ли это в большей степени документальный фильм или художественный, и каково точное жанровое соотношение. На следующей неделе у меня встреча с продюсером, где мы подробно обсудим этот вопрос.

Хамза кивнул, но выглядел при этом несчастным. Помимо того, что он жил в постоянном страхе перед мнимой опасностью, очевидно, ему было свойственно предвидеть худшее и с недоверием воспринимать любые

слова.

– Это будет не проходной фильм, – сказал Джонас, – а полноценная история, и спешка тут ни к чему.

– Но мы же будем на связи? – удостоверился Хамза.

Наверное, мысль о том, чтобы месяцами торчать в своей мансардной комнатке и томиться в неведении, была для него невыносима. Джонас мог его понять.

– Само собой. Ничего не произойдет без вашего ведома. Вы же центральная фигура происходящего!

Это была невинная ложь. Никто в киностудии не воспринимал Хамзу Халида как центральную или хотя бы *важную* фигуру. Он продал им права на экранизацию своей истории – и потерял для них всякое значение. Более того, было бы лучше, если б он вообще держался подальше. Так же обстояло с авторами, чьи книги брались экранизировать киностудии: они жаловались на малейшие изменения, вечно пытались что-то изменить и действовали всем на нервы. Хотелось, чтобы они просто уgomонились и никуда не лезли. Но, как правило, их не так-то просто было утихомирить или даже припугнуть. Однако в случае с этим напуганным, живущим на грани нервного срыва беженцем все обстояло иначе. До него вообще никому не будет дела. Джонас подозревал, что он, вероятно, был единственным, кто из жалости по-прежнему с ним считался. Он же предвидел, что Хамза прицепится к нему клещом. И если все это выльется в горькое разочарование, Джонас станет свидетелем настоящей драмы.

Он отмахнулся от этой мысли. Еще рано судить, все слишком неопределенно. Пока бессмысленно раздумывать над возможным развитием событий.

Слова о *центральной фигуре* несколько приободрили Хамзу, в глазах появилась слабая надежда. Он допил кофе, снова торопливо огляделся и произнес:

– Я рад, что мы увиделись.

– Да, я тоже, – ответил Джонас.

Он подозвал официантку, расплатился за себя и за Хамзу и пообещал, вставая из-за стола:

– Я с вами свяжусь.

Хамза тоже поднялся. Джонас заметил, что он может стоять только ссутулившись. Ему невольно подумалось о перенесенных иракцем пытках. Тот мир был так далек от его собственного, невообразимый и непонятный... На мгновение ему стало совестно.

На улице они распрощались. День стоял пасмурный, но в воздухе

чувствовалось тепло. Джонас посмотрел вслед медленно ковыляющему Хамзе.

И направился к своей машине.

Еще две встречи. А после можно ехать домой и, собственно, приняться за работу: писать сценарий.

Стелла и Сэмми вошли в дом. Сэмми без удержу болтал в машине; не умолкал он и теперь, взгромоздившись на свой высокий стульчик перед кухонной стойкой. Стелла забрала его из детской группы – сегодня утром кого-то из ребят поздравляли с днем рождения. Это лишний раз напомнило Сэмми о собственном дне рождения – если об этом вообще требовалось напоминать. В пятницу намечалась грандиозная вечеринка, и он с нетерпением ждал этого дня. Уже в сотый раз перечислял, что ему хотелось получить в подарок, и выдумывал самые невероятные игры к вечеринке. Приятно было видеть его таким, полным предвкушения, энергичным и богатым на выдумки. Сэмми мог бы поесть и в детской группе, но Стелла часто забирала его, особенно в те дни, когда Джонаса не было дома. Какой смысл сидеть одной и без всякой охоты возить ложкой по йогурту? Уж лучше пообедать с сыном, порадоваться, глядя на него. На сегодня была картошка фри с куриными наггетсами, его излюбленная еда. Выкладывая на противень замороженный картофель, Стелла вполуха слушала болтовню Сэмми. Но мысли ее были заняты будущим. Она не работала с тех пор, как появился в их жизни Сэмми, но в сентябре он пойдет в школу, и это будет подходящий момент, чтобы вновь наладить собственную жизнь. Ей не хотелось вечно сидеть дома, однако она понимала, что возвращение в профессию будет непростым. Стелла была продюсером в киностудии. Она уже истосковалась по работе, но не строила иллюзий по поводу карьеры и семейной жизни. Не всегда удавалось гармонично их сочетать. Работа на неполный день превосходно выглядела на бумаге, но на практике выходило не так гладко. С другой стороны, Джонас подолгу работал дома. Если все тщательно планировать и всякий раз заблаговременно договариваться...

– И шарики, – не умолкал между тем Сэмми. – Мама! Ты слушаешь? Развесим воздушные шары по всему дому, да?

– Само собой, развесим. И в саду, если погода будет хорошая.

Картошка уже была в духовке. Едва Стелла включила термостат, как зазвонил телефон.

Позднее она то и дело вспоминала эту сцену. Этот звонок, который поначалу звучал вполне привычно, но впоследствии обрел резкое, неприятное звучание. Звонок, врезавшийся в эту мирную бытовую сцену: светлая и уютная кухня, цветы у окна, картошка в разогретой духовке, болтающий Сэмми на своем стульчике... Машина медленно катит через

квартал, первые солнечные лучи пробиваются сквозь облака, густым ковром застилавшие небо...

Стелла неспешно прошла в гостиную, где стоял телефон. Наверное, это Джонас. Он всегда звонил, если куда-то уезжал, но сегодня они еще не созванивались. Прием у доктора Бента уже давно должен был закончиться. Ей не терпелось узнать, как все прошло.

Сэмми продолжал невозмутимо болтать на кухне:

– И банановые печенья с шоколадной глазурью, и...

Стелла взяла трубку:

– Алло?

На мгновение в трубке повисло молчание. Затем послышался женский голос, молодой и немного смущенный, что компенсировалось бойким, нарочито веселым тоном:

– Алло, Стелла? Это Терри. Терри Малиан. Вы меня помните?

* * *

Еще бы она не помнила.

Биологическая мать Сэмми. С которой Стелла надеялась никогда больше не увидиться.

Она сидела на кухне, напротив Сэмми, но словно и не видела сына, который устраивал у себя на тарелке настоящую вакханалию из кетчупа. Каким-то образом ей удалось приготовить обед и накрыть стол, но все это время она пребывала в прострации. И пыталась понять, откуда взялось это дурное предчувствие.

Терри Малиан...

– Второго мая Сэмми ведь исполняется пять лет, – сказала она этим странным, неестественно бодрым голосом. – Вот я и подумала, что это отличный повод его повидать!

Почти пять лет ей не было никакого дела до Сэмми. Терри не звонила и не писала. Ни в дни рождения, ни в Рождество. Когда Сэмми исполнился год, Стелла отправила ей фотографии, но так и не получила отклика. В конце концов она выбросила ее из головы.

И ощутила при этом облегчение.

– В эти выходные мы как раз будем в Лондоне...

Как раз? И что значило это мы?

– С моим другом. Он будет там по работе.

Она говорила об отце Сэмми? Стелла ни разу его не видела – когда

шли переговоры об усыновлении, он уже сошел со сцены. Школьник семнадцати лет, насколько ей было известно, напуганный и потрясенный последствиями первого сексуального опыта. Это случилось в летнем лагере на валлийском побережье, в палатке с шестнадцатилетней школьницей – и бедолага сорвал джек-пот в виде ребенка, который появился на свет спустя девять месяцев.

Стелла хорошо помнила тот день, в апреле две тысячи девятого, когда ей позвонили из департамента опеки.

– У нас есть ребенок для вас. Он родится в начале мая. Родители твердо намерены сразу передать его в органы опеки. Они, можно сказать, сами еще дети, учатся в школе и совершенно не готовы к такой ситуации.

Изначально предполагалось, что усыновление будет анонимным – на что-то иное Стелла и Джонас не соглашались. Биологические родители не должны были знать приемных, и наоборот. Если в будущем ребенок изъявил бы желание познакомиться с настоящими родителями, ему, конечно, предоставили бы доступ к документации. Но до тех пор любой контакт был исключен. Стелла и Джонас не собирались скрывать от сына тот факт, что он приемный, но им не хотелось, чтобы их постоянно навещали, навязывали общение и вмешивались в их жизнь. Не хотелось, чтобы ребенок разрывался между разными родителями.

– Нет, это не отец Сэмми, – сказала Терри. – Про него я больше не слышала. Вот уже полгода, как мы сошлись с моим новым другом, Нилом Кортни. Мы, наверное, поженимся.

– Мам, ты меня слушаешь? – спросил Сэмми, глядя на нее через стол. Он весь перемазался в кетчупе и выглядел так, словно упал в ведро с краской.

Стелла постаралась улыбнуться.

– Конечно, слушаю.

Нил Кортни. Новый друг Терри. Наверное, она хотела показать ему ребенка, которого родила и к которому в течение пяти лет не проявляла никакого интереса. Или этот человек стал движущей силой в ее жизни? Но какому мужчине захочется видеть ребенка своего предшественника? Ребенка, который не играл никакой роли в жизни матери?

Стелла не могла дождаться возвращения Джонаса. Ей необходимо было с кем-нибудь поговорить. С кем-то, кто смог бы успокоить ее. Кто развеял бы тревоги, которые Стелла не могла даже толком выразить.

С самого начала процедура усыновления пошла совсем не по плану. Второго мая родился долгожданный ребенок, и его сразу передали приемным родителям. Незадолго до истечения испытательного срока, во

время которого биологическая мать могла обдумать свое роковое решение и повернуть все вспять, случилось худшее. Представители опеки вновь связались со Стеллой и Джонасом и сообщили, что Сэмми, к их сожалению, не сможет остаться с ними.

– Биологическая мать решила оставить ребенка. Она не может вынести разлуку и хочет во что бы то ни стало вернуть его.

Мир рушился на глазах у Стеллы.

– Но так нельзя! Он у нас уже почти пять недель. Мы полюбили его. Это наш ребенок. Она не может забрать его у нас!

Женщине из департамента опеки этот разговор явно давался непросто.

– Мне очень жаль, миссис Крейн. Мне искренне хотелось бы избавить вас от этой боли, но в правовом отношении у меня связаны руки. Я должна действовать согласно предписаниям, мне не остается ничего другого.

– Но этой девочке всего шестнадцать лет!

– Да. Она очень молода, и сама ситуация крайне непростая. И все же...

Сэмми забрали. До конца своих дней Стелла не сможет забыть этот миг. У нее словно вырвали кусок из сердца. И несмотря на то что произошло после, эта рана навсегда останется в ее душе.

Следующие три недели Стелла постоянно посещала доктора Бенга и глотала успокоительные, а Джонас не выходил из дома, опасаясь, что жена что-нибудь сделает с собой. Но на исходе третьей недели им снова позвонили из департамента. Что-то пошло не так. Мать Сэмми чувствовала, что не справляется, и уже сомневалась, разумно ли поступила, решив оставить ребенка. Она терзалась мыслью, что губит свою жизнь и лишает себя всяких шансов на будущее, но вместе с тем при мысли отдать ребенка ее мучили угрызения совести.

– Она хотела бы встретиться с вами, миссис Крейн. Понимаю, это противоречит соглашению, но...

– Да?

– Думаю, есть большая вероятность, что она согласится передать ребенка, если познакомится с будущими родителями и убедится, что у них Сэмми действительно будет хорошо. В общем-то, она понимает, что не сможет обеспечить ему достойное существование. Все что ей нужно, это ощущение уверенности, правильности своего решения, и знакомство с вами наверняка даст ей такую уверенность.

– Но это нарушит условия анонимности.

– Да. И я пойму, если вас это не устроит. Я предлагаю такой вариант лишь потому, что мы прежде всего должны думать о благополучии ребенка, и...

Женщина замолчала, не желая наговорить лишнего. Но Стелла и сама догадывалась, о чем та хотела сказать.

– По-вашему, Сэмми было бы лучше у нас.

– Однозначно.

После этих слов Стелла отбросила все сомнения. Она решила, что познакомится с матерью Сэмми.

Джонас смотрел на это иначе. И был категорически против.

– Это превратится в вечную перепасовку. Девчонка сама не знает, чего хочет. Сегодня так, завтра эдак... Что нам делать, если однажды она объявится у нашего порога, потому что в ней вдруг пробудились материнские чувства?

– После испытательного срока усыновление получит силу. Она уже ничего не сможет сделать.

– В юридическом смысле. Но она может нас терроризировать. Постоянно звонить, попадаться на глаза. Захочет видеть его. Попытается шантажировать тебя слезами. Мы же всё это уже обсуждали, Стелла. Мы не просто так предпочли *анонимное* усыновление.

– Да. Но теперь ситуация изменилась. Мы должны изменить свою позицию, у нас нет другого выхода.

– Есть. Мы можем дождаться другого ребенка.

– Мы почти целый год ждали Сэмми!

– Значит, подождем еще один год. Это не так уж и долго. Может, все получится даже быстрее.

Стелла была твердо намерена не плакать, но в глазах у нее уже стояли слезы.

– Я не могу больше ждать, Джонас. Мы шесть лет пытаемся завести ребенка, и нас преследуют одни разочарования. Это какая-то война на истощение. И я больше не вынесу, у меня просто нет сил. К тому же я полюбила Сэмми. Он был здесь, я держала его на руках. Я не могу просто сказать: «Ладно, возьмем другого ребенка». Так не получится. Я не смогу.

Джонас уступил. Он почувствовал, в каком она отчаянии. Понял, как она вымотана. И сам он был измотан, не в силах больше выносить споров по этому поводу.

Все обернулось как нельзя лучше, так что даже Джонас перестал сомневаться. Они познакомились с биологической матерью, шестнадцатилетней Терезой Малиан из Труро, графство Корнуолл.

– Пожалуйста, зовите меня Терри. Могу я звать вас просто Стеллой?

Стелла была согласна на любые уступки. Речь шла только о Сэмми. Она пригласила Терри в Кингстон, к себе домой, показала комнату Сэмми,

его игрушки и одежду. Терри расплакалась.

– Ему будет хорошо с вами, я это вижу. Вы хорошие люди.

От Стеллы не укрылось облегчение девушки. Нежелательная беременность повергла жизнь Терри в полнейший хаос. В сущности, она с самого начала не видела иного выхода, кроме как отдать ребенка в другую семью и вновь обрести свободу. Теперь, убедившись, что Сэмми окажется в хороших руках – *лучших, Стелла, честно, лучше просто быть не может!* – Терри выказала непоколебимость, и ее решение было окончательным: не давать заднего хода до конца испытательного срока.

Усыновление маленького Сэмюела Малиана вступило в юридическую силу. Теперь это был Сэмюел Крейн, ребенок Стеллы и Джонаса.

И до этого самого дня они ничего не слышали о Терри. Почти забыли о ее существовании...

– Мамочка, ты вообще меня не слушаешь! – возмутился Сэмми.

Стелла уже и не пыталась делать вид, что слушает.

– Мне нужно срочно позвонить папе. Я ненадолго, солнышко. И будем дальше обдумывать твою вечеринку.

С другой твоей мамой и ее новым другом в качестве почетных гостей.

Стелла прошла в гостиную. Сердце гулко колотилось в груди. Кто-то должен был сказать ей, что она волнуется понапрасну.

Джонас ответил практически сразу, как если бы уже держал телефон в руке.

– Я вот тоже собирался тебе позвонить. Как раз говорил кое с кем из киностудии. Что ты думаешь насчет отпуска, на пару недель в конце мая – начале июня? Среди болот Йоркшира? В полном уединении, и в этот раз я не стану брать с собой работу. Ни ноутбука, ни телефона, ничего. Этот человек из киностудии, тоже сценарист, сдаст нам свой дом. Тот словно создан для таких перезагрузок. Что скажешь? Доктор Бент сказал, что мне...

Стелле было не интересно, что сказал доктор Бент, а болота Йоркшира интересовали ее и того меньше. Она прервала его словесный поток.

– Джонас, она звонила. Десять минут назад. Терри Малиан. Она хочет навестить Сэмми в день рождения.

Несколько секунд Джонас хранил молчание. Казалось, ему действительно потребовалось время, чтобы вспомнить, о ком говорила Стелла. Хотя возможно, он не мог так сразу перенестись из своих болот обратно в будничные мир.

– Так, – промолвил он наконец, – ладно.

– Ничего не ладно, Джонас. Я опасюсь, что она... Ну что это вообще

значит? Что ей нужно?

Джонас не дал ей договорить.

– Не волнуйся, Стелла. Уверен, она только этого и хочет: просто навестить, и ничего больше. Пять лет ей не было до этого дела, а тут вдруг осенило. Ничто не связывает ее с Сэмми, и вряд ли это изменится за единственный вечер. Готов поспорить, после мы еще как минимум лет пять о ней не услышим.

– У нее новый друг. Она приедет с ним. Джонас... откуда у меня такое скверное предчувствие?

– Потому что ты видишь в ней соперницу, – ответил Джонас. – И от этого тебе не по себе. Все будет хорошо, Стелла. Поверь мне.

И только позднее, по прошествии многих недель, он признался, что ему тоже стало тогда не по себе. И появилось дурное предчувствие, которое он, однако, тотчас подавил.

Суббота, 3 мая

Старший инспектор Калев Хейл стоял в зале прилета аэропорта Лидс-Брэдфорд и всматривался в поток прибывших пассажиров, текущий через автоматические двери терминала. Самолет «Британских авиалиний» совершил посадку двадцать минут назад, и Кейт уже должна была бы появиться. Впрочем, она наверняка еще ждет свой чемодан... Кейт сказала по телефону, что останется на какое-то время, так что вряд ли ограничилась только ручной кладью.

Калев надеялся, что распознает Кейт Линвилл. Они уже виделись как-то раз, несколько лет назад, но в памяти сохранилось лишь общее впечатление, что вряд ли можно было найти человека более невзрачного. Типичная серая мышь, маленькая, худая и робкая. Оставалось только уповать на то, что память всколыхнется в тот момент, когда он приметит ее в толпе.

Калев уже жалел о своем спонтанном предложении встретить ее в аэропорту и отвезти в Скалби. Но, разумеется, менять что-либо уже поздно. И, наверное, это было наименьшим, что он мог сделать для дочери своего бывшего коллеги, жестоко убитого в феврале. Возможно, даже *должен* был сделать.

С другой стороны, именно это его и тревожило. До какой степени эта женщина травмирована? Она была ему коллегой – детектив-сержант из Скотланд-Ярда – и в некотором смысле имела опыт с преступлениями насильственного характера. Но все обстояло иначе, когда нечто подобное затрагивало близкого человека. Насколько знал Калев, у нее никого больше не оставалось, кроме отца. Кейт не состояла в браке – во всяком случае, так было в их последнюю встречу – и вообще создавала впечатление одинокого человека.

Калев собирался доставить ее домой – в дом, где она выросла. Где пытали и убили ее отца.

Старший инспектор опасался, что Кейт расклеится, впадет в истерику, – и он не сообразит, как поступить. Не то чтобы подобные ситуации были для него чем-то новым. Ему не раз приходилось сообщать ужасные новости родственникам жертв. Но теперь все было иначе. Сейчас речь шла о дочери прежнего коллеги. И Калев, как ни сопротивлялся, в душе чувствовал личное участие, и от этого живот у него сводило судорогой.

Он узнал ее сразу, как только Кейт показалась в дверях. Она несла в одной руке сумку и катила за собой чемодан. Тусклые волосы были собраны в хвост, отчего ее бледное лицо казалось даже более истощенным, чем прежде. Впрочем, не исключено, что Кейт просто потеряла в весе, что не очень-то удивляло. Кaleb содрогнулся от одной мысли, что мог потерять кого-то из близких столь чудовищным образом, каким она потеряла отца.

Старший инспектор двинулся в ее сторону.

– Мисс Линвилл? – Он помедлил в замешательстве. Все-таки они были едва знакомы. – Сержант?

Она протянула ему руку.

– Кейт.

При этом не улыбнулась. Вообще ее можно было отнести к тому типу людей, которые просто не умеют улыбаться.

– Кaleb, – ответил он, пожал ей руку, после чего взял у нее сумку и чемодан. – Пойдемте, я оставил машину тут неподалеку. Хорошо долетели?

– Да, вполне, – ответила Кейт.

Кaleb задумался, всегда ли у нее было такое каменное лицо, но не мог вспомнить. Она приезжала в Йоркшир в феврале, сразу после убийства отца, но старшего инспектора при этом не было. Он только в марте выписался из клиники – по официальным данным, проходил длительный курс реабилитации после шунтирования. Так было условлено с руководством. Только ближайшие коллеги знали, что никакой операции ему не делали. В декабре после очередного тяжелого срыва врач ясно дал ему понять: или он напроочь завяжет с алкоголем, или жить ему останется всего ничего. Впервые Кaleb осознал, насколько все серьезно. Он понял, что стоит на краю обрыва, и если не отступит, то полетит в пропасть. Ему повезло, что врач был с ним предельно откровенен, и руководство дало ему второй шанс. Кaleb понимал, что причиной тому послужило число успешно завершённых расследований. Он был одним из лучших, и потому его пытались удержать в строю. Под действием алкоголя Кaleb творил невероятное. Будет ли он так же хорош без спиртного, оставалось под вопросом.

По возвращении на службу ему поручили дело Ричарда Линвилла. Примерно раз в неделю Кaleb созванивался с Кейт – и уже по этим разговорам чувствовал, с каким предубеждением воспринимает его эта женщина. Она была явно не в восторге от того, что расследование доверили человеку, который всего пару недель как вернулся в строй. Кaleb заверял ее, что двое лучших его сотрудников, детектив-констебль Джейн Скейпин и детектив-сержант Роберт Стюарт, с которым Кейт познакомилась вскоре

после убийства, проделали отличную работу и предоставили ему все необходимые материалы. Он мог включиться в расследование, как если бы вел его с первого дня.

Кейт смотрела на это иначе. И, вероятно, ей не внушало доверия его общее состояние. Конечно, девушке не хотелось, чтобы убийством ее отца занимался человек, который – по ее сведениям – совсем недавно выписался из больницы после сложной операции и которому врачи наверняка рекомендовали беречь себя и по возможности избегать стресса.

Впрочем, истина смутила бы Кейт еще сильнее...

Калеб сложил сумки в багажник. Они сели в машину, и он запустил мотор. Медленно выруливая с парковки, спросил:

– Надолго вы приехали?

– У меня очередной отпуск, и в дополнение я взяла неоплачиваемый. Пробуду, наверное, шесть недель. Посмотрим. Может, и подольше.

– Шеф согласился отпустить вас на шесть недель?

Кейт кивнула.

– Он учел особые обстоятельства. Все равно я... после всего, что случилось... ну, немного не в себе. Думаю, коллеги только рады, что я на какое-то время исчезла.

– Вы уже решили, как быть с домом? Он ведь теперь принадлежит вам.

– Пока не знаю. Собственно, поэтому я и взяла паузу. Мне надо подумать, как теперь быть. Это все... просто кошмар какой-то.

Последние слова она произнесла очень тихо. Калеб бросил на нее взгляд. Кейт побледнела еще сильнее. Она действительно выглядела до ужаса жалкой и больной.

Калеб осторожно спросил:

– Вы уверены, что... ну, действительно хотите жить в этом доме? С ним связаны многие воспоминания, и потом это ведь место, где... все произошло.

– Но это мой дом. Конечно, я буду жить там.

Ему это казалось не вполне разумным, однако он ничего не сказал. Некоторое время оба хранили молчание. Они выехали из Лидса и повернули в сторону побережья.

– Есть что-то новое по делу? – спросила Кейт.

Этот вопрос она первым делом задавала при каждом телефонном разговоре. Единственное, что ей хотелось знать: кто преступник? Или их было несколько? Для чего кому-то понадобилось совершать такое? Почему Ричарду Линвиллу пришлось умереть таким чудовищным образом? Разыскать виновных и отправить их за решетку – только это стремление и

поддерживало в ней жизнь. Помогало не впасть в депрессию. И хотя бы на какое-то время сохраняло ее душевное состояние. Кaleb не мог сообщить ей ничего принципиально нового, и все же у них появился кое-какой ориентир.

– Но мы пока не знаем, действительно ли это имеет отношение к делу, – поспешил предупредить он.

– И что же это?

– Тогда констебль Скейпин сразу же инициировала опрос местных жителей, однако это не дало результатов. Но у нас появилась еще одна свидетельница – подруга одного из жителей, которая за несколько дней до убийства была в Чёрч-Клоуз. Она утверждает, что видела темно-зеленый «Пежо» вечером девятнадцатого февраля, и машина показалась ей подозрительной.

– Подозрительной? В каком смысле?

– Машина несколько раз проехала через квартал. Мы проверили: никто из местных жителей не водит «Пежо» или похожую машину темно-зеленого цвета – если вдруг свидетельница неверно определила марку. У нее возникло впечатление, будто кто-то искал нужный адрес, и поначалу она не увидела в этом ничего необычного. Станным ей показалось, когда машина в третий раз свернула к Чёрч-Клоуз, проехала до самого разворота и обратно. Она еще подумала, что водитель должен был бы определить, по нужной улице он едет или нет. Впрочем, это не показалось ей настолько странным, чтобы кому-то рассказывать.

– И что изменилось? Почему она объявилась *только* теперь?

– Все оказалось не так просто. Эта женщина замужем, и у нее связь с неженатым мужчиной в Чёрч-Клоуз. Она не хотела привлекать внимание, боялась, что всем станет известно об этой ее интрижке. В конце концов ее заела совесть, и потому она со своим дружкой обратилась к нам. Само собой, слишком поздно.

– Вы разговаривали со свидетельницей?

Кaleb кивнул.

– Да. Однако не узнал ничего сверх того, что рассказал вам. Она абсолютно уверена в том, что видела. Но, к сожалению, не запомнила даже части номера.

Кейт стиснула кулаки.

– Поздно. Слишком поздно! Если б эту женщину удалось допросить сразу, в тот же день, возможно, в памяти что-нибудь и всплыло бы, а так...

– Кейт! Вашего отца обнаружили только двадцать третьего. А до этого... так или иначе, расследование еще не началось.

Кейт, промолчав, отвернулась и стала смотреть в окно. Кaleb догадывался, что она раздумывает о тех ужасных мгновениях двухмесячной давности. Это произошло в воскресенье, двадцать третьего февраля. В полдень соседка Ричарда Линвилла заметила, что бутылка с молоком, оставленная утром перед его дверью, до сих пор стоит там. Когда Линвилл куда-то уезжал, то всегда предупреждал ее и оставлял ключи, чтобы она могла полить цветы в доме. У нее был номер Кейт в Лондоне, на случай если что-нибудь случится, и она позвонила ей. Позднее соседка рассказывала констеблю, что Кейт не на шутку встревожилась и попросила постучать в двери или заглянуть в окна – может, та смогла бы увидеть Ричарда. К тому времени Кейт уже начала волноваться, потому что отец, против своего обыкновения, не позвонил ей в ни субботу, ни утром в воскресенье. Она сама звонила ему несколько раз, но слышала лишь автоответчик.

Соседка позвонила в дверной звонок, постучала по двери, но ответа так и не дождалась. Тогда она прошла в сад и обогнула дом. Еще прежде, чем увидеть взломанную дверь столовой, женщина заглянула в окно, и взору ее открылось жуткое зрелище: посреди кухни стоял стул, а на нем сидел, очевидно, связанный человек. Обмякшее туловище наклонилось вперед, поэтому соседка не разглядела пакета на голове жертвы. Наконец она обратила внимание на выбитую дверь в трех шагах от себя, но к тому моменту способна была только кричать.

Позднее врач заключил, что Ричард Линвилл был жестоко избит и задушен.

– Эта свидетельница смогла дать описание водителя «Пежо»? – спросила Кейт. Она говорила деловито и сдержанно, но это давалось ей с явным трудом.

Кaleb и рад был бы дать ей надежду, но не мог перевирать факты.

– К сожалению, нет. Ей показалось, что за рулем был мужчина.

Кейт тихо простонала.

– Это ничего не даст.

– Нет, но мы и не знаем, имеет ли эта машина вообще какое-то отношение к убийству. Не стоит сокрушаться, если мы не продвинемся в этом направлении.

– Моего отца, вероятно, выслеживали. Нападение на него, скорее всего, было спланировано и тщательно подготовлено.

– Из этого мы и исходим. Что это не простое ограбление, при котором ваш отец пытался помешать преступникам. Слишком...

Кaleb осекся, но Кейт знала, что он хотел сказать.

– Слишком тяжелые увечья для ограбления, и слишком жестокое убийство. Преступником двигала ненависть. К тому же ничего не было украдено.

– Да. Что вы и подтвердили в беседе с моими коллегами. В доме ничего не украдено, и в бумажнике вашего отца обнаружилась достаточно крупная сумма наличными. По всей видимости, преступника – или преступников – это не интересовало.

– Но из этого следует единственный вывод, – сказала Кейт, уже не в первый раз. – Учитывая профессию моего отца, это может быть только акт мести. Разумеется, у него были враги. Преступники, уголовники. Необходимо проверить каждое дело, к которому он имел отношение, и...

– И мы усиленно занимаемся этим, – перебил ее Калев. – Поверьте, прошу вас, для нас это очень серьезно. Мы создали специальную комиссию, и для всех это дело крайне болезненно. Ричард был одним из нас. Мы хотим разобраться в этой истории, и мы это сделаем.

– Вы пробовали связаться с Норманом Доуриком?

Детектив-сержант Норман Доурик много лет был ближайшим сотрудником Ричарда Линвилла и, кроме того, его хорошим другом. Кейт помнила Нормана еще с юных лет: он со своей женой часто бывали у них дома. Ранение, которое обернулось поперечным параличом, десять лет назад положило конец карьере Доурика. Озлобленный на судьбу, он отдалился от всех – в том числе от бывших коллег и друзей. Даже от Ричарда. Отец часто говорил об этом с грустью и разочарованием. И все-таки они так долго проработали бок о бок – вполне возможно, что Доурик мог поведать им что-нибудь интересное... Но и тут Калев вынужден был разочаровать ее.

– Мой сотрудник был у него дома, но застал только мисс Доурик. Норман давно развелся с ней и перебрался в Ливерпуль, где ведет одинокую жизнь. На мой взгляд, не имеет смысла его беспокоить. И сомневаюсь, что он сможет рассказать нам что-то такое, чего мы не знаем. Все-таки они с Ричардом работали не сами по себе: все есть в документах.

– И что вам удалось раздобыть из этой документации?

Они доехали до Скалби. Калев свернул к парковке перед супермаркетом, расположенным у въезда в город, и остановился.

– Кейт, переведите дух для начала. Нет нужды обсуждать все в первый же час вашего пребывания здесь. Обустройтесь. Это будет непросто – войти в дом, и когда нахлынут воспоминания... Я не собираюсь ничего скрывать от вас или держать в неведении. Но ни к чему говорить разом обо всем.

Кейт смотрела на него с выражением отчаяния и полного смятения.

– У вас ничего нет. Вообще ничего. С момента убийства прошло больше двух месяцев, а у вас нет ни малейшей улики. Вы не продвинулись ни на шаг.

– Я бы так не сказал. Но вы же сами знаете, какая это порой кропотливая и изнуряющая работа.

– Время работает против нас.

– Нет, если преступление как-то связано с работой вашего отца. Мы выясним это, месяцем раньше или позже. Не беспокойтесь. У нас всё под контролем.

Кейт олицетворяла собой сомнение, но ничего больше не сказала. Калеб кивнул в сторону супермаркета.

– Вам не помешало бы что-нибудь купить. Не уверен, что вы найдете в доме что-то пригодное к употреблению. Констебль Скейпин тогда вычистила холодильник и выбросила все портящееся. Теперь там не осталось ничего съедобного.

– Спасибо. Я что-нибудь найду.

– Ничего не будете покупать? Завтра воскресенье, и...

– Нет, не хочу ничего покупать.

– Но вам нужно что-то есть.

– Что-нибудь найдется.

Спорить было бесполезно. Калеб снова завел мотор. Ему представилось, как она сидит в пустом, безмолвном доме, где когда-то жила с родителями. Как вслушивается в тиканье часов и жужжание мух, бьющихся в оконное стекло. Как стоит на кухне, глядя на стул, на котором умер ее отец, связанный по рукам и ногам. На ее месте Калеб закупился бы вкусной едой и... Да, прежний Калеб прихватил бы по меньшей мере две больших бутылки виски. В такой ситуации помочь могли только калории и алкоголь. Однако по внешнему виду Кейт было ясно, что она к подобным средствам не прибегала. По всей видимости, она уже давно толком не наедалась, и даже если бы как следует напивалась время от времени, вряд ли это ей помогло бы. Похоже, эта женщина и не верила, что ей вообще что-то могло помочь. Только поимка и наказание преступника. Но даже это, по мнению Калеба, ненадолго залечило бы душевные раны.

Он поехал в направлении Чёрч-Клоуз.

К дому убитого инспектора Ричарда Линвилла.

Они сидели за кофейным столиком в гостиной и судорожно пытались завязать и поддержать беседу. Вернее, пытались Стелла и Джонас. Гости не особенно старались привнести какое-то оживление в этот унылый и мучительно долгий вечер. Терри Малиан была занята в основном тем, что смотрела с обожанием на своего друга и, как показалось Стелле, с какой-то нервозностью пыталась отследить его настроение.

Нил Кортни. Новый друг.

Стелла редко встречала человека, который с первого взгляда был бы так неприятен ей. Который вызывал бы почти рефлекторное отторжение и крайнюю настороженность. Если б ей пришлось описать Нила Кортни несколькими словами, эти слова звучали бы так: заносчивый, высокомерный, совершенно холодный. Неспособный к эмпатии. Тип, которому она предпочла бы по возможности не протягивать руку.

Он был хорош собой, высок и широкоплеч. Волосы подстрижены на один миллиметр, в мочке уха поблескивает страз. Белая футболка, джинсы, джинсовая куртка. Человек этот, несомненно, пользовался успехом у женщин. Во всяком случае, Терри он определенно покорил.

Последняя сильно изменилась за пять лет. Или, как полагала Стелла, изменилась с тех пор, как сошлась с Нилом. В памяти сохранился образ юной, немного наивной девушки, еще практически ребенка, которая внезапно стала матерью и не могла разобраться в хаосе собственных чувств. Не сказать, что Стелла была в восторге от нее, но Терри показалась ей тогда довольно милой. Теперь впечатление было такое, будто ею манипулируют и она перестала быть собой. Это проявлялось даже во внешности: прежде Терри носила джинсы и свитера, была спортивная, с волосами, собранными в хвост, и в кроссовках. Не без косметики, но вполне сдержанно. Теперь же она делала ставку на яркость и сексуальность – и того, и другого был явный перебор. Слишком много косметики, волосы выкрашены в неестественный матово-черный цвет, ногти покрыты черным лаком. Мини-юбка едва прикрывала бедра. Чулки с узором. Высокие каблуки, отчего Терри становилась на голову выше. Вырез на груди, доходивший едва ли не до пупка.

И все это ради чашки кофе у приемных родителей своего ребенка?.. Просто не укладывается в привычные рамки. Более того, Терри, по всей видимости, и сама ощущала себя не вполне комфортно. Она не

производила впечатления молодой самоуверенной женщины, которая делала то, что доставляло ей удовольствие, не беспокоясь о том, что думают другие. Терри выглядела скорее растерянной и нервной, словно теряла себя в этом образе. Казалось, всю свою жизнь она посвятила одной-единственной цели и целиком отдавалась ее достижению: понравиться своему новому другу, Нилу Кортни.

Впрочем, Стелла допускала, что относилась к ней с предубеждением. К ним обоим. Потому что сама по себе ситуация казалась ей невыносимой.

Стелла пыталась отделаться от них, сославшись на то, что взрослые только мешали бы на детском празднике. Но Терри и Нил без раздумий решили перенести встречу на следующий день. И вот они сидели у них в гостиной и всем своим видом раздражали Стеллу. Для Сэмми они принесли набор кубиков. В два года он еще обрадовался бы такому подарку, но уж точно не в пять лет. Конечно, они не смогли бы предугадать, но ведь можно было посоветоваться с продавцом насчет подходящего подарка для мальчика в таком возрасте. Складывалось впечатление, будто они мимоходом взяли первое, что попало под руку, лишь бы не идти с пустыми руками. Когда эти двое вошли в дом и Сэмми выбежал в коридор, Терри повернулась к Нилу и с гордостью сообщила:

– Вот он! Мой сын!

Стелла с трудом сдержалась от едкого комментария. Сэмми выглядел растерянным, а Нил едва скользнул по нему взглядом, в котором Стелла прочла полное безразличие. Всюду были видны следы прошедшей вечеринки. На перилах лестницы и снаружи на кустах и деревьях болтались шары, постепенно сдуваясь. По углам валялись остатки серпантина и не убранные еще бумажные стаканчики. Стелла попросила прощения за беспорядок, но гости никак не отреагировали. Они не спрашивали, как прошел праздник, сколько ребят пришло, много ли у Сэмми друзей. Вообще не похоже было, что они горели желанием узнать о мальчишке, о его жизни, об окружении.

И Стелла не могла понять, должно это ее успокоить или, наоборот, взволновать.

С праздника осталась куча мороженого и печенья, и это избавило от необходимости возиться с угощением. Терри попросила чай, Нил предпочел кофе. Сэмми убежал в сад и играл там с соседским мальчиком, который перелез к нему через изгородь. Мирный субботний вечер.

Во всяком случае, внешне.

– Нил хотел непременно познакомиться с Сэмми, – сообщила Терри. – И с вами, конечно же. Все-таки вы в каком-то смысле часть моей жизни.

У Стеллы не возникало даже смутного ощущения, что они как-то поучаствовали в жизни Терри. И не возникало никакого желания что-то в этом менять. Она почувствовала на себе взгляд Нила. Тот как будто заметил, как ей неуютно, и это доставляло ему определенное удовольствие.

– Нам не следует перегружать этим Сэмми, – сказала она. – Естественно, мы не будем скрывать от него, что он приемный, но сейчас он этого просто не поймет. Он уверен, что мы – настоящие его родители.

– Тут нечего возразить, раз уж для вас очевидно, что рано или поздно придется выложить ему все начистоту, – отметил Нил.

За его словами повисло неловкое молчание. И Стелла, и Джонас видели в этом визите посягательство на свое пространство, но были твердо намерены продержаться до конца. Джонас то и дело предостерегал Стеллу взглядом, чтобы она не давала вывести себя из равновесия.

– Мы получили подробные инструкции от департамента опеки, прежде чем решились на усыновление, мистер Кортни, – произнес он вежливо. – Нам объяснили, что и в какой момент времени следует предпринимать, чтобы объяснить Сэмми его особенную ситуацию. Не беспокойтесь.

– Я столько раз рассказывала Нилу, какие вы замечательные люди, – сказала Терри. – Я всегда вами восхищалась, правда, Нил? Такие милые, отзывчивые и деятельные... И у вас такой чудесный дом... Я никогда не смогла бы обеспечить своему ребенку такие условия. Это все... – она обвела взглядом просторную гостиную и залитые солнцем эркеры, – должно быть, стоит больших денег.

– Ну да, такие дома оплачивают не с одного захода, – ответил Джонас и попытался рассмеяться. Прозвучало как-то неестественно. – Приходится годами скрупулезно выплачивать взносы.

– Вы же сценарист? – спросил Нил. – Терри говорила что-то такое...

– Да, я работаю с разными киностудиями и телекомпаниями. Работа интересная, всегда разнообразные задачи, но приходится, конечно, надеяться на фантазию.

Приходится годами выплачивать взносы... приходится надеяться на фантазию... Стелла не сразу сообразила, с какой стати Джонас прибудняется перед совершенно чужими людьми. Очевидно, он понял – или предполагал, – что они явились не ради Сэмми. Им не было никакого дела до ребенка. Терри рассказала своему новому другу о благосостоянии Крейнов, и этот визит представлял собой не что иное, как ознакомительный тур. Нилу захотелось как следует осмотреться. Он уже соображал, каким образом посредством маленького Сэмми добраться до их денег. И теперь Джонас пытался развеять этот образ состоятельной, устроенной семьи.

– А вы чем зарабатываете на жизнь? – спросил он.

Нил удивленно вскинул брови.

– На жизнь обязательно нужно *зарабатывать*?

– Нужно ведь на что-то жить, – заметила Стелла.

Он смерил ее пренебрежительным взглядом.

– Жить можно много на что. Стоит дать себе время, чтобы найти себя.

Ему можно было дать около тридцати лет. К этому времени не пора ли человеку «найти себя»?

– Нил получил немного денег в наследство, – сообщила Терри, – поэтому может пока не думать о работе и всяком таком. А я работала в пабе, но две недели назад осталась без работы. Посмотрим, что еще можно подыскать.

Этого еще не хватало... Стелла уже надеялась, что в силу возраста они были загружены настолько, что не смогли бы так сразу навязать контакт. Но, по всей видимости, эти двое жили беспечной жизнью, и главная их забота состояла в том, чтобы убить скуку и чем-то заполнить пустоту своего существования. Стелла видела машину, на которой они приехали, – довольно старая и потасканная. Непохоже было, чтобы Нил унаследовал солидное состояние. Он относился к тому типу людей, которые всячески подчеркивают свой статус при первой же возможности. Скорее всего, это была сумма, которая позволяла какое-то время не работать и *искать себя*. Но ее не хватало, чтобы продержаться на плаву всю жизнь. Стелла с ужасом осознала, что Джонас, вероятно, был прав: Нил искал новые источники денег и увидел возможность в их семействе.

Уже в который раз она пожалела, что согласилась на эту встречу.

Но в то же время понимала, что вариантов было не так уж много: Терри ведь знала их адрес. Через неделю-другую они с Нилом заявили бы к ним без приглашения. *Мы тут оказались проездом, вот и решили...*

Время тянулось мучительно долго. Джонас рассказывал о своей работе. Стелла то и дело выходила в сад, чтобы проведать Сэмми и его приятеля. С детьми все было хорошо. Ближе к вечеру Нил попросил апельсинового сока. Стелла немедленно воспользовалась возможностью вырваться из этой гнетущей атмосферы и скрылась на кухне. Не прошло и минуты, как к ней присоединился Джонас. Он прикрыл за собой дверь и прошипел:

– Только не вздумай предлагать им ужин! Нужно от них отделаться!

Стелла достала из холодильника пачку сока.

– Я и не собиралась. Но как нам их выпроводить?

– Ничего больше не предлагать. Этот сок – последнее, что они получат.

С этого момента забываем о приличиях. Ни бокала вина, никакого пива или закусок. Ничего. Может, тогда до них дойдет.

– Как по-твоему, они опасны?

Джонас задумался на секунду.

– Не думаю. Но этот Нил – неприятный тип. Все это время только и прикидывает, как бы втереться к нам. Терри предана ему безоглядно и ни черта не понимает. До сих пор думает, что он хотел познакомиться с ее ребенком.

– Джонас, а если они...

Он взял ее за руку.

– Не волнуйся. Они не могут забрать у нас Сэмми, и у них нет оснований, чтобы требовать право на общение. Сегодня они здесь только с нашего согласия. Нужно дать им понять, что этим все и ограничится.

Стелла кивнула. Когда они вернулись в гостиную, то застали гостей уже не за столом. Терри стояла у окна и смотрела на улицу. Нил встал у небольшого секретера возле камина и держал что-то в руках. Стелла подошла ближе и увидела проспект национального парка Норт-Йорк-Мурс, по которому они еще утром знакомились с местностью, где располагался летний дом. Джонас тотчас узнал его. Он шагнул к Нилу и решительно забрал у него брошюру.

– Нам не очень-то нравится, когда кто-то роется в наших вещах, – заявил он.

Нил вскинул руки, но казалось, ничуть не смутился.

– Прошу прощения. Я только хотел поглядеть на бюро... Просто класс. Настоящий винтаж?

– Да.

Нил кивнул на проспект.

– Норт-Йорк-Мурс. Собрались туда в отпуск?

– Пока не решили, – ответил Джонас. – Не определились по срокам.

– Сказочное место. Во всяком случае, если кто расположен к природе.

Кроме вереска и овец, там смотреть особо не на что.

– Как я уже сказал, мы еще не решили.

Стелла подала ему стакан с соком.

– Прошу. Ваш сок.

Она встала посреди гостиной, Джонас поступил так же. Никто не предложил гостям вернуться к столу.

Нил в невозмутимом спокойствии выпил сок и произнес:

– Хм... Надо, пожалуй, выдвигаться.

– Вы сегодня же хотите вернуться в Труро? – спросил Джонас.

Нил на мгновение опешил, а затем рассмеялся, как если бы Джонас сказал что-то смешное.

– Но я живу не в Труро! Господь всемогущий... Терри родом оттуда, но меня никакими силами не затащишь в это болото!

Терри тоже рассмеялась – вымученно, скорее из чувства долга.

– Мы живем в Лидсе, – добавил Нил и снова кивнул на проспект в руках Джонаса. – Потому я так хорошо знаю те болота. Если соберетесь провести там отпуск, я мог бы дать вам пару хороших советов.

– Спасибо. Но мы еще подумаем, – ответил Джонас после секундного замешательства.

Прошло еще двадцать минут, прежде чем они наконец ушли – Терри захотелось попрощаться с Сэмми, на что тот отреагировал с некоторым раздражением. Когда дверь за ними закрылась и послышался звук запущенного мотора, Стелла сказала:

– Вот и всё. Ищи другое место для своего отшельничества, Йоркшир отпадает. Боже правый, Лидс... Да это же в двух шагах оттуда!

– Ну, не то чтобы в двух шагах, – заметил Джонас. – Но и не в другом конце страны, верно... – Он вернулся в гостиную и в изнеможении рухнул на диван. – Господи боже. Лидс! Могла ты такое предположить?

Стелла прислонилась к дверному косяку.

– Нет. Я думала, они оба живут в Труро, просто потому, что Терри еще тогда жила там. Глупо, конечно... Пять лет прошло с тех пор. С чего бы все должно оставаться как прежде?

– Терри сильно изменилась.

– По мне, так она во всем слушается его.

Стелла посмотрела в окно. Нил развернул машину, и синий «Пежо» уехал прочь. Стелла надеялась, что никогда больше не увидит ее.

– Она ловит каждое его слово и на все готова, чтобы услышать от него хоть слово одобрения. Сделает все, что он скажет. И сам этот Нил очень неприятный тип.

– Согласен. Но, – Джонас решительно поднялся, – я не позволю этой парочке повлиять на наши планы. И ты тоже. Этот дом в глуши нам отлично подойдет, и мы примем предложение.

Стеллу охватило глухое, неопределенное чувство тревоги и неуверенности, словно предчувствие беды.

– Выберем другое место, – предложила она.

– Стелла, что такого может случиться? Они же не знают, где именно мы поселимся. Мы и сами не знаем, когда это произойдет. И вообще – с какой стати они будут разыскивать нас там? Едва ли ими движет любовь к

Сэмми, в этом мы уже убедились. Им нет особого дела до него.

– Именно. В этом все и дело. Для чего же тогда они заявили сегодня?

Мгновение супруги молча смотрели друг на друга. В конце концов Стелла сама ответила на вопрос:

– Ты знаешь. Знаешь, почему подчеркивал, как непросто выплачивать взносы за дом и сколько трудностей таит в себе жизнь свободного сценариста. Понятно, что ты хотел донести до них: мы не так уж и богаты. У нас нечего брать. Ты почувствовал, что к этому и сводится вся их затея. Терри рассказала ему, что у нее есть ребенок, который живет с приемными родителями в одном из престижных пригородов Лондона. В ее представлении мы, наверное, богачи, и она сказала об этом Нилу. Его наследство, видимо, понемногу истощается, вот он и решил навестить нас и посмотреть, удастся ли чем-то разжиться.

– Ладно, так я и размышлял. Но если продумать все до конца, Стелла: чего он добился бы? Может, рассчитывал, что мы станем чем-то вроде большой, счастливой семьи, или на худой конец близкими друзьями, и это принесет ему какие-то блага... И что дальше? Пойдем мы на такое или нет, зависит только от нас. А мы однозначно не пойдем на это. Сегодняшняя встреча была первой и последней, больше никаких визитов. Мне даже показалось, что Нил и сам это понял. Терри наивна до предела, но этот тип сообразителен. Думаю, он от нас отстанет.

– А если нет?

– Если это примет характер преследования, мы обратимся в полицию. В крайнем случае решим дело через суд. Но до этого пока не дошло, и я как-то сомневаюсь, что вообще дойдет.

Стелла представила дом, о котором так мечтал Джонас. Ведь муж был на грани эмоционального кризиса, и ему требовались по меньшей мере две недели отдыха – вдали от мирской суеты. Ближайшее селение, Эгтон-Бридж, располагалось посреди пустоши, но и от него нужно было проехать еще десять километров по грунтовой дороге до бывшей фермы, которую купил коллега Джонаса и превратил в свое убежище.

– Там можно сосредоточиться на работе, – рассказывал он Джонасу, – и ничто в мире тебя не отвлечет. Ни телевизора, ни радио, ни телефона. Чтобы поймать сеть, нужно подняться на ближайший холм. Из живых существ вокруг только овцы и птицы, и вряд ли они будут приставать к тебе с болтовней. Там ты в полном уединении. Когда поджимают сроки и мне нужно максимально сосредоточиться, я отправляюсь туда. Если твой врач говорит, что тебе срочно нужна перезагрузка, это идеальное место. Абсолютная скука!

Джонас рассказывал об этом с восторгом. О визите к доктору Бенту и решении, которое не заставило себя ждать. Стелла не разделяла его эйфорию. Уединенная ферма посреди глуши... В глубине души Стелла уже готова была предложить Джонасу съездить одному, в то время как они с Сэмми остались бы дома, а может, навести бы родственников, которых давно не видели.

Но теперь все обстояло несколько иначе. Стелла понимала, что Джонас был прав, и все же не могла избавиться от чувства, которое сковывало ее весь вечер – вернее сказать, преследовало ее с того первого звонка. Предчувствие надвигающейся беды. Она и сама не смогла бы толком выразить или описать это ощущение. Но для нее было ясно одно: сейчас им не следовало разделяться.

– И нам не стоит ехать туда, – сказала она вслух. – В Эгтон-Бридж. Давай подберем другое место.

– Подумаем об этом завтра, – ответил Джонас.

Он давно принял решение.

Воскресенье, 4 мая

Кейт спала в постели отца в надежде ощутить таким образом его близость. Почувствовать *хоть какую-то* связь с ним. Она знала людей, которые после потери близкого человека говорили, что чувствуют его присутствие. *Хотя я его и не вижу, он не ушел. Он по-прежнему рядом.*

С того дня, как был убит отец, Кейт не ощущала ничего подобного. Он был далеко, и она чувствовала себя покинутой. Не слышала его, не видела и не чувствовала. Конечно, она помнила, но это было лишь воспоминание, и оно, казалось, все время нашептывало: *ушел, ушел, ушел...*

Простыни не менялись с той февральской ночи. Тогда у Кейт не поднялась рука сделать это, и она сомневалась, что сможет пересилить себя теперь. Она как будто чувствовала едва уловимый запах шампуня, которым пользовался отец, но возможно, это была лишь уловка памяти.

Проснувшись, Кейт еще немного полежала на подушках. Комнату заливал утренний свет. Всю обстановку составляли кровать, шкаф и комод. На последнем стояла фотография матери, сделанная еще до того, как болезнь проявила себя. В то время это была женщина с румяным лицом и горящими глазами. Позднее она исхудала, лицо осунулось, глаза впали. Болезнь и отчаяние обозначились в ее чертах.

В восемь часов Кейт встала, приняла душ, оделась и спустилась вниз. Взломанную дверь в столовой отремонтировали еще в феврале, но дверь из кухни в сад по-прежнему толком не запиралась. Кейт чувствовала холодный воздух, которым тянуло сквозь щели. Эта дверь была сущей катастрофой, являя собой источник расходов на отопление и серьезный пробел в безопасности. Но в конечном счете не это обеспечило преступнику доступ в дом. Из этого следовало, что убийца не знал о расположении комнат, в которых обитал Ричард. Разбивать стекло в столовой было рискованно, и это создавало много шума, в то время как кухонную дверь можно было практически бесшумно снять с петель. Преступник выслеживал Ричарда, но не входил в круг его ближайших знакомых, иначе он знал бы об этом. Также можно было исключить рабочих, которые работали в доме за пару недель до убийства. И людей из окружения горничной. Кейт знала, что в этих направлениях сразу провели расследование, но, как и следовало ожидать, это не принесло результатов. Она была убеждена, что злодеяние как-то связано с прошлым отца. А это означало поиски иголки в гигантском стоге сена, выросшем за сорок лет

службы.

Накануне вечером Кейт разогрела банку консервированной фасоли, найденной в кухонном шкафу, но с завтраком все обстояло плачевно. Наверное, стоило прислушаться к совету Калеба Хейла и купить что-нибудь в супермаркете. Пара тостов с джемом пришлось бы сейчас весьма кстати, но ничего такого в доме, конечно же, не было. Осталось еще несколько банок фасоли. Кейт невольно улыбнулась. Оставшись один, Ричард питался крайне однообразно. Впрочем, ее рацион не сильно отличался от отцовского. Кейт уже и не помнила, когда в последний раз наслаждалась по-настоящему красивым, умело приготовленным блюдом. Прежде такое случалось в Рождество. Она проводила праздники у отца, они вместе готовили, и пару раз он даже водил ее в хороший ресторан. Как обычно, они говорили обо всем подряд, только не о своих проблемах. Кейт подозревала, что отец чувствовал себя очень одиноким, хотя не заговаривал об этом. А ей не хватало мужества рассказать, как ей в действительности было плохо. Она убеждала себя, что просто не хочет тяготить его, чтобы он не тревожился за свою единственную дочь. Но в глубине души знала, что за этим кроется: ей не хотелось разочаровывать отца. Ему не стоило знать, что собственная жизнь виделась ей совершенно безнадежной. Хотелось быть дочерью, которой он мог бы гордиться.

Кейт стояла на кухне и грела руки о кружку с горячим кофе. Чего-чего, а кофе в доме было предостаточно. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не смотреть на стул, на котором отец сидел связанным в ту ночь. На котором он в конце концов умер. Кто-то задвинул стул под стол – вероятно, горничная, которая убиралась здесь после того, как сняли оцепление. Тогда, в феврале, пол был забрызган кровью. Кейт хорошо помнила, как закружилась у нее голова от увиденного, и девушка из полиции придержала ее и отвела в гостиную. Кто-то принес ей чай. Все были очень предупредительны и милы.

Теперь от крови не осталось и следа. Кухня выглядела очень чистой и опрятной. Ничто не напоминало о драме, которая разыгралась здесь в ту ночь. «Надо было открыть окна, – подумала Кейт, – в доме слишком холодно, и все пропахло сыростью...»

Кейт зябко поежилась. Хоть было еще довольно рано, казалось, холод в доме не имел ничего общего с утренней прохладой. Она связывала это с тем фактом, что здесь никто больше не жил, и более двух месяцев все было закрыто наглухо, а отопление выставлено на минимальный уровень. Кейт вспомнилось, какая жизнь царила тут в прежние времена, хоть их семья и состояла всего из трех человек. Но мама всегда лучилась радостью и

теплом, а отец даже после тяжелого рабочего дня бывал в хорошем настроении. Кейт вспоминала свое детство как счастливое и теплое время. И до сих пор не могла понять, почему позднее так и не смогла наладить свою жизнь.

Для этого не имелось никаких явных причин, но итог был таков: тридцать девять лет, одна, без мужа и детей, без друзей и отношений. Служащая в Столичной полиции, вплоть до прошлого года детектив-констебль, что было нетипично и обидно, учитывая возраст и все годы, отданные работе. В сентябре прошлого года она наконец-то сдала экзамен и получила повышение до детектива-сержанта. Однако это ничего не изменило. Коллеги по-прежнему держались на дистанции, никто не искал ее общества, если в этом не возникало прямой необходимости. Для нее не было секретом, что за ее спиной шептались, и она замечала, как другие закатывали глаза, если ей случалось вставить что-то в разговор. По неизвестной причине все, что она говорила, казалось ошибочным, либо же она формулировала мысли таким образом, что другим это виделось чем-то нелепым. В конце концов Кейт так разуверилась в себе, что зачастую ничего не говорила и старалась по возможности не принимать решения – из страха, что все сказанное и сделанное ею окажет обратный эффект. И конечно, это производило неблагоприятное впечатление, поскольку от служащей полиции, к тому же самого известного и авторитетного подразделения в Великобритании, ожидали решительности и уверенных действий. Кейт подозревала, что люди гадали, каким непостижимым образом ей удалось просочиться в Скотланд-Ярд, – и считали, что она как-то воспользовалась связями своего отца. Что было в корне неверно. Кейт добилась всего сама.

Казалось, с тех пор минула тысяча лет, но было время, когда она вела себя увереннее и чаще добивалась успеха. Потом последовало несколько промахов, и после этого ее сковала неуверенность. Разум подсказывал ей, что ошибки не были чем-то необычным и она такая не единственная, что другие тоже серьезно просчитывались... Но это не помогало: ее вера в себя была неизгладимо подорвана. Кейт так и не смогла оправиться. Более того, она, словно по спирали, скатывалась вниз. Без уверенности в себе в ее профессии нечего делать. Буквально изо дня в день Кейт ждала, что ей предложат поискать другое место. После смерти отца она получила передышку: все обращались с ней деликатно, и даже те коллеги, которых Кейт раздражала чаще всего, проявляли только сочувствие. Но шеф с готовностью согласился, когда она попросила дополнительный отпуск, чтобы уладить дела с наследством и немного оправиться. Возможно, в

глубине души он надеялся, что она уже не вернется.

Кейт так долго размышляла, глядя в сад, что кружка у нее в руках давно остыла. Она глотнула кофе и скривилась: чуть теплый и горький. Вылила кофе в раковину и взглянула на часы. Начало десятого. Рановато для воскресенья, и все же Кейт решила кое-кого навестить.

За прошедший час она мало чего добилась. В частности, поговорила с Робинот Спенсером, чья подруга видела ту подозрительную машину. Хотя Калеб Хейл не назвал ей имени, Кейт сразу догадалась, о ком шла речь. Все-таки она выросла здесь и даже спустя почти двадцать лет после переезда в Лондон знала, благодаря отцу, обо всех обитателях Чёрч-Клоуз. Робин Спенсер всегда слыл ловеласом, водил интрижки со множеством женщин, но при этом старательно избегал длительных связей и всяческих обязательств. Это тем более касалось интрижек с замужними дамами, поскольку такая форма отношений была самой рискованной.

Впрочем, Кейт ничего не выяснила сверх того, что уже знала. Робин был явно не в восторге, увидев ее у порога воскресным утром, но предложил войти, неловко выразил соболезнования в связи с утратой и налил кофе. К счастью, он был один. Нет, Робин не станет называть имя своей подруги – ей и так хватает проблем из-за всей этой ситуации. У нее побывала полиция, и этого достаточно. Насколько ему известно, она рассказала им все, что знала. Нет, она не уверена, что это был «Пежо», но ей так показалось. Да, машина точно была темно-зеленая. Водитель? Скорее всего, мужчина. Пассажиры? Нет. Вспомнить номер никаких шансов, она даже не обратила на него внимания. Кто мог предположить, что в такой глуши произойдет нечто подобное?

Когда Кейт уходила, у нее кружилась голова от щедрой дозы кофеина, принятой на пустой желудок. Кроме того, стало заметно теплее, и она поняла, что в плотных брюках, шерстяном свитере и анорাকে одета совершенно не по погоде. Пока шла по улице, капли пота сбегали у нее по спине. Кейт чувствовала усталость и разочарование.

«Чего же ты ждала, – спрашивала она себя, – что именно ты, самая неспособная из всех сотрудников Скотланд-Ярда, прогуляешься, задашь нужные вопросы, и – вуаля! – получишь ключевой ответ, который приведет непосредственно к преступнику? Подруга Спенсера сказала все, что знала. Невозможно заставить ее вспомнить еще что-то».

Еще издали Кейт увидела машину возле дома и, когда подошла ближе, узнала машину Калеба Хейла. Сам он стоял у двери, с бумажным пакетом в руках – по всей видимости, индийская еда навынос.

Завидев Кейт, он облегченно улыбнулся.

– Ну наконец-то! Я уж думал, что так и придется уйти. Вот, – показал ей пакет, – мысль, что вы тут голодаете, не давала мне покоя. Надеюсь, вы любите карри?

Кейт прошла по садовой дорожке – с робкой надеждой, что выглядит не настолько ужасно, как чувствует себя. Волосы липли к шее, лицо взмокло от пота.

– Еще и десяти нет, – заметила она вместо приветствия. – Не рановато для обеда?

– Можно пока отложить, а потом разогреть. У вас же есть микроволновка?

Кейт отперла дверь и тихо вздохнула. Судя по всему, он решил не только накормить ее, но и не собирался при этом оставлять в одиночестве. Кейт понимала, что с ее стороны негостеприимно и просто невежливо так вести себя. Но было очевидно, что Калев жалел ее, а в таких случаях она всегда ощетикивалась, едва ли не против своей воли. Кейт не питала иллюзий на свой счет и знала, что не отличается ни красотой, ни обаянием, ни какими-то иными притягательными чертами. Мужчины, как правило, ее просто не замечали. За исключением тех, которые чувствовали к ней жалость. Сочувствие ранило сильнее пренебрежения, Кейт давно это усвоила, и, по всей вероятности, Калев готов был присоединиться к числу добрых самаритян. Больше всего ей хотелось попросить его уйти – но он руководил расследованием убийства ее отца. Он играл важную роль. И кроме того, был ее источником информации. Было бы неразумно ссориться с ним.

Поэтому она заставила себя улыбнуться.

– Простите меня. Я не хотела вам грубить. Очень мило, что вы подумали обо мне. Просто... знаете, находиться здесь...

Кейт не договорила. Калев кивнул.

– Могу представить. Потому я и подумал, что вам не следует так много времени проводить в одиночестве. И как следует поесть. – Он вошел следом за ней в прихожую. – А еще я хотел кое-что с вами обсудить.

Они прошли на кухню. Калев положил пакет на стол и огляделся. И сразу отвел глаза, едва его взгляд коснулся стула, на котором был убит Ричард. Он не был на месте преступления, но видел снимки. Этого оказалось вполне достаточно. Калев повидал немало злодеяний, но даже его это зрелище повергло в ужас.

Он встал посреди кухни.

– Вы долго проработали с моим отцом? – неожиданно спросила Кейт.

– Не очень, – ответил Калев. – Я попал в его отдел за год до того, как он ушел в отставку. Так что у нас не было времени, чтобы как следует узнать друг друга и отметить в каких-то общих историях. Но я глубоко уважал его, и жаль было, когда он ушел. Опытный и просто отличный полицейский, замечательный коллега...

– И замечательный отец, – тихо добавила Кейт, – и лучший муж для моей мамы. Они жили в счастливом браке. И вообще мы были счастливой семьей.

Калев кивнул, как будто собирался сказать что-то, но промолчал. Повисло молчание. Затем он все же произнес:

– Возможно, я лезу не в свое дело, но вам не кажется, что нужно как-то освежить атмосферу в доме? Здесь месяцами не открывались окна, воздух затхлый и промозглый. Даже если забыть о том... происшествии, я и то впал бы в меланхолию. Посмотрите, как чудесно цветет сад. И на улице так тепло! Может, хотя бы открыть дверь?

Кейт кивнула. Они отворили хлипкую дверь – Калев хмурым взглядом оценил ее состояние – и вышли на террасу. Кейт сразу окунулась в аромат травы и сирени; перед самым ее лицом пролетел мохнатый шмель. Жизнь...

Однако это не дарило ей радости и надежды – только еще плотнее стал комок в горле. Что станет с ее жизнью теперь?

– У вас... у вашего отца была какая-нибудь садовая мебель? – спросил Калев.

Кейт кивнула.

– В сарае. Он убирал ее на зиму.

– Надо расставить ее на террасе и пообедать на свежем воздухе, – предложил Калев.

Кейт чувствовала себя под натиском, словно кто-то пытался лечить ее против воли, и все же она сдержалась от язвительного замечания, которое просилось на язык. Ей хотелось знать о каждом шаге в расследовании, и на текущий момент Калев был единственным ее источником. Поэтому она произнесла лишь:

– Пойдемте.

Они вместе вынесли на террасу стол и четыре стула, которые Ричард аккуратно сложил в сарае и даже накрыл брезентом. Кейт принесла ведро с теплой водой и протерла пыль, а Калев тем временем подтащил стойку для зонта. В завершение они разложили подушки на стулья и раскрыли зонт. Хотя солнце еще скрывалось за облаками, но свет так красиво переливался под полотном зонта темно-красного цвета...

Обедать было еще слишком рано, поэтому Кейт сделала кофе, и они устроились на террасе. Следовало признать, что идея Калеба оказалась не такой уж и плохой. Снаружи было куда приятнее, чем в затхлых комнатах дома.

– Я была сегодня у Робина Спенсера, – неожиданно сообщила Кейт. – Вы же знаете, его подруга...

– Я помню, – Кaleb вздохнул. – Кейт, вы здесь не ради того, чтобы вести расследование. Конечно, вы служите в полиции, да еще и в Скотланд-Ярде. Но ваша компетенция...

– Знаю, это не в моей компетенции. Но я ходила к Спенсеру не в роли полицейского. Скорее как дочь своего отца.

– Понимаю. И конечно же, я догадываюсь, для чего вы приехали. Речь ведь не только о том, чтобы присмотреть за домом и решить, как быть с ним дальше. Вам кажется, что расследование продвигается со скрипом, и вы прибыли, чтобы проследить за нашей работой, и, возможно, сами намерены... скажем так, не оставаться в стороне. Я прав?

Кейт промолчала. Именно так все и было, что толку отрицать?

Кaleb подался вперед.

– Вы вольны разговаривать с людьми, проверять слухи, или что там еще вы предпримете. Вряд ли я смогу запретить вам это. Но я бы мог отрезать вас от всякой информации, и вы это знаете. Я не обязан был рассказывать вам о той странной машине. И вообще мог бы все оставить при себе.

– Но?.. – Кейт поняла по его тону, что Кaleb еще не закончил.

– Но вы воспользовались бы связями в Скотланд-Ярде и все равно нашли способ заполучить информацию, – сокрушенно продолжал Кaleb. – Это во-первых. А во-вторых, я только выиграю от нашего с вами сотрудничества. Никто не знал вашего отца так же хорошо, как вы. Если преступление как-то связано с событиями из его прошлого, то именно вы помогли бы мне выяснить, что это было за событие.

– Но мы же говорим о событиях из его профессионального прошлого? Конечно, мы кое-что обсуждали, однако отец не рассказывал мне всего, и я не уверена, что знаю больше, чем люди, с которыми он работал.

– Мы должны принять во внимание все варианты. – Кaleb сказал это так, словно произносил некую формулу, которую заучил когда-то давно и в которую сам уже не особо верил. – В том числе и такую возможность, что преступление как-то связано с частной жизнью Ричарда.

Кейт помешала кофе.

– В частной жизни моего отца не было ничего примечательного,

Калеб. Как раз потому, что у него была такая напряженная и тяжелая работа, он старался вести спокойную и размеренную жизнь. Как я уже говорила, они с мамой были очень счастливы. Хотя мама, конечно, расстраивалась из-за того, что он так мало бывал дома. В свободное от службы время отец подолгу трудился в саду. Все эти цветы вокруг – его рук дело. И как только выпадала возможность, он проводил время со мной. Мы часто ездили на велосипедах или плавали, а зимой катались на лыжах и на коньках. Он водил меня в театр, ходил со мной в кино, даже если фильм был ему совершенно неинтересен. Он был семейным человеком, целиком и полностью. Жил ради нас и ради своей работы.

– Но в последние годы... работа осталась в прошлом, жена умерла, а дочь давно переехала в другой город. Что вам известно о нем в этот период?

– Мы созванивались почти каждый день. Ему было одиноко, но он не привык жаловаться. Усердно работал в саду, выбирался на прогулки. Он любил бывать на природе. Ему было интересно все, что происходило в мире. Он за день прочитывал по несколько газет и любил говорить про политику. Я навещала его так часто, как только могла. Если б в его жизни произошло что-то необычное, он рассказал бы мне об этом.

– Понимаю...

Калеб задумчиво смотрел на нее. Кейт осознала, что в эту минуту он представил себе все, как оно было: не покойного Ричарда, а ее – Кейт. Калеб видел ее одиночество и тоску и понимал всю меру ее утраты.

Кейт вдруг разозлилась. Она чувствовала, что Калеб читает ее, словно раскрытую книгу.

– Да, мы были очень близки, – сказала она. – У него никого не было, кроме меня, а он был единственным человеком в моей жизни. У меня никого нет, Калеб. Хожу на работу и живу в самой неприметной квартире, какую только можно представить, в новом районе Брексли, на юге Лондона. И больше ничего. И никого. Отец был для меня всем. Моим прибежищем в выходные, отпуск, на Рождество и Пасху. Долгими темными вечерами. Кто бы ни стоял за его смертью, этот человек убил не только его, но в каком-то смысле и меня. Я хочу, чтобы убийцу разыскали. Хочу увидеть его. Выяснить, почему он это сделал. Хочу, чтобы он понес наказание. Если б сейчас, в этот самый момент, у меня появилось хоть какое-то предположение, что за встреча или событие в жизни отца повлекло за собой такие последствия, то я бы сразу об этом сказала. Но ничего такого мне в голову не приходит.

– Кейт, хотелось бы надеяться, что вы сразу дадите знать, если что-

нибудь вспомните, – Калеба, казалось, несколько беспокоила ее вспышка. – Я прекрасно понимаю вашу злость и тоже жажду отмщения, но вы умная женщина и давно служите в полиции, и вам хорошо известно правило: никакой самодеятельности. Последнее слово всегда за правосудием.

Кейт догадывалась, о чем он думал в эту секунду. Пистолет отца – он лежал на полу в столовой; вероятно, Ричард выронил его в схватке. После баллистической экспертизы пистолет, как и все имущество Ричарда Линвилла, передали Кейт. Таким образом Калеб знал, что в ее распоряжении есть огнестрельное оружие.

– Разумеется, последнее слово за правосудием, – подтвердила Кейт.

Повисло молчание. Слышно было, как гудит шмель, все еще круживший над террасой. Щебетали птицы.

– Вам о чем-нибудь говорит имя Денис Шоув? – спросил внезапно Калеб.

– Нет. А кто это?

– Ваш отец отправил его за решетку. Девять лет назад. Таким образом, его заключение пришлось на последний период служебной биографии Ричарда. В августе прошлого года он был освобожден досрочно за примерное поведение и в связи с положительным прогнозом психолога.

– Значит, это было что-то серьезное? Не похоже, чтобы речь шла о простом мошеннике.

– Убийство. Денис Шоув убил свою подругу.

– За что?

– Чувство собственности, ревность. Она хотела уйти от него, и он вышел из себя. В буквальном смысле забил до смерти. Но в тот момент он пребывал в тяжелом алкогольном опьянении и, вероятно, не намеревался убивать девушку. Он получил двенадцать лет. Ричард поймал его, когда Шоув пытался свалить вину на кого-то другого.

– Значит, ему было за что возненавидеть моего отца?

Калеб кивнул.

– Пожалуй, да. В действительности, многие имели на то основание. За годы службы ваш отец немало народу отправил за решетку. И все же Шоув одним из первых попал в поле нашего зрения. По двум причинам. Во время слушаний и оглашения приговора он неоднократно высказывал угрозы в адрес вашего отца и обещал позднее с ним поквитаться. Кроме того, вскоре после убийства Ричарда Шоув пропал из виду. Не давал о себе знать попечителю, внезапно съехал с квартиры и не сообщил свое новое место обитания.

– Почему вы говорите об этом только теперь? – Кейт слышала досаду в собственном голосе. – Просто поверить не могу! Почему его вообще освободили досрочно, если он откровенно угрожал моему отцу? Почему за ним не установили наблюдение? Почему моему отцу не обеспечили защиту?

– Кейт, – в голосе Калеба звучало отчаяние, – вы же сами всё понимаете...

– Ну да, я знаю. Недостаточно людей, чтобы наблюдать за каждым преступником, который когда-то обещал пришить «бобби»!

– Правда в том, что многие говорят что-нибудь в таком духе, но до реальной расправы никогда не доходит. По словам психолога, кстати, Шоув ни разу не упоминал об этом в тюрьме. Он признал вину и понес ответственность. Сознал, что это он совершил ошибку, а не Ричард Линвилл.

– А вы сами говорили с этим психологом?

Калев покачал головой.

– К сожалению, нет. Непосредственно перед освобождением Шоува она взяла длительный отпуск и уехала в Австралию, а там скрылась из виду. Но, насколько мне известно, в июне она возвращается к работе, и тогда уж мы сразу назначим ей встречу. Впрочем, я внимательно прочел ее характеристику на Шоува. Можно заключить, что тот действительно исправился.

– И все же он возглавляет ваш список подозреваемых, так?

– Да. Разумеется. Поскольку он внезапно пропал. И потому что...

– ...оптимистичные социальные прогнозы психологов в тюрьмах зачастую определяются далеким от реальности преобразованием пациентов.

– Конечно, не стоит так обобщать, но ошибки тоже возможны.

Кейт вернулась к первому вопросу:

– Почему вы говорите об этом только теперь?

– Не хотел, чтобы мы все зацикливались на нем. Вы же знаете, как легко упустить из виду остальные варианты, если фокусироваться на каком-то одном направлении. Возможно, его исчезновение не имеет отношения к убийству Ричарда. Это человек с криминальным прошлым. До того как убил подругу, он постоянно привлекался по мелким делам. Не исключено, что он вернулся к той жизни – когда не нужно работать и можно перебиваться иным образом.

– Когда отец изловил Шоува, он еще работал с Норманом Доуриком?

– Нет. Само собой, мы сразу это проверили, ведь в таком случае Доурик тоже был бы в опасности. Но он не имеет к этому отношения. Он

ушел из полиции за год до этого.

– Этот Шоув ездит не на зеленом «Пежо»?

Калёб покачал головой.

– По нашим сведениям, у него вообще нет машины. Во всяком случае, не зарегистрирован как владелец.

Денис Шоув. Кейт прислушалась к внутреннему голосу, попыталась прочувствовать, не вызовет ли это имя какие-то ассоциации. Это не укрылось от Калёба.

– Да, именно поэтому я сегодня здесь. Я хотел спросить, не упоминал ли отец это имя в последние месяцы перед смертью. Ему сообщили, что Шоув вышел на свободу, я это знаю. Вопрос в том, пытался ли он как-то установить контакт с вашим отцом. Возможно, даже скрытно, не выдавая себя. Не говорил ли Ричард нечто такое, что указывало бы на это? Не замечали вы каких-то перемен в его повседневной жизни с августа прошлого года? Может, были анонимные звонки? Подозрения, что кто-то залезал к вам в сад или торчал у дома? Бывает так, что человек чувствует, будто за ним наблюдают, или ощущает неясную угрозу...

Кейт задумалась, но заранее знала, что ничего такого не вспомнит. Во всяком случае, отец ничего такого ей не говорил.

– Точно могу сказать, что услышала это имя сегодня впервые, – ответила она. – И отец ни разу не упоминал, что подозревает за собой слежку или чувствует угрозу. Но это ничего не значит. Он и не стал бы ничего утверждать, не имея на то серьезных оснований. Хотя бы потому, что не хотел выглядеть в чужих глазах параноиком. И уж точно не захотел бы тревожить меня. Мы с ним...

Она не договорила. С чего бы ей рассказывать о своей частной жизни едва знакомому человеку?

– Да? – спросил Калёб.

– А, забудьте. Просто вспомнилось. Мы с отцом так долго обманывали друг друга, делая вид, что в жизни у нас всё в порядке... И теперь я часто спрашиваю себя: а почему мы, собственно, так поступали?

– Потому что многие так поступают. И как раз перед людьми, которых любят. Как вы сами сказали: потому что не хочется тревожить близких. Не хочется разочаровывать их. Ваш отец хотел быть сильным в ваших глазах. Крепкой опорой. И это, наверное, нормально для отцов, особенно в отношении дочерей, независимо от возраста. А дочери... Я могу лишь предполагать, но мне кажется, женщине хочется всегда оставаться той идеализированной девочкой, какую отец видел в ней с детских лет. И не хочется разрушать этих иллюзий.

Он попал в самую точку.

– А у вас есть дети? – спросила Кейт.

Калев помотал головой.

– Нет. И жены с некоторых пор тоже. Развелись, еще пару лет назад.

– Мне жаль.

– Что было, то прошло... – Он поднялся. – Может, разогреем еду? Я уже чертовски проголодался.

Кейт с удивлением осознала, что и сама ужасно хочет есть.

Когда они прошли на кухню, Калев заметил:

– Кейт, вам непременно нужно отремонтировать эту дверь. Она в ужасающем состоянии. С тем же успехом можно оставлять ее распахнутой настежь.

– Мама постоянно говорила об этом отцу. А тот всякий раз отмахивался. И как выяснилось, это ему не очень-то и помогло бы. Преступник проник в дом другим путем.

– Но теперь вы живете здесь совершенно одна, – настаивал старший инспектор. – А человек, который стоит за смертью вашего отца, по-прежнему на свободе. И мы не знаем, что им движет. Вам не следует быть такой легкомысленной.

Кейт взглянула на него с изумлением.

– Что вы хотите этим сказать?

– То, что должен сказать. Не больше и не меньше. – Калев смотрел ей в глаза, и ему явно было не до шуток. – В самом деле, Кейт, прошу вас, не проявляйте легкомыслия. Не совершайте необдуманных действий. – Он достал карточку из кармана и протянул ей. – Вот. Мой номер в участке. И мой личный. Там есть адрес. Если что-то покажется вам странным или подозрительным – прошу вас, немедленно сообщите мне!

Суббота, 17 мая

Уже которую неделю Мелисса Купер не решалась оставить квартиру в Халле и выбраться на выходные за город. Три года назад они с детьми купили дом на побережье Северного моря, в устье реки Хамбер. С первого взгляда было видно, что дом требовал серьезного ремонта, но все были в восторге от его расположения. Непосредственно у Ист-Бэнк-роуд, узкой проселочной дороги, что тянулась вдоль расширяющегося устья до самого моря. Кругом просторные зеленеющие равнины. Лишь изредка попадались другие дома, и чем дальше от города, тем реже встречались люди. Их коттедж стоял в полном уединении. И никаких соседей вокруг – во всяком случае, никого в пределах видимости. Дом ближайших соседей располагался в трех милях ниже по дороге, и они тоже, как правило, приезжали только на выходные.

В доме было восемь комнат, и в его стоимость входил огромный сад. Когда они купили его на общие деньги и с энтузиазмом принялись за реставрацию, то мечтали, как будут вместе проводить там выходные и праздники. Овдовевшая Мелисса, двое сыновей с женами и их дети. Все под одной крышей. Маленькие комнаты с низкими потолками наполнятся смехом, детскими голосами, болтовней взрослых. Им представлялись чаепития у камина, прогулки к морю, долгие вечера на веранде. Они предвкушали, как будут вместе наслаждаться закатами, готовить на гриле. Приглашать друзей.

Просто счастливо жить.

Само собой, все сложилось иначе. На последней стадии ремонта жены сыновей рассорились до такой степени, что не желали видеть друг друга ни в коттедже, ни где-либо еще. А поскольку Мелисса не собиралась принимать чью-либо сторону и заняла нейтральную позицию, то в конечном итоге ни с кем не испортила отношений, однако все заметно охладели к ней. В конце концов все пошло прахом. В какой-то момент они просто перестали приезжать на выходные, а в отпуск предпочитали летать куда-нибудь на юг, вместо того чтобы проводить недели в мягком, но влажном климате северного побережья Англии и дышать сыростью уединенного домика. Мелисса могла их понять.

Вплоть до весны этого года она каждую пятницу отправлялась на побережье и возвращалась в воскресенье вечером. Делала так просто потому, что у них был дом и кому-то нужно было за ним присматривать.

Кроме того, она сама нуждалась в смене обстановки. Ей нравилась работа в секретариате начальной школы, и в течение дня Мелисса помногу общалась с людьми, особенно с детьми – и детям принадлежало ее сердце. Но дома она оставалась одна, а выходные и вовсе тянулись бесконечно. Ей не хотелось торчать в душной квартире в центре Халла, поэтому она садилась в машину, выезжала к просторам побережья и в течение двух дней усердно трудилась в доме и в саду. По счастью, всегда находилось какое-нибудь занятие.

То обстоятельство, что Мелисса неделями не выезжала на побережье и в эти выходные – солнечные, впервые в этом месяце – опять едва не осталась в городе, было связано с тем странным чувством, которое преследовало ее с некоторых пор и внушало тревогу. Ей казалось, что за ней кто-то наблюдает. И что хуже всего, она не могла понять, имелись ли у нее основания опасаться за свой рассудок.

Первые признаки старческого маразма? И это в пятьдесят девять лет?

Непонятно было, откуда взялось это чувство. Никто ей не угрожал и не пытался напасть. Просто... Как-то поздним вечером Мелисса выглянула в окно и увидела кого-то под фонарем на другой стороне улицы; ей показалось, что он смотрел в ее сторону. Мелисса мгновенно отпрянула от окна, а через некоторое время, когда она, затаив дыхание, снова посмотрела на улицу, там никого не оказалось. В другой раз ей пришлось задержаться на работе, и когда она выходила, по парковке расхаживал какой-то человек, курил и, очевидно, следил за выходом из школы. Едва завидев Мелиссу, он растоптал сигарету и поспешил прочь.

Кто-то дважды звонил ей по телефону, но когда Мелисса отвечала, неизвестный молча клал трубку.

Мелисса набралась храбрости и рассказала обо всем соседу, но тот предположил, что она просто сгущает краски.

– Кто-то ошибся номером, вот и всё. Думаете, со мной такого не происходит? А что до ваших наблюдений... что кто-то стоит ночами под фонарем, возможно, не имеет к вам никакого отношения. А тип перед школой просто кого-то ждал... По-моему, вы пугаетесь собственной тени!

Мелисса попыталась беззаботно рассмеяться.

– Может, вы и правы. Я слишком много времени провожу в одиночестве, вот и лезет в голову всякая дурь!

– И не стоит вам каждые выходные проводить в этом пустом доме, – посоветовал сосед.

Мелисса тотчас встревожилась.

– Почему? По-вашему, это небезопасно?

Сосед, спокойный мужчина лет сорока, уловил панику в голосе Мелиссы и был явно сбит с толку – и обеспокоен.

– Нет. Просто я подумал, когда человек совсем один в глуши, многое начинает казаться подозрительным. Слышатся странные звуки, и порой видится то, чего на самом деле нет. У вас встревоженный вид, миссис Купер. Может, вам стоит выписать какие-нибудь успокоительные?

Ну вот, именно этого Мелисса и опасалась. В ее случае *встревоженный вид*, вероятно, был вежливой альтернативой *напряженному или странному*.

Возможно, это и в самом деле выглядело странно. Стоило пару раз заметить что-то необычное, и у нее уже развилась мания преследования.

Но была еще эта история с Ричардом Линвиллом... Это чудовищное убийство. *И уж об этом никто не догадывается. Никто не видит связи.*

В конце концов Мелисса все же решилась и накануне выехала из города – чтобы постепенно не застрять в плену у собственных страхов. И все же она удостоверилась, что ближайшие соседи были там, – к своему облегчению, увидела их внедорожник перед домом. Не то чтобы Мелисса надеялась на их помощь в случае опасности, но как-то спокойнее было осознавать, что она не в полном одиночестве.

Погода стояла теплая, и в вечер пятницы Мелисса посидела на террасе, выпила пару бокалов вина, а в субботу с утра поработала в саду. Потом прогулялась к морю и почувствовала себя замечательно. А ближе к полудню возле ее дома остановился внедорожник соседей. Владельцы, парочка карьеристов из Скарборо, завезли ей кое-какие продукты, которые не захотели выбрасывать, и сообщили, что сегодня же едут в Лондон и вечером вылетают в Испанию.

– Три недели отпуска, – просияла молодая женщина. – Мы только привели в порядок дом и опустошили холодильник. Может, вам пригодится кое-что?

– Да, конечно, – ответила Мелисса.

Она улыбалась, но сердце ее бешено колотилось. Мелисса махала им вслед, пока машина не скрылась из виду. Ничего не изменилось, но впечатление было такое, словно стало тише. И как-то уж совсем одиноко.

Мелисса устремила взгляд к горизонту, где небо сливалось с пастбищами, но не увидела ничего такого, что могло показаться странным, необычным или пугающим. Время от времени слышны были крики чаек. Гудели пчелы.

Мелисса убеждала себя, что в любой момент может вернуться в Халл, но ее коробило от одной мысли провести эти солнечные дни в тесной

квартире, где не было даже балкона.

Она еще раз обвела взглядом горизонт, и ей вдруг показалось, будто что-то сверкнуло. Короткая, яркая вспышка... как если бы солнце попало на стекло и отбросило блик.

Вспышка мелькнула где-то на пастбищах, что простирались между морем и устьем реки.

Мелисса так напряженно всматривалась, что заболели глаза. Она не разглядела ничего подозрительного и уже готова была отворачиваться, как снова что-то блеснуло. На какую-то долю секунды, но сомнений быть не могло. Там что-то отбрасывало блики.

Осколок стекла в траве? Иногда там гуляли туристы. Может, кто-то выбросил пустую бутылку? Или обертку от шоколада? Но если б там что-то лежало, оно не отбрасывало бы блики постоянно. Судя по прерывистым вспышкам, там скорее что-то *двигалось* и перехватывало солнечные лучи в зависимости от положения. Мелисса пожалела, что в школе была не столь внимательна на уроках физики. Иначе теперь она нашла бы разумное объяснение происходящему.

Что, если там кто-то был? И следил за ее домом? Как тот неизвестный под фонарем в Халле. Или нервный тип перед школой.

Может, солнце отражалось от стекол бинокля?

«Ты себя накручиваешь», – одернула себя Мелисса. Но этот резкий тон в обращении к самой себе не помог унять учащенного сердцебиения. У нее перехватило горло, стало трудно дышать.

Вот. Снова мигнуло.

Это было ненормально. *Там что-то было.*

Мелисса вернулась в дом, заперла дверь на засов. Затем прошла в гостиную и заперла дверь на террасу. И стала думать, как быть дальше. Раз уж ей теперь страшно выглянуть наружу, она могла вернуться в Халл и провести остаток выходных в тесной, душной квартире. По крайней мере, там были другие люди, и если в случае опасности пришлось бы вызвать полицию, они прибыли бы на место за несколько минут. А здесь... К счастью, ей пока не приходилось звонить в полицию, но она подозревала, что в случае чего помощь придет не скоро.

Мелисса прикурила – хотя уже в тысячный раз решила завязать с курением – и глубоко затянулась. Она не знала, вернется ли сюда когда-нибудь, если сейчас уедет в Халл. Или страхи одержат над ней верх, и об этом доме можно будет забыть навсегда?

Больше всего ей хотелось прочесть в газете, что убийца Ричарда Линвилла наконец-то пойман. И узнать, в конце концов, его мотивы. Скорее

всего, это не имело к ней ни малейшего отношения.

Она встала у окна и посмотрела наружу, но ничего не увидела. Никакого движения, никаких бликов. Солнечный, теплый и безветренный день. Ясный и тихий. И все же ей не показалось, в этом она была уверена. Вопрос в том, как отреагировать на увиденное. И разумно ли поддаваться панике и бежать без оглядки.

Мелисса еще раздумывала, когда зазвонил телефон. Она вздрогнула от неожиданности, но в следующий миг вздохнула с облегчением. Она была не одна в этом мире, хоть за последние полчаса у нее и сложилось такое впечатление.

– Мелисса Купер, – сказал она в трубку.

– Привет, мам. Это Майкл. Так и знал, что застану тебя там.

Старший сын. Который, откровенно говоря, вспоминал о ней не так уж и часто. Он жил в Шеффилде. Это было не так уж и далеко, и он мог время от времени навещать ее, но... Ну да, у него была собственная семья. И работа. И вообще времени не хватало.

– Майк!.. Как здорово, что ты позвонил! Как у вас дела? Как дети?

– Все хорошо. Лиз на эти выходные уехала с детьми к своей матери. Вот, сижу тут как соломенный вдовец, наслаждаюсь тишиной... Решил позвонить тебе.

Сердце откликнулось болью на его слова. Лиз уехала к матери. Неужели ему не пришло в голову навестить свою мать? Приехать с субботы на воскресенье? В дом, который они, между прочим, купили сообща...

Но Мелисса не хотела упрекать сына. Тогда он поспешил бы закончить разговор, и она вновь осталась бы наедине со своими страхами.

– Да, – сказала Мелисса, – я снова здесь. Погода замечательная. Вчера почти до половины двенадцатого сидела на террасе.

– Наслаждайся. Сама знаешь, такие деньки выпадают нечасто.

– Ну, а вы приедете в отпуск?

– Мы снова полетим на Менорку, как в прошлом году. Там уж точно в солнце нет недостатка. Да и с детьми так проще.

Менорка. Испания. Почему все едут в Испанию?

И зачем мы вообще купили этот коттедж?

Мелисса снова глубоко затянулась. Майкл, похоже, это услышал – и рассмеялся.

– Мам! Я думал, ты снова бросаешь?

Она не разделяла его веселья.

– Что-нибудь да помешает.

– То есть как?

– Уведет с пути исправления.

Она заметила, как странно звучит ее голос: хриплый и чуть надломленный. Очевидно, это не укрылось от Майкла. Он перестал смеяться.

– Что стряслось? На работе неприятности?

– Нет. Нет, всё в порядке. К счастью.

– А что *не совсем* в порядке?

Мелиса не нашла пепельницу. Пепел сыпался на пол.

– Ну... все та же пластинка. Ты знаешь, в феврале, убийство Ричарда...

Об этом писали во всех газетах.

– Да. И что?

– Убийца все еще на свободе.

– Бывает. Если честно, мне это не особо интересно. Рано или поздно его поймают.

– По всей видимости, у полиции нет никаких зацепок, и ничего не известно о мотивах.

Майкл вздохнул. У Мелиссы возникло ощущение, что он уже пожалел об этом звонке.

– Мам, Линвилл был полицейским. Наверняка нажил кучу врагов. Кто-то поквитался с ним за то, что его стараниями угодил за решетку. Что тебя так смущает?

– Я замечаю кое-что странное в последнее время. Можешь назвать меня полоумной, но у меня такое чувство, будто за мной... следят.

– Следят? Кто?

– Не знаю. Один раз ночью кто-то стоял перед домом в Халле и смотрел на мои окна. Потом кто-то ошивался возле школы. Несколько раз мне звонили, но когда я отвечала, сразу клали трубку. И вот сейчас...

Она запнулась. Вот так, наверное, и вели себя старые, нервные женщины?

– Да, мам? Что сейчас? – усталым голосом переспросил Майкл. Теперь он определенно жалел, что позвонил.

Мелисса поведала сыну о своем наблюдении и добавила:

– Возможно, кто-то смотрел в бинокль.

– На тебя?

– Больше тут никого нет.

– Мам, вот честно, ты беспокоишься на пустом месте. Хорошо, кто-то с биноклем... Возможно, что это безобидный турист наблюдал за птицами. Там встречается множество редких экземпляров, и люди часто приезжают

посмотреть на них. Или кто-то любит пейзажами и поглядывает при этом в бинокль. В этом нет ничего... подозрительного!

Мелисса угадала по его тону, о чем он действительно думал: «Это ты ведешь себя подозрительно, мам. Мир вокруг тебя вполне нормален. А твое видение вещей кажется странным».

Возможно, он прав. Ей хотелось, чтобы он оказался прав.

Мелисса заставила себя рассмеяться.

– Я слишком часто бываю одна. Наверное, в этом все дело.

Разумеется, Майкл воспринял это как упрек.

– Мам, уж прости, но мы живем как по расписанию. Двое детей, мы с Лиз работаем. Плюс домашние дела, сад. В общем, повседневная рутина. Я и рад бы навещать тебя почаще, да не выходит.

«Но у Лиз получается съездить на выходные к матери. А ты торчишь один дома и явно не занят работой!»

Но Мелисса ничего не сказала. Зачем спорить? Все равно это ничего не изменило бы.

И все же, когда они попрощались, Мелисса положила трубку и поняла, что Майкл немного ее успокоил. Ход ее мыслей показался ему совершенно абсурдным, и его реакция действительно немного ее отрезвила. Она вновь открыла дверь на террасу. Хотя было только пять часов, наполнила бокал вина, закурила еще одну сигарету и села на свежем воздухе. Она решила остаться. С середины недели обещали затяжные дожди, и в следующие выходные будет холодно и сыро. Еще одна веская причина остаться еще ненадолго в этом раю, не позволить себя спугнуть...

* * *

Тем не менее Мелисса просидела на террасе не так долго, как прошлым вечером. С наступлением темноты она вернулась в дом, наглухо заперла двери и затворила окна. Задержала шторы, чтобы не быть на виду, если снаружи кто-то ошивался. Выпила еще бокал вина, посмотрела ток-шоу по телевизору, после чего поднялась в спальню. Она надеялась, что выпила достаточно, чтобы поскорее уснуть. Обычно пара бокалов красного вина срабатывала безотказно. И действительно, не одолела она и двух страниц книги, как строки начали расплываться перед глазами. Мелисса выключила лампу и мгновенно провалилась в сон.

В какой-то момент она проснулась и сразу почувствовала, что не одна. Мелисса и сама не могла понять, откуда взялось это ощущение, но,

казалось, сработал какой-то инстинкт, внутренняя сигнализация. Наверное, так и бывало с животными в дикой природе: учащенный пульс, повышенное давление. Сухость во рту. Резкое пробуждение. Все симптомы внезапного выброса адреналина.

Мелисса села в кровати, включила лампу и прислушалась. Слышно было, как гулко бьется собственное сердце, и больше ничего. Что ее разбудило? Что вклинилось в ее сон и вызвало подобную реакцию? Или ей просто приснился кошмар? Но тогда почему в памяти не сохранились хотя бы фрагменты сна?

Она взглянула на часы, которые не снимала даже на ночь. Начало двенадцатого. Значит, она проспала не больше получаса. «Должно быть, я просто не могу отделаться от этих бредовых фантазий», – подумала Мелисса. В сущности, она уже пару месяцев жила во власти подспудного страха. А может, и дольше. С тех пор как в газетах появились сообщения, что Ричард Линвилл найден убитым в собственном доме, ей не давали покоя мысли о возможных мотивах и связях. С той поры страх стал ее неизменным спутником. Иногда призрачным, иногда – почти осязаемым. Но никогда не исчезал полностью.

Мелисса встала с кровати, тихо, насколько это возможно, стараясь не издавать шума, который заглушил бы другие звуки. Что же все-таки ее разбудило?

Она подкралась к двери, отворила ее и прислушалась. Абсолютная тишина. Пустые комнаты. К страху внезапно примешалось чувство досады: все задумывалось не так. «Они все бросили меня в беде. Чего я вообще здесь жду? Для чего пытаюсь оживить проект, до которого никому больше нет дела?»

Возможно, ей следовало вызвать полицию, забаррикадировать дверь и дожидаться, пока приедет патруль. Но как это будет выглядеть? Пожилая женщина жалуется на плохой сон и уже которую неделю воображает непонятно что...

И в этот самый момент Мелисса услышала, как тихо закрылась автомобильная дверь.

Значит, это была машина. Ее разбудил звук мотора в ночи.

Мелисса застыла возле лестницы. Попыталась сглотнуть, но не смогла. Этому не было объяснения. Кому понадобится приезжать сюда в двенадцатом часу? Останавливаться. Выходить из машины. И подходить к двери.

Слышно было, как гравий хрустит под чьими-то ногами.

Мелисса не могла шевельнуться. В голову пришло избитое сравнение с

кроликом перед удавом. Именно так она себя и чувствовала. Парализованной, оцепенелой.

Возвращайся в комнату, запишись и вызывай полицию!

Но Мелисса не могла. Она просто стояла босиком и таращилась в темноту.

Шаги замерли у входной двери. Мелисса услышала, как в замке провернулся ключ.

Откуда у них ключи?

Дверь отворилась. Мелисса все видела с верхней ступени. Кто-то вошел. Крупный, темный силуэт. Мужчина?

В прихожей зажегся свет. Там действительно был мужчина. Темные волосы, широкие плечи. Джинсы, кроссовки, черный свитер. Он повернулся.

Это был Майкл.

Мелисса глубоко вздохнула и почувствовала, что снова может двигаться. Руки и ноги вновь ей повиновались. Как и голос.

– Майкл! – Она не узнавала собственный голос. – Майкл!

Он вздрогнул, посмотрел вверх.

– Мам? Почему ты там стоишь? Я думал, ты смотришь телевизор или уже спишь...

Мелисса чувствовала такое облегчение, что не сдержалась и заплакала. Она сбежала вниз и бросилась в объятия сына, что вообще было не в ее манере. Майкл обнял ее, но чувствовалось, что он растерян и немного раздражен.

– Что такое? Ты плачешь? Что стряслось?

Мелисса шмыгнула, попыталась унять слезы. Она знала, что Майкл всегда терялся при виде женских слез, особенно материнских.

– Я так рада, что ты приехал! Так рада!..

Майкл чуть отстранился и взглянул на нее.

– Ты вся дрожишь. Да что же произошло?

– Я думала... решила...

– Решила, что я грабитель? Твой преследователь? Господи, мам! – Он выпустил ее. – Грабители не подъезжают к самым воротам. И, как правило, не имеют при себе ключей.

– И то правда! – Мелисса рассмеялась, но прозвучало это натянуто. – Ты прав. Но, знаешь... когда вот так резко проснешься...

– Зря, наверное, я приехал, – произнес Майкл.

Он выглядел раздосадованным. Поездка заняла у него полтора часа. Наверняка собирался провести этот вечер в тишине, посмотреть телевизор

– без детских капризов и ворчания Лиз оттого, что он перескакивает с одного канала на другой... Но внезапные угрызения совести помешали его планам. Во время разговора мама была сама не своя. Майкл задумался, когда он в последний раз навещал ее. Это было в январе, в день ее рождения. Даже на Пасху она была одна. Он представил ее одну в этом уединенном доме и внезапно почувствовал себя мерзавцем. Эгоистичным и бессердечным. Ему представилось, как она обрадуется, если он внезапно нагрянет. Они бы выпили вина и поболтали, а утром хорошенько позавтракали бы. Прогулялись бы к морю, а потом, прежде чем разъехаться, возможно, пообедали бы в каком-нибудь пабе. Это отвлекло бы ее на некоторое время, а он начал бы новую неделю с чувством выполненного долга.

Вместо этого он напугал ее до смерти; она плакала и тряслась, была на грани истерики...

Столько нервов понапрасну!

Недолго думая, Майкл отвел ее в гостиную, включил свет и достал из буфета два стакана и бутылку шерри.

– Давай-ка для начала пропустим по стаканчику. Ты блее белого... Господи, надо было позвонить и предупредить. Так было бы разумнее.

Мелисса еще дрожала, но смогла поднести стакан ко рту и сделать глоток.

– Нет-нет. Ты здорово придумал, Майкл. Я так рада, что ты здесь... Ты проделал такой путь ради меня!

– Не так уж и далеко. У меня все равно не было никаких планов.

– Надеюсь, ты приехал не из чувства вины? – В ее глазах застыла тревога.

– Нет, что ты, – солгал Майкл.

Он осушил свой стакан. Алкоголь мгновенно снял напряжение и поднял настроение. Майкл и сам был рад, что приехал. Мама действительно неважно выглядела. Она похудела с января, это было видно даже в мешковатой сорочке. И как-то резко... состарилась. Оставалось надеяться, что скорбь по Ричарду Линвиллу не была тому причиной. Майкл огляделся.

– Смотрю, ты как следует забаррикадировалась... Видела что-то еще? Таинственные блики на горизонте? Тень в саду?

Он рассмеялся, но мама его не поддержала.

– Знаешь, Майкл, после смерти Ричарда...

Он не дал ей договорить.

– Мам, не обижайся, но я не хочу говорить о Линвилле. От него не

было ничего хорошего при жизни, и как видно, после смерти стало ненамного лучше. Я тебе уже сказал, что его убил какой-нибудь бывший уголовник, и к тебе это не имеет никакого отношения.

Она молчала. Майкл по второму разу наполнил стаканы.

– Ну, выпей еще, и пойдем спать. Теперь я рядом, и тебе нечего бояться. А завтра проведем отличный день, ладно?

Наконец-то Мелисса улыбнулась, впервые с того момента, как приехал Майкл. И пусть он так грубо перебил ее, когда она заговорила о Ричарде, – сын был рядом, и его спокойствие благотворно влияло на нее. Майкл не знал всей истории, не знал даже в общих чертах – и все-таки он, возможно, был прав: она беспокоилась на пустом месте. Всюду видела призраков. Сама же сочинила безумную историю и сводила с ума себя и окружающих...

– Не могу дождаться утра, – сказала она.

Пятница, 23 мая

Опасения Стеллы оправдались в полной мере. Дождь лил как из ведра, а тяжелые тучи нависали так низко, что горизонт расплывался, и не видно было, где оканчивалась земля и начиналось небо. Вересковые пейзажи были лишены всяких красок, как и в любое время года, но в солнечную погоду они таили в себе некое очарование. Нынешний ландшафт ничем не отличался от ноябрьского. И запустение вокруг лишь усиливало ощущение безнадежности.

На последних милях узкой дороги навстречу им с большим интервалом проехали всего две машины, затем они свернули на грунтовку, и больше им вообще никто не попадался. В завершение путь их пролегал по проселочной дороге, ведущей в долину, где располагалась бывшая ферма. Вытянутое строение из серого камня, которого в этой местности было в избытке, с низкой крышей и маленькими окнами, устроенными глубоко в толстых стенах. Рядом стояло еще одно строение, амбар или сарай, но, по всей видимости, оно никак не использовалось, и тяжелая дверь была заперта. Немоощный двор утопал в грязи.

– Мамуль, мне здесь не нравится, – было первым, что сказал Сэмми, когда они остановились и вышли из машины.

Стелла выругалась, потому что встала в лужу и мгновенно промочила ноги насквозь.

– Да, милый, сегодня здесь не очень красиво. Но ты удивишься, как здесь здорово, когда светит солнце, да и в доме так уютно!

О последнем оставалось только молиться. А что до солнца – в данный момент сложно было представить, что оно вообще когда-нибудь здесь снова появится.

Джонас отпер дверь, и они поспешили войти, чтобы не мокнуть под проливным дождем. Стоя на каменном полу, дали воде стечь и огляделись.

– Ага, – произнесла наконец Стелла.

Изнутри все выглядело не так уж плохо.

Как выяснилось, дом был очень комфортно обустроен и располагал всеми удобствами, к каким привык избалованный городской житель – за исключением техники, вроде телевизора, радио и компьютера. Зато посреди кухни стояла современная плита, имелась микроволновка, вместительный морозильник. И даже машина для мороженого – совершенно необходимая в здешних условиях, как скептически отметила Стелла. Ее настроение

заметно улучшилось, когда она увидела гостиную, устланную толстыми коврами, обставленную красивой, старинной мебелью, а затем и спальни на втором этаже, убранные с не меньшей заботой. Воздух был немного стылый, но они разожгли камин и включили газовое отопление, пока огонь не разгорелся как следует.

– Жить можно, – заключил Джонас, осмотрев книжные полки. – У него тут превосходная литература. Будем читать, спать, готовить вместе, гулять... и я стану другим человеком.

Стелла с радостью сказала бы, как здорово это звучит и как она рада предстоящим дням, но в своих планах Джонас не учел такой немаловажный фактор, как Сэмми. Чтение, сон или прогулки не имели в его глазах никакой ценности. А в совместной готовке его интересовало разве что поедание конечного продукта, и только в том случае, если блюдо было из тех, что заслуживали его благосклонности: куриные наггетсы с картошкой, пицца, спагетти с фаршем или рыбные палочки с картофельным пюре.

– Я пока съезжу в город, закуплю продукты, – сказала Стелла.

К ее облегчению, Сэмми предпочел остаться с отцом, и она отправилась в Уитби в одиночку. Там, если верить владельцу дома, находился ближайший супермаркет, где можно было купить все необходимое. Коллега Джонаса подробно объяснил дорогу, и Стелла довольно быстро сориентировалась. По счастью, на ферме был вместительный морозильник. Она набила багажник универсала, чтобы в ближайшие восемь дней не пришлось ездить за покупками.

На обратном пути Стелла притормозила в том месте, где проселочная дорога убегала к ферме. Встав у обочины, она откинулась на спинку сиденья и взглянула на каменный дом, затерянный посреди долины, под низкими тяжелыми облаками. Из трубы поднимался дым, и это дарило ощущение уюта. Джонас, наверное, распаковал чемоданы, а может, уже и застелил кровати. Сэмми наверняка пытался помогать и без конца путался под ногами. Интересно, Джонас уже нервничает оттого, что оторван от работы и повседневной рутины? Следуя советам доктора Бента, он отказался от любых средств коммуникации, оставил дома ноутбук и смартфон и без телефона на ферме был недоступен для внешнего мира. Джонас, который обычно проверял почту каждые десять минут... Стелла подозревала, что в первые несколько дней его ожидала настоящая ломка. Свой мобильник она, конечно, взяла, но не собиралась использовать его, кроме как в экстренных случаях. Тем более что на ферме все равно не было приема. Из любопытства Стелла достала телефон и взглянула на дисплей. Здесь, на холме, уровень сигнала еще выдавал два жалких деления, и все

же это было лучше, чем ничего. В случае острой необходимости она могла подняться сюда. То было странное ощущение изоляции, но Стелла убеждала себя, что за две недели их пребывания здесь вряд ли в мире произойдет что-то такое, о чем непременно следовало бы знать. Дома все было улажено, соседка согласилась забирать их почту и поливать цветы, и каких-то сложностей в этом не предвиделось. И все-таки Стелла не могла отделаться от тревожного чувства, которое преследовало ее с той минуты, как Джонас изложил ей свой замысел, и она сама не понимала, откуда брала начало эта подспудная нервозность. Возможно, это была нормальная реакция на предстоящий курс *детоксикации*, в котором нуждался только Джонас, а Стелла оказалась лишь вовлеченной. Теперь и она внезапно осталась без связи с внешним миром, и ощущение это было непривычным и пугающим. Ей вдруг подумалось, как хорошо было бы включить вечером телевизор и посмотреть новости, но даже этот привычный и непримечательный досуг оказался ей недоступным.

Дождь, одиночество, запустение. Стелла задавалась вопросом, не обострились ли на этом фоне ее опасения, что к ним внезапно нагрянут Терри и Нил. Может, в этом крылась причина ее нервозности?

Они не давали знать о себе с начала мая. Ни звонков, ни сообщений, ничего. Джонас давно махнул на них рукой.

– Вот увидишь, они больше не объявятся. Для них это был ознакомительный визит, и он не принес желаемых результатов.

Постепенно у Стеллы сложилось такое же впечатление. Нет, не там следовало искать корни ее беспокойства...

«А может, – подумалось ей внезапно, – все дело в том, что придется провести четырнадцать дней бок о бок с Джонасом? Пугает ли меня это?»

Они с Джонасом познакомились тринадцать лет назад, во время съемок двухсерийного фильма. Джонас написал сценарий, Стелла выступала в качестве продюсера, и для нее это был первый самостоятельный проект. Джонас, что нетипично для сценариста, постоянно околачивался на съемочной площадке и действовал всем на нервы. Каждое изменение по тексту вызывало у него ломку. Каждую вырезанную сцену он воспринимал как личное оскорбление и ввязывался в бесконечные споры с режиссером. В конце концов тот не выдержал и вызвал к себе Стеллу.

– Или он уберется отсюда, или я все сворачиваю. Я не могу так работать, никто не может так работать. Я не собираюсь часами обсуждать каждое изменение с этим невротиком!

– Это его первый рабочий сценарий для фильма, – попыталась

объяснить Стелла. На тот момент Джонас был для них открытием, его считали одаренным, но при этом несносным. – У него просто нет опыта.

– Мне все равно. Утихомирь его. Сходи с ним пообедать, тактично объясни, что он здесь только мешается. И сделай так, чтобы он как можно скорее погрузился на поезд, и потом пусть убирается куда подальше!

Стелла и в самом деле взяла на себя инициативу и пригласила Джонаса поужинать. Тот почти не ел, зато болтал без умолку и пытался объяснить ей, каким ему виделся фильм и почему он считал, что режиссер все загубит. Его меткие мысли и продуманные идеи очаровали Стеллу, и она слушала его как завороченная, отметив при этом, какие у него красивые глаза и чудесные руки, как он умен и чуток, как не похож на всех других мужчин, которые встречались ей прежде.

За те несколько часов она влюбилась в него без памяти, а он – в нее. Через год они поженились...

И вот, спустя столько лет, Джонас был на грани эмоционального выгорания, и теперь им предстояло провести две недели на ферме посреди йоркширских болот. По плану доктора Бента, это должно было помочь Джонасу вновь обрести внутреннюю гармонию. Впрочем, сказать *вновь* было бы не совсем верно. По наблюдениям Стеллы, он никогда и не был склонен к внутреннему спокойствию. Она давно заметила, что у него дела идут не лучшим образом. Для Джонаса оказалась чрезмерной та роль, которую она взвалила на него. Поскольку Стелла оставила работу, он стал единственным кормильцем в семье, вынужден был обеспечивать жену и ребенка, выплачивать кредит за дом в Кингстоне. Это получалось лишь на том условии, чтобы Джонасу хватало материала и он придумывал хорошие сюжеты, чтобы его идеи имели спрос в киноиндустрии и ему заказывали сценарии. Теперь невозможно было представить, чтобы творческий процесс протекал для него в спокойной обстановке – его фантазия работала на износ, под финансовым давлением. Джонас, как и прежде, проделывал хорошую работу, пользовался спросом, и ему неплохо платили, но чувствовалось, что ему приходится прикладывать все больше усилий, чтобы удовлетворять высоким требованиям, и это давление подрывало его веру в себя. Им овладел такой страх перед провалом, что Джонас был близок к тому, чтобы самому спровоцировать катастрофу.

В глазах Стеллы он был художником. И, наверное, художники не подходили на роль кормильцев.

Накануне перед отъездом произошел инцидент, который едва не заставил Джонаса отказаться от своей затеи. Киностудия приостановила его проект о беженце из Ирака, Хамзе Халиде. После встречи с иракцем

Джонас успел написать набросок сценария, и в электронном письме подчеркивалось, что отказ никак не связан с его работой. После долгих дискуссий в студии они пришли к выводу, что судьба Хамзы Халида не найдет большого отклика у зрителей. Современный Ирак беспокоили совсем другие темы, Саддам Хусейн стал историей, и его жертвы никого больше не интересовали. Как ни трагична судьба отдельных людей, миру не было до них никакого дела.

Джонас разволновался. Но Стелла, долгое время проработав в кинопроизводстве, могла понять их позицию. Этот фильм стал бы отдушиной для несчастного Хамзы Халида, однако в задачи киностудии не входила психологическая помощь отдельным лицам. Джонасу посоветовали сразу известить иракца, чтобы тот не цеплялся напрасно за эту надежду, но ему не хватило духу.

– Для него это будет катастрофа. Я не могу бросить его в такой ситуации, но с завтрашнего дня мой телефон будет недоступен... Стелла, я так не могу!

– Ты же в няньки ему не нанимался!

– И все равно я не могу. Нам придется все отменить. Я встречу с Халидом и...

– Нет. Ничего мы не будем отменять. Все уже приготовлено, и доктор Бент говорит, что это важно. Подожди две недели, а по возвращении известишь Халида.

Это была единственная возможность спасти поездку, но Стелла чувствовала, что Джонас, не известив Халида сразу, взвалил на себя ненужное бремя. Его угнетала мысль о том, что по возвращении ему первым делом придется разговаривать с несчастным беженцем. Оставалось только надеяться, что это не сведет на нет все устремления доктора Бента.

Такие вопросы следует улаживать сразу, думала она теперь. А в следующий миг задалась вопросом: не в этом ли причина ее нервозности? Эта манера, в какой Джонас реагирует на трудности. Иногда Стелла считала его слишком уж мягкотелым. При всей любви к нему, она могла охарактеризовать их ситуацию иначе: две недели в полной изоляции, в компании слабовольного мужа и пятилетнего ребенка. Неудивительно, что такая перспектива кажется ей столь гнетущей...

Нет, она слишком много думала.

Стелла вновь завела мотор и повернула к ферме. Машина затряслась по ухабам. Нужно распределить продукты по местам и решить, что приготовить на ужин.

Когда она вошла в дом, оказалось, что Джонас и не думал

распаковывать чемоданы или застилать кровати. Зато с кухни тянуло восхитительным ароматом. В следующий миг они предстали перед ней: Сэмми, перемазанный томатной пастой и счастливый, и Джонас с поварешкой в руке.

– Тут нашлась пачка спагетти. И готовый соус. Ты голодна?

Теперь, когда муж спросил об этом, Стелла ощутила зверский голод. Она увидела, что на кухне уже накрыт стол и горят свечи. Сэмми нарвал цветов, и с них капала вода, так что белоснежная скатерть под вазой вымокла насквозь. Мальчик был в восторге.

– Смотри, мам, как мы классно придумали! Тебе нравится?

Мрачные мысли рассеялись, буквально растаяли в этом теплом мгновении. Стелла взяла за руки Сэмми и Джонаса.

Она и в самом деле слишком много думала.

Среда, 4 июня

Дождь не переставал уже который день, и холод стоял совсем не характерный для первых чисел июня. Кейт включила электрический камин в гостиной. Она понимала, что необходимо уже решить, как поступать с домом, но за четыре недели со дня приезда едва ли что-то предприняла в этом направлении. При этом Кейт переделала немало дел по дому. Навела порядок в саду, как этого хотелось бы отцу: повыдергивала сорняки, обрезала кусты, подстригла траву. Затем подвязала розы, что увивали стену со стороны кухни. Прибралась в сарае, где хранились садовые принадлежности. Единственное, к чему Кейт пока не смогла подступиться, это шкаф в спальне отца. Ей так и не хватило духу перебрать вещи и отвезти их в пункт приема. Как-то раз она уже попыталась, но уже через час сидела заплаканная среди рубашек, свитеров и брюк, вдыхала слабый аромат отцовского лосьона и так и не смогла себя пересилить. В конце концов сложила все обратно. Кейт не знала, что будет делать, если все же решится продать дом. Забрать все в свою маленькую квартиру в Лондоне она, конечно, не могла. А при мысли обратиться в службу по вывозу вещей приходила в ужас. И что ей делать потом? Вернуться к прежней жизни, продолжать бездарно бороться с отбросами общества, раскрывать убийства или, на худой конец, участвовать в их раскрытии? Ни друзей, ни добрых отношений с коллегами. А теперь и без этого прибежища в Скалби, где она всегда ощущала тепло и уют родного места... Собственная жизнь представлялась ей темным бесконечным туннелем, и в конце его не мерцало даже проблеска света. Беспросветный мрак, и никакой надежды. Она потеряла последнего человека, которому была небезразлична. Порой Кейт спрашивала себя, оставался ли во всем этом хоть какой-то смысл.

Возможно – если убийство наконец-то будет раскрыто. Возможно, тогда она сможет перевернуть эту страницу. Разумеется, она будет скорбеть по отцу до конца своих дней, – но, быть может, у нее появится какая-то надежда на собственное будущее, если только она узнает, кто убил его. И почему это произошло.

Каждые два дня Кейт созванивалась с Калемом, но у того не было никаких новостей. Денис Шоув по-прежнему скрывается. Его разыскивали, но он как сквозь землю провалился.

– Мы его разыщем, – повторял Калем, – никто не может скрываться вечно.

– А если он уже покинул страну? – спросила однажды Кейт.

– Маловероятно. Сразу после исчезновения мы разослали его фото по всем пунктам пропуска. Ему не выбраться.

Кейт промолчала. Конечно, Калеб не хуже нее понимал, что возможностей было предостаточно.

Кроме того, как сообщал старший инспектор, они продолжали разбирать старые дела Ричарда, но пока без ощутимых результатов. Как видно, Шоув действительно был наиболее вероятным кандидатом, но его для начала следовало найти. Калеб всякий раз находил слова утешения, но Кейт достаточно долго проработала в полиции и понимала, что расследование давно достигло проблемной фазы. Им не удалось установить личность преступника в короткий срок после убийства или хотя бы нащупать реальный горячий след. Каждый день, прошедший безрезультатно, работал против них.

И был на руку убийце.

В ту среду Кейт поняла, что должна принять решение. До конца отпуска оставалось еще две недели. Затем ей придется вернуться к работе. Нужно было что-то придумать насчет дома.

Кроме того, она не могла изо дня в день тарашиться на дождь и зябнуть. Кейт чувствовала, как ее покидают душевные силы.

Если б я только могла что-то сделать!

Кейт раздумывала, стоит ли снова звонить Калебу. Она уже звонила ему накануне и вообще-то решила не названивать *каждый* день, чтобы, в конце концов, не разозлить его и тем самым лишиться своего единственного информатора. Пока Кейт колебалась в нерешительности, раздался звонок. Такого не происходило так давно, что в первый миг Кейт не сообразила, откуда взялся этот звук и что он означает. Затем она бросилась на кухню, где лежал мобильник. Возможно, это Калеб. Может, они что-то наконец выяснили.

– Да? Алло? – ответила она, запыхавшись.

– Кейт? – раздался в трубке женский голос. – Это ты? Это Кристи.

– А, Кристи, – Кейт не смогла скрыть разочарования.

Детектив-сержант Кристи Макмарроу, ее коллега по Скотланд-Ярду. Она давно стала бельмом у нее на глазу, поскольку всегда преуспевала в службе, была на хорошем счету у шефа, пользовалась всеобщим вниманием и имела кучу друзей. Кристи тоже жила одна, но ей такая жизнь была по душе, и в свободное время она частенько обходила в пестрой компании бары и пабы Лондона. Кейт надеялась когда-нибудь получить доступ в обширный круг друзей Кристи, но шанса так и не выпало. Их

вообще ничего не связывало. Да, они работали вместе, но Кристи всякий раз давала понять, что встречи вне служебного времени ей не интересны.

Вот и теперь она вряд ли звонила из дружеских побуждений. Наверное, шеф попросил напомнить, что скоро ей необходимо вернуться к службе.

– Ну? Как ты? – спросила Кристи.

«Ясно было, что она спрашивает скорее из вежливости, без искреннего участия. Или, – думала Кейт, – я вижу это в таком негативном свете». Кристи, как и остальные коллеги, была шокирована убийством Ричарда Линвилла. И при всей неприязни к ней, *такого* никто не мог ей пожелать.

– Жить можно, – ответила Кейт. А затем честно добавила: – А вообще, не очень, Кристи. Честно... я еще толком ничего не устроила.

– Неудивительно. Только вот разумно ли проводить там столько времени... в этом доме? Я к тому, что там буквально все напоминает о том, что случилось.

«Как будто в любом другом месте я об этом вспоминать не буду», – подумала Кейт.

– Не могу же я просто забросить дом, – ответила она.

– Нет, конечно. Но, возможно, тебе лучше поскорее найти покупателя или съемщика.

– Сначала нужно избавиться от вещей, – робко заметила Кейт.

– А ты еще не приступала? – спросила изумленно Кристи.

«У нее вообще нет привязанностей, – подумала Кейт, – ни к кому и ни к чему. Она не понимает, каково это – потерять последнего близкого человека».

– Нет, – сказала она, – еще не приступила. Я пыталась, но... это не так легко.

– А я бы вот как поступила, – начала Кристи, хотя Кейт даже не спрашивала ее совета. – Оставила бы несколько особенно дорогих вещей, а остальное предоставила бы службе по вывозу. Затем продала бы дом, а на вырученные деньги купила бы шикарную квартиру в Лондоне. Ну зачем тебе дом в Йоркшире? Ты живешь и работаешь в столице. Здесь сосредоточена твоя жизнь!

«Вовсе нет, – подумала Кейт, – она была сосредоточена здесь, в Скалби. Здесь был мой центр притяжения. Я лишилась его и теперь не знаю, где мое место в жизни».

– Я как-нибудь разберусь, – произнесла она отрывисто и холодно, хоть этого и не было в ее намерениях.

В следующий миг у нее пронеслось в голове: «Неудивительно, почему

у меня нет друзей. Возможно, Кристи действительно пыталась помочь. Наверное, я сама веду себя так отталкивающе...»

– Прости, – поспешила она исправиться. – Понимаю, ты хочешь как лучше, но...

– Все нормально, меня это и в самом деле не касается, – перебила ее Кристи.

Краткий миг откровенности между ними растаял так же быстро, как и возник. Кристи между тем продолжала:

– Я, собственно, почему звоню... Тебе тут кое-кто позвонил. Некая... – Послышался шорох; очевидно, Кристи разгребала бумаги на столе. – Вот. Мелисса Купер. Из Халла.

– Халл? Это же здесь, рукой подать!

– Но она думала, что ты в Лондоне. Она понятия не имеет, что ты в Скалби, и я ничего ей не сказала. Ей нужно срочно с тобой поговорить. Конечно, я не дала ей твой номер, зато записала ее. Она просила позвонить как можно скорее.

– Мелисса Купер?.. Я никого не знаю под таким именем. А она сказала, что ей нужно?

– Да. Сказала, что должна поговорить с тобой о твоём отце.

– О моем отце?

Сердце у Кейт забило с удвоенной скоростью. Быть может, эта Мелисса Купер предоставит им информацию, которой они все так ждали? Ту недостающую деталь, которая наконец-то сдвинет расследование с мертвой точки?

– Да. Но я больше ничего не смогла из нее вытянуть. Я посоветовала ей обратиться в полицию Скарборо, но она сказала, что это личное. Так что я не знаю, идет речь об убийстве или о чем-то еще.

– Отец никогда не называл этого имени. Я знала, с кем он водил знакомство. У него был не такой уж и обширный круг общения, и Мелисса Купер никогда в нем не фигурировала. Думаю это... как-то связано с убийством.

Возможно, это знакомая Дениса Шоува. И она что-то знала или видела.

«Но откуда она знает обо мне? Откуда ей известно, что я живу в Лондоне и работаю в Скотланд-Ярде?»

Неважно. Скоро она это выяснит.

– Ты же понимаешь, что не *ты* ведешь расследование? – заметила Кристи.

«Да, мисс Всезнайка. Только вот впечатление такое, будто этим делом никто не занимается. По крайней мере, непохоже, чтобы кто-то надеялся на

сколь-нибудь существенный результат. Следствие просто застопорилось. Возможно, до смерти старого полицейского никому и дела нет».

Это было несправедливо. И она это понимала.

– Кристи, если эта миссис Купер желает говорить только со мной, наверное, не стоит натравливать на нее полицию. Есть риск, что она вообще замолчит. Можешь дать ее номер?

Кристи продиктовала ей номер. Кейт торопливо нацарапала цифры на обратной стороне календаря, висевшего на кухне.

– Но ты же не станешь ничего предпринимать? – вновь спросила коллега.

Кейт закатила глаза.

– Кристи, я не ребенок. Я позвоню этой женщине, и если то, что она захочет сказать, как-то связано с расследованием, само собой, я не стану держать это в секрете.

– Хорошо. И еще, Кейт: не хочу действовать на нервы, но... не убивайся так. Жизнь продолжается.

«В самом деле? Потому что вы все так мило со мной обходитесь?»

– Спасибо, что позвонила, Кристи. До скорого.

– Пока, Кейт.

Она едва успела сбросить вызов – и тут же набрала номер Мелиссы Купер. У нее появилось твердое убеждение, что теперь расследование действительно сдвинется с мертвой точки.

* * *

Примерно в три часа Кейт села в машину отца и тронулась в путь. Она и сама не понимала, как сумела дотерпеть до этого времени. Чтобы как-то отвлечься, вычистила дом сверху донизу, даже вымыла окна, и теперь все блестело и сверкало, и дышало ароматом цитруса. Все это время Кейт думала об этой женщине. И по мере размышлений росло ее беспокойство.

У Мелиссы Купер был приятный голос, но как будто принадлежал человеку, который жил в постоянном ощущении тревоги. Напуганный, затравленный. Она объяснила, что работала секретарем в начальной школе и освобождалась в половине пятого. Когда выяснилось, что Кейт сейчас не в Лондоне, а в Скалби, Мелисса не смогла скрыть удивления и облегчения. И предложила встретиться.

– Примерно в пять часов я буду дома. Вам удобно будет подъехать?

Единственное, что не устраивало Кейт, это время. Пять часов! Еще так

долго!

– Мне хотелось бы встретиться как можно скорее, – сказала Мелисса Купер, – но я не смогу уйти, а здесь мы не сможем поговорить с глазу на глаз.

У нее всегда такой напряженный голос? Вот так говорит человек на грани нервного срыва... Хотя, возможно, Кейт и преувеличивала. Не исключено, что эта миссис Купер постоянно пребывает в состоянии легкой истерии и стресса.

И все-таки... Кейт не могла отделаться от тревожного чувства. Она попыталась хоть что-то выяснить по телефону, но Мелисса дала понять, что не может говорить.

– Я здесь не одна, – прошипела она в трубку. – Позже!

Кейт записала адрес. Навигатор в машине показывал, что дорога займет примерно полтора часа. Выезжать в три часа было рановато, но она решила, что в крайнем случае лучше подождет в машине. К тому же никто не отменял заторов на дорогах.

Что-то подсказывало ей, что дело не терпит отлагательств. Возможно, в ней вновь проснулся полицейский инстинкт. Кейт уже думала, что давно утратила его, так долго он дремал. Но вполне вероятно, что она сама перестала к нему прислушиваться. Она давно утратила веру в себя, так с чего бы ей доверять своему инстинкту?

К счастью, дождь прекратился. Асфальт еще блестел влагой, но высокая трава вдоль обочин уже подсохла на ветру. Кейт двигалась в плотном потоке и была рада, что выехала заблаговременно. У Дриффилда произошла авария, и добрых двадцать минут они ползли со скоростью пешехода, поскольку все машины пропускали по обочинам. Кейт сидела как на иголках, но быстро взяла себя в руки. Не стоило терять самообладания. Или следующую аварию устроила бы уже она.

За десять минут до назначенного времени Кейт свернула на тихую улицу, где располагался дом Мелиссы Купер. Четырехэтажное строение из красного кирпича, стрельчатые окна в белом обрамлении, выкрашенные белым двери. Маленькие, подстриженные лужайки перед подъездами. Довольно благоприятный район. Не сказать, что зажиточный, но очень ухоженный. В каком-то смысле мещанский. Кейт задумалась, каким из себя человеком была эта Мелисса Купер. Сгорая от нетерпения, она прождала в машине до пяти часов, после чего вышла и прошла по мощеному тротуару к двери. Мелисса сказала, что живет на третьем этаже. Наверное, она уже дома? За последние десять минут по улице никто не проходил. Кейт нашла нужную кнопку звонка, нажала. Подождала немного. Ничего.

Должно быть, Мелисса задержалась. Кейт вернулась к машине и села, так что дом оставался в поле зрения, и Мелисса не могла пройти незамеченной.

В десять минут шестого никто так и не появился. Кейт выждала еще пять минут, после чего достала из сумки телефон и набрала номер Мелиссы. После шестого гудка включился автоответчик. «Это голосовая почта Мелиссы Купер. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение».

Возможно, Мелисса вела машину и не могла ответить. А может, застряла в пробке из-за какой-нибудь аварии, или в час пик на дорогах не протолкнуться... Но тогда почему она не позвонила? Кейт дала ей свой номер.

В половине шестого Кейт снова попыталась дозвониться до нее, но безуспешно. В этот раз она оставила сообщение.

– Здравствуйте, миссис Купер, это Кейт Линвилл. Сейчас половина шестого, я стою напротив вашего дома. Надеюсь, всё в порядке? Перезвоните, пожалуйста!

Она снова вышла из машины, подошла к двери и позвонила еще раз. Как и следовало ожидать, никто ей не ответил. В конце концов Кейт нажала кнопку у соседней таблички. На ней значилось Аклэм. Может, соседи подскажут ей, куда могла запропасться Мелисса...

По крайней мере, они были дома.

– Вы к кому? – послышался голос из динамика, и одновременно раздался сигнал магнитного замка. Люди неосмотрительны – Кейт постоянно убеждалась в этом на собственном опыте.

Она поднялась на третий этаж. На лестничной клетке было светло, и на каждой площадке стояли горшки с цветами. Пахло чистящим средством. Похоже, к чистоте и порядку здесь было особое отношение.

На третьем этаже перед дверьми стоял мужчина и недоверчиво смотрел на незнакомку.

– Вы к кому? – повторил он вопрос, на который Кейт так и не ответила.

Она приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте. Вообще-то я к миссис Купер. Мы договорились встретиться в пять часов, а сейчас уже половина шестого, и ее, похоже, до сих пор нет дома...

– Обычно миссис Купер возвращается не позднее пяти, – ответил мистер Аклэм. – Хотя иногда она еще заезжает за покупками, но сегодня явно не тот день.

– Нет. Мы договорились сегодня в полдень, так что забыть она не могла.

– Странно... – Мистер Аклэм взглянул на дверь соседней квартиры. – И я, как правило, слышу, когда она возвращается. Здесь, знаете ли, отличная слышимость. А вот сегодня я ничего не слышал... Похоже, она и в самом деле еще не вернулась.

– Это очень странно, – согласилась Кейт. Тревожное чувство, преследовавшее ее с полудня, заметно усилилось. – Она же работает в школе? Вы, случайно, не знаете, в какой? Я могла бы поехать туда и спросить насчет нее.

В глазах мистера Аклэма снова вспыхнуло недоверие.

– А вы ее подруга? Или знакомая?

Кейт колебалась недолго. В текущих обстоятельствах у нее не имелось никаких полномочий поступать так, но это был безотказный способ расположить к себе собеседника. Она достала из сумки удостоверение.

– Сержант Кейт Линвилл, полиция Лондона.

Это произвело нужный эффект.

– Полиция Лондона? Скотланд-Ярд?

– Мистер Аклэм, мне срочно нужно поговорить с миссис Купер.

– А я ведь тоже ей советовал, – сказал мужчина. – Ну, обратиться в полицию, пока она совсем с ума не сошла. Поговорить с кем-то, кто в этом разбирается. Хорошо, что она позвонила вам, это весьма благоразумно.

Кейт нахмурилась.

– Вы советовали ей обратиться в полицию?

– Ну да. Она в последнее время была сама не своя. Признаться, я думал, это она сама себя накручивает, но потом подумал... как знать, всякое бывает. И решил, если полиция во всем разберется и выяснится, что за этим ничего нет, тогда миссис Купер снова сможет спать спокойно. И наконец забыть обо всем этом.

– А что именно рассказывала миссис Купер?

– Ей постоянно казалось, будто за ней кто-то следит. Наблюдает, подстерегает повсюду, или что там еще, не знаю. А недавно постучалась ко мне посреди ночи, потому что снова кто-то стоял перед домом и высматривал ее через окно. Я сам посмотрел на улицу, но там никого не было. Я не знал, как реагировать на это. Вообще-то миссис Купер была весьма благоразумной женщиной, и ничего странного за ней не водилось. Но мне кажется, ей слишком одиноко. Во всяком случае, по вечерам и в выходные она всегда одна. Муж умер довольно рано, а сыновья ее почти не навещают...

В голове у Кейт мысли сменяли друг друга с лихорадочной быстротой. Мелисса Купер чувствовала за собой слезку. Это объясняло то

впечатление, которое возникло у Кейт во время телефонного разговора: затравленная женщина, нервная и встревоженная. Загнанная в угол. И она что-то знала о ее отце – который был жестоко убит...

Теперь Кейт не сомневалась, что Мелисса Купер в опасности. И тот факт, что она до сих пор не объявилась, не сулил ничего доброго.

– Мистер Аклэм, я должна срочно поговорить с миссис Купер. Как мне добраться до школы?

– Неподалеку от Саттон-Парк. Это... как бы лучше объяснить...

– Не утруждайтесь, у меня есть навигатор. Спасибо, мистер Аклэм, вы мне очень помогли.

С этими словами Кейт развернулась и поспешила вниз по лестнице.

Пока она бежала к машине, ей пришло в голову, что, по всем предписаниям, следовало отправить к школе патруль, поскольку они добрались бы туда намного раньше. С другой стороны, она была не при исполнении и не участвовала в расследовании. Вероятно, она потратила бы больше времени, объясняя недотепистому участковому, почему ей, сотруднице Скотланд-Ярда, срочно потребовалось подкрепление в Халле, поскольку какая-то женщина сорок пять минут не выходит на связь. Конечно, можно было позвонить напрямую Калебу Хейлу, но Кейт сознавала, почему не прибегла к этому: она *сама* хотела поговорить с Мелиссой Купер. Услышать все первой. Ей не хотелось получать *эту* информацию из вторых рук, отфильтрованную Калемом.

Кейт ввела в систему навигатора запрос по Саттон-Парк и завела мотор.

Саттон-Парк представлял собой площадку для гольфа и раскинулся на громадной территории. С первого захода Кейт не увидела по его периметру ничего, что напоминало бы школу. Она ехала по бесконечному лабиринту одинаковых улиц, кирпичных домов с эркерами и слуховыми оконцами, выстроенных в псевдовикторианском стиле. Но квадратные гаражи за палисадниками, похожие скорее на блочные контейнеры, выдавали современную застройку и портили все впечатление. Кейт выругалась вполголоса, блуждая по этой игрушечной стране, в которой ни одна травинка не посмела бы вырасти выше других, отклониться хоть на градус в сторону или быть иного оттенка. То и дело перед ней вырастала темно-зеленая ограда, что окружала поле для гольфа, и всякий раз Кейт заезжала в тупик или на разворот.

«Слишком долго! Надо было позвонить Хейлу...»

Кейт прочесывала улицу Гленигс-роуд, от которой разбежались бесчисленные проулки. Все они неизбежно оканчивались тупиками, и сержант уже готова была при первой же возможности остановиться и вызвать подкрепление. Но вот она увидела школу в конце одного из проулков, расположенную в отдалении от жилых домов, среди густой зелени. Массивное здание, рядом несколько павильонов поменьше, асфальтированные дворики между строениями, соединенные дорожками, лужайки и даже игровая площадка со спортивными комплексами. Новая, современная школа, еще ничего не поломано, на стенах и заборе нет граффити.

«Впрочем, – подумалось Кейт, – это же начальная школа. Наверное, в таком возрасте у детей еще не возникает желания рисовать всякую похабщину на любой чистой поверхности».

Она проехала в открытые ворота и увидела на парковке справа одну-единственную машину. Кейт готова была поспорить, что это машина Мелиссы Купер. По всей вероятности, та еще не уходила. Но почему она не отвечала на звонки? Почему не позвонила сама? Шел уже седьмой час. Разговор с Кейт был так важен для нее, что она даже позвонила в полицию Лондона. Мелисса Купер *не могла* забыть о встрече.

Кейт вышла из машины. В это время на территории школы все словно вымерло. Сложно было представить, как здесь резвились дети, смеялись и кричали, играли в догонялки, спорили и ругались. Но при этом всего пару

часов назад здесь кипела жизнь. Мамы забирали детей, раздраженно искали свободное место на парковке, дети медленно плелись к воротам, а сзади уже напирали другие. Кейт вообразила, какой здесь стоял гомон. Теперь же всюду царил гробовая тишина.

Секретариат, как предположила Кейт, располагался в главном корпусе. Но когда она попыталась войти в холл, оказалось, что стеклянная дверь заперта. Кейт дернула ее несколько раз, хотя понимала, что в этом нет никакого смысла. Кто запер дверь? Мелисса? Может, она уже ушла, а на парковке стоит вовсе не ее машина? *Но тогда где она?* Кейт обошла здание, попыталась заглянуть в окна, но те в большинстве своем были защищены от любопытных взглядов шторами-жалюзи. В одном из окон Кейт увидела классную комнату: на доске написано несколько строк, стулья подняты на парты.

И кругом ни души.

Кейт развернулась, раздумывая, как быть дальше, и вдруг услышала голос:

– Мадам? Вы что-то ищете? – Школьный двор, ведя рядом велосипед, пересекал мужчина. – Могу я вам помочь?

– Мы договаривались встретиться с Мелиссой Купер, – ответила Кейт. Мужчина качнул головой.

– Ее здесь уже нет. Она уходит не позднее половины пятого.

– Но ее машина стоит на парковке, – возразила Кейт.

Мужчина отошел в сторону, чтобы взглянуть на парковку, и нахмурил брови.

– Действительно... Это ее машина. Не понимаю...

– Вы, наверное, смотритель?

Он взглянул на нее с недоверием.

– А кто спрашивает?

И снова пошло в ход удостоверение. Кейт просто не знала другого, более быстрого и надежного средства.

– Сержант Кейт Линвилл, Скотланд-Ярд. Пожалуйста, отворите дверь.

В мимике и движениях мужчины произошла разительная перемена. Теперь он выглядел таким запуганным, что это едва не вызывало подозрение.

– Скотланд-Ярд, Господь всемогущий! Неужели с миссис Купер что-то случилось? У нее что-нибудь стряслось?

– Вы можете открыть дверь? – повторила Кейт, оставив его вопросы без внимания.

Мужчина прислонил велосипед к стене и достал из кармана связку

ключей.

– Я запираю главный корпус в половине шестого. Но сегодня там, – он кивнул в сторону одного из павильонов, – вырубило свет, и я вот провозился до сих пор... Иначе тоже давно ушел бы.

Они направились к главному входу. Кейт шагала так быстро, что полноватый смотритель с трудом за ней поспевал.

– Вообще школа открыта до половины четвертого. Потом приходят уборщицы и наводят здесь порядок, примерно до половины пятого. Мелисса тоже частенько задерживается и доделывает кое-какую работу, до которой руки не дошли в течение дня. Можете себе представить, какая тут всегда суматоха... Обычно сразу я запираю все после уборщиц, но для Мелиссы это не проблема. У нее есть собственный ключ, и она может выйти в любое время.

Они подошли к дверям. Смотритель отомкнул замок.

– Как попасть в секретариат? – спросила Кейт.

– За мной! – скомандовал смотритель.

Все это постепенно его увлекало, однако Кейт не могла разделить его азарт. Чувство тревоги все нарастало. Едва ли происходящему можно было дать какое-то разумное объяснение.

Длинные, пустые коридоры. Линолеум скрипел под ногами. На крючках вдоль стен кое-где висели позабытые куртки, один раз на глаза попала даже вязаная шаль. И всюду в воздухе стоял этот школьный запах, наверное, одинаковый во всем мире. Просто невозможно было спутать его с чем-то другим. Кейт словно перенеслась назад во времени, в счастливую пору школьных лет. Как и многие другие дети и подростки, она думала, что жизнь станет лучше только с окончанием школы. Чтобы позднее осознать, что лучшие годы остались позади.

– Ну, вот мы и на месте, – объявил смотритель и завернул в открытый кабинет.

В следующий миг мужчина отпрянул назад, так что Кейт врезалась ему в спину.

– Боже правый, – просипел он. Кровь разом отхлынула от его лица.

Кейт оттеснила его в сторону.

– Не входите! Ничего не трогайте!

Говорить ничего и не требовалось. Пошатываясь, смотритель отошел к стене, бессильно сполз на скамейку и спрятал лицо в ладонях. Его лоб блестел от испарины.

Глазам Кейт открылось ужасающее зрелище. И у нее ни на секунду не возникло сомнения, что на стуле посреди кабинета сидела Мелисса Купер.

Ее руки были стянуты скотчем за спинкой стула, вывернутые ноги примотаны тем же скотчем к ножкам. Юбка оказалась задрана, колготки разорваны на коленях и перепачканы кровью. Кто-то разбил ей коленные чашечки – молотком или, может, доской. Туловище тоже было в крови. Крови оказалось столько, что невозможно было понять, какого цвета на женщине кофта. Голова свесилась набок. Кейт увидела глубокий порез от уха до уха. Что-то было забито ей в рот и закреплено отрезком скотча – вероятно, чулок или платок. Мелисса не могла кричать, что объясняло, почему зритель ничего не услышал. Мелиссу Купер связали, пытали, а затем убили. И произошло это совсем недавно.

Кейт достала телефон. Полиция, «скорая». И Кaleb Хейл. В конце концов она позвонила старшему инспектору. Затем повернулась к зрителю. Следовало напомнить ему, чтобы он никуда не уходил. Но эта мера оказалась излишней: мужчина съехал со скамейки и лежал без сознания на полу. Кейт пощупала его пульс и решила, что можно подождать прибытия медиков. Затем, используя открытые двери в качестве прикрытия, двинулась по коридору. Неизвестно было, находится ли преступник по-прежнему в здании. Кейт сомневалась в этом, но следовала всем инструкциям, применяемым в подобной ситуации. Впрочем, не всем: согласно предписаниям, ей вообще не следовало действовать самостоятельно.

* * *

Полиция и медики были повсюду, школьный двор озарялся светом проблесковых маячков. Снаружи сгущались сумерки, а людей, казалось, только прибывало. Каждый был занят своим делом. Зрителя привели в чувство и отвезли домой на патрульной машине. Криминалисты снимали место преступления, медики провели предварительный осмотр тела. Причиной смерти однозначно стал порез на горле. Когда жертве разбивали колени, она была еще жива, но, вероятно, без сознания. Примерное время преступления: с половины пятого до пяти.

«Пока я бездейственно ждала перед ее домом», – подумала Кейт.

Она безучастно сидела на той самой скамейке, до которой прежде из последних сил добрал зритель. Насколько можно было судить, в здании больше никого не было. Но Кейт знала, что будет еще раз прочесан каждый метр школьной территории. Никто не рассчитывал найти преступника, но возможно, удастся найти какие-то следы.

На скамейку рядом с Кейт опустилась женщина. Ее лицо показалось сержанту знакомым, но она не могла вспомнить, где его видела.

– Джейн Скейпин. Мы виделись с вами в феврале.

Точно, детектив-констебль Скейпин из команды Хейла. Кейт вспомнила: это Джейн в феврале сопровождала ее в дом отца. Милая, молодая еще женщина – тогда она казалась ужасно нервной и совершенно измотанной.

– Ох, Джейн, простите... Я не узнала вас сразу, – сказала Кейт и огляделась. – А где Калеб Хейл?

Джейн кивнула куда-то в сторону.

– Разговаривает с руководителем опергруппы из Халла. Тот пока не может смириться с тем, что мы здесь околачиваемся и готовы отхватить это дело. Но Калеб умеет убеждать.

– Значит, вы тоже видите взаимосвязь?

Джейн кивнула.

– Я слышала, вы говорили Хейлу, что эта...

– Мелисса Купер.

– ...Мелисса Купер хотела поговорить с вами об отце. И вскоре после этого она найдена мертвой, убита, а нам открывается такая же картина, как...

Она не договорила.

«Вот еще одна причина, почему я постоянно чувствую себя вне игры, – подумала Кейт. – Эта предупредительность в разговорах, вечные недомолвки, деликатные выражения... В их глазах я не коллега – я родственница жертвы. А это совершенно иной статус».

– Та же картина, как и тогда, с моим отцом, – закончила она предложение. Жертва привязана к стулу, замучена, а затем убита.

– Само собой, мы усматриваем связь, – добавила Джейн и немного помолчала.

Девушка выглядела растерянной и потрясенной. Очевидно, ей стоило невероятных усилий, чтобы собраться и исполнять свои служебные обязанности.

«Она еще так молода, – думала Кейт, – ей приходится куда тяжелее, чем остальным...»

– Кейт – я же могу звать вас Кейт? – понимаю, как вы устали, но чем скорее я возьму у вас показания, тем лучше. Как вы познакомились с Мелиссой Купер? Что конкретно ей было нужно от вас? И почему вы здесь?

– Сожалею, но сказать особо и нечего, – ответила Кейт. – Я знаю не

больше вашего.

Она вкратце рассказала о том странном звонке в Скотланд-Ярд и о разговоре с Мелиссой Купер, который состоялся после. Как она дожидалась перед ее домом и в конце концов приехала в школу.

– Даже не представляю, что она хотела мне сказать, – заключила Кейт. – Прежде я ни разу не слышала это имя. И отец никогда не упоминал его. Знаю только, что голос у нее было такой напряженный... И сосед подтвердил это. Миссис Купер чувствовала какую-то опасность. Ей казалось, что за ней кто-то следит. Однажды перед ее домом якобы стоял человек и смотрел на нее. Она была напугана. И не напрасно, как мы теперь убедились. К сожалению.

Джейн сделала несколько пометок.

– И в этом отличие Мелиссы Купер от вашего отца, Кейт. Он ничего подобного не упоминал.

– Но это ничего не значит. Он не стал бы говорить об этом – хотя бы потому, что не хотел выставлять себя посмешищем. Кроме того, есть показания, что рядом с его домом видели подозрительную машину. Так или иначе, преступник был хорошо осведомлен насчет Мелиссы. И выбрал подходящий момент: в школе никого больше не было, уборщицы как раз ушли. Если б не поломка, смотритель тоже давно запер бы двери. Думаю, преступник намеревался перехватить Мелиссу возле машины. Но смотритель задержался, и ему удалось, немного скорректировав план, войти внутрь. В любом случае он знал распорядок Мелиссы. Определенно, он долгое время следил за ней.

– Я тоже так думаю, – согласилась Джейн. – Конечно, мы еще раз поговорим с этим соседом. В бумажнике жертвы нашли адреса и телефоны двух родственников – вероятно, сыновей. Один проживает в Шеффилде, его уже оповестили. Я надеюсь получить от него какую-то полезную информацию. В любом случае...

Договорить ей не дали. Появился Калев Хейл – и, как с ходу заметила Кейт, он был очень зол.

– Кейт, это совершенно неприемлемо, и полагаю, вы это осознаете. Как только Мелисса Купер с вами связалась, вы должны были сразу сообщить мне. Я уж точно не стал бы дожидаться встречи во сколько-то там вечером. Я приехал бы к ней немедленно. Возможно, у нас появилась бы какая-то информация, а миссис Купер осталась бы в живых. Мы могли избежать этой... казни!

– Сэр... – попыталась предостеречь его Джейн, но Калев лишь нетерпеливо отмахнулся.

– Кейт, я держал вас в курсе по ходу расследования. Предоставлял вам информацию в полном объеме, хоть это и не предусмотрено регламентом. Потому что всегда видел в вас коллегу, которая знакома с порядками и знает, как поступать с такими сведениями. Но и с вашей стороны я ожидал того же. Похоже, я здорово заблуждался на ваш счет...

Под напором его упреков Кейт чувствовала себя жалким ничтожеством. Кaleb был прав, во всем. Она снова все испортила – и явственно услышала, как вздохнули ее коллеги в Лондоне. *Наша Кейт!* И что хуже всего: возможно, она действительно уберегла бы несчастную от смерти, если б поступила более осмотрительно и поменьше думала о себе.

– Я думала... она хочет сказать мне что-то личное, – пробормотала Кейт.

– В расследовании убийства нет места для личного, – проворчал Кaleb. – И вы уж точно не могли расценивать это самолично! К тому же вы запросто могли оказаться здесь в момент преступления. Одна и, скорее всего, без оружия. Вы тоже могли бы быть мертвы.

– Я сожалею, – шепотом произнесла Кейт.

– Запоздалое раскаяние.

Кейт почувствовала мягкое прикосновение и повернула голову. Джейн тронула ее за плечо и едва заметно улыбнулась, словно говорила: «Он еще отойдет». «Но это не отменит моей вины», – подумалось Кейт. Она готова была разрыдаться, но сдержалась, поскольку знала, что это ничего не изменит. И Кaleb растерял бы остатки уважения к ней.

К ним подошел детектив-сержант Стюарт, тоже из команды Хейла. За ним следовал высокий, приятной наружности мужчина с густыми черными волосами и растерянным взглядом.

– Майкл Купер, шеф, – сообщил Стюарт. – Сын Мелиссы Купер. Приехал из Шеффилда.

– Я могу ее увидеть? – спросил Майкл. – Могу я увидеть свою маму?

Кaleb пожал ему руку.

– Соболезную, мистер Купер. Вы сможете увидеть маму, но не сейчас. Тело увезли, необходимо провести кое-какие обследования.

Казалось, Майкл в любой момент готов сорваться на крик. У него был беспомощный и совершенно пришибленный вид.

– Вы точно уверены, что убитая... моя мама? – спросил он.

Кaleb кивнул.

– Школьный смотритель уже опознал ее. А в сумке, лежавшей возле стола, мы нашли ее документы. Фотография в паспорте не оставила никаких сомнений. Сожалею. Ваша мама стала жертвой преступления.

У Майкла сразу поникли плечи, в глазах заблестели слезы.

– Я несся как ненормальный. Просто чудо, что не устроил аварию. Господи!.. – Он провел руками по волосам. – Это ужасно, просто невыносимо. Поверить не могу... Я позвонил брату. Он живет в Шотландии, придет ночью.

– Это хорошо, – мягко произнес Кaleb. – Сейчас вы нужны друг другу. Мистер Купер, я хотел бы задать вам пару вопросов. Пройдемте в один из классов, и я...

Майкл, словно не слыша его, продолжал говорить:

– Это все моя вина. Я не воспринял ее всерьез. Считал, что она все это придумала. Пожилая женщина, рассуждал я, постоянно одна, предается каким-то дурацким фантазиям. После той истории с Линвиллом она как-то переменилась, и, как я думал, попусту накручивает себя...

Все замерли.

– Что, простите? – хриплым голосом спросила Кейт и поднялась.

– Кейт! – предостерегающе произнес Кaleb.

Но она не обратила на него внимания и почти вплотную подступила к Майклу. Тот был выше нее почти на две головы.

– *История с Линвиллом?* Что вам об этом известно? Что вам известно о моем отце?

До сих пор Майкл просто говорил, не воспринимая ничего вокруг. Но последний вопрос мгновенно вывел его из оцепенения. Он уставился на Кейт таким взглядом, словно перед ним стояло какое-то невиданное существо.

– Вашем отце? Так вы...

– Кейт Линвилл, дочь Ричарда Линвилла. Ваша мама звонила мне сегодня и хотела встретиться. Прежде я никогда не слышала о ней и не знала, кто она и чего от меня хотела. Но она как-то связана с моим отцом, верно? Вы знали моего отца?

Майкла рассмеялся. Но в его смехе не было ничего веселого.

– Еще бы я его не знал... Но вы-то и понятия не имеете, ведь так? Моя мать была сокровенной тайной Линвилла и, как видно, оставалась таковой до конца.

Кейт чувствовала, что сердце ее готово выскочить из груди.

– Мистер Купер...

Он одарил ее пренебрежительным взглядом.

– С тех пор прошло почти шестнадцать лет. У матери завязались с Линвиллом отношения, и это продолжалось примерно четыре года. Мама рано овдовела, растила нас одна. И без памяти влюбилась в Линвилла.

Питала большие надежды. Но Линвилл не спешил, лез к ней в постель и после, тем же вечером, уезжал домой к жене. Мама все время верила, что в конце концов он останется с ней. Но этого, конечно, не произошло. Я не раз ее предупреждал. Мой брат ее предупреждал. Мы тогда жили отдельно, учились, но однажды она пригласила нас и познакомила с Линвиллом. Ему от этого было явно не по себе. И я сразу понял: он никогда этого не сделает. Не станет разводиться. Он что-нибудь сочинит и бросит ее. Так и произошло. Линвилл порвал с ней и вернулся в лоно семьи. Что станет с моей матерью, его не волновало.

Повисло молчание. Все стояли в оцепенении: Калев Хейл, констебль Скейпин, даже сержант Стюарт.

Кейт попыталась что-то сказать, но не смогла издать ни звука. В этот миг для нее не существовало никого, кроме Майкла: они словно оказались на острове, отрезанные от всего мира. Вокруг сновали сотрудники экспертного отдела, но Кейт их не замечала. И даже Калев со своими людьми словно растворились в воздухе. Остались только они с Майклом – и слова, произнесенные им секундой ранее.

Но вот к ней вернулся дар речи.

– Этого не может быть, – проговорила Кейт.

Казалось, ее боль каким-то образом помогала Майклу справиться с собственным страданием. Он повторил, буквально с удовольствием:

– Может. Все было так, как я и сказал. Ричард Линвилл использовал мою мать, внушил ей надежду и в конечном итоге просто бросил. Она с тех пор так толком и не оправилась, превратившись в подавленную, скорбную женщину, полную сомнений. И когда я прочел в газете, что Линвилла убили, то подумал, что справедливость все-таки есть на свете. Известие о смерти вашего отца действительно скрасило мне день. И моему брату тоже. Уж простите, но не хочу выражать притворные сожаления.

Четверг, 5 июня

Стелла проснулась, потому что кто-то позвал ее по имени. Сначала она решила, что ей это снится. Но затем поняла, что не спит, и задумалась: может, ей это *снилось*? И вот снова послышалось:

– Стелла!

Ей действительно кто-то звал. И довольно громко. Кто-то, кто находился снаружи.

Стелла убедилась, что Джонас рядом и спит. Он дышал размеренно и глубоко. После секундных колебаний она встала с постели, бесшумно вышла из комнаты и спустилась вниз. Ситуация была весьма странная, но Стелла решила выяснить, в чем дело. Она была не из тех, кто зарывается с головой под одеяло, лишь бы ничего не видеть.

В двери имелось небольшое окошко на уровне глаз, чтобы можно было взглянуть на непрошеного гостя и не впускать сразу. Стелла взглянула на часы, висевшие в прихожей: чуть за полночь. Действительно, не время для визитов.

Стелла открыла маленькую ромбовидную дверцу и выглянула. Снаружи стояла темень, плотные облака полностью скрывали луну. Но с юго-востока дул теплый ветер, и Стелла надеялась, что к утру он разгонит облака. Она уже истосковалась по солнечным дням.

Едва Стелла открыла дверцу, как перед ней возникло лицо, так неожиданно, что она испуганно отпрянула.

– Стелла!.. Господи, как хорошо, что вы не спите! Можно мне войти? Пожалуйста!

Стелла узнала голос Терри.

– Терри? – спросила она ошарашенно.

– Да, это я. Прошу вас, откройте!

– Вы одна?

– Да.

Стелла сдвинула засов и сняла цепочку. Как только дверь приоткрылась, Терри тотчас втиснулась внутрь. Затем сразу захлопнула за собой дверь и задвинула засов.

– Не знаю... может, он и гнался за мной...

– Кто?

– Нил. Он был так зол...

– Так, пойдете на кухню, – сказала Стелла. – Может, хотите чаю?

– А есть что-нибудь покрепче? – спросила Терри, последовав за Стеллой на кухню.

Та включила свет – и в тот же миг испуганно вскрикнула.

– Терри! Что с вами произошло?

Девушка неуверенно тронула лицо.

– Сильно заметно?

У нее были разбиты губы, левый глаз наполовину заплыл, и кожа вокруг уже стала лиловой. От брови по виску тянулась полоска спекшейся крови.

– Еще бы заметно! – воскликнула Стелла. – Это Нил?

Терри кивнула. Затем опустилась на скамью возле стола, спрятала разбитое лицо в ладонях и заплакала.

Действительно, ей требовалось что-то покрепче чая. Стелла плеснула в стакан виски.

– Вот. Выпейте для начала. А потом расскажите всё по порядку. – Но один вопрос так и просился на язык. – Как же вы нас нашли?

Терри не отвечала и продолжала плакать. Потом все же подняла голову, утерла рукавом слезы, при этом тихонько вскрикнув, после чего взяла стакан и залпом осушила его.

В этот самый момент на кухне появился Джонас, в синем халате и босиком. Он жмурился от яркого света.

– Что случилось?

– К нам пожаловала Терри, – иронично ответила Стелла.

Джонас уставился на девушку. Его глаза постепенно привыкали к свету.

– Боже правый, – вымолвил он, – что с вами стряслось?

– Это дело рук ее милого дружка Нила, – пояснила Стелла. – От которого Терри сбежала, если я все правильно понимаю... К сожалению, на ум ей пришло лишь одно место. – Она взглянула на Терри. – Вы не ответили на мой вопрос. *Как вы узнали, где нас искать?*

Терри тяжело было выдержать взгляд Стеллы. Она уставилась в пол.

– Мы ездили по округе, – проговорила она едва слышно, – в выходные.

Супруги переглянулись в изумлении.

– Здесь, на болотах? – спросила Стелла. – Ездили по округе и... искали нас?

Терри кивнула с несчастным видом.

– Мне это тоже казалось... В общем, это была не моя идея. Но Нил сказал, что осмотреться не помешает...

– Как же вы узнали, что мы будем здесь именно в эти дни? – спросил

Джонас. Сон с него как рукой сняло. Стелла заметила, как он встревожен.

Терри шмыгнула. Покрутила по столу пустой стакан.

– Нил это выяснил, – произнесла она тихим голосом. – Вы же рассказывали про свою работу и называли киностудию, на которую часто работаете. Нил просто позвонил туда, и ему сказали, что вы в отпуске. Больше ему ничего и не понадобилось. Он же видел тот проспект у вас на столе. И сказал, что не помешает немного проехаться и осмотреться... Местность такая глухая, можно целую вечность кататься, но нет-нет, да и попадетсЯ какой-нибудь дом, или ферма, или крошечная деревушка... И вот с холма, – Терри указала неопределенным жестом куда-то в сторону, – мы заметили вашу машину. Она ведь стояла перед вашим домом в Кингстоне, вот мы ее и узнали. Нил сказал тогда, мол, вот где они отдыхают. И мы поехали дальше.

Стелла взяла второй стакан, села за стол и налила себе виски.

– Мне тоже не помешает, – сказала она. – То, что вы говорите, Терри, просто ужасно, вы это понимаете?

– Мы не задумывали ничего такого, – сразу начала оправдываться та. – Вы должны мне поверить!

– Ничего не задумывали? Но какую-то цель вы преследовали? – спросил Джонас. – Как Нил объяснил вам свою затею?

– Он просто сказал, что было бы неплохо выяснить, где вы остановились. Может, мы вас как-нибудь навестили бы. Конечно, я сказала, что мы не можем явиться вот так, без приглашения. Но... – Она повела плечами.

– Но? – повторила Стелла.

– Но... он начал терять терпение, и я не хотела... Его лучшешний раз не нервировать, понимаете?

– Глядя на ваше лицо, я прекрасно это понимаю, – заметила Стелла. – Терри, вы вообще уверены, что он вам подходит?

Девушка снова уставилась в пол.

– Он может быть совсем другим. Очень нежным и чутким. Просто не стоит его нервировать.

– И чем же вы ему не угодили? – полюбопытствовал Джонас. – Должно быть, вы здорово проехали ему по нервам, судя по его реакции!

Терри снова всхлипнула, но быстро взяла себя в руки.

– Это все из-за работы. Я уже давно сидела без дела, а тут Нил кое-что подыскал мне. Разносчицей в пабе. Но это была последняя забегаловка, настоящая дыра, и все до одного там напивались вдрызг. Ко мне постоянно приставали, лапали и отпускали гнусные шуточки... Я сказала Нилу, что не

хочу там больше работать, но он и слушать об этом не пожелал. Нам ведь нужно чем-то платить за квартиру.

– Нил, кажется, получил какую-то сумму в наследство? – заметила Стелла.

– Да, но надолго этих денег все равно не хватит. К тому же оплата аренды на мне – квартира-то моя. Это Нил ко мне переехал, – объяснила Терри.

– Понятно, – вставил Джонас. – Значит, Нил живет у вас задарма и принуждает работать в дешевой пивнушке, чтобы вы могли оплачивать аренду, а ему не приходилось спускать наследство? Справедливо, нечего сказать...

– Так или иначе, мне все меньше хотелось туда идти, – продолжала Терри. После слов Джонаса она снова готова была разреветься. – А вчера вечером...

– Да? – приободрила ее Стелла.

– Нил после обеда куда-то ушел. Встретиться с каким-то приятелем. Так он сказал. Я сидела дома одна. И просто взяла и не пошла туда. В смысле, на работу. Я должна была быть там в шесть часов, но вместо этого просто лежала на диване и смотрела телевизор. У меня будто гора с плеч свалилась. Однако в половине одиннадцатого вернулся Нил и удивился, почему я дома. Обычно я возвращаюсь не раньше полуночи, потому что должна еще убраться в зале.

– И, по всей видимости, это его здорово разозлило, – сказал Джонас и подсел к ним за стол.

Он выглядел удрученным и растерянным. Конечно, они не могли выставить Терри за дверь, но, как и Стелла, Джонас явно не горел желанием впутываться в эту историю. От этого Нила Кортни можно было ожидать чего угодно. Ведь он намеренно разыскал их место отдыха. Для чего? Очевидно, что не из простого любопытства. Джонасу стало не по себе от осознания, что Кортни знал об этой ферме и вполне мог предположить, что Терри нашла здесь убежище. Вероятно, его появление было лишь вопросом времени.

Стелла в своих рассуждениях продвинулась еще дальше. Она задумалась, есть ли в истории Терри хоть крупица истины, или все это инсценировано, чтобы проникнуть на ферму? Терри вряд ли хватило бы ума, чтобы измыслить такой план, но Кортни был изворотлив и беспринципен. И запросто мог избить Терри, чтобы придать истории убедительности. А Терри была до того ему предана, что согласилась стерпеть побои. С другой стороны, ее смятение выглядело совершенно

искренним. Потому что она говорила правду? Или ощущала чрезвычайное давление и поэтому постоянно плакала?

Нужно поскорее от нее отделаться, а потом и самим убраться отсюда.

– Да, он разозлился не на шутку, – подтвердила Терри догадку Джонаса, – Буквально вышел из себя. Потому что решил, что меня уволят и у нас снова будут проблемы с деньгами. Я обещала ему все сделать, чтобы найти что-то новое, но Нил и слушать не желал. Он крушил все вокруг, орал, а потом...

Терри не договорила. Было вполне очевидно, чем в итоге закончилась ссора.

– И вы ничего не придумали, кроме как сбежать к нам? – спросила Стелла. – Как же ваши родители? Или подруги? Кто-то ведь мог вас приютить, кроме нас?

Терри мотнула головой.

– Мы с родителями давно не общаемся. Наши отношения испортились после... той истории...

Стелла догадалась, о чем она.

– Сэмми?

– Да. Они мне этого не простили. Что я забеременела в шестнадцать лет, опозорила их перед всеми друзьями и знакомыми. Отдать ребенка на усыновление казалось им единственным верным решением, но они не могли понять, как меня вообще угораздило оказаться в такой ситуации. Когда мне исполнилось восемнадцать, я уехала, и с тех пор мы не виделись и не разговаривали.

– А друзья?

Терри говорила очень тихо.

– Из школьных друзей никого не осталось, у них в жизни все сложилось иначе. Они получали нормальное образование, некоторые даже закончили университет. А я нигде не училась и до сих пор перебиваюсь разными работами. Я... просто не вписывалась в их общество. А новые друзья... были кое-какие знакомства, но я их больше не поддерживала. Нилу это не нравилось. Каждый раз, когда я с кем-нибудь договаривалась, доходило до ругани. В конце концов я просто перестала с ними общаться.

– Как вы вообще познакомились с Нилом? – спросил Джонас.

Складывалось впечатление, что с появлением Нила жизнь Терри строилась лишь на ограничениях, побоях и всевозможных проблемах. Но в этот миг глаза у девушки прямо засияли. Казалось, она по-прежнему считала большой удачей тот факт, что в ее жизнь вторгся этот симпатичный

паразит. По опыту Стеллы, подобным отклонениям зачастую были подвержены люди очень одинокие или патологически неуверенные в себе. Вероятно, в случае Терри были справедливы оба варианта. В обществе Нила она чувствовала себя нужной, и благодаря ему одиночество уже не казалось ей таким невыносимым. Взамен Терри позволяла себя эксплуатировать и регламентировать свою жизнь, терпела издевательства – и, вероятно, подолгу занималась тем, что пыталась оправдать эти побочные эффекты своих отношений.

– Мы познакомились в прошлом году, – ответила Терри. – В октябре. Он первым заговорил со мной. В пабе, где я тогда работала. Хорошее заведение, не то что нынешняя забегаловка. Я заметила, как он смотрел на меня весь вечер, а потом все же набрался смелости...

«Набрался смелости», – усмехнулась про себя Стелла.

– ...и спросил, как меня зовут. И сказал, что я ему очень понравилась. А в следующий вечер пришел снова. И в третий раз... и сказал, что приходит из-за меня. И... в общем, в какой-то момент мы сошлись.

«Мои поздравления», – едва не сказала Стелла, но сдержалась. Еще не факт, что Терри поняла бы ее иронию.

Они с Джономасом переглянулись. *И что дальше?*

– Вы добрались на машине? – спросил Джономас.

Терри кивнула.

– Это моя машина. И я подумала... Все равно это сильно его разозлит. Он же остался без средства передвижения.

– Это уже его проблема, – заметил Джономас.

От Стеллы не укрылось, с каким облегчением Джономас произнес это. По крайней мере, в ближайшее время Нила можно не ждать. Слабо верилось, что ему удастся посреди ночи раздобыть машину и отправиться за Терри в эту глушь. А такси, судя по всему, он не мог себе позволить. Но это вовсе не означало, что им не придется иметь с ним дела. Тот факт, что от него сбежала подружка, для него оскорбителен. Само собой, Нил не мог просто стерпеть такое.

Стелла поднялась.

– Можете остаться на ночь, Терри. Я покажу вам комнату. А утром подумаем, что можно сделать. Я бы на вашем месте обратилась в полицию и заявила о побоях.

Терри пришла в ужас. Ясно было, что она не станет делать ничего подобного.

Стелла застелила кровать для Терри и дала ей полотенце. Когда та наконец закрылась в комнате, Стелла и Джономас еще немного посидели на

кухне. Стелла по-прежнему считала, что им лучше уехать как можно скорее, но в то же время она чувствовала внутреннее сопротивление. С какой стати им пугаться этого типа? Достаточно, что Терри пляшет под его дудку, но это ее личное дело, никак не касающееся их семьи.

– Поверить не могу, что он ездил по округе и разыскивал наш дом, – сказал Джонас. – Да еще запомнил нашу машину. Не удивлюсь, если он и номера записал. Это же ненормально!

– Он и сам ненормальный. Во всяком случае, порядочным его трудно назвать. Живет у Терри на полном содержании и при этом заставляет ее работать в дешевом кабаке... Неуравновешенный, агрессивный тип, работать не желает и живет за чужой счет. И уж наверняка замешан в каких-нибудь криминальных делах.

– Что ему от нас нужно? Я к тому, что он должен был понять, что мы явно не купаемся в деньгах. А даже если б и так – с чего он решил, что ему что-то перепадет?

– Возможно, по его меркам мы и состоятельны, пусть и не владеем миллионами. Полагаю, он надеялся, что раз уж Терри приходится биологической матерью Сэмми, то мы примем ее как родную – и его заодно, как ее нового спутника. Если б проявили чуть больше радушия, они стали бы все чаще у нас появляться и без конца одалживать деньги.

– Наверняка он заметил, что мы были не в восторге от их визита в мае, – заметил Джонас, – и что его мечты насчет *большой и дружной семьи* несбыточны. Так почему же он по-прежнему шпионит за нами?

– Может, он еще не потерял надежду, – предположила Стелла.

Повисло тяжелое молчание. Это лишний раз напомнило им о том, до какой степени они отрезаны от мира. И пришло ясное осознание того факта, что при необходимости они даже не смогут немедленно вызвать помощь: чтобы поймать хоть какой-то сигнал, им пришлось бы пробежаться до ближайшего холма и подняться на вершину. С другой стороны, возможно, их опасения просто излишни. Нил Кортни эгоцентричен и агрессивен, грубо обходится со своей подругой, но позволит ли он себе подобное поведение в отношении чужой семьи, оставалось под вопросом. Терри представляла собой идеальную жертву: она буквально провоцировала Нила на жестокое обращение. Он заметил ее в пабе и инстинктивно распознал в ней тот тип девушки, которую может превратить в свою преданную рабыню.

Они же являли собой людей иного калибра. В конечном счете такие мерзавцы, как Нил, трусливы. Они многое могут себе позволить в отношении слабых, но более сильных и даже равных себе сторонятся.

– Пойдем спать, – сказала Стелла, – не будем морочить себе голову. Но постараемся отделаться от Терри как можно скорее. И напомнить ей, что мы не намерены поддерживать с ней контакт. И не собираемся впутываться в их дела. Пусть сами решают свои проблемы.

Джонас кивнул. На пути в спальню Стелла заглянула в комнату Сэмми. Мальчик крепко спал и никак не отреагировал на ночной переполох. На мгновение она замерла возле комнаты Терри. За дверью не было слышно ни звука, свет не горел. Значит, остаток ночи пройдет в спокойствии.

Тем не менее Стелла еще раз проверила входную дверь, а также двери на кухне, в гостиной и столовой. Все было надежно заперто.

В ближайшее время ей следует уделять этому больше внимания.

После откровения Майкла Кейт пребывала в таком смятении, что ясно было без разговоров: за руль ей одной нельзя. Калеб хотел обстоятельно побеседовать с Купером и поэтому попросил Джейн доставить Кейт домой. Сам он был без машины, поскольку приехал с Джейн, но позднее мог взять машину Кейт и вернуться в Скалби. Кейт не имела ничего против. Все равно она была не в состоянии принимать решения.

Кейт потеряла счет времени. Когда они с Джейн добрались до дома, было одиннадцать часов. А когда к ним присоединился вымотанный вконец Калеб, уже перевалило за полночь. Джейн заварила чай, и Кейт пила его мелкими глотками, не ощущая вкус. Она смотрела перед собой, и в голове кружила одна мысль: «Этого не может быть. Мой отец и другая женщина... Это неправда!»

Джейн подала Калебу чашку чая, и тот рассказал о своем разговоре с Майклом. Тот подтвердил слова соседа: Мелисса Купер долгое время чувствовала, что за ней кто-то следит, и была напугана. Она постоянно говорила об убийстве Ричарда Линвилла и раздумывала, есть ли в этом какая-то взаимосвязь. Сыновья полагали, что она накручивает себя, поскольку не может смириться со смертью своего бывшего любовника.

– В последний раз Майкл видел ее в середине мая, – рассказывал Калеб. – В их загородном доме, где-то в устье Хамбера. Похоже, та еще глушь. Мелисса долгое время там не была, но стояла хорошая погода, и она решила съездить. В тот день они с Майклом говорили по телефону, и Мелисса снова утверждала, что за ней кто-то шпионит. Видела какие-то блики в отдалении, кажется, несколько раз, и была уверена, что кто-то наблюдает в бинокль за их домом. Майкл приехал к ней поздно вечером. Эта история с биноклем казалась ему нелепой, но он чувствовал, что у матери сдают нервы, и ему стало совестно оттого, что он несколько месяцев ее не навещал. Теперь он, конечно, убежден, что она была права. И если б он в тот раз не приехал, возможно, Мелиссу убили бы еще тогда. Конечно, уединенный дом представлялся убийце более подходящим местом, нежели школа. Но после того раза миссис Купер туда не выезжала – слишком уж была напугана.

– А Майкл ничего тогда не заметил? – спросила Джейн. – То, что могло показаться несущественным, но теперь могло бы оказаться полезным?

– К сожалению, нет, – ответил Кaleb, – но он пообещал, что покопается в памяти. Сейчас Майкл совершенно сбит с толку, поэтому не исключено, что позже ему что-нибудь и вспомнится. Само собой, мы осмотрим дом и окрестности, расспросим соседей, хотя дома разбросаны на большом отдалении друг от друга. Так что особой надежды я не питаю.

– Теперь нужно понять, как в эту новую ситуацию вписывается наш подозреваемый Денис Шоув. Если исходить из версии, что Мелисса Купер и Ричард Линвилл стали жертвами одного и того же человека, то мы должны понять мотивы Шоува...

Кaleb бросил на нее предостерегающий взгляд. *Никаких деталей в присутствии Кейт. Обсудим это позже.*

Джейн поняла и кивнула. Впрочем, Кейт их явно не слушала, по-прежнему предаваясь своим мрачным мыслям.

Кaleb взглянул на часы.

– Уже поздно. Вы как, Джейн, сможете остаться здесь на ночь? Не стоит оставлять ее одну.

Джейн с сожалением покачала головой.

– Простите, но мне нужно к Дилану. С ним сейчас соседка; она и так будет в бешенстве, потому что я задержалась. А мне нельзя с ней ссориться.

– А Шон не может выручить вас в порядке исключения?

– Мы не общаемся, – ответила Джейн коротко и отстраненно.

Кaleb счел за лучшее не настаивать.

– Ладно, – вздохнул он, – тогда поезжайте.

Хотелось, чтобы в жизни Кейт кто-то был – кто-нибудь близкий, кого можно было бы поставить в известность. Все это время, с тех пор как он встретил ее в аэропорту, эта мысль не выходила у него из головы: мало хорошего в том, что Кейт целыми днями, неделями сидит одна в этом доме. Разве можно быть таким одиноким в ее возрасте? Она слишком много размышляла и, как виделось Калебу, предавалась опасному чувству полной безнадеги, которое могло быстро вылиться в депрессию. Сначала убийство отца, а теперь и очернение его личности – так, во всяком случае, представлялось Кейт. В глазах Калеба репутация Ричарда Линвилла даже не пошатнулась. Ну, интрижка на стороне, делов-то – но при этом он был первоклассным полицейским, профессионалом своего дела. И если в личной жизни оказался не так безупречен, как считалось, это ничего не меняло. Конечно, Кейт смотрела на это иначе. В ее глазах отец был если не равным Богу, то уж точно вторым после него. Кейт вознесла его на пьедестал над всеми людскими слабостями и грехами. И теперь этот самый

пьедестал дал трещину, такую глубокую, что монумент готов был рухнуть – если уже не рассыпался на части. Кейт испытала глубокое потрясение. И это после всего, что выпало на ее долю в последние месяцы, а теперь и в последние часы. Кaleb был убежден, что сейчас ей нельзя оставаться одной.

– Я побуду немного с ней, – сказал он. – Потом вызову такси.

Джейн с видимым облегчением вышла из дома, и уже через мгновение Кaleb услышал, как завелась машина. Половина первого. Было бы несправедливо требовать от нее большего.

Кейт, до сих пор сидевшая молча на диване, подняла голову.

– Шестнадцать лет назад, – произнесла она. – Знаете, что было шестнадцать лет назад? У мамы обнаружили рак груди. Она прошла всю программу: операция, химиотерапия, облучение... Для нее это было мучением – в физическом и душевном плане. Я старалась по возможности чаще приезжать из Лондона, но получалось далеко не всегда. Я утешала себя тем, что отец прикладывает все усилия, чтобы быть рядом с ней в больнице. Но бывало, он звонил мне и говорил, что снова задержится, не сможет вырваться с работы. Работы! – она пронзительно рассмеялась. – Он, должно быть, разрывался. Работа, больная жена, любовница... Неудивительно, что он выглядел тогда таким усталым.

Кейт поднялась с дивана, взяла с буфета бутылку, откупорила и сделала большой глоток. Кaleb взглянул на этикетку.

– «Чивас Ригал»^[1]... Кейт, аккуратнее, он неслабо бьет в голову.

– По-вашему, это правда? То, что говорит сын Мелиссы Купер?

– Я не вижу оснований не верить ему. Но это его видение вещей. Само собой, он не объективен. Как было на самом деле, мы уже вряд ли узнаем. И ваш отец, и Мелисса мертвы.

– Как он мог? Его жена боролась со смертельной болезнью, а он...

– Не судите его слишком строго. Уверен, для вашего отца это было непростое время. Он искал выход, и, наверное, ему не пришло на ум лучшего варианта, кроме как...

Кейт сделала еще один глоток.

– Лучшего варианта? Но вполне себе мужской вариант, не правда ли? Жизнь так уныла, на работе тяжело, жена проходит мучительный курс терапии... Ну что может быть лучше, чем пара часов в постели с другой женщиной?

– Понимаю, как это ранит вас, – сказал Кaleb. – Но, Кейт, сейчас вы только мучаете себя нападками на отца. Мы же ничего не знаем. Возможно, между Ричардом и Мелиссой была любовь, а не только сексуальная связь.

Подумайте, в то время это была уже не молодая девица, с которой ваш отец мог блеснуть в обществе. То была зрелая женщина, вдова, в одиночку вырастившая двух сыновей. Полагаю, для него она значила куда больше, чем просто любовница.

Кейт снова приложилась к виски. И внезапно сорвалась на крик:

– И это должно меня утешить?

Калев шагнул к ней и попытался забрать бутылку, но Кейт так крепко вцепилась в нее, что ничего не вышло.

– Кейт! Не стоит вам так пить. Боюсь, вы непривычны к алкоголю.

– Вам ли не знать! – съязвила Кейт.

Калев вздрогнул. Он-то считал, что она не знает... И в тот же миг удивился, как мог быть таким наивным. Подобное всегда просачивается наружу. И в конечном итоге об этом узнают все.

Старший инспектор совладал с собой.

– Да, – произнес он сдержанно, – я, можно сказать, эксперт. И потому знаю, что это ничего не дает. Отдайте мне бутылку, Кейт.

Вместо того чтобы исполнить его просьбу, та сделала еще несколько больших глотков. Запах виски достиг ноздрей Калеба – и в тот же миг он ощутил его вкус на языке, почувствовал, как он обжигает горло, по животу разливается тепло, в голове появляется легкость, четкие линии расплываются... Кажется, что все проблемы разрешимы. Утраты уже не столь печальны. Жизнь обретает мягкие контуры, и не верится, что еще минуту назад все выглядело таким безнадежным.

Калев поспешно отступил, чувствуя, как на лбу у него выступил пот, а сердце заколотилось в бешеном ритме. Его слегка замутило.

«Вы навсегда останетесь алкоголиком, Калев. Навсегда, – раздался в голове голос терапевта из клиники. – Не стоит предаваться иллюзиям, что будет легко. Вы всегда будете физически реагировать на алкоголь, даже на запах».

Возможно, он зря пытался образумить Кейт. Она, в отличие от него, ничем не рисковала. Порой полезно как следует напиться и следующим утром помучиться от последствий.

– Кейт, у вашего отца была своя жизнь, – сказал он. – И теперь, оглядываясь назад, вы имеете о ней лишь ограниченное суждение. У вашей матери тоже была своя жизнь. Также их объединял брак, некая общность. И возможно, вы знаете о них гораздо меньше, чем вам кажется.

– Они были счастливы!

– Возможно, это была видимость, рассчитанная на вас, – предположил Калев.

Кейт метнула на него полный злобы взгляд.

– Да, и вы, конечно, можете судить об этом? Точно знаете, что родители передо мной притворялись?

– Нет. Конечно, я не имею об этом никакого представления. Я лишь усомнился, что *ваше* видение верно. Вы пытаетесь судить о жизни других людей. И пусть речь идет о ваших родителях, лучше поостеречься от поспешных выводов.

– Это и моя жизнь. Наши с отцом жизни были тесно связаны, мы всё знали друг о друге.

– Ну, насчет Мелиссы Купер вы, к примеру, не знали, – заметил Калев. – И когда мы рассуждали о том, возможно ли, что вашему отцу угрожали перед убийством, вы сказали, что он не стал бы говорить вам об этом, дабы не выставлять себя на посмешище. Разумеется, вы не могли знать друг о друге *всё*.

Кейт сделала очередной глоток из бутылки и посмотрела на него с вызовом.

– Ага, а вы теперь чувствуете себя победителем? Ибо доказали мне, что мой отец... что я с отцом... что мы...

У нее уже заметно заплетался язык. Она запинаясь и, очевидно, не могла вспомнить, что именно хотела сказать.

– Думаю, ваша проблема в том, что вы питаете нездоровую привязанность к отцу, – сказал Калев. – Даже после его смерти. Складывается впечатление, будто у вас просто нет своей жизни. Ничего такого, в чем вы нашли бы поддержку.

Кейт слегка покачивалась.

– У меня-то? Нет своей жизни? И с чего вы это взяли? Я сержант полиции Лондона! Я...

Она запнулась.

– Ну, продолжайте. Кто вы? Где же человек, который позаботился бы о вас? Кому вы небезразличны? Который поддержал бы вас, когда вы хоронили отца? Вы уже месяц сидите совершенно одна в этом доме, упиваясь своим одиночеством и воспоминаниями. Насколько я могу судить, к вам ни разу не заглянула какая-нибудь подруга. Или друг. Или, на худой конец, кто-то из коллег. Соседи из Лондона. Черт возьми, Кейт, вы не назовете ни единого человека, которому были бы интересны, и вы называете это *жизнью*?

– Убирайтесь! – процедила Кейт. И повторила, громче и резче: – Убирайтесь!

Калев кивнул.

– Я уйду. Сочувствую вам, но видимо, ничем не смогу помочь.

Он направился к двери. В следующий миг Кейт бросилась за ним. Позабывтая бутылка выпала у нее из руки. По ковру растеклась золотистая жидкость.

– Нет! Прошу, Кaleb! Оставайтесь!

Он остановился, повернулся к ней.

– Кейт, вам лучше...

– Не оставляй меня. Я не могу остаться сейчас одна. Я боюсь. Я так боюсь! – она заплакала. – Пожалуйста, останься со мной! Прошу, обними меня. Мне нужен тот, кто... кто не отпускал бы меня.

Кейт вдруг прильнула к нему. Кaleb не хотел стоять истуканом и потому обнял ее. На следующий день ей, конечно, будет ужасно стыдно, но на этот краткий миг он все же мог дать ей то, о чем она так просила. Сцена представлялась ему несколько странной: глубокая ночь, он стоит в доме бывшего шефа и держит в объятиях его нетрезвую, отчаявшуюся дочь...

«Все-таки лучше бы осталась Джейн», – подумал Кaleb.

– Все будет хорошо, Кейт. – Он говорил так, словно успокаивал неутешного ребенка. – Вот увидите, все утрясется. Все будет хорошо.

Кейт подняла голову. Широко раскрытые глаза казались слишком большим на ее исхудалом лице.

– Пойдем наверх, Кaleb. Пойдем!

Он резко выпустил ее из объятий, как если б обжегся, и отступил на шаг. Кейт быстро схватила его за руку и потянула к двери.

– Пойдем, Кaleb. Прошу!

Он тщетно пытался высвободить руку. У нее была железная хватка. Как и предполагал Кaleb, она плохо переносила алкоголь. С другой стороны, она выпила почти половину бутылки – и, вероятно, на пустой желудок. Да еще в ускоренном темпе.

– Кейт, вы не отдаете себе отчета. У вас выдался ужасный день, и спиртное явно не пошло вам на пользу. Вам лучше лечь спать. У вас тут есть аспирин?

– Я не хочу оставаться одна.

– Я не уйду. Хорошо? Я останусь здесь, до утра.

– Пойдем наверх.

Ему наконец-то удалось высвободить руку.

– Вам не помешает принять аспирин.

Кейт заметно напряглась.

– Аспирин?

– Лучше две или три таблетки. Это хоть немного облегчит головную

боль утром.

– В ванной, – сказала Кейт, – наверху.

– Ладно. Пойдемте. Сможете сами подняться по лестнице?

Ее шатало из стороны в сторону. Калев шел позади нее, но Кейт все же справилась с крутым подъемом. Она осталась в коридоре, в то время как Калев вошел в ванную и наугад открыл шкафчик над раковиной. Действительно, там хранились лекарства. Он налил воды в стакан для зубных щеток, бросил туда три таблетки аспирина и подождал, пока они растворятся. Затем протянул стакан Кейт, которая так и стояла в коридоре, тупо глядя перед собой.

– Вот, выпейте. Так будет легче.

Кейт послушно выпила. Затем взглянула на Калеба.

– Почему ты не хочешь со мной переспать?

Калев задумался, много ли из того, что он скажет, она воспримет и поймет. Ему не хотелось задевать ее чувства, поэтому он занял позицию, в которой она не усмотрела бы пренебрежение к себе.

– Вы пьяны, Кейт. Я не хочу пользоваться этим.

Правда звучала бы иначе: «Вы не в моем вкусе, пьяная или трезвая. Вы – самая непривлекательная из всех женщин, каких я встречал, и меньше всего меня привлекает мысль переспать с вами».

– Но... я бы так не... не... – Она с явным трудом сформулировала мысли. – Я бы такого... и не подумала.

– Вам нужно проспать. Вы совсем вымотались. Я буду в гостиной, договорились?

Кейт посмотрела на него с болью, грустью и отчаянием в глазах. Калев вдруг почувствовал, что она, как бы ни была пьяна и вымотана, прекрасно понимала, о чем он думал. Она догадалась, что и в любое другое время он ответил бы ей отказом, и алкоголь здесь совершенно ни при чем. Для нее это был сотый, если не тысячный отказ. Кейт была слишком хорошо знакома с подобной ситуацией, чтобы обмануться.

Она кивнула, затем развернулась и скрылась в спальне, демонстративно захлопнув дверь.

Калев постоял еще мгновение, после чего спустился в гостиную. Хотя дома на него зачастую давили стены и тишина казалась невыносимой, сейчас ему больше всего хотелось оказаться у себя. Однако он дал обещание и все равно не нашел бы себе места. Кейт пребывала в таком состоянии, что было бы безответственно оставлять ее одну. Калев задумался, как им быть дальше.

Он прошел в гостиную и поднял с пола бутылку. От ковра так тянуло

виски, что ноги снова сделались ватными. После всего, что произошло, вполне можно было позволить себе что-нибудь покрепче, и любой нормальный человек так и поступил бы. Кaleb не испытывал такого соблазна с тех пор, как вернулся из клиники. Он в отчаянии смотрел на бутылку – в отчаянии от собственного бессилия. Чувствовал, как рушится последний барьер и уже нет сил сдерживаться. Впрочем, никакой преграды уже и не было.

И единственное, что он мог сделать, – опустошить бутылку.
Досуха.

Хелен Джефферсон сидела на кухне своей маленькой квартиры в Лидсе и совершенно позабыла про завтрак. Кофе давно остыл, а мюсли в тарелке превратились в густую кашу. Хелен не обращала на еду внимания. Перед ней лежала газета, но за это время она прочла лишь заголовки на первой полосе и даже не вникала в прочитанное.

Сейчас она смотрела в стену и думала.

Размышляла над вопросом *гражданского мужества*, и эта тема представлялась ей не самой простой.

Ее раздумья прервала появившаяся на кухне Пегги. По своему обыкновению, она битый час красилась в ванной и теперь выглядела просто великолепно. Длинные золотистые волосы. Густые черные ресницы. У Пегги было ангельское лицо, но повадки – далеко не ангельские. Она ругалась как сапожник и обладала неисчерпаемым запасом похабных шуток, от которых даже взрослые мужчины заливались краской.

– Ты даже не поела, – заметила Пегги. – Что-то стряслось?

Хелен кивнула.

– Ты, наверное, ничего не слышала? Ночью? Или, вернее, поздним вечером.

У Пегги давно были проблемы со сном. Каждый вечер она вставляла в уши затычки, поскольку просыпалась от малейшего шума и потом часами не могла уснуть. А так ее не донимал храп Хелен, и в этом был несомненный плюс. Плохо только, что в затычках Пегги не воспринимала вообще ничего, что происходило вокруг. И, как считала Хелен, отгораживаться от всего и вся было не лучшим решением.

– Они опять ругались, – сообщила она. – Терри и Нил. И очень громко. И под конец, судя по ее крикам... По-моему, он снова ее бил. Вернее, я в этом совершенно уверена. И вот я все думаю...

– Да? – спросила Пегги, наливая себе кофе и загружая хлеб в тостер.

– Это уже не в первый раз. И я думаю, стоит ли нам и дальше оставаться в стороне. Да, вначале мы заняли такую позицию, но возможно, это и неправильно.

– Хм... – Пегги задумалась.

Они пока толком не знали нового друга своей соседки, но с самого начала задавались вопросом, почему эта девушка всякий раз находила исключительно жутких типов. А в этот раз ей попался особенно

отвратительный экземпляр. Этот Нил держался крайне заносчиво и был заиклен на себе, так что напрашивался вопрос: а с чего, собственно, он столько возомнил о себе? У Пегги и Хелен складывалось впечатление, что он жил только за счет Терри. Во всяком случае, незаметно было, чтобы он где-то работал, хотя Нил то и дело уходил из дома и часами где-то пропадал. И он оказывал на Терри нездоровое влияние. Прежде она, бывало, поднималась к ним по вечерам, и они вместе могли распить бутылку вина. Время от времени выбирались куда-нибудь втроем и неплохо проводили время, хоть Пегги часто говорила, что в обществе Терри всегда ощущается какая-то напряженность.

– Она такая наивная... В самом деле, мне иногда хочется как следует встряхнуть ее. А уж когда заговаривает о политике, выть хочется. Она же ни о чем понятия не имеет!

И все-таки они ощущали ее одиночество и старались помочь. Терри то и дело кого-нибудь находила и всякий раз воображала, что встретила любовь своей жизни, но все так же быстро и заканчивалось. Впрочем, с этим новым объектом любви, с Нилом, продолжалось на удивление долго. Вот уже полгода. И Терри это явно не пошло во благо.

Она не только преобразилась внешне («Она даже когда мусор выносит, одевается так, будто на панель собралась», – заметила как-то без прикрас Пегги), но, очевидно, отдалилась и от тех немногих людей, которые вообще оставались в ее жизни. Больше никаких посиделок, никаких совместных вылазок. Однажды Хелен постучалась к ней и предложила выпить кофе. Терри лишь тогда приоткрыла дверь – и явно была в замешательстве. Затем Хелен услышала голос Нила:

– Кто там?

– Хелен, – отозвалась Терри, – это Хелен. Спрашивает, не хочу ли я выпить с ней кофе.

– У тебя нет времени. Так и скажи ей!

Терри беспомощно улыбнулась.

– Прости, не получится. Может, в другой раз...

Разумеется, никакого *следующего* раза не было.

Хелен и Пегги пришли к выводу, что Нил держал Терри в страхе и руководил ее жизнью, в то время как она возносила его до небес и одновременно боялась. И это обретало угрожающий размах. Пару раз подруги замечали, как Терри безуспешно пыталась скрыть синяки под темными очками и сантиметровым слоем пудры. Это говорило о том, что Нил порой прибегал к рукоприкладству. При этом Терри упорно утверждала, что неудачно споткнулась и упала. Пегги сказала на это, что

для Терри ничего нельзя сделать и невозможно убедить ее в том, что эти отношения нездоровы. Оставалось надеяться, что однажды все разрешится само.

– Терри целиком в его руках, – сказала Хелен, – и предана ему всей душой. Она не найдет в себе силы порвать с ним. И ночью, пока я лежала и слушала этот кошмар, мне вдруг пришло в голову, как часто мы читаем про таких людей и не понимаем их: соседей, которые никогда не вмешиваются, а после, когда кого-нибудь покалечат или вовсе убьют, смотрят в недоумении. Мы же сами всегда презирали таких людей.

– Да, но Терри должна сама этого захотеть. Пока она стоит на том, что у них с Нилом всё в порядке, мы ничего не сможем сделать.

– Нужно еще раз поговорить с ней. Мы просто не можем и дальше закрывать на это глаза.

Они решили, что после завтрака, когда будут спускаться, постучат к ним и пригласят Терри выпить вина вечером и *просто поболтать*.

– И будем надеяться, что этот говнюк ничего нам не испортит, – сказала Пегги. – Потому что он не дурак. Если этот... ночной конфликт действительно был, он сразу просечет, к чему все идет.

Подруги рассчитывали застать Терри одну, поскольку часто встречали ее в это время по пути за покупками, в то время как Нил, вероятно, еще спал. Но когда они тихо постучали в надежде, что Терри услышит, дверь вдруг распахнулась, и перед ними вырос Нил.

– Да? – спросил он.

Он был небрит, в грязном свитере, и от него несло потом. Непохоже было, чтобы Нил вообще ложился этой ночью. Он уставился на подруг и повторил:

– Да?

– Э... а Терри дома? – спросила Пегги.

Из них двоих она была смелее и не пасовала перед типами вроде Нила.

– Ее нет, – сказал Нил.

– А где она?

– А чего вы хотели? – спросил он в ответ.

Кроме того, Пегги в любой ситуации могла мгновенно придумать убедительную отговорку.

– Мы с Хелен празднуем сегодня пятую годовщину, – солгала она. – Собирались вечером распить бутылку шампанского. Вот и решили, что было бы здорово пригласить Терри.

Нил нахмурился.

– Хм, сомневаюсь, что она будет в настроении. Ей звонили этой

ночью, ее матери очень плохо.

– Матери? – Хелен наконец подала голос. – Но я думала... они ведь с матерью больше не общались?

– Они помирились пару недель назад. Да и вообще было бы нормально сообщить дочери, что у матери инсульт. Даже если они в ссоре.

– Боже правый! Инсульт?

– Она лежит в больнице Скарборо, – продолжал Нил. – Терри была в ужасе. Плакала и кричала...

– Почему в Скарборо? – спросила Пегги. – Родители Терри живут в Корнуолле.

– В том-то и беда. Ее мать вчера приехала в Скарборо, и они собирались встретиться сегодня в отеле. Хотели наконец-то помириться после стольких лет. И тут такое!

Можно ли ему верить? История звучала по меньшей мере неправдоподобно. Хелен и Пегги даже не переглянулись. В сущности, они ни на йоту не доверяли Нилу, но с чего бы ему врать в тех вещах, которые так легко проверить?

– Вот Терри и уехала посреди ночи. Ее было не удержать.

«И ты позволил ей в таком состоянии уехать одной, – подумала Пегги. – Бог его знает, что могло случиться».

Но она промолчала. Отзывчивостью Нил явно не отличался.

– Я бы сейчас и рад к ней поехать, – добавил он. – Только вот не знаю, как. Машина-то у нее.

– Я как раз еду в Скарборо, – сказала Пегги. – Могу и тебя подвезти.

– Серьезно? Было бы здорово!

Хелен бросила на нее ошарашенный взгляд, это заходило слишком далеко. Братъ этого типа в машину... Никакая сила не заставила бы Хелен пойти на такое. В конце концов неизвестно даже, говорил ли он правду. И вообще от него всякого можно было ожидать. Она с мольбой в глазах посмотрела на Пегги. *Не надо!*

Но Пегги, похоже, была твердо намерена выяснить обстоятельства прошедшей ночи. Она довезет Нила до клиники в Скарборо и узнает, действительно ли мать Терри приехала в Йоркшир и перенесла инсульт. Или, чего доброго, Терри сама не оказалась в больнице с побоями от Нила. Пегги потрясла ключами.

– Но выезжать надо сейчас. Не хочу опоздать на работу.

Нил кивнул.

– Отлично. Я готов.

Когда они втроем вышли из дома, Хелен отправилась на остановку.

Она работала в местной газете объявлений и ездила на автобусе. Пегги после затяжных поисков работы нашла место в доме престарелых в Скарборо и ежедневно тратила на дорогу по полтора часа в каждую сторону. Долго так продолжаться не могло, но в данный момент Пегги была рада, что хоть где-то работала. Они с Хелен давно подумывали перебраться в Йорк и жить примерно посередине, но пока им не попадалось подходящей квартиры. Жилье в Йорке стоило дороже, чем в Лидсе. Казалось, не существовало решения, которое устроило бы всех, и постепенно Пегги даже как-то свыклась с неудобствами.

Они выехали из Лидса по трассе А64. Нил пребывал в хорошем настроении и никак не напоминал человека, который что-то скрывал бы. Возможно, Хелен неверно расценила ночной переполох. Вероятно, у Терри действительно случился срыв, когда ей сообщили о состоянии матери. Потому она плакала и кричала, а Хелен по-своему объяснила это серьезной ссорой с Нилом.

«Возможно, мы немного преувеличили с образом врага, – думала Пегги, – хотя он... не особо приятен...»

Она украдкой бросила на него взгляд и вздрогнула, обнаружив, что Нил со своей стороны откровенно ее разглядывает. Он мерзко осклабился.

– Что? – спросила Пегги. – Чего ты так смотришь?

– А ты очень даже ничего, – ответил он. – И почему у тебя нет парня?

– Меня не интересуют парни.

Нил небрежно отмахнулся.

– Глупости. Ты это сама себе в голову вбила... Ты слишком уж привлекательна, чтобы расточать себя на других женщин... Да еще таких страшных, вроде Хелен.

– Боюсь, у нас на этот счет разные представления. Я не считаю отношения с женщинами расточительством. И по-моему, Хелен очень даже милая.

Нил усмехнулся.

– Я лично тоже не считаю отношения с женщинами расточительством. А Хелен действительно страшная. И ты это знаешь. Типичная лесбиянка, за километр видно. Ты заслуживаешь чего получше.

– Мне не хочется продолжать этот разговор, – холодно произнесла Пегги.

– А ты вообще когда-нибудь пробовала с парнем? Мне вот всегда было интересно. Вы от рождения такие – или в какой-то момент вас кто-нибудь так изгваздает, что вы потом любой конец обходите за километр и кладете глаз на девочек?

– Следи за выражениями, – предостерегла Пегги. – Мне ничего не стоит высадить тебя где-нибудь у обочины, и тогда уж выкручивайся сам.

– Я что, угодил по больному месту?

– У меня нет больных мест.

– У всех есть.

– Только не у меня. А теперь просто захлопни рот. Я не в настроении слушать твои грязные намеки.

Нил снова ухмыльнулся, но хотя бы замолчал. Пегги злилась сама на себя. До чего же глупой нужно быть, чтобы связаться с этим отвратительным типом? И только потому, что Хелен захотелось вдруг помочь Терри... Как будто ей можно помочь! У человека, который добровольно путается с такой скотиной, вероятно, давно выработался иммунитет к любой помощи извне. С таким человеком женщина остается только в том случае, если сама имеет массу психологических проблем. Тут требуется помощь специалиста, а не благонамеренных подружек.

«Мы ничем не сможем помочь, – думала Пегги. – Терри должна сама вытянуть себя из этого болота».

Вдоль дороги тянулись лишь пастбища и поля. Нил неожиданно нарушил молчание:

– Можешь притормозить? Мне надо по-маленькому.

– Сейчас?

– Ну да. Не через час же.

Пегги свернула с дороги, проехала по узкой колее, что тянулась среди травы и вскоре зарывалась в песок, и остановилась.

– Ну. Выходи.

Нил не шевельнулся. Пегги нахмурилась.

– Я думала, тебе невтерпеж... Давай уже, делай свои дела. Я не хочу опаздывать на работу.

Только теперь она заметила в его руке пистолет. И дуло было направлено прямо на нее.

У Пегги перехватило дыхание. Мгновение она пыталась осознать, что происходит. На нее направлено огнестрельное оружие. В руках человека откровенно криминальной наружности, о котором она до сих пор не слышала ничего хорошего.

И все-таки это не могло быть правдой. Нечто подобное происходило в кино, но уж никак не в реальной жизни.

Когда к ней вернулся дар речи, она попыталась дать отпор:

– Что это значит? Ты что, сдурел? Убери эту хрень!

– Мне нужна твоя машина, – заявил Нил. – Сожалею, но дело не

терпит отлагательств.

– Моя машина?.. Ты явно сдурел. Не думаешь же ты, что я...

Нил не дал ей закончить. Лево́й рукой он внезапно схватил Пегги за волосы и так рванул, что она вскрикнула от боли. Затем притянул ее лицом вплотную к себе. При этом Пегги почувствовала, как пистолет уперся ей в ребра.

– Эй, я не шучу, так что оставь свои едкие комментарии. Сделаешь все, как я скажу. Сейчас мы оба выйдем, и не вздумай ничего выкинуть, ясно?

Он еще раз рванул ее за волосы. Пегги снова вскрикнула. Казалось, он сейчас вырвет ей клочок волос. Пегги осознала, что такой человек, как Нил, не ограничивается лишь угрозами. В случае сопротивления для нее все может окончиться плачевно. Она находилась в заведомо проигрышном положении: у него был пистолет. Пегги не сомневалась, что он заряжен. И что Нил способен пустить его в ход.

– Ладно, – проговорила она шепотом, – договорились, я выхожу.

Медленно отворила дверцу и ощутила теплое дуновение по лицу. Повеяло ароматом трав и полевых цветов. Рядом цвели кусты боярышника. День обещал быть солнечным, словно в подарок после долгих дождливых недель. За ночь облака расступились, дул слабый ветер.

К глазам внезапно подступили слезы. В такой день вовсе не хотелось умирать. Да еще от руки какого-то полоумного, где-то на дороге между Лидсом и Скарборо.

«Хелен не хотела, чтобы я подвозила его. Она была права. У нее острее чутье».

Нил сначала перебрался на водительское сиденье, затем вышел вслед за ней. Теперь они стояли между машиной и кустарником. Пегги оглянулась на дорогу, но ничего не разглядела. Она отъехала слишком далеко в поле, и теперь их надежно укрывали заросли боярышника. Если кто-то и проедет мимо, то увидит лишь заднюю часть машины. Никто и не заподозрит, что здесь кому-то угрожает опасность.

Пегги не успела опомниться, как Нил завел ей руки за спину, и на ее запястьях защелкнулись наручники. Откуда он их взял? Впрочем, раздобыть нечто подобное не составляло труда. Такие принадлежности продавались в любом секс-шопе.

– Сожалею, – повторил он, хотя в его голосе не было и тени сожаления, – но я не могу допустить, чтобы ты сразу выбежала на обочину, остановила первую же машину и натравила на меня полицию. Скоротаешь здесь часок-другой. Садись!

– Ты не можешь привязать меня здесь! Меня тут никто не найдет!

– Рано или поздно кто-нибудь сюда заглянет, – он показал на смятые салфетки и пустую банку из-под газировки, валявшиеся в траве. – Люди останавливаются здесь отлить, выпить или потрахаться. Долго скучать не придется.

Пегги смотрела на это иначе. Ей представилось, как она сидит под этим кустом, долгие часы, может быть, целый день или даже ночь. Маловероятно, что ей удалось бы привлечь к себе внимание криками. Пешеходов здесь не было, а в проезжающей машине ее никто не услышал бы. Если б на поле, расположенном позади, объявился какой-нибудь фермер, тогда у нее возможно, появились бы шансы. Но сейчас вокруг не наблюдалось ни души.

– Прошу тебя, – взмолилась Пегги, – не делай этого. Обещаю, что прожду здесь час и...

Нил рассмеялся.

– Ну да. А на Пасху заяц принесет мне яйца...^[2] – Он рванул за наручники, так что металл больно врезался в кожу. – Садись, я кому сказал!

Пегги услышала звук мотора, низкий рокот грузовой машины. Все это время со стороны дороги не доносилось ни звука.

«Сейчас», – подумала Пегги.

Она рванулась. И ей действительно удалось высвободиться – Нил не ожидал сопротивления с ее стороны. Он вообще не ждал подобного от женщины, поскольку всю жизнь имел дело лишь с теми, кто поджигает перед ним хвост. Сильные, уверенные в себе женщины, такие как Пегги, его отпугивали.

Пегги быстро скользнула мимо распахнутой дверцы и зацепилась за что-то курткой. Услышала, как ткань с треском разорвалась. Плевать. Она должна добежать до дороги.

– Стой, сука! – проревел Нил.

Пегги не останавливалась. Грузовик был все ближе. Она должна успеть, должна остановить его. Водитель должен помочь ей. Он не мог просто проехать, увидев женщину, бегущую с поля, со скованными руками. Он...

Выстрел оборвал ее мысли. Такой громкий, что заболело в ушах, и в первый миг Пегги решила, что оглохла на всю жизнь. Больше она ничего не почувствовала – значит, Нил промахнулся. Но, к ее изумлению, колено подогнулось, и нога буквально подломилась под ней. Пегги повалилась на землю, попыталась встать, но ничего не вышло. Нога словно не принадлежала ей. Поскольку руки были стянуты за спиной, она лежала, как выброшенная на берег рыба, уткнувшись лицом в землю, еще сырую после

затяжных дождей и по-весеннему прохладную.

В следующий миг ее рванули за волосы, подняли голову.

– Чтоб тебя, мразь! Дура проклятая!

Крепкие руки грубо вскинули ее. Она привалилась к Нилу, левая нога подогнулась. Пегги опустила взгляд. Джинсы пропитались кровью.

Постепенно к ней пришло осознание. *Все-таки он меня подстрелил. Попал в ногу.*

По дороге с рокотом пронесся грузовик. Водитель ничего не заметил.

Нил поволок ее обратно к машине и в заросли боярышника. Боль в ноге понемногу давала себя знать, хоть и в пределах терпимого. Но такое обилие крови не сулило ничего хорошего.

– Нил, мне нужно в больницу.

Он грубо повалил Пегги в траву и нейлоновым шнуром накрепко привязал ее закованные руки к толстому стволу боярышника.

– Ничего не могу поделать, сама виновата. Думаешь, я сейчас повезу тебя в больницу и буду ждать, пока они вызовут «бобби»?

Пегги взглянула на свою простреленную ногу. Ткань уже насквозь пропиталась кровью. Боль усилилась.

– Я истеку кровью, если ты оставишь меня тут. Нил, ты не можешь так поступить. Прошу тебя. Оттащи меня хотя бы к дороге. Нил...

Тот, словно не слыша ее, сел в машину и захлопнул дверь. Пегги беспомощно наблюдала, как он завел мотор и включил задний ход.

– Нил!

Пегги закричала на пределе возможностей. Насколько позволяли силы, уже заметно иссякшие. Она теряла слишком много крови.

– Нил!

Он ее не слышал. Но даже если б услышал, то вряд ли вернулся бы. Пегги его уже не видела, но слышала, как машина выехала на асфальт. В ту же секунду громко взревел мотор, взвизгнули шины. Пегги продолжала кричать, без всякого смысла или надежды.

– Нил! Нил, пожалуйста, вернись! Прошу тебя!

Она замолчала. Стало совсем тихо. Едва уловимо был слышен шум мотора. Где-то над головой пролетал самолет. В кустах боярышника гудели пчелы. И ни души кругом, ни единой машины на дороге или в поле.

Боль все нарастала, ногу словно жгло огнем. Кровь впитывалась в землю.

Пегги казалось, что сердце ее бьется слишком часто и слишком сильно. За считанные мгновения во рту и в горле пересохло.

– Воды, – прохрипела Пегги.

Остатки облаков уплывали прочь, и долгожданное солнце безжалостно припекало землю.

Она умрет здесь. Теперь Пегги точно это знала.

Она надеялась лишь поскорее потерять сознание.

Джейн Скейпин и Роберт Стюарт сидели в кабинете у Калеба Хейла в Скарборо. Перед каждым стояла большая кружка кофе, и у всех был изможденный вид.

Хуже всех, как показалось Джейн, выглядел Калев.

У него было землистое лицо, под глазами темнели круги. Мятая, еще вчерашняя одежда и щетина также не придавали свежести его облику. Однако Джейн подозревала, что причина его скверного настроения не только в усталости. Ясно было, что за прошедшую ночь Калев не сомкнул глаз, но при этом у него был какой-то болезненный вид. Джейн видела из окна, что он приехал на такси. Из этого легко было заключить, что он оставался на ночь у Кейт Линвилл и с утра даже не заехал к себе. Типично для Калеба. Так же он вел себя с подчиненными, пекся буквально о каждом. Его понимание работы не ограничивалось лишь рамками служебного долга. Калев никогда не оставлял человека без поддержки лишь потому, что четко исполнял свои обязанности, и все прочее не входило в его компетенцию. Он всегда делал больше, чем должен был.

Джейн уже не раз ловила себя на мысли, что Калев излишне восприимчив для такой работы. И принимал слишком близко к сердцу все, что ему приходилось видеть. В том числе и страдания жертв. Очевидно, он испытывал трудности в том, чтобы выдерживать безопасную дистанцию и оставаться за чертой. Впрочем, возможно, что ему просто было одиноко. С тех пор как от него ушла жена, у Джейн нередко складывалось впечатление, что ему совсем не хочется возвращаться домой. И потому он хватался за любую возможность вырваться из четырех стен и при необходимости даже готов был нести вахту при растерянной дочери своего бывшего шефа. Хоть это и стоило ему чрезмерного напряжения. По крайней мере, теперь он казался трезвым. В прежние времена запах в его кабинете зачастую свидетельствовал об обратном. Теперь же Калев галлонами поглощал кофе.

– Как там Кейт, шеф? – спросила Джейн.

Калев пожал плечами.

– Я не видел ее с утра. Можно надеяться, что ей все-таки удалось уснуть. Но она в ужасном эмоциональном состоянии. Если б только нашелся кто-то, кто побыл бы сейчас с ней... Но таких людей, похоже, просто не существует.

– Значит, отец действительно был единственным близким человеком в

ее жизни?

– Похоже на то. Она до ужаса одинока, но, – Калев потер глаза, и от этого они покраснели еще сильнее, – вряд ли мы сможем ей чем-то помочь. Ей придется заново устраивать свою жизнь и самостоятельно подниматься на ноги. Пожалуй, тут можно справиться лишь своими силами.

– Сейчас ей не помешал бы мужчина, – добавил Стюарт. – Джейн, посоветуй ей, что ли, попробовать найти кого-нибудь в Интернете... Сейчас все так делают.

– Думаешь, ей повезет так же, как и тебе?

Ни для кого не было секретом, что Роберт уже долгие годы пытался найти себе пару на различных сайтах знакомств – пока безуспешно.

Тот, похоже, ничуть не обиделся.

– Ну, так у нее хотя бы появится какой-то шанс. Я как-то сомневаюсь, что мужчина всей ее жизни явится к ней в дом и признается в любви.

– Предоставим Кейт самой разбираться, – прервал дискуссию Калев. – Это ее жизнь, и пусть она сама ее налаживает. У нас есть задачи поважнее. Понимаю, времени было немного, но есть ли у вас что-то новое по делу Мелиссы Купер?

Роберт кивнул.

– Кажется, я выяснил, при каких обстоятельствах познакомились Ричард Линвилл и Мелисса Купер. Конечно, нет уверенности, что это имеет отношение к делу, но я решил, что разумно будет рассмотреть точки соприкосновения, поскольку высока вероятность, что оба были убиты одним человеком.

Калев покивал.

– Согласен. И что удалось выяснить?

– Я приехал пораньше и перешерстил старые акты. От девяносто восьмого года, ведь именно тогда началась их связь.

– Отличная мысль!

Роберт не скрывал своей гордости.

– В сентябре девяносто восьмого в Скарборо произошло нападение на игровой клуб в районе порта. Среди бела дня. Двое молодых людей, вооруженные ножами, просто ворвались внутрь и потребовали деньги из кассы. Владелец оказал сопротивление, и его тяжело ранили. Он скончался еще до того, как был доставлен в больницу. Грабители забрали деньги и скрылись в машине, за рулем которой сидел их сообщник. Были свидетели – в том числе те, которые в тот момент случайно оказались на набережной. В их числе и Мелисса Купер, которая направлялась в паб встретиться с подружкой. Она могла дать примерное описание преступников, поэтому ее

пригласили сюда для дачи показаний. Линвилл беседовал с ней лично. Полагаю, это и стало моментом их знакомства. Но возможно, удастся уточнить это у сыновей миссис Купер.

Калеб задумался.

– Какова вероятность, что в том ограблении скрыт ключ к нынешним убийствам? Преступников поймали?

– Да, только вот...

– Что?

– Их сцапали довольно быстро. Но показания Мелиссы Купер не сыграли в этом никакой роли. И даже Линвилл не приложил никаких усилий для их поимки. Через два дня после ограбления, которое внезапно окончилось убийством, один из участников не выдержал и явился с повинной. И тотчас выдал своих подельников. Так что Мелисса Купер здесь ни при чем, и я даже подозреваю, что они ни разу не слышали это имя.

– И все-таки нужно во всем разобраться. Роберт, будет лучше, если вы этим и займетесь. Полагаю, все трое уже отсидели положенное и с некоторых пор на свободе?

– Я проверил и это, шеф. – Похоже, Роберт действительно встал ни свет ни заря и взялся за дело. – Все трое уже на свободе и пока ни в чем не были замечены. Двое живут в Халле, один – здесь, в Скарборо. Я выписал адреса.

Калеб заметил, что этим утром Роберт и Джейн поменялись ролями. Обычно Джейн проявляла высокую активность и личную инициативу, в то время как Роберт был хоть и способным, но не самым расторопным полицейским. Сегодня же Джейн казалась совсем вымотанной. Она была такая бледная и выглядела такой замученной, что Калеб, если б мог себе позволить, с радостью дал бы ей выходной. Она до поздней ночи была на ногах, а после ей наверняка пришлось выслушивать претензии соседки, присматривавшей за Диланом.

– Ладно. Роберт, проверьте этих грабителей. И не стоит забывать о Денисе Шоув. Пока неясно, как он связан с Мелиссой Купер, но...

– Шеф, Денис Шоув был осужден в две тысячи пятом, то есть через три года *после* того, как Линвилл порвал с Мелиссой Купер – если верить показаниям ее сына, – заметила Джейн. – Но, быть может, Денис Шоув как-то выяснил, что Линвилл и Купер какое-то время были парой. Возможно, ему мало было поквитаться с Линвиллом. Нам ведь известны случаи, когда преступник переключался и на окружение жертвы.

– Хм... Откуда он мог бы узнать об интрижке?

– Подобные вещи часто просачиваются. Могут предположить, что кое-кому в участке было известно о происходящем. В то время как Линвилл старательно хранил свою тайну, у него за спиной уже откровенно шептались.

Кaleb вздохнул. Конечно, Джейн права. Ему вспомнилось, как он сам напугался прошлой ночью, когда Кейт в порыве злобы напомнила ему о проблемах с алкоголем. Видимо, просто наивно было держаться версии с реабилитацией. Все прекрасно знали, в чем дело, и даже в Скотланд-Ярде об этом прослышали.

В конце концов, он сам себя выставлял посмешищем.

– Все равно не верится, – сказал Кaleb. – Даже если другим что-то было известно, как это могло дойти до Дениса Шоува? Кроме того, почему в таком случае он не убил *сначала* Мелиссу Купер, а уж *затем* Линвилла? Так сказать, в качестве предупреждения Линвиллу, чтобы сбить его с толку, нагнать страху... А реальная последовательность не имеет смысла.

– Возможно, Шоув планировал убить их в ином порядке, – предположила Джейн. – А потом планы поменялись. Может, с Мелиссой Купер что-то пошло не так, зато с Линвиллом представился удобный случай. И убийце пришлось сделать все иначе.

– Но зачем тогда убивать Мелиссу? Ее вполне можно было и не трогать, ведь он уже не мог досадить Линвиллу.

– Но он уже принял решение и не захотел останавливаться на полпути.

Кaleb побарабанил карандашом по столу. Все это звучало слишком уж неправдоподобно.

– Мелиссу Купер связали и заткнули рот кляпом. Пока она была в сознании, ей раздробили оба колена молотком. А после перерезали горло, да так, что еще немного, и вовсе обезглавили бы. Столько ненависти и столько решимости – не просто убить женщину, а заставить ее страдать... И только ради того, чтобы исполнить план, который, в общем-то, и так был уже осуществлен?.. Нет, совсем неубедительно.

На это им нечего было ответить. Тогда Роберт предложил другую версию:

– А что насчет сыновей Мелиссы Купер? Майкл ненавидел Линвилла, как мы сами вчера убедились.

– Да, но не свою мать, – возразил Кaleb. – И он был глубоко потрясен известием о ее смерти. Нужно быть первоклассным актером, чтобы так изобразить отчаяние и ужас. Но я все-таки наведу к нему. Думаю, и брат уже приехал. Я еще раз основательно с ними побеседую. Они должны рассказать нам все, что знают об отношениях их матери с Линвиллом.

– Тех, кого эта интрижка непосредственно затрагивала бы, к сожалению, нельзя принять в расчет, – сказала Джейн. – Их супруги. Мужа Мелиссы давно нет в живых, жена Линвилла умерла три года назад.

– Да уж, если б все было так просто, – произнес Калев и поднялся. – Поступим следующим образом: вы, Роберт, как уже было сказано, разузнаете всё насчет тех грабителей. Джейн, вы еще раз просмотрите все акты и отчеты по делу Шоува. Я хочу знать, фигурирует ли в них как-то Мелисса Купер, – в чем я сомневаюсь. Но все равно проверьте. Я поеду в Шеффилд и поговорю с Майклом Купером. Я уже направил людей в Халл. Они осмотрят квартиру Мелиссы, поговорят с соседом и смотрителем школы, а затем прочешут окрестности этого дома на побережье. В любом случае мне хотелось бы активизировать поиски Дениса Шоува. Даже если он не имеет к этому отношения, мы не можем снять с него подозрения, пока не допросим его и не проверим возможные алиби. Лучше всего...

– Шеф, я занялась этим еще вчера вечером, – сказала Джейн. – Его фотографию поместили в местных газетах, с описанием и всем прочим.

И это снова была прежняя Джейн. Калев с одобрением кивнул.

– Очень хорошо. Отличная работа, Джейн, серьезно.

Усталые глаза констебля чуть ожили.

Стюарт едва заметно покачал головой. Конечно, в том, что касалось квалификации Джейн, он был полностью согласен с шефом. Но ему казалось, что оба они уделяли Денису Шоуву чрезмерное внимание.

Хотя, на его взгляд, эта версия не имела никаких оснований.

Кейт уже давно проснулась, но целую вечность просидела в спальне, страшась встречи с Калемом. Не хотелось даже на глаза ему попадаться.

Кроме того, она ужасно себя чувствовала. То количество виски, выпитого на пустой желудок и за короткое время, не могло остаться без последствий: голова раскалывалась, во рту пересохло, веки жгло, и глаза болели даже от слабого света, что пробивался сквозь задернутые шторы. Но ничто из этого не могло сравниться с осознанием того, что произошло ночью. Она и Калем Хейл в гостиной. Она бросилась к нему в объятия, молила прижать к себе. Калем не отказал ей, и это подарило ей чувство утешения и защиты. Но Кейт пошла дальше – попыталась затащить его в постель. И, несмотря на сильное опьянение, сцена во всех подробностях отпечаталась в памяти. Она ясно помнила реакцию Калеба, его ужас и смятение. Он был в крайнем замешательстве, и Кейт не могла понять, почему повела себя так несдержанно и без каких-либо преград в голове.

Она старалась не думать об этом, но сцена то и дело оживала в памяти, затмевая собой даже те страшные события, на которые был так богат вчерашний день. Кейт пыталась даже мысленно обращаться к тем картинам с места преступления в Халле, окровавленной, связанной и казненной Мелиссы Купер. Воспоминания об этом переносились все-таки легче, чем мысли о своем поведении перед Калемом. Вспоминать, как он смотрел на нее, когда говорил, что не хочет пользоваться случаем. Кейт прочла правду в его глазах. Она совершенно не привлекала его как женщина, и в нормальных обстоятельствах Калем ее даже не заметил бы. Он заботился о ней лишь потому, что уважал ее отца и сочувствовал ей.

Старая песня, извечная история: полное безразличие или жалость, ничего другого от мужчин ей ждать не приходилось. И теперь выходило, что Кейт сама подогревала сочувствие Калеба. Определенно, он видел в ней воплощенную трагедию – и личность, которую впредь лучше избегать.

В какой-то момент к дому подъехала машина, и вслед за этим хлопнула входная дверь. Очевидно, Калем вызвал такси. На всякий случай Кейт выждала еще немного, после чего встала и на ватных ногах подошла к двери. Прислушалась, выглянула на лестницу. Тишина.

Калем действительно уехал. Слава богу.

Мучительно долго Кейт принимала душ и одевалась. Любое резкое движение отзывалось болью в голове. Она взглянула на себя в зеркало:

бледное лицо, впалые глаза – словно состарилась в одночасье. Ей не было сорока, но выглядела она на все пятьдесят. Больше всего ей хотелось выплакаться – за свою внешность, за свою жизнь и все отказы, которые ей пришлось выслушать за все эти годы. И все-таки она сдержалась. Только сильнее разболелась бы голова и глаза.

В конце концов Кейт спустилась на кухню. На горячей подставке кофемашины стоял полный кофейник. И никакой записки, ничего.

«Хотя чего ты ждала? – подумалось Кейт. – Кaleb теперь будет всячески тебя избегать. И не станет делать ничего такого, что ты могла бы превратно истолковать».

Она поняла, что не сможет ничего съесть, но налила себе полную кружку кофе. Не стала садиться за стол, просто пила и смотрела в окно. Понемногу к ней возвращались жизненные силы, глаза привыкали к дневному свету. Довольно долго она стояла, погруженная в раздумья, и скоро жгучее чувство стыда за собственное поведение уступило место ужасу от осознания истины.

Отец изменял матери.

Завел низкую, предательскую интрижку. Ее безупречный, замечательный, благородный во всех отношениях отец.

В тот самый период, когда матери было так плохо и она ощущала себя совершенно беспомощной, отец ее обманывал.

И не только жену: он обманул ее, Кейт. Причем в такой мере, в какой не смог бы обмануть никто другой.

Что значила для него эта Мелисса Купер? Любил ли отец ее? Остался бы он в конечном итоге с ней, не будь Бренда, его жена, так больна? Неужели только болезнь заставляла его возвращаться в Чёрч-Клоуз? И если б тогда дело дошло до развода, как это сказалось бы на Кейт? Разрушило бы ощущение семейного уюта и защищенности, которое родители давали ей и во взрослой жизни? Возможно, порядочность – *остатки порядочности*, поправила себя Кейт – не позволила бы Ричарду бросить семью. Хоть Бренда поначалу и одолела болезнь, но не прошло и года, как случился рецидив, и для нее все началось по новой. И вновь Бренда выиграла эту мучительную битву, а за этим последовали девять невероятных лет, в течение которых ей действительно удавалось любыми мыслимыми способами сдерживать болезнь. Но Ричард, очевидно, уже потерял всякую надежду на спасение. И оказался прав. В 2010-м все началось снова, и на этот раз стремительнее и хуже, чем прежде. Метастазы наводнили тело Бренды, сил сопротивляться уже не осталось. В январе 2011-го Бренда скончалась.

А после... очевидно, связь между Ричардом и Мелиссой не возобновилась. В какой-то момент их огонь угас.

Кейт хотела знать об этом больше. Что тогда произошло и почему? Почему теперь оба они мертвы, буквально казнены – человеком, который питал к ним нечеловеческую ненависть?

Майкл Купер показался ей крайне неприятным и отталкивающим человеком, но у нее не было иного выбора, кроме как вновь связаться с ним. По крайней мере, в текущий момент Кейт не знала больше никого, кто мог бы хоть что-то ей рассказать.

Она слышала накануне, что Майкл живет в Шеффилде. Загрузила адресную книгу в Интернете и выяснила, что в Шеффилде проживают два человека под именем Майкл Купер. Что ж, могло быть и хуже. Кейт записала оба адреса. Она не решилась позвонить, поскольку опасалась, что от нее постараются сразу отделаться. Кейт чувствовала антипатию со стороны Майкла. Он ненавидел Ричарда и теперь переносил свою неприязнь на его дочь. С другой стороны, он пребывал в шоке. Теперь уж Майкл, наверное, понял, что Кейт жила сама по себе и не в ответе за своего отца. Только подумав об этом, она с удивлением осознала, что и сама впервые пришла к этой мысли. И, несмотря на все произошедшее, это прозвучало для нее едва ли не богохульством: «Я сама по себе и не в ответе за своего отца».

Прежде Кейт воспринимала это совсем иначе. В ее понимании они с отцом всегда были неразрывным целым. Слитым воедино. Каждый составлял часть другого. И нес ответственность как за себя самого.

И вот выяснилось, что отец вел собственную жизнь. Только для себя, отдельно от жены и дочери.

«Я не представляла себя отдельно от него и считала, что он чувствует то же. При этом он жил собственной жизнью с женщиной, которую я не знала. О которой он ни разу не упоминал. Он предал нашу семью. Предал меня. И мои чувства к нему».

Это так ранило ее, что слезы, до сих пор сдерживаемые с таким трудом, подступили к глазам. Кейт ничего не могла с собой поделать. Она опустилась на кафельный пол и заплакала так, что тело сотрясали судороги. Ей как-то удалось дотянуться до рулона бумажных полотенец, и она отрывала один листок за другим, чтобы утирать льющиеся ручьем слезы и время от времени сморкаться. В конце концов слезы иссякли, и некоторое время Кейт просто сидела, тяжело дыша, изможденная и опустошенная. Разглядывая кухню с непривычной перспективы, она ощущала, какой холодный под ней пол, но не находила в себе сил подняться. Она

чувствовала уныние и скорбь, но вместе с тем и облегчение, поскольку слезы безотказно избавляли даже от невыносимой тяжести. В какой-то момент Кейт сумела подняться, прошла в ванную и умыла лицо холодной водой. Против обыкновения наложила немного пудры, чтобы скрыть красноту вокруг глаз и на щеках. Благоразумнее было бы не ехать сейчас в Шеффилд.

И все же она поехала.

* * *

Движение в это время было плотное, и дорога до Шеффилда заняла два с половиной часа. Потом Кейт долго плутала в поисках первого адреса, но в конечном итоге выяснила, что разыскивала не того Майкла Купера. Человеку, который открыл ей после долгого ожидания и лишь с третьего звонка, было лет девяносто. Когда Кейт объяснила, что ошиблась, и попросила прощения, он ее даже не понял и все переспрашивал. В конце концов Кейт потеряла терпение и просто развернулась и ушла. Оставалось надеяться, что второй Майкл Купер окажется тем самым. Конечно, была вероятность, что сын Мелиссы не регистрировался. В таком случае разыскать его будет не так просто. Но не невозможно. Все-таки Кейт еще могла положиться на Скотланд-Ярд. Если подойти к делу с умом, то Кристи Макмарроу обязательно помогла бы ей.

Спустя еще полчаса Кейт стояла перед ухоженным домом на южной окраине города. По всем признакам, здесь проживала молодая семья: большой сад с качелями, горкой и батутом. По обсаженной цветами дорожке Кейт прошла к двери и позвонила. Дверь отворилась практически мгновенно. На пороге стоял Майкл Купер. Тот самый. Он сразу ее узнал.

– Мисс Линвилл.

Он выглядел уже не столь агрессивным, как накануне. Скорее уж замученным и слишком усталым, чтобы нападать на кого-либо.

– Здравствуйте, мистер Купер, – поздоровалась Кейт. – Простите, что явилась без предупреждения, но... у вас найдется пара минут?

Майкл был явно не в восторге.

– Вообще-то... брат приехал несколько часов назад, и мы как раз похороны... а впрочем... – он отступил в сторону, – входите.

В прихожей повсюду валялись игрушки, и со второго этажа доносились детские голоса.

Майкл провел ее в гостиную. На диване сидел мужчина, очень

похожий на Майкла, такой же высокий, с черными волосами. И он тоже выглядел совершенно убитым.

– Мой брат Эндрю Купер, – представил его Майкл. – Эндрю, это Кейт Линвилл, дочь Ричарда. Я уже говорил тебе, что она...

Услышав фамилию *Линвилл*, Эндрю заметно вздрогнул. Очевидно, он относился с той же неприязнью к любовнику своей матери, что и брат.

Мужчина сделал над собой видимое усилие, поднялся и протянул ей руку.

– Да, я знаю. Это вы... обнаружили вчера мою маму.

– Мне очень жаль, – ответила Кейт.

– Это...

Эндрю тщетно пытался подобрать слово, которое выразило бы его чувства.

– Это непостижимо, – сказал он в конце концов, – просто непостижимо. Когда Майкл позвонил мне... Это было как в дурном сне. Это *и до сих пор* как в дурном сне. Я всю ночь провел в дороге, я ведь живу в Шотландии. Наша мама...

Он с трудом сдерживался. Кейт понимала его. Слишком хорошо понимала.

– Я хотел навестить ее на Пасху, – продолжал Эндрю, – но так в итоге и не собрался. А теперь думаю... Господи, теперь этого никак не исправить. И никогда уже не наверстать.

– Эндрю, не терзай себя так, – тихо промолвил Майкл.

– В последний раз мы виделись в день ее рождения, – не умолкал Эндрю. – Седьмого января. И я считал, что этим исполнил свой долг. Хотя знал, как ей одиноко. Знал, что у нее никого нет, с кем она... могла бы провести выходные. Вечера. Отец умер, когда мы были еще детьми...

У него дрожали губы. Эндрю был явно на исходе душевных сил, в полном смятении. Кейт вдруг стало совестно. Не следовало ей заявляться вот так, без звонка.

– Я заварю кофе, – сказал Майкл. – Присядь, Эндрю. Успокойся.

Эндрю послушно опустился на диван. Прикрыл на мгновение глаза. Его лицо казалось совершенно бескровным.

Кейт села в кресло. Майкл скрылся на кухне. Слышно было, как он гремит там посудой. Эндрю открыл глаза. Похоже было, что он снова взял себя в руки.

– Так, значит, вы – Кейт...

– Да. И я понимаю, вам есть за что недолго любить моего отца. Я... только вчера узнала обо всем. О связи между моим отцом и вашей матерью,

я имею в виду. Прежде я ни о чем таком не подозревала. И это просто выбило меня из колеи. Я думала... всегда была уверена, что у моих родителей счастливый брак.

Эндрю окинул ее задумчивым взглядом. Кейт прочла в его глазах нечто вроде сочувствия.

– Да, должно быть, это непросто. Мы не жалуем вашего отца, мисс Линвилл, это правда. Он то и дело обещал нашей маме, что уйдет от жены и останется с ней. Но в конечном счете так и не решился. Мама очень страдала.

– Моя мама была больна. Какое-то время казалось, что болезнь отступила, но отец, наверное, не очень-то в это верил. Думаю, в этом причина, почему он... остался с ней.

«Бедная мама, – подумала она с горечью, – бедная моя мамочка, тебе точно не хотелось бы, чтобы он оставался только поэтому. Тебе не нужно было сочувствие».

Эндрю кивнул.

– Я знаю. Так он и объяснил матери свой выбор. И все-таки... Ему не следовало заводить все так далеко. Мама после всего этого совсем переменялась. Так по-настоящему и не оправилась.

Столько страданий... Ричард причинил людям столько страданий...

Что такого он еще сделал? Что *они с Мелиссой* сделали такого, что кто-то питал к ним столько ненависти? Долгие годы после того, как их связь оборвалась...

Это натолкнуло ее на мысль.

– А вам известно, когда именно это все прекратилось? Когда они расстались? И *действительно ли* они расстались? То есть между ними действительно больше не было контактов?

Эндрю задумался.

– Если память мне не изменяет, началось все осенью девяносто восьмого. Тем летом я окончил школу и поступил в университет. Майкл уже два года как жил отдельно. Мама познакомилась с Ричардом, когда стала свидетельницей ограбления в игорном клубе. Ричард принимал у нее показания, – он вымученно рассмеялся. – Вот так банально порой начинаются любовные истории.

Кейт нахмурила лоб.

– Ограбление? Вам что-то известно об этом?

Эндрю пожал плечами.

– Нет. Это было незадолго до начала учебы, я подрабатывал в доставке мебели в Ливерпуле и не жил дома. К тому же все это было так давно...

Кейт взяла себе на заметку. *Ограбление, Скарборо, 1998 год. Обязательно разузнать.*

– Ну вот, и все продолжалось до... две тысячи второго, я бы так сказал, – продолжал Эндрю. – И после этого все прекратилось, я в этом уверен. Мама часто говорила о нем, и это приводило ее в отчаяние: он не давал о себе знать, ни разу не позвонил на Рождество или в день ее рождения. Он как будто начисто вычеркнул ее из своей жизни, словно ее и не было. Мама так и не смогла этого понять.

Наверняка это было тяжело. Но Кейт знала, как непреклонен был отец, если принимал какое-то решение. Он не признавал никаких полумер. И то, о чем рассказывал Эндрю, было очень похоже на ее отца.

– А ваша мама когда-нибудь упоминала Дениса Шоува? – спросила Кейт как раз в тот момент, когда Майкл вернулся в гостиную. Он принес на подносе кофейник и несколько чашек.

– Меня уже спрашивали об этом вчера, – ответил он за брата. – Этот инспектор... кажется...

– Старший инспектор Калев Хейл, – подсказала Кейт.

– Да, точно. Кстати, он звонил. Сказал, что заедет сегодня.

Этого только не хватало... Меньше всего Кейт хотелось встречаться с Калевом. Нужно было поскорее заканчивать и убираться.

– Я ни разу не слышал это имя, – сказал Эндрю. – Денис Шоув... А ты? – Он взглянул на брата.

Майкл расставил чашки, налил кофе и качнул головой.

– Нет. Никогда. Но утром видел его фото в газете. Его разыскивает полиция. Возможно ли, что он имеет какое-то отношение к убийству нашей мамы?

– Есть высокая вероятность, что он причастен к убийству моего отца, – ответила Кейт. – У него был мотив. Неясно только, для чего ему убивать вашу маму. Отец отправил его за решетку в две тысячи пятом. Тогда он уже не состоял с Мелиссой ни в каких отношениях. И вообще она не могла иметь к этому никакого отношения. Отец всегда строго разграничивал работу и личную жизнь. С другой стороны, речь идет, скорее всего, об одном человеке. На это указывает общий подход убийцы в обоих случаях.

Мужчины переглянулись.

– Она из Скотланд-Ярда, – сказал Майкл. – Помню, мама пару раз упоминала.

– В самом деле?

Эндрю с удивлением взглянул на Кейт. Ясно было, что он совсем иначе представлял себе сотрудницу Скотланд-Ярда. Кейт уже привыкла к

подобной реакции. Ей редко встречался такой человек, который с ходу увидел бы в ней хорошего полицейского, да еще из самого авторитетного ведомства в стране.

Пожалуй, в этом не было ничего удивительного. Кейт и сама не понимала, как такое возможно.

– Да, – ответила она на вопрос Эндрю. – И я хочу узнать, кто стоит за смертью моего отца. И вашей матери.

– Знаете, что странно, – заметил Майкл. – Когда мама прочла в газете о смерти Ричарда, она стала сама не своя. Постоянно говорила мне об этом по телефону. К сожалению, я уже тогда взял за привычку слушать вполуха, когда она упоминала *его* имя. И старался под каким-нибудь предлогом отделаться от нее. Я просто не хотел говорить о нем. Не хотел, чтобы *она* говорила о нем... И когда его убили, я подумал: «Господи, теперь она еще и печалится по нему, по этому...»

Он не закончил. Накануне вечером Майкл был груб и прямолинеен, но теперь понимал, что не может ни в чем винить Кейт. Что ей так же больно, как и ему.

– Теперь уж мне стало ясно, – продолжал он, – как я заблуждался. Мама и не думала оплакивать Ричарда. Она была напугана. Я не понял этого, потому что сразу прекращал любые разговоры об этом. А потом начались эти ее... эти страхи, будто за ней кто-то наблюдает. Она боялась, что с ней случится то же самое, что и с Линвиллом. А я реагировал так, будто у нее мания преследования.

– И я, – тихо произнес Эндрю, – я тоже.

– Очевидно, что-то произошло в тот период, когда они были вместе, – сказала Кейт. – Что-то такое, отчего ваша мама вдруг почувствовала себя в опасности. Полагаю, именно об этом она хотела поговорить со мной. А я опоздала. Нужно было...

Кейт не стала продолжать. Не хватало еще, чтобы и эти люди сочли ее ни к чему не способной. И все же она допустила ошибку, дожидаясь встречи с Мелиссой. Кaleb был прав: следовало немедленно сообщить ему, и он сразу поехал бы к ней. Просто потому, что она собиралась дать какие-то сведения по застопоренному делу об убийстве. По крайней мере, была такая вероятность. Кaleb не стал бы выжидать несколько часов, предоставляя убийце время, чтобы спокойно расправиться со второй жертвой.

– А где ваша мама жила в то время, когда встречалась с моим отцом? – спросила Кейт. – В Халле?

Эндрю покачал головой.

– Вообще мы из Уитби. Жили там, а мама работала в школе в Ньюкасле. По полтора часа туда и обратно каждый день, но никакой другой работы не было. Порой она совершенно выматывалась, но что ей оставалось? Нужно было растить двоих детей. Уже позднее, лет десять назад, она перебралась в Халл. Нашла там новое место и надеялась, что перемены пойдут ей на пользу. После той истории с Ричардом.

– Но в конечном итоге осталась совсем одна, – добавил Майкл. – У нее были две близкие подруги в Уитби, но поддерживать общение стало трудно. А завести друзей в Халле у нее как-то не вышло.

Уитби. Хоть какая-то отправная точка.

– А можно узнать имена этих подруг? И адреса. Я бы...

Раздался звонок в дверь. Кейт уже догадалась, кто это.

– Давайте, мы потом с вами созвонимся и разберемся с адресами, – предложила она спешно.

Калеб придет в бешенство, застав ее за разговором с сыновьями недавней жертвы убийства. Кейт быстро поднялась. Майкл уже направился к двери. Вскоре из прихожей донесся голос Калеба.

– Мне пора, – сказала Кейт.

Она с радостью спросила бы Эндрю насчет задней двери, но тем самым только разоблачила бы себя. Ничего не оставалось, кроме как встретиться с Калемом.

При виде Кейт тот пришел в замешательство.

– Доброе утро, Калеб, – поздоровалась она.

Главное – не думать о прошлой ночи.

Ее бросило в жар. Она почувствовала, что в довершение всего еще и залилась краской.

– Прошу прощения, – обратился Калеб к Майклу, после чего повернулся к ней. – Кейт, можно вас на пару слов? Пойдемте ко мне в машину.

Кейт понимала, что уклоняться не имело смысла.

Она последовала за ним.

Терри вышла из своей комнаты только к полудню, и это могло означать, что она довольно крепко спала. При свете дня облик ее был даже более примечателен, нежели ночью. Лицо переливалось насыщенными цветами, синяк под левым глазом обрел яркий лиловый окрас. Волосы торчали в разные стороны. Терри выглядела как беспомощный, растерянный подросток пятнадцати лет, который совершенно не ведал, как ему быть дальше.

Стелла дала понять Джонасу, что будет лучше, если он оставит их с Терри наедине. У того и в мыслях не было возражать. Впервые за долгое время день обещал быть теплым и солнечным, поэтому Джонас решил отправиться с Сэмми на побережье и поискать место, где можно искупаться и построить песочные замки. Они обещали вернуться после обеда. Стелла тем временем прибиралась в доме, и с каждой минутой ее раздражение нарастало. Столько дней непрерывно лил дождь, и теперь можно было наконец-то куда-нибудь выбраться – а она вынуждена сидеть взаперти из-за этого нежданного, непрошеного визита... Стелла хотела поскорее объяснить Терри, что она должна сама налаживать свою жизнь и отношения с Нилом – это исключительно ее забота.

И вот, когда Терри сидела за столом с чашкой кофе, Стелла села напротив нее и пристально посмотрела в глаза.

– Что вы теперь намерены делать?

Девушка крутила чашкой по столу, избегая ее взгляда.

– Я не знаю. Честно, понятия не имею. Не знаю, куда мне податься.

– К себе домой, в Лидс. Это *ваша* квартира. Вы имеете полное право там находиться. А если Нил вам угрожает, вы можете обратиться в полицию, и ему придется съехать. Кстати, о нем: как я уже говорила ночью, я бы на вашем месте и так подала на него заявление. Вы хоть в зеркало смотрелись? Терри, он вас жестоко избил, и нельзя просто так спускать ему это.

И снова Терри готова была расплакаться.

– Но я не могу. Не могу подать на него заявление. И я не хочу, чтобы он съезжал. Я люблю его.

– Вам *кажется*, что вы его любите, – поправила Стелла. – И эти отношения не дают вам ничего хорошего.

– Вы совсем его не знаете. Нил может быть очень ласковым. Честно,

еще никто не был со мной так нежен, как он.

– Глядя на ваше лицо, как-то сложно назвать Нила любящим и нежным, – иронично заметила Стелла. Она встала и продолжала, глядя на нее сверху вниз: – Господи, Терри! Я ведь не дуручка и понимаю, как все непросто в этой истории. Вы совершенно увязли в этих отношениях и, к сожалению, так и будете зависеть от этого человека, даже если он будет колотить вас каждую неделю. Вам кажется, что, кроме него, у вас никого больше не будет, но...

– Мне так не кажется, – перебила ее Терри, – *так и есть*. У меня никого нет. Моя семья...

– Ваша семья отвернулась от вас – очевидно, так. Но вы говорили о друзьях, которые были у вас, пока в вашей жизни не появился Нил. Вы отделились от них, потому что он так захотел. Поймите же, вы сами вбили себе в голову, что, кроме него, у вас никого нет. Нил не явился к вам по велению судьбы. Он вынудил вас подчиниться. Это подло и низко. У такого человека на уме что угодно, только не ваше счастье.

– Эти мои друзья были скорее знакомыми. В моей жизни нет никого, кто любил бы меня. Кого я могла бы любить. Вот если б я оставила тогда Сэмми...

Стелла почувствовала, как у нее похолодели кончики пальцев и что-то сжалось в животе. «Даже не заикайся о Сэмми, – хотелось ей сказать. – Ты слишком далеко заходишь, и мне это совсем не нравится!»

– Вы были слишком юны. У вас были все основания отдать его на усыновление. И, честно говоря, я рада за Сэмми. По крайней мере, ему не придется жить под гнетом такого отчима, как Нил.

Терри побледнела, и Стелла поняла, что высказалась слишком резко. Она снова опустилась на скамью.

– Простите. Это было грубо с моей стороны.

– Да ничего, – пробормотала Терри.

Она все еще возила чашкой по столу, так и не притронувшись к кофе. Затем подняла голову и впервые за это время посмотрела на Стеллу.

– А можно мне остаться у вас на какое-то время? Пожалуйста. Кроме вас, у меня никого нет.

Не надо считать нас близкими. Это заблуждение.

Комок в животе стал еще плотнее.

– Нет, Терри, так не пойдет.

– Почему нет? Мы же... в каком-то смысле семья. У нас есть Сэмми.

– Это не так, Терри. Мы усыновили Сэмми, но не вас. В нормальных обстоятельствах мы даже не знали бы друг о друге.

И так было бы несравнимо лучше.

– И все же мы знаем друг друга! – Теперь в ее глазах блестели слезы. Еще немного, и она снова расплачется. – И я еще тогда почувствовала привязанность к вам. Как будто мы всегда были знакомы. И смогли бы на самом деле стать близкими друзьями.

«А вот нам так совсем не кажется».

– Пожалуйста, Стелла! Куда мне еще податься?

– Терри, мы не решим ваших проблем с Нилом. Не можете же вы провести у нас всю оставшуюся жизнь только потому, что боитесь возвращаться к себе домой!

– Но пока вы здесь, можно мне остаться?

– И что вам это даст?

– Немного времени.

Стелла представила последние дни отпуска в обществе Терри, и ей стало не по себе. В свой двадцать один год эта девушка оставалась в психологическом развитии тринадцатилетним подростком. Она доставила бы им больше хлопот, чем Сэмми. Понятно, что Терри нуждалась в помощи, но...

«Мы не в ответе за нее. И я совсем не горю желанием брать на себя эту ответственность».

В конечном счете ей вздумалось бы уехать с ними в Кингстон. Терри осталась без работы, и в Лидсе ее ничто не держало. И не имело значения, где ей искать новое место официантки.

Мысль, что Терри на неопределенный срок поселится у них в гостевой комнате и незаметно станет четвертым членом семьи, стала решающей. Стелла поняла, что должна подвести черту.

– Нет, Терри. Сожалею, но это наш отпуск. У Джонаса очень напряженная работа, и мы проводим мало времени вместе. Эти каникулы очень важны для нас, и нам бы хотелось провести их без гостей.

Терри заплакала.

– Но я боюсь возвращаться!

– Так обратитесь в полицию.

– Я не хочу потерять Нила!

Стелла готова была рвать на себе волосы, но в этот день она и без того выглядела не лучшим образом.

– Мы ходим по кругу, – произнесла она устало.

Повисло молчание. Терри тихо всхлипывала в салфетку.

К дому подъехала машина. Джонас и Сэмми не могли вернуться так рано, и Стелла сразу поняла, кто это.

– Гадство! – промолвила она.
Посмотрела в окно – и ее худшие опасения подтвердились.
К ним пожаловал Нил Кортни.

* * *

Первое, что отметила Стелла, – это запах. От Нила несло по́том; было такое ощущение, словно он несколько дней не мылся и не менял одежду. С той первой встречи в Кингстоне Нил запомнился ей ухоженным человеком – пусть и в своей небрежной манере, но *ухоженным*. Такие, как он, придавали большое значение собственной внешности и ничего не упускали из виду. Теперь же его словно подменили. Возможно, причиной тому стал жаркий день в сочетании с ночной ссорой. Нил, по всей видимости, не спал и поэтому просто позабыл принять душ.

Он выглядел измотанным, но самомнения и наглости в его манерах от этого не убавилось. Стелла вышла ему навстречу одна, Терри осталась на кухне.

– Здравствуйте, Нил, – поздоровалась она холодно.

Тот осклабился.

– И вам привет.

– Как я слышала, вы приложили немало усилий, чтобы разыскать наш дом. Не сказала бы, что это нормально.

– Ну, я решил, что нам не помешало бы еще раз увидеться. Мы тогда очень мило посидели у вас в Кингстоне. И мне кажется, будет справедливо, если Терри захочет время от времени навещать своего сына.

– Нам решать, когда подобные визиты уместны, Нил. Речь идет исключительно о Сэмми. Не о Терри и уж тем более не о вас.

Нил снова ухмыльнулся.

– К чему столько агрессии. Никто не собирается забирать у вас мальчика.

Стелла старалась держаться хладнокровно.

– Вряд ли это возможно.

Ухмылка мгновенно сошла с его лица. Он указал на машину Терри, припаркованную во дворе.

– Вижу, Терри у вас. Как я и думал.

– Да, она приехала ночью. И выглядела не лучшим образом. *Выглядит* не лучшим образом.

– Сожалею. Мы немного повздорили, да.

– Я посоветовала ей обратиться в полицию.

– В самом деле? А с вами шутки плохи, как я посмотрю... Готовы рубить с ходу. Проблемы можно решать и по-другому.

– Боюсь, что Терри так и собирается поступить. Она не хочет идти в полицию.

– Весьма разумно. Она знает, что мы созданы друг для друга. Хоть и цапаемся иногда.

– Как бы там ни было, можете выяснять отношения, мириться или ссориться дальше – но, пожалуйста, не здесь. Я не желаю иметь к этому никакого отношения.

Нил миролюбиво поднял руки.

– Я же не говорил ей ехать сюда. Но у Терри никого больше нет. Собственно, поэтому я столько значу для нее.

– Из всего, что я слышала, могу предположить, что вы немало способствовали ее изоляции.

– Я лишь оградил ее от некоторых мнимых друзей. Счел это своим долгом, если хотите.

Их взгляды пересеклись.

«Он понимает, что я в грош не ставлю его глупые отговорки, – думала Стелла, – и ему плевать на это».

И вновь она в полной мере ощутила их оторванность от мира. Они с Терри были здесь совершенно одни. Если б дело приняло угрожающий оборот, она не смогла бы даже вызвать помощь: вряд ли Нил стал бы спокойно смотреть, как Стелла взбегает на холм, чтобы поймать сотовый сигнал.

Она чувствовала, как ее лоб покрывается испариной, и очень надеялась, что со стороны этого не видно. Нещадно припекало солнце, над бескрайней вересковой пустошью поднимался влажный воздух. Пахло прелой землей и мокрой травой. Ветер, за ночь и в рассветные часы разогнавший облака, теперь совершенно затих. Хотелось, чтобы повеяло свежим воздухом, который остудил бы разгоряченное лицо и унес бы болотный запах.

«Оставь нас в покое, – думала Стелла, – забирай Терри и проваливайте, чтобы мы никогда вас больше не видели».

Нил улыбнулся, словно прочел ее мысли, и это его позабавило. Но затем Стелла заметила, что он смотрит куда-то через ее плечо. Обернулась. Позади нее стояла Терри: она тоже улыбнулась. Было видно, что движение губ причиняет ей боль, но это не омрачило радости в ее глазах.

– Нил! – воскликнула Терри.

Тот заулыбался еще шире.

– Привет, крошка, – сказал он.

Стелла начала понимать степень его влияния на Терри. Конечно, поверить в этот спектакль мог лишь предельно наивный человек, однако Нил играл очень убедительно. Его улыбка действительно несла тепло, и он смотрел на Терри так, что она и в самом деле могла принять его чувства за искренние.

Нил сделал несколько шагов и протянул руки. Терри бросилась к нему и прильнула к его груди, уткнулась лицом в плечо.

– Прости, крошка, – прошептал Нил.

Она подняла голову и просияла.

– Ничего, все хорошо.

Нил коснулся ее лица, осторожно провел по лиловому синяку под глазом. Терри смотрела на него с обожанием.

Стелла с трудом подавила стон. По одному щелчку. Этому прожженному наглецу стоило лишь щелкнуть пальцами, и Терри снова была беззаветно ему предана. Само собой, она не станет обращаться в полицию и никогда от него не уйдет. Глядя на нее, нетрудно было представить, что Терри прыгнет с ближайшей колокольни, если только Нил этого захочет. Стелла кое-что читала о покорности, но только сейчас воочию столкнулась с подобными взаимоотношениями.

Как никогда, ей хотелось, чтобы эта парочка исчезла и больше не появлялась в их жизни. Она испытывала неприязнь к Нилу, но и поведение Терри вызывало омерзение. И у нее не было ни малейшего желания подпускать этих двоих к своей семье.

– Что ж, – промолвила Стелла, – теперь, после счастливого воссоединения, вы можете вернуться в Лидс. Как вам такая идея?

Терри только теперь обратила внимание на красный «Форд», на котором приехал Нил.

– Где ты взял машину? – спросила она удивленно.

– Приятель дал на время. Без машины в эту глушь не добраться.

– Ты непременно хотел меня вернуть, – мечтательно проговорила Терри.

Нил провел рукой по ее волосам.

– Ну конечно.

Стелла закатила глаза.

Нил огляделся.

– А где Джонас? И Сэмми?

– На море, – ответила Терри. – Уехали на побережье, а Стелла осталась

со мной.

– Сегодня и в самом деле отличная погода. Честно говоря, у меня нет никакого желания проводить такой день в тесной, душной квартире. Почему бы нам не погулять еще по этим чудесным местам?

Стелла не могла постичь его восторга от однообразно бурых, подернутых дымкой вересковых пейзажей.

– Есть множество других мест. Почему бы вам тоже не поехать к морю?

«Где была бы сейчас и я, со своей семьей, если бы вы сами решали свои проблемы».

– По-моему, тут сказочно красиво, – сказал Нил. – Что скажешь, Терри?

– Тут замечательно, – согласилась девушка.

Предложи он ей прогуляться по зараженным окрестностям Фукусимы, она и тогда пришла бы в восторг. У Стеллы даже возникли некоторые опасения насчет генетического кода Сэмми. «Надо надеяться, ему досталось ума побольше, чем ей», – подумала она невольно.

– Вы же не против, если мы оставим здесь машины? – спросил Нил. – Вы нас больше не увидите, занимайтесь спокойно своими делами. Мы погуляем вволю, а потом уедем в Лидс. Кстати, спасибо, что приютили Терри на ночь.

– Да, большое вам спасибо, – сказала Терри. – Я и раньше знала, что вы замечательные люди!

Стелла заставила себя улыбнуться. Ей бы хотелось, чтобы этого раньше никогда не было. Но тогда у них не было бы и Сэмми, а этого она не могла себе представить.

Стелла пребывала в смешанных чувствах.

Они сидели в машине Калеба, и Кейт не могла представить себе места, в котором ей было бы менее уютно. Впрочем, она не могла вспомнить и человека, перед которым вела бы себя столь же неподобающе, как перед Калебом прошлой ночью. Последние сутки ее словно перебрасывало из одного кошмара в другой: сначала Кейт обнаружила казненную Мелиссу Купер, потом узнала, что отец когда-то встречался с этой женщиной, после влила в себя полбутылки виски и в довершение всего попыталась затащить Калеба в постель. И припоминала, что при этом напомнила инспектору о его проблемах с алкоголем.

– Полагаю, излишне спрашивать, что вам здесь понадобилось, – промолвил Кaleb. – У сыновей жертвы убийства.

– Жертва убийства была любовницей моего отца. Я хотела узнать подробности этой истории.

– Но тем самым вы вмешиваетесь в расследование. Только не говорите, что не собирались переступить границы, – в его голосе слышалось недовольство. – Сегодня утром наши люди были у мистера Алэма, соседа Мелиссы Купер. Тот пребывал в крайнем возбуждении – ведь делом занимается Скотланд-Ярд. И эта новость немало удивила наших коллег. То же самое они услышали от школьного зрителя, который также давал сегодня показания. Вы предъявили удостоверение, Кейт, и тем самым открывали себе двери. А это никуда не годится.

Голова еще гудела после выпитого ночью, и мучительно было слушать холодный, резкий голос Калеба. Кейт наконец осмелилась взглянуть на него: в его глазах уже не было прежнего дружелюбия и симпатии.

– Вы в шаге от обвинения в служебном нарушении, – говорил он, – и я могу вам его предъявить. Вы это понимаете?

Кейт кивнула.

– Да, – добавила она.

Кaleb как будто немного смягчился.

– Я понимаю, что вы хотите знать, кто убил вашего отца. И эта история с Мелиссой Купер породила для вас множество новых вопросов. Но это наше дело, мое и моих людей. У вас хватает собственных проблем в жизни.

У Кейт вновь разгорелись щеки. На что он намекал? На прошлую ночь и ее неподобающее поведение?

– Вам лучше как можно скорее вернуться в Лондон, – продолжал

Калеб. – Это просто совет, но нет ничего хорошего в том, чтобы сидеть одной в этом пустом доме и предаваться раздумьям. Я бы тоже такого не вынес, да никто бы этого не вынес. Вам следует вернуться к своим повседневным заботам. К нормальной жизни.

Кейт понимала, что Калеб не тот человек, с которым стоило делиться своими заботами и проблемами, тем более теперь. И все же у нее вырвалось:

– У меня нет жизни. Вот что самое ужасное.

Она заметила, как он бросил взгляд на часы, а затем – в сторону дома. Был разгар рабочего дня, и Калебу предстояло утрясти кучу дел: конечно, у него не было времени обсуждать ее проблемы.

Тем не менее он ответил:

– Само собой, у вас есть жизнь. Да, произошло нечто ужасное, но ваша жизнь продолжается, хотите вы того или нет. Я заметил, что вы очень одиноки. Вам следовало бы попытаться что-то поменять в ней. Возможно, тогда вам станет лучше.

– Да. Спасибо. Я уже который год пытаюсь *что-то в ней поменять*. Только вот не выходит.

– Возможно, вы не пытаетесь *действительно* что-то изменить, – возразил Калеб. – А зачастую заняты лишь тем, что жалеете себя.

Его слова повергли Кейт в смятение. В его голосе не было раздражения или досады, и все-таки Калеб впервые говорил с ней так безжалостно прямолинейно и *жестоко*.

– Жалею себя?

– Мне кажется, вы постоянно фокусируетесь на своих жизненных неудачах. Как будто в целом мире нет других бед, кроме ваших. Но вы же знаете, как все обстоит. Пока мы сидим здесь, происходят ужасные вещи. Людям ставят страшные диагнозы. Кто-то теряет супруга. Другие терпят финансовый крах и не знают, как им жить дальше. В мире столько несчастных людей! У некоторых обстоятельства складываются так, что каждый день для них – это вызов. Порой даже не нужно далеко ходить за примером. Скажем, констебль Скейпин после развода вынуждена в одиночку...

Калеб вдруг замолчал. Очевидно, он сомневался, уместно ли упоминать в данной ситуации своих подчиненных.

Но Кейт догадывалась, о чем он хотел сказать. Хотя с прошлой ночи многое было подернуто пеленой, она припоминала, что Джейн торопилась домой «из-за Дилана». Вероятно, это ее сын, которого она воспитывала без мужа. Джейн принадлежала к числу матерей-одиночек, которые

умудрялись обеспечивать достойное существование себе и ребенку, но при этом ежечасно разрывались, поскольку вынуждены были успевать буквально в двух местах одновременно. Если это так, то Джейн точно приходилось несладко.

Но она, по крайней мере, была не одна.

Кейт понимала, почему Калеб не хотел углубляться в эту тему, и сказала лишь:

– Да. Понимаю.

Он собирался сказать что-то еще, но затем открыл дверцу и вышел.

– Ладно. Мне нужно побеседовать с Куперами. Я должен раскрыть два чудовищных убийства и обещаю, Кейт: я их раскрою.

«Что бы я теперь ни предпринимала, – подумала она, – нужно соблюдать осторожность. Если я снова влезу на его территорию, у меня будут серьезные неприятности».

Для ее и без того безрадостной карьеры не хватало только обвинения в превышении полномочий. Если эта карьера вообще получит продолжение. По сути, в каждом аспекте ее жизни наступал период неопределенности.

– Да, Кейт, вот еще что. Хотел спросить... – Калеб помедлил в нерешительности, но все же продолжил: – Откуда вы узнали? О моих проблемах с алкоголем. О терапии. Кто вам сказал?

– Простите, что я затронула эту тему, – смутилась Кейт.

– Да бросьте вы. Я только хочу знать, откуда вы это узнали.

Даже не верилось, что взрослый человек при таком жизненном опыте мог быть таким наивным.

– Мой шеф в Скотланд-Ярде сказал мне. Там довольно много говорили о расследовании по делу моего отца. Все знали, что старший инспектор... ну, вы знаете.

– Все-таки просочилось, – смиренно промолвил Калеб. – Глупо было надеяться, что такие вещи останутся в тайне. Что ж, ладно. Вам все известно. Но это в прошлом. Теперь всё в порядке, и у меня нет никаких проблем.

Ей хотелось спросить, что стало причиной его зависимости, с чего все началось. И как тяжело было побороть недуг. Но Кейт не осмелилась. Все равно момент для подобного разговора был не самый подходящий. Кроме того, она чувствовала: что-то переменялось. Поначалу между ними установилась определенная степень доверия. Ей вспомнился тот воскресный день в мае, когда они вместе выносили садовую мебель из сарая, ели вместе и разговаривали. Теперь же подобную ситуацию просто невозможно было представить. Кейт чувствовала это. Калеб не заехал бы к

ней с индийской едой просто потому, что беспокоился за нее. Он действительно надеялся, что она спешно уедет в Лондон и оставит его в покое как в профессиональном смысле, так и во всех прочих отношениях.

Кейт отметила, к своему удивлению, что сознает это с грустью.

Стелла пыталась хоть чем-то себя занять, но была слишком рассеянна и нервозна, чтобы отвлечься. Она сняла белье с постели Терри и отправила в стиральную машину. И ощутила некое умиротворение, поскольку этим действием подводила черту: все, второй такой ночи не будет.

Пропылесосила в гостиной и вымыла пол на кухне. Затем разбила в миску четыре яйца, перемешала с мукой, маслом и какао и принялась печь шоколадное печенье. Сэмми и Джонас наверняка обрадуются. Они оба любили домашнее печенье. Кроме того, это занятие успокаивало Стеллу, помогало привести мысли в порядок. Но в этот раз привычного эффекта добиться не удалось. Стелла не могла отделаться от тревожного чувства. То и дело она подходила к окну в надежде, что машины Терри и Нила куда-то подевались – хоть и понимала, что услышала бы звук мотора. Но, быть может... пока она была в прачечной... когда включала миксер... пока работала посудомоечная машина... Нил сказал, что после прогулки они просто уедут домой. *Вы нас больше не увидите.*

Но машины по-прежнему стояли во дворе, а этих двоих все не было.

Где их носит так долго? Конечно, можно было весь день напролет бродить по верещатникам. Но снаружи стоял невыносимый зной, и прогулка по голым равнинам уже не представлялась такой приятной. К тому же Терри была не в лучшем состоянии для подобных вылазок. С другой стороны, она готова была делать все, что потребует Нил, хоть ползти из последних сил, если придется. Но и для Нила тяга к подобным видам досуга казалась совсем нехарактерной, и это сбивало с толку. При всем желании Стелла не могла назвать Нила страстным любителем природы, которому нравилось бы гулять по таким вот глухим местам, разглядывая птиц и овец. Где-то в глубине души затаилось подозрение, что все это лишь попытка оттянуть время. Пока машины стояли у них во дворе, Нил практически был одной ногой у них в доме.

К вечеру вернулись Джонас и Сэмми, оба в прекрасном настроении, довольные и усталые после плавания, возведения песчаных замков и долгих игр во фрисби.

– Мы нашли чудесную бухту, – сообщил Джонас, когда прошел на кухню. – Тебе просто необходимо поехать завтра с нами, если погода не подведет. – Он водрузил на стол два увесистых пакета. – Мы еще кое-что прикупили. Я приготовлю сегодня грандиозный ужин.

– Отличная идея, – ответила Стелла.

Она достала противень с печеньем из духовки и отложила на плиту остывать. Кухня наполнилась чудесным ароматом шоколада; к нему примешивался запах моря, песка, ветра и солнцезащитного крема, принесенный Джоном и Сэмми. Впервые за эти дни у Стеллы появилось ощущение нормального отдыха – как в детстве, когда они каждое лето проводили на море, и каждое лето – по крайней мере, в ее воспоминаниях – было солнечным и жарким. Но не было прежней легкости. Потому что во дворе *все еще* стояли машины.

Джон кивнул в сторону окна.

– Терри еще здесь. А вторая машина чья?

– А ты как думаешь? Само собой, к нам пожаловал Нил. Терри мгновенно растаяла и все ему простила.

– И где же они теперь?

– Решили погулять среди вереска. Правда, с того момента прошло несколько часов.

– Бог мой, там такая духота... У воды еще куда ни шло, но здесь просто невыносимо. Кому придет в голову гулять в такой зной?

– Вот и мне как-то не по себе. Тем более что они оставили здесь свои машины. И получается, что мы так от них и не избавились. Хотя Нил заверил, что больше они нас не побеспокоят, а просто уедут.

– Тогда будем надеяться, что он сдержит слово, – произнес Джон. Провел рукой по волосам, и на пол посыпался мелкий песок. – Я побыстрому приму душ. Можешь пока распаковать продукты?

Стелла кивнула. Джон отправился в ванную. На кухне появился Сэмми и сразу устремил жадный взгляд на печенье. Стелла достала продукты из пакетов, разложила все в холодильнике. Такой чудесный, мирный день.

Просто глупо, что у нее так заходится сердце. Вполне возможно, что она попусту себя накручивала...

Во втором пакете обнаружилась газета. Очевидно, Джон не смог устоять, но это противоречило уговору. Как и все новостные программы, газеты были под запретом в течение этих недель. Стелла поколебалась мгновение, но все-таки решила держаться правил. Пребывание вдали от мира и в самом деле пошло Джону на пользу: он стал спокоен и уравновешен, у него был уже не такой затравленный вид, как в последние месяцы. Он крепко спал по ночам, что буквально граничило с чудом.

Сейчас не стоило рисковать. Стелла протянула газету Сэмми.

– Вот, возьми. Можешь подкладывать, когда будешь рисовать. Или

посмотри, может, найдется что-нибудь вырезать. Только заведи к себе.

Сэмми кивнул и убежал в свою комнату.

Стелла прибиралась на кухне и по временам с надеждой выглядывала в окно. Без изменений. Из ванной слышен был плеск воды.

Торопливый топот в коридоре. На кухню выбежал Сэмми, возбужденно размахивая газетой.

– Мама! Мама, посмотри! – Он швырнул газету на стол и принялся нетерпеливо топтаться на месте. – Про него написали в газете!

– Про кого?

– Тот человек, который был у нас. Ты же помнишь. Нил! Его зовут Нил!

– Про Нила написали в газете?

Стелла подошла к столу. Сэмми показал на раскрытую страницу. Почти четверть полосы занимала фотография. Стелла с первого взгляда узнала Нила, хоть на снимке он выглядел иначе, чем теперь: неряшливый, какой-то потасканный вид, волосы до плеч, щетина. Но это, несомненно, был Нил Кортни.

– И с чего вдруг он... – Она прочла имя под снимком: *Денис Шоув*. – Денис Шоув?

– Но это же Нил! – упорствовал Сэмми.

– Да, он самый.

У нее мгновенно пересохло во рту, сердце заколотилось еще быстрее. В ушах появился странный шум.

Стелла прочла дальше: «Полиция Йоркшира разыскивает тридцатидвухлетнего Дениса Шоува, который отбыл восемь лет в заключении после того, как в состоянии аффекта нанес увечья своей сожительнице Анжеле Х. Позднее жертва скончалась от полученных травм. В августе 2013 года Шоув был освобожден досрочно и скрылся в феврале 2014 года. Он подозревается в убийстве бывшего полицейского в Скалби. Шоув крайне опасен и агрессивен настроен. Сведения о нем можно передать в любой полицейский участок или по номеру...»

Стелла стояла, не в состоянии пошевелиться или отвести взгляд от фотографии. И в то же время в ее голове набатом звучал вопрос: «Что мне теперь делать? Что мне теперь делать?»

Шум воды в ванной стих.

В голове у Стеллы мгновенно выстроилась цепочка мыслей. В отличие от тела, застывшего в оцепенении, ее мозг работал на полных оборотах.

Он убил человека. Возможно, не одного. Сегодня его фото появилось в газете. Скорее всего, даже в нескольких. Земля горит у него под ногами. Он

не может больше оставаться в квартире Терри, где-то посреди Лидса. Ему снова нужно скрыться.

И лавиной обрушилось осознание:

Их машины не просто так до сих пор стоят во дворе. И они вовсе не гуляют где-то посреди болот. Они все время были рядом. И только ждали, когда вернутся Джонас и Сэмми. Им нужен наш дом. Это идеальное убежище для Нила. Только вот что они намерены сделать с нами?

– Джонас! – позвала Стелла.

Но в тот же самый миг включился фен. Джонас ее не слышал.

Стелла чувствовала, что должна немедленно принять решение. Джонас и Сэмми вернулись двадцать минут назад. Если Нил – или Денис – с Терри находились где-то поблизости, то он уже понял, что все семейство в сборе. Настал подходящий момент, чтобы захлопнуть ловушку. Впрочем, он пока не знал, что Стелла прочла о нем в газете. В этом было ее преимущество.

– Так, Сэмми, нам нужно кое-куда съездить, – объявила она. – Надо еще раз...

– Куда?

– Это сюрприз. Я скажу папе.

– Опять поедем на море?

– Скоро все узнаешь.

Стелла осторожно приблизилась к окну. Нужно было оценить обстановку, прежде чем они выйдут из дома и двинутся к машине. Она посмотрела на улицу. Ничего.

Все было спокойно, солнце стало теперь заметно ниже. Все лужи высохли. Машины Терри и Нила стояли возле амбара – очень выгодное расположение: так их не было видно с вершины холма. Совпадение или часть изощренного плана? Их собственная машина стояла на некотором отдалении от сарая, под деревом, единственным на многие мили вокруг. Наверное, Джонас предполагал, что на следующий день будет так же знойно, а дерево давало хоть какую-то тень. Но в нынешних обстоятельствах это значило, что им придется бежать дальше обычного. Предстояло пересечь двор и выйти за пределы участка, чтобы добраться до машины. Стелла подсчитала в уме. Примерно полминуты, если бежать. Но, возможно, разумнее было бы двигаться обычным шагом. Тогда все выглядело бы так, будто они собирались проехаться до магазина, что-нибудь докупить. Если же побегут как перепуганные куры, будет ясно, что они обо всем догадались.

Стелла отвернулась было от окна, как вдруг увидела Терри.

Она словно из ниоткуда возникла рядом с машиной, открыла дверцу и

заглянула внутрь, как если бы что-то искала. Стелла вздрогнула. Слишком поздно. Эти двое не *где-то поблизости*, а уже *здесь*. И не скрывали своего присутствия. Терри должна была понимать, что ее видно из дома.

А где же Нил?

План с побегом на машине, само собой, отпал. Нил не станет спокойно наблюдать, как они все вместе пересекают двор, садятся в машину и уезжают.

– Так! – Стелла отпихнула Сэмми от стола. – Быстрее! Нужно запереть все двери! Давай скорее!

Сэмми выглядел разочарованным.

– Мы никуда не поедем?

Стелла уже бросилась к двери, ведущей с кухни наружу, и задвинула засов. Затем поспешила к входной двери. Сэмми следовал за ней.

– Мама! Я думал...

– Позже, сынок. Помоги мне!

Она распахнула дверь в ванную, но там никого не было. Вероятно, Джонас уже поднялся в спальню, чтобы одеться. Стелла не решилась его звать, опасаясь, что снаружи ее услышат. Если Нил поймет, что они всё знают, им конец.

Стелла подскочила к входной двери. Повернуть ключ, задвинуть засов. Дальше. Сколько же дверей в этом доме. Оставались еще столовая и гостиная. Столовая располагалась непосредственно рядом с кухней. Стелла пробежала туда, но дверь там была уже заперта.

Гостиная располагалась на другой половине дома. От Сэмми не было никакой помощи. Он таскался за ней по пятам и ныл, потому что не мог понять, почему они никуда не поедут. Стелла пронеслась по коридору. При этом она сознавала, что, запершись в доме, они здесь напрочь застрянут. Ни телефона, ни мобильной сети, ни Интернета. Они окажутся в полной изоляции, запертые на уединенной ферме где-то посреди йоркширских болот, осажженные беглым преступником. У них не будет ни единого шанса вызвать помощь. Останется только ждать, что в начале следующей недели их кто-нибудь хватится: соседка, которая поливала у них цветы, или кто-то из тех, с кем у Джонаса назначена встреча. Коллега, которому принадлежала ферма, наверняка захочет узнать, как прошел их отпуск. Озадачится ли он, когда не сможет дозвониться, до Джонаса? Неважно, сейчас имело значение совсем другое. Стелла влетела в гостиную.

И едва не врезалась в Нила, который как раз вошел из сада.

– Оп-ля! Куда мы так спешим?

Стелла постаралась взять себя в руки и дышать ровнее. Нил не должен

был заметить, как она побледнела и запыхалась, иначе он сразу обо всем догадался бы. Их единственный шанс состоял в том, чтобы убедить его в своем неведении. Только тогда у них оставалась хоть какая-то возможность сбежать.

Ее первым побуждением было встретить Нила обезоруживающей улыбкой. Однако Стелла вовремя опомнилась, что в нормальных обстоятельствах не стала бы улыбаться человеку, который помимо того, что был ей неприятен, еще и заявлялся в их дом без приглашения.

– Что вам понадобилось в нашей гостиной? – спросила она. – Кажется, вы собирались уехать сразу по возвращении?

Его лицо скривилось в ухмылке, которую Стелла успела возненавидеть.

– Ну не могли же мы повести себя так неучтиво... Я хотел попроситься с вами.

– И что помешало вам постучаться? Как это принято у цивилизованных людей?

– Уж не знаю, почему, но... – он задумчиво нахмурил лоб, – у меня возникло подозрение, что вы мне не откроете.

– Нельзя сказать, что мы с вами друзья, мистер Кортни, и вы это знаете. То, как вы обходитесь с Терри, вызывает немало вопросов, но коль скоро она не желает решать эту проблему, я не могу ничего поделать. И все же нам бы не хотелось больше с вами встречаться.

– Вы всегда так прямолинейны?

Стелла с трудом выдержала его взгляд.

– Как правило.

Нил смотрел на нее так, словно, хотел прочесть мысли.

Снаружи донесся голос Терри:

– Нил! Нил, подойди сюда!

Он медлил. Стелла кивнула на дверь.

– Ну же. Терри вас зовет.

Это длилось какую-то секунду. Нил действительно намеревался выйти к Терри. Стелла развеяла его сомнения. Он был уверен, что она ни о чем не подозревает. И не знал, что Стелла запирает все двери – и запрет эту последнюю, едва он ступит за порог.

– Нил! – снова позвала Терри.

Он стал поворачиваться.

«Уходи, – думала Стелла. Даже удивительно, как он не слышал ее пульс. – Выходи. Ну же».

В этот момент Сэмми, стоявший позади нее, выступил вперед.

– А мы видели тебя в газете, – заявил он.
Нил замер. В его глазах появился странный блеск.
И он снова осклабился.

Калев Хейл находился в вестибюле окружной больницы Скарборо. Напротив него сидела заплаканная женщина. Ее звали Хелен, и она состояла в какой-то, пока еще не совсем ясной, взаимосвязи с Денисом Шоувом. Небывалая, счастливая случайность – и это спустя месяцы безуспешных поисков, когда казалось уже, что Шоув просто растворился в воздухе, не оставив ни единого следа. Впрочем, едва ли этот случай можно было назвать *счастливым*, и Калев то и дело себя одергивал. Еще одна женщина, Пегги Уайлд, была тяжело ранена и лежала после операции еще под наркозом.

События развивались с немислимой быстротой, хотя поначалу ничто не указывало на взаимосвязь с делом Дениса Шоува. Поздним утром в полицию Лидса позвонила некая Хелен Джефферсон и заявила об исчезновении своей подруги, Пегги Уайлд. По словам сотрудника, который ответил на звонок, Хелен была крайне взволнована и с трудом могла объяснить, что произошло: ее подруга Пегги, которая работала в доме престарелых в Скарборо, поехала на работу рано утром и взялась подвезти мужчину, чья подруга находилась в окружной больнице, куда ночью была доставлена ее мать, перенесшая инсульт. Хелен неоднократно пыталась дозвониться до нее, но всякий раз включался автоответчик, и она оставила несколько сообщений с просьбами перезвонить поскорее. В конце концов Хелен позвонила напрямую в дом престарелых – поначалу она оттягивала этот шаг, поскольку там не одобрялись личные звонки персоналу – и выяснила, к своему ужасу, что Пегги в этот день не явилась на работу. Тогда Хелен позвонила в больницу.

– И тогда я поняла, что он солгал. Нил Кортни. В ту ночь к ним не поступала никакая миссис Малиан.

У полицейского голова шла кругом.

– Миссис Малиан?

– Да, мать Терезы Малиан. Девушки, которая живет этажом ниже. Вот с ее другом и уехала Пегги. Господи, с ней что-то случилось! Я уверена. Этот Кортни нам с самого начала не понравился. Я пыталась отговорить Пегги, чтобы она не брала его, но... – И Хелен расплакалась.

Диспетчер заверил ее, что им не поступало сообщений о каких-либо происшествиях в этом округе. Он принял ее заявление, но пока не мог ничего поделать.

– Речь идет о взрослой женщине... и прошло всего несколько часов. Я немедленно свяжусь с вами, если что-нибудь услышу, договорились? Не стоит так волноваться, мисс Джефферсон. Возможно, этому найдется безобидное объяснение.

– Я не верю. Этот Кортни совсем не безобидный. Я знаю, что с Пегги случилось что-то ужасное. Вы вообще ничем не можете помочь?

Поначалу служащий действительно ничего не мог для нее сделать, но буквально через час поступил экстренный вызов. Водитель, ехавший по дороге из Лидса в Йорк, остановился у обочины, чтобы спокойно выкурить сигарету и позвонить подруге, но, к своему ужасу, обнаружил в кустах боярышника связанную женщину. Она лежала неподвижно и, очевидно, была тяжело ранена. Мужчина счел ее мертвой и немедленно вызвал полицию и «скорую». Приехавшие врачи определили, что женщина еще жива, но получила огнестрельное ранение и потеряла сознание из-за потери крови. При ней не было документов, но к счастью, в кармане брюк нашлась смятая выписка из банка. По ней ее идентифицировали как Пегги Уайлд, проживающую в Лидсе.

Так как в полиции Пегги уже числилась как пропавшая, удалось немедленно известить ее подругу. Служащий забрал Хелен с работы и доставил в участок, чтобы получить подробные показания относительно предшествующих событий и этого Нила Кортни, с которым Пегги поехала в Скарборо. В участке Хелен остановилась перед доской, где были вывешены фотографии разыскиваемых преступников.

– Это он, – сказала она.

– Кто? – удивленно спросил сопровождающий.

– Нил. Нил Кортни. – Хелен прочла текст под фотографией. – Почему здесь он Денис Шоув?

Это и стало тем неожиданным поворотом в деле: они сразу связались с отделом в Скарборо и поставили в известность руководителя группы, которая занималась убийством Ричарда Линвилла и Мелиссы Купер. Которая разыскивала в этой связи Дениса Шоува.

Джейн Скейпин устроила для них уголок, где они могли спокойно побеседовать в условиях больничной суеты. Хелен пребывала в отчаянии, но понемногу приходила в себя. Она говорила с врачом, который оперировал Пегги: ее жизни теперь ничто не угрожало. Большая удача, что ее вовремя обнаружили.

Джейн незамедлительно инициировала поиски красного «Форда» Пегги. Впрочем, Калев не питал особых надежд на этот счет. Денис Шоув – стреляный воробей, прожженный уголовник и постарается как можно

скорее избавиться от машины. Он должен понимать, что рано или поздно Пегги найдут, и на дорогах повсюду появятся посты.

Кроме того, они объявили в розыск машину Терезы Малиан – к сожалению, не зеленый «Пежо». По словам Хелен, их соседка уехала на ней посреди ночи с неизвестной целью.

– Мисс Джефферсон, могу я поговорить с вами? – спросил Калеб. Он уже выяснил от коллег в Лидсе, почему Хелен обратилась в полицию. И все же многие вопросы оставались открытыми.

Хелен кивнула и еще раз промокнула глаза платком.

– Да. Конечно. Я хочу вам помочь. Возможно, Терри тоже в большой опасности.

Калеб сверился со своими записями.

– Тереза Малиан? Подруга Дениса Шоува?

– Да. Она живет этажом ниже.

– Давно?

Хелен задумалась.

– Два с половиной года.

– А Шоув? Тоже с этого времени?

– Нет. Сначала она жила одна. Терри вообще одинокая. У нее бывали мужчины, но ненадолго. Поэтому мы с Пегги время от времени хлопотали о ней, хотя...

– Да? – спросил Калеб, когда Хелен запнулась.

– Пегги этого не любила. Терри такая наивная, и Пегги считала ее незрелой. Оторванной от жизни. А по мне, так она очень милая.

– А Шоув?

– Он поселился у нее в этом году. Кажется... в феврале. Но они познакомились в октябре или ноябре прошлого года.

– А вам известно, где они познакомились?

– Да. В пабе, где Терри тогда работала. «Орчадс-хауз» в Лидсе. Нил... Денис заходил туда выпить.

Калеб записал название. Выяснилось, что Терри уже потеряла там работу и несколько месяцев искала новое место. В конце концов она устроилась в другой паб, однако новое место ее сильно угнетало.

– «Темная луна». Распоследняя забегаловка. Терри ненавидела ее, но ничего другого найти не смогла. Думаю, Нил настоял на том, чтобы она там осталась.

– А сам он не работал?

Хелен мотнула головой.

– Нет. Терри говорила, что он получил наследство, но не очень

крупное. Как нам показалось, он вообще жил за счет Терри.

Наследство. Из всего, что Калед узнал о Шоув, он мог предположить, что речь шла скорее о добыче с какого-нибудь ограбления, нежели о наследстве. Если у него вообще были какие-то деньги. И все же этот вопрос следовало проработать. Имелись ли у него родственники, которые могли что-то ему завещать?

– Так, значит, Шоув поселился у Терри в феврале... Если я правильно понимаю, вы не можете назвать эти отношения счастливыми?

– О, нет. Об этом и речи не может идти. Нам с Пегги этот тип с первого взгляда не понравился. К счастью, мы редко с ним пересекались. Он жил в полной изоляции от окружающих.

Не удивительно, подумал Калед. Он находился в розыске, с тех пор как внезапно скрылся и тем самым нарушил условия по досрочному освобождению. Кроме того, был убит человек, в адрес которого Шоув высказывал угрозы. Он сумел найти убежище у доверчивой девушки – и в его ситуации это действительно было искусным маневром. Но и там он не мог чувствовать себя в полной безопасности. Ему следовало по возможности ограничить контакты с окружением Терри – слишком высока была опасность, что его узнают.

Хелен словно прочла его мысли.

– С тех пор Терри практически ни с кем не могла видеться, – добавила она. – Они буквально отгородились ото всех. Поначалу мы с Пегги думали: ну да, влюбленные так и ведут себя в первые недели. Но в какой-то момент это уже казалось ненормальным. А потом я заметила...

– Да? Что вы заметили?

– Мне кажется, Нил иногда бил Терри. Несколько раз мы пересекались с ней на лестнице, и ее лицо явно было в побоях. Само собой, Терри ни в чем не сознавалась. Но она и так нас избегала. Невозможно было застать ее, чтобы спокойно поговорить. Как-то вечером я повстречала Терри, когда она выходила на работу. У нее были заплаканные глаза, и она сказала, как ей тяжело там работать. И в ту же секунду стала умолять, чтобы я ничего не говорила Нилу. Мол, у нее это случайно вырвалось и мне лучше выбросить это из головы. Терри боялась его. Но при этом еще больше боялась его потерять.

– Расскажите, пожалуйста, что произошло прошлой ночью. И сегодня утром, – попросил Калед.

Хелен повторила всю историю и под конец снова расплакалась.

– Это я виновата, – всхлипывала она. – Я сказала утром Пегги, что нам нужно проведать Терри. Только поэтому мы и постучали к ним, и только

поэтому Пегги взялась подвезти Нила. Она хотела выяснить, действительно ли мать Терри в больнице и сама Терри рядом с ней. Все это было странно, ведь ее родители жили в Труро и не общались с ней. Я вообразила себя равнодушной соседкой, а Пегги перешла к действиям. А теперь лежит здесь и едва не...

Ее душили слезы, и она не могла продолжать.

– Вы хотели сделать как лучше и не могли предвидеть такого исхода, – попытался утешить ее Калев. – Не вините себя. Тем более что вашу подругу удалось спасти и она поправится. А это главное.

Хелен кивнула, но, похоже, это ее мало успокоило.

– А Терри? Что будет с ней?

Увы, в том, что касалось Терезы Малиан, Калев и сам пока пребывал в неведении. О ее местонахождении не было известно ровным счетом ничего. Сотрудники полиции уже проверили ее квартиру – обстоятельства явно требовали этих мер, – но там никого не оказалось. Машину в окрестностях дома обнаружить также не удалось. Все говорило о том, что к тому времени, когда Хелен и Пегги постучались к ней, Тереза уже исчезла. А поскольку Шоуву пришлось искать средство передвижения, значит, он не мог завладеть машиной подруги. Из этого следовало, что Тереза от него сбежала – и следовало надеяться, что в данный момент она была вне опасности.

Калев уже не сомневался, что Денис Шоув – именно тот, кто им нужен. Очевидно, он пытался сменить убежище на следующий день после убийства Мелиссы Купер. Это не могло быть случайностью. Все произошло в спешке и без планирования: он не мог рассчитывать, что Пегги предложит подбросить его до Скарборо. Шоув действовал спонтанно, воспользовался случаем, но при этом снова пошел на тяжкое преступление. Одно дело – угнать машину. И совсем другое – выстрелить в женщину и оставить связанной в зарослях боярышника, где ее неизвестно когда нашли бы, и шансы на выживание были минимальны. Пегги лишь чудом избежала смерти. Денис Шоув должен был понимать, что ему грозит обвинение в убийстве, попадись он в руки полиции. Возможно, ему просто нечего терять? Если это он убил Ричарда Линвилла и Мелиссу Купер, его и так ждала высшая мера наказания. Или это лишь проявление паники? Шоув быстро терял над собой контроль, когда его провоцировали, хотя в нормальных обстоятельствах он был вполне уравновешен. С другой стороны, в этот день его фотография появилась во всех местных газетах. Однако он должен был принять это в расчет, когда убил Мелиссу Купер. С чего бы это хаотичное, необдуманное бегство? Тем более что прежде он вел

себя крайне осмотрительно.

Потому что Тереза внезапно сбежала? Возможно, они планировали вместе покинуть Лидс, но между ними что-то произошло, и Тереза вынуждена была спасаться бегством. Если Хелен не ошибалась в своих подозрениях и Шоув действительно поднимал руку на Терезу, это могло стать отправной точкой всему. Тереза сбежала, и Шоув внезапно остался без машины. О пользовании общественным транспортом в его ситуации не могло идти речи. Он оказался в затруднительном положении.

В связи с этим возникали вопросы относительно Терезы Малиан. Кто она: жертва или сообщница? Или все разом – одно не могло исключать другого...

– Что вам известно о Терезе? – спросил Калев. – О ее семье? Друзьях? Близком окружении?

Хелен задумалась, после чего ответила:

– Мне она всегда казалась такой одинокой. Думаю, у нее и не было нормальных друзей или близкого окружения. Появлялись какие-то знакомые в пабах и пивных, в которых она работала в последнее время. Потому Нил... или Денис... легко мог манипулировать ею: Терри была так одинока, и вот в ее жизни появился близкий человек... Мне казалось, она готова была стерпеть что угодно, лишь бы снова не остаться в одиночестве.

– Вы говорили, что она не общалась с родителями?

– Да, Терри пару раз упоминала об этом. Она бросила школу в восемнадцать лет, и, насколько я поняла, родители не простили ей этого. Братьев и сестер у нее нет.

– Как так вышло, что она переехала из Труро на север? Она что-то говорила об этом?

– Это случилось после их ссоры. Терри хотела уехать как можно дальше от дома. Начать с чистого листа. И потому перебралась едва ли не в другой конец страны.

– И что, с родителями вообще не было контактов?

– Нет. По крайней мере, она так сказала.

Тем не менее следовало разыскать родителей. Не исключено, что в ситуации, когда земля стала уходить у нее из-под ног, Тереза все-таки нашла убежище в родной семье. Возможно, поначалу она и не подозревала, что связалась с преступником. Или оказалась втянута в его преступные деяния, и в конце концов у нее сдали нервы. В ночь после убийства Мелиссы Купер между ними разгорелся спор. Потому что Тереза не пожелала далее поддерживать его замыслов мести?

Хелен взглянула на него широко раскрытыми глазами.

– Это правда? – спросила она. – То, что написано в объявлении? Он действительно убил полицейского?

– Мы разыскиваем его в этой связи, – ответил Калев. – Действительно ли он совершил это убийство, я не знаю.

– Мне страшно за Терри, – сказала Хелен и снова заплакала. Она была на грани нервного срыва.

– Мы разыщем Шоува, – заверил ее Калев. – И обеспечим Терезе безопасность. Если она вообще в опасности. Возможно, она давно скрылась, и Шоуву известно о ее местонахождении не больше нашего.

Его успокаивающий тон подействовал. Хелен перестала всхлипывать. При этом Калев и вполнину не чувствовал той уверенности, с какой говорил. Он тоже беспокоился за Терезу Малиан. Если поначалу старший инспектор испытывал эйфорию от того, что бесследно пропавший Денис Шоув наконец-то объявился, то теперь реальность его отрезвила. В конечном счете Шоуву снова удалось оставить полицию ни с чем. Снова удалось скрыться.

И они не имели ни малейшего понятия, где он.

В его руке, словно из ниоткуда, появился пистолет.

– Где Джонас? – спросил он.

Выдумывать не имело смысла.

– В спальне, – ответила Стелла.

С улицы снова донесся голос Терри:

– Нил? Ты где?

Он повернул голову, чтобы ответить, но при этом не сводил глаз со Стеллы и Сэмми.

– Я в доме. В гостиной. Иди сюда!

– Что вам нужно? – спросила Стелла.

Она прижала к себе Сэмми, прикрывая его руками. Трудно было сказать, готов ли этот человек убить целую семью, включая пятилетнего ребенка.

– Прежде всего я хочу, чтобы вы успокоились, – ответил Нил.

«Возможно, он просто хочет скрыться и быть уверенным, что мы не обратимся сразу в полицию», – подумала Стелла. В ее душе еще теплилась надежда, что он запрет их в доме и уедет на их машине, прихватив деньги и кредитки. Но верилось в это слабо. У него была масса времени, чтобы исчезнуть, однако он этого не сделал. Стелла опасалась, что окажется права в первом своем предположении. Она подумала об этом, едва увидела объявление в газете: главная проблема Нила Кортни – или Дениса Шоува – состояла в том, что он не знал, куда ему бежать. Уединенная ферма представлялась ему превосходным решением – по крайней мере, на какое-то время. Здесь он мог затаиться и обдумать дальнейшие действия. Оставалось только разобраться с обитателями дома.

Терри вошла в гостиную.

– Странно, все двери заперты, и...

Она увидела пистолет, наведенный на Стеллу и Сэмми, и смолкла. Затем спросила недоуменно:

– Что происходит?

– Они как раз собирались запереть эту дверь, – ответил Нил. – Закрыться наглухо и спокойно вызвать легавых.

Терри смотрела так, словно не понимала ни слова.

– Легавых?

– С чего вы взяли, что мы уже этого не сделали? – спросила Стелла. –

Не позвонили в полицию? Может, вам следовало бы поскорее убраться отсюда.

Глаза у Нила сузились.

– Терри, иди обыщи дом. Посмотри, найдется ли здесь телефон или компьютер, что угодно для связи с миром. Я знаю эти богом забытые места. Такие фермы напрочь отрезаны от цивилизации. Во всяком случае, телефон здесь, в низине, не ловит. Я уже проверял.

– Но, Нил, почему... – начала Терри.

Тот оборвал ее:

– Делай, что говорят. Сейчас нет времени объяснять.

Терри отправилась осматривать комнаты. Стелла чувствовала, что Сэмми дрожит всем телом.

– Вы его пугаете, – сказала она.

Нил пожал плечами.

– Придется ему потерпеть... – Он задумался на мгновение, затем спросил: – Где ключ от амбара?

– Понятия не имею. Это не наш дом.

Он качнул пистолетом.

– Лучше быть поговорчивее, Стелла. Ты же хочешь, чтобы эта история хорошо закончилась? Для тебя и твоей милой семьи?

– Я хочу, чтобы вы исчезли, – ответила Стелла.

– А тут уж придется подождать. – Он плюхнулся в кресло и вытянул ноги. Дуло пистолета неизменно было направлено на заложников. – И набраться терпения, потому как ждать придется долго.

– Есть люди, которые знают, что мы здесь. Нас хватятся.

– Да-да, – вяло проговорил Нил.

Терри вернулась в гостиную.

– На первом этаже нет ни телефона, ни компьютера. Насколько я смогла все обыскать. Посмотреть на втором этаже?

Нил отмахнулся.

– Успеется. Давайте, я угадаю, что вы тут за отпуск себе устроили? Это отпуск под девизом «Мы берем тайм-аут, обрываем связь с миром, и чтобы никто до нас не достучался». И это очень кстати, Стелла, потому как я тоже ищу такое место. Место, где меня никто не достанет.

– Такого места нет, – возразила Стелла. – Даже здесь. Джонас арендовал этот дом у коллеги. В начале следующей недели он хочет получить назад ключи. Получить деньги. И узнать, как прошел наш отпуск. Ему покажется странным, если мы вдруг не объявимся.

– На следующей неделе! – Нил рассмеялся. – Господи, неужели ты

полагаешь, что я забиваю себе голову тем, что будет на следующей неделе? – Он повернулся к Терри. – Поищи ключ от этого амбара или сарая, или что там у них.

– Нил, что вообще происходит? – спросила Терри. Она была напугана едва ли не сильнее Стеллы.

«Она ничего не знает, – подумала Стелла. – Не знает, что связалась с преступником. Не подозревает, что его объявили в розыск. Что он вообще не тот, за кого себя выдает».

В этом была крупница надежды. Возможно, ей удастся склонить Терри на свою сторону. Может, она наивна и даже в чем-то ограничена, но уж точно не склонна к насилию. Сэмми был ее биологическим сыном, и Терри с теплотой относилась к семье Крейнов. Она не сможет допустить, чтобы с кем-то из них что-нибудь случилось. Или нет? Терри была беззаветно предана Нилу и при этом боялась его. Осознает ли она, что, оставшись с ним, станет соучастницей преступления, и найдет ли в себе силы освободиться от его влияния?

– Найди ключ, я сказал! – прошипел Нил. – И прекрати задавать идиотские вопросы. Потом я все объясню.

Терри не осмелилась возразить и удалилась. Нил поднялся с кресла.

– Шагайте передо мной, – распорядился он. – В коридор. Если попробуете что-то выкинуть, я буду стрелять. Вам ясно?

– Ясно, – подтвердила Стелла.

Нил снова ухмыльнулся. Не нашлось бы слов, чтобы выразить, как она ненавидела этот его оскал.

– Ты умная женщина, Стелла. И рассудительная. А еще ты любящая мать. Ты ведь не сделаешь ничего такого, что создаст угрозу маленькому Сэмми?

Стелла качнула головой.

– Нет. Не сделаю.

– Мамочка! – нетвердым голосом произнес Сэм, готовый расплакаться.

– Не бойся, малыш. Все будет хорошо.

– Молчать, – отрезал Нил. – Шевелитесь. Шагать передо мной.

Они прошли в коридор. Терри нигде не было: должно быть, она отыскала какие-то ключи и теперь лихорадочно пробовала их на двери в амбар. Очевидно, девушка так ничего и не поняла, но, как и всегда, старалась в первую очередь не злить Нила.

– Дальше, – сказал Нил.

Они двинулись по коридору. Сэмми тихо плакал. У Стеллы бешено колотилось сердце. В любой момент по лестнице должен был спуститься

Джонас: он еще ни о чем не подозревал, и увиденное могло повергнуть его в шок. Стелла молилась, чтобы он не сделал ничего такого, что усугубило бы положение. Джонас был далеко не героем. Если он попытается спасти семью, все окончится плачевно – Стелла в этом не сомневалась.

Джонас, в футболке и джинсах, пахнувший гелем для душа, как раз преодолевал последние ступени, когда маленькая процессия была еще в нескольких шагах от лестницы. Он недоуменно уставился на них.

– Оу, – вырвалось у него.

– Джонас... – начала Стелла.

Однако Нил ее оборвал:

– Закрой рот!

– Как вы разговариваете с моей... – возмутился было Джонас, но затем увидел пистолет в руке у Нила. Он резко замолк. Глаза его были широко раскрыты и неподвижны. – Что, ради всего... – И снова Джонас не договорил.

Он словно не верил собственным глазам – и не знал, что следовало говорить в такой абсурдной ситуации. Джонас расписывал подобные сцены в своих сценариях. Он славился своими остроумными и ироничными диалогами. В реальных же обстоятельствах не мог связать и двух слов.

– Все дружно шагаем к амбару, – распорядился Нил. – Джонас, вы впереди. И без глупостей. Или я всех к черту перестреляю.

– Делай, как он говорит! – взмолилась Стелла.

В этот миг Джонас впервые в жизни решил все-таки проявить героизм.

Более неподходящего момента нельзя было и придумать.

Выстрел последовал мгновенно. В ту самую секунду, когда Джонас рванул к Нилу, очевидно, намереваясь повалить и таким образом обезоружить его. Это был нелепый план для человека вроде Джонаса, который никогда в своей жизни не дрался, если не считать школьных лет, да и тогда он, по собственному признанию, обычно оказывался в проигрыше. Если, сидючи за столом, Джонас порой измышлял сюжеты, в которых крепкие мужчины крушили друг друга кулаками, стреляли во все стороны или повергали противников искусными приемами азиатских единоборств – это еще не значило, что его собственные знания простирались дальше теории. И уж точно Джонас не был способен ударить кого-то по лицу или, на худой конец, пнуть между ног. Его сила заключалась в мозгах, но не в мускулах. И было чистым безумием тягаться силой с таким человеком, как Денис Шоув.

Выстрел остановил его в прыжке. Джонас остановился и ошарашенно уставился на противника: словно по его представлениям было немислимо,

чтобы один человек, направивший на другого пистолет, действительно пустил оружие в ход. Мгновение Джонас еще пытался удержать равновесие и выглядел при этом, точно канатоходец, который отчаянно пытается избежать падения в бездну. Затем он взмахнул руками и повалился на пол. И уже не двигался.

Стелла хотела закричать, но не смогла издать ни звука. Она упала на колени рядом с мужем и обхватила его голову. Даже не посмотрела, куда ранен Джонас.

Затем повернулась к Нилу:

– Вы его подстрелили. Ему срочно нужен врач. Нужно отвезти его в больницу. Он...

Нил шагнул к ней, грубо схватил за руку и поднял.

– Шагай во двор. Ну.

– Но Джонас ранен, ему...

Он приставил пистолет к ее лицу.

– Шагай. Я им займусь. И чем дольше ты причитаешь, тем позже это произойдет. Ну, шевелись!

– Папа! – взвыл Сэм.

Стелла взяла его за руку. Почувствовала, как он дрожит. Впрочем, ее трясло не меньше. Ноги стали ватными, и мгновение казалось даже, что она снова упадет рядом с Джонасом.

– Прошу вас, Нил. Помогите ему. Он ничего вам не сделал.

– Он туп, – ответил Нил. – Ужасно туп. А теперь шагай. Ты делаешь только хуже своей болтовней.

Стелла железным усилием сдерживала слезы. Они вышли из дома. По всей видимости, Терри уже отворила дверь в амбар. Стелла не кричала и не плакала только ради Сэмми: мальчик и так получил тяжелую травму, и если сейчас дать волю эмоциям, все станет только хуже.

Солнце уже опускалось, по двору пролегли длинные тени. Стоял чудесный летний вечер. Они могли бы поужинать на террасе. А на следующий день все вместе отправились бы на побережье. Ну кто мог предположить, что все пойдет прахом, обернется кошмаром?

«Это было вполне ожидаемо», – подумала Стелла. Они с Джонасом проигнорировали все тревожные сигналы. У них возникло скверное предчувствие едва ли не с первого взгляда на Нила Кортни – или Дениса Шоува. Типичный представитель преступного мира. Сам факт, что он решил наведаться к ним в Кингстон, возбуждал в них недоверие. И еще больше они насторожились, когда узнали от Терри, что Нил ездил по окрестностям и разыскивал их дом. Им следовало убраться отсюда еще

утром. Стелла пренебрегла своим чутьем. И теперь им пришлось за это заплатить.

Терри шагала им навстречу, со связкой ключей в руке.

– Амбар открыт, – у нее был растерянный вид. – Нил, я слышала выстрел. Что...

– Иди в дом. Займись Джонасом. Ему же надо было строить из себя героя... Посмотри, что там можно сделать. А вы, – он указал дулом пистолета на Стеллу и Сэмми, – шагайте дальше!

Уже понятно было, что он хотел запереть их в амбаре. В этом каменном строении без окон, откуда невозможно было сбежать. И ни малейшей надежды позвать на помощь. Вызвать Джонасу врача. Нил ни за что сам не свяжется со службой спасения.

«Он в розыске, его подозревают в убийстве полицейского. Он не может высунуться из укрытия. И что Джонасу только взбрело на ум бросаться на вооруженного человека? У него не было ни единого шанса. И он должен был это понимать».

Они вошли в амбар. Стелла боялась, что окажется в полной темноте, но внутри царил сумрак. Вопреки ожиданиям, здесь все же имелось оконце с грязным, мутным стеклом. Сквозь него и проникал тусклый свет. Амбар имел в высоту около четырех метров, и оконце располагалось под самой крышей, так что понадобилась бы лестница, чтобы до него добраться. И даже в этом случае неясно было, открывается ли оно. Для того чтобы пролезть в него, окошко было слишком узким, – разве что высунуть голову и позвать на помощь. Только вот кто ее услышит? За все время, пока они здесь находились, Стелла лишь раз увидела туриста, да и тот бродил довольно далеко от фермы. С другой стороны, в те дни стояла плохая погода. Возможно, с приходом тепла здесь появится чуть больше народу. Но рассчитывать на это особо не стоило. И неизвестно было, найдется ли внутри лестница, без которой теряли смысл все последующие шаги к спасению.

– Посидите пока здесь, – распорядился Нил. – И чтобы без фокусов, ясно? Чем меньше вы будете меня злить, тем больше у вас шансов выбраться из этого дерьма невредимыми.

– Что будет с Джонасом? – спросила Стелла.

– Мы о нем позаботимся. У него не такое уж тяжелое ранение, – заверил ее Нил.

У Стеллы возникло ощущение, что он лжет. Во всяком случае, он не мог судить о ранении Джонаса и, вероятно, говорил так, потому что сам на это надеялся. Очевидно, ему не хотелось пополнять свой послужной список

еще одним убийством, однако он скорее оставит Джонаса истекать кровью, чем пойдет на риск.

– Вы можете перенести его сюда? Чтобы я сама могла о нем позаботиться? – попросила Стелла.

– Там видно будет. А пока закрой рот и садись куда-нибудь. Потом принесем вам что-нибудь поесть.

– Нам нужна вода.

– И воду тоже получите. А пока сидите. До скорого.

Тяжелая, окованная железом дверь захлопнулась, в замке провернулся ключ. Сразу стало чуть темнее, но еще можно было различить очертания нагроможденных кругом предметов. Старая, пришедшая в негодность мебель, дрова, несколько кошачьих переносок, терракотовые горшки, свернутые ковры, два велосипеда и много чего другого. Амбар служил кладовой для всякого хлама. Несмотря на зной снаружи, внутри воздух был еще стылый. Стелла зябко поежилась. Сэмми тоже задрожал сильнее, и теперь причиной тому было не только потрясение.

– Сэмми, не нужно бояться, хорошо? Для начала мы подыщем что-нибудь теплое, какое-нибудь одеяло, чтобы завернуться. Иначе тут можно простудиться.

Мальчик не двинулся с места.

– Он застрелил папу.

– Нет, он его не застрелил. Только попал в него. Ты же слышал, что он сказал: ранение не очень тяжелое. Скорее всего, просто царапина. Сейчас рану перевяжут, и скоро ему станет лучше.

– А почему папа остался там?

– Потому что Терри и Нил должны перевязать ему рану.

– А потом он придет к нам?

– Я на это надеюсь, Сэмми. Не волнуйся, все будет хорошо.

– А почему Нил подстрелил папу?

– Нил угрожал нам, а папа хотел отнять у него пистолет. Потому Нил и выстрелил.

Как и следовало ожидать.

– А почему Нил нам угрожал?

– Нил – плохой человек. Но ему нужно пробыть здесь всего несколько дней, а потом он уедет. Тогда он нас выпустит.

На это оставалось лишь надеяться, но, очевидно, ее слова прозвучали достаточно убедительно. Сэмми перестал спрашивать. Однако он по-прежнему не мог ничего делать: просто стоял и дрожал.

У стены затрепанный двухместный диван, выглядевший так, словно на

него сотню лет никто не садился. Недолго думая, Стелла разместила на нем Сэмми, после чего взялась ворошить вещи в поисках одеяла. Во время этого занятия она обдумывала ситуацию: сегодня четверг, в воскресенье они собирались возвращаться домой. В понедельник Сэмми должен был пойти в детскую группу. Станут ли там выяснять причины его отсутствия?

«Скорее всего, нам позвонят на домашний номер, не дождутся ответа и решат, что мы решили задержаться подольше», – рассуждала Стелла. В конце концов, посещение детской группы было свободным, и никто не станет бить тревогу только потому, что какая-то семья продлила отпуск и забыла об этом предупредить. А как насчет коллеги, который предоставил им дом в пользование? Конечно, перед Нилом можно было заявить, что в понедельник он рассчитывал получить обратно ключ и плату. Но в действительности Джонас заплатил ему вперед, а что касалось ключа, Стелла понятия не имела, как они условились. Ей не было до этого дела, а теперь она даже не могла спросить у Джонаса. Непохоже, чтобы они работали на одной киностудии, где могли бы пересекаться каждый день. Оба трудились в свободном режиме, и маловероятно, что они договорились встретиться уже в понедельник. Вполне возможно, что этот коллега работал над срочным проектом или уехал куда-то на съемки. Скорее всего, они просто условились встретиться *как-нибудь потом*.

Так же обстояло и с другими вероятными встречами Джонаса. Возможно, что в первые дни после возвращения у него вообще ничего не запланировано. Конечно, рано или поздно кто-нибудь заметит, что Джонас так и не вернулся из отпуска. Но когда это произойдет?

Хорошо, в этом отношении надеяться не на что. Какие еще оставались возможности? Соседка, которая ходила к ним поливать цветы и забирать почту. Уж она-то, по крайней мере, сразу заметит, что они не вернулись в указанный срок. Стелла припомнила, что сказала ей насчет места, где они проведут отпуск: «Мы просто укроемся на время от мира. Где-то в глуши на севере Англии». Она не сказала ничего конкретного. Из этого следовало, что соседка, даже если забеспокоится и обратится в полицию, не сможет дать точных сведений.

Северная Англия. Это гигантская территория. Вопрос лишь в том, как в полиции подойдут к возможному расследованию. Если их сотрудники наведут справки в рабочем окружении Джонаса, то рано или поздно выйдут на кого-то, кто знает о сделке и даст необходимые сведения. Но невозможно было предугадать, как скоро и в каких масштабах они начнут поиски семьи, не вернувшейся вовремя из отпуска. Стелла думала о соседке, пожилой и порой несколько рассеянной. Служи она сама в полиции, то скорее решила

бы, что эта женщина просто перепутала недели и причин для беспокойства нет.

Глаза понемногу привыкли к сумраку, но вместе с тем стало ясно, что лестницы в амбаре нет. Окно оставалось на недосягаемой высоте.

По крайней мере, удалось отыскать одеяло. Едва Стелла расправила его, поднялось такое облако пыли, что она закашлялась. Оставалось надеяться, что у них не будет аллергических реакций от этого дранья. Стелла, как могла, вытряхнула грязное, жесткое одеяло и вернулась к дивану. Сэмми сидел в той же позе, в какой она его оставила. Он дрожал от холода. Стелла села рядом, обняла его и укрыла одеялом.

– Прижмись ко мне. Я тебя согрею. Не надо так дрожать. – Она погладила его по волосам. – Все будет хорошо, вот увидишь.

– Где папа?

– Они перевяжут ему рану. А потом перенесут сюда.

– А кто-нибудь придет и спасет нас? – Похоже, он предавался тем же мыслям.

– Конечно. Скоро нас хватятся.

– А кто знает, что мы здесь?

– Ну, папин коллега, например. Которому принадлежит дом.

К сожалению, он был единственным, кого она могла назвать.

– И он вызовет полицию? – спросил Сэмми.

– Обязательно вызовет!

– И они нас спасут?

– Даже не сомневайся. Это будет целая спецоперация. Потом сможешь столько всего рассказать своим друзьям... Могу поспорить, они лопнут от зависти!

Перспектива предстать перед друзьями героем истории, достойной экранизации, воодушевила Сэмми. Он принялся в ярких красках расписывать предстоящую полицейскую операцию и даже перестал дрожать. Стелла погрузилась в раздумья. Как там Джонас? И что было на уме у Нила? Намерен ли он вообще заботиться о своих пленниках? Они могли продержаться какое-то время без еды, но без воды – нет. Насколько опасен, безжалостен и груб этот человек? И можно ли надеяться, что Терри встанет на их защиту?

Нужно было гнать от себя дурные мысли: если давать волю страхам, она не сможет быть опорой для Сэмми и принимать взвешенные решения. Все-таки Нил – он же Денис Шоув – уже находится в розыске. Это не какой-нибудь сумасшедший, о котором никому не известно. Его фотография размещена в газетах, его интенсивно разыскивает полиция.

Возможно, к нему подобрались даже ближе, чем кто-либо предполагал, включая самого Нила. Возможно, сцена спасения, которую так цветисто расписывал Сэмми, была не такой уж фантастикой...

Только теперь Стелла заметила, что Сэмми замолк. Он уснул, его голова покоилась у нее на плече. Мальчик дышал ровно и глубоко. Слава богу, он не страдал от голода и жажды – пока еще.

Наступила ночь, а к ним так никто и не заглянул. Они не знали, что с Джонасом. Не знали вообще ничего.

Стелла тихо заплакала.

Пятница, 6 июня

Это походило на запоздалый осмотр места преступления. Они стояли в порту Скарборо, в нескольких метрах от небольшого парка развлечений, и смотрели на игорный зал, ограбленный шестнадцать лет назад малолетними хулиганами. Юнцы хотели разжиться деньгами, но в итоге их затея привела к жертвам. И, по странной прихоти судьбы, это происшествие привело к встрече инспектора йоркширской полиции и случайной очевидицы. А спустя полтора десятка лет оба были убиты. Неужели в этом ключ ко всему? В первой их встрече?

Поэтому для Калеба было принципиальным распутать этот клубок к самому началу. Рассмотреть предпосылки. По его опыту, чтобы получить результат, нередко следовало изучить все события в хронологическом порядке. Впрочем, они приехали в порт не только для того, чтобы прочувствовать место преступления, но и потому, что здесь можно было быстро перекусить. К двум часам у всех подвело животы от голода. У входа в парк располагался ларек, где можно было купить первоклассной картошки фри, поджаристой и горячей, в красно-белой смеси кетчупа и майонеза. Каждый взял себе по большой порции, хотя Джейн Скейпин обронила что-то насчет того, какие болезни вызывает подобная пища в долгосрочной перспективе. Кaleb, который, в отличие от своих спутников, действительно питался преимущественно фастфудом, издавна придерживался взгляда, что болезни вызывает не вредная еда, а чувство вины, которое преследует человека при ее поедании, и предостерегающие голоса, непрерывно его бомбардирующие. Поэтому он давно отбросил все сомнения относительно своего образа жизни.

Они стояли у дороги, поддевая маленькими вилками горячие ломтики из пропитанных жиром бумажных упаковок. Позади них вода лениво плескалась о волнорезы, время от времени пришвартованные лодки стучались о причалы. День стоял знойный и безветренный. В воздухе стоял запах рыбы и дыма из многочисленных ларьков, а также морской воды, ила и водорослей. Свою лепту в виде выхлопов вносили проезжающие мимо машины. Нечасто, стоя вот так у воды, можно было четко разделить запахи – как правило, с моря набегал ветер и все смешивал.

– Вот прямо здесь, – сказал Роберт Стюарт, – согласно показаниям, и находилась Мелисса Купер, когда все произошло. Когда внутри раздался выстрел, грабители выбежали и запрыгнули в ожидавшую их машину.

Автомобиль Мелиссы Купер стоял чуть дальше, у Маринс-драйв. Она дошла сюда пешком и хотела встретиться со знакомой в пабе.

– Хм, – протянул Каледб.

Он оглядел застекленный фасад игорного зала. Внутри перемигивались разноцветными огнями всевозможные автоматы, обещающая баснословные выигрыши. В данный момент особого ажиотажа не наблюдалось. В зале, конечно, был народ, но преимущественно у стойки бара; возле автоматов сидели лишь несколько человек. На улице прохожих тоже было немного. Стало слишком жарко, и город накрыла полуденная дрема.

– Лучше бы взяла мороженого, – пожаловалась Джейн, – а не этот горячий концентрат жира.

– В жару организму требуется соль, – заметил Каледб.

Он был так голоден, что с радостью предложил бы Джейн доесть ее порцию, если ей больше не хотелось. Но это показалось ему слишком уж фамильярным. Они работали вместе довольно давно, однако Джейн избегала близких отношений на службе.

– Роберт, вы разыскали участников того ограбления? – спросил Каледб.

Сержант усердно закивал.

– Да. Я наведалься к каждому из этой троицы. Еще вчера.

Он гордился собой. То был тяжелый день: разыскать некогда буйных подростков, а ныне молодых людей с тюремным сроком за плечами. И ко всему прочему изучить массу документов. Роберт до поздней ночи просидел в своем кабинете.

– И сразу должен сказать, – продолжал он, – я почти на сто процентов уверен, что ни один из них не имеет никакого отношения к убийству Линвилла и миссис Купер. Имя Мелиссы Купер им ни о чем не говорит, и мне показалось правдивым их неведение. Или все трое великолепные актеры, в чем я сильно сомневаюсь. По-моему, они так и не узнали, кто выступал свидетелем в том деле, как их звали и что они говорили каждый в отдельности. Это не сыграло существенной роли в их дальнейшей судьбе – ведь их осудили не на основании свидетельских показаний, а потому, что один из них не выдержал и явился с повинной.

– Что это за люди, на ваш взгляд?

– Полагаю, это были нерадивые подростки, просто от скуки решившие поискать приключений. Но что-то пошло не так, и все закончилось трагедией. Никто даже не возмущался, когда один из них пошел сдаваться, – двое других рано или поздно сделали бы то же самое. Они были в полном смятении, в шоке. И теперь всё осознали. Тюрьма стала для них суровым

уроком, и никто не желает больше иметь дела с полицией и правосудием. Когда я показывал удостоверение, все буквально впадали в панику.

– Они где-нибудь работают?

– Один из них живет здесь, в Скарборо, унаследовал отцовскую фирму по производству кухонной мебели. Двое других проживают в Халле – один сейчас безработный, второй зарабатывает подсобным рабочим на стройке; он женат, и у него годовалый сын. Я запросил их личные дела и все просмотрел. В заключении они являли собой пример хорошего поведения и после досрочного освобождения пытаются наладить жизнь. Ни в чем не замечены.

Калев кивнул. Сложно было представить, чтобы кто-то из этой троицы – а то и все трое – подверг пыткам и убил двух человек. Впрочем, ничего другого он и не ожидал. Это лишь укрепило его уверенность в причастности Дениса Шоува к убийству.

– Ладно, – сказал он, – значит, в свете нынешних событий это ограбление актуально лишь в том смысле, что привело к знакомству между Мелиссой Купер и Линвиллом. И все-таки, Роберт, проверьте еще раз возможные взаимосвязи. В особенности с Шоувом. Все четверо сидели в тюрьме в Халле. Они могли там познакомиться и впоследствии что-нибудь проверить вместе. Хоть это и кажется мне маловероятным. И все же вот что примечательно: в случае с Шоувом решающую роль сыграл Линвилл, а в деле этих троих – Линвилл и Мелисса Купер. Хоть и второстепенную. Но если факт знакомства подтвердится, нужно будет еще раз как следует допросить эту троицу.

– Сегодня после обеда у меня назначена встреча с руководством тюрьмы в Халле, – ответил Роберт. – И я как раз проясню этот вопрос.

– И на всякий случай разыщите, пожалуйста, остальных свидетелей того ограбления. Всех, кто давал показания. Не хотелось бы, чтобы их постигла та же участь, что и Мелиссу Купер. Нужно выяснить, не замечал ли кто-то из них чего-нибудь странного в последнее время – ну, вы знаете: звонки, ощущения на себе взглядов, преследования...

– Будет сделано, – Роберт кивнул.

– Я пересмотрела документы по делу Шоува, – сообщила Джейн.

Она шагнула к урне и выбросила упаковку, еще полную больше чем наполовину. Калев тихо вздохнул.

– И?..

– К сожалению, никаких указаний на Мелиссу Купер. Линвилл охотился на Шоува и в конце концов изловил его. Непосредственно после ареста и в зале суда Шоув клялся отплатить ему. Хоть он никого больше не

упоминал, но это еще не значит, что его месть не распространится на друзей и членов семьи Линвилла.

– Откуда же ему знать про Мелиссу Купер? – спросил Роберт.

– Шоув довольно долго сидел в тюрьме, – заметил Калев. – Он вполне мог прослышать, что у Линвилла была связь с Мелиссой Купер. Кто знает, как широко эта история разошлась в тюремной администрации Халла...

Роберт выглядел крайне озадаченным.

Калев же думал о том, что о его проблемах с алкоголем знали даже в Скотланд-Ярде. Он уже ничего не мог исключать.

– Единственное, что не складывается, – произнес он, – это очередность. Почему Купер не убита первой? Только так он мог потрясти и ранить Линвилла.

– В этом вопросе мы лишь ходим по кругу, – возразил Роберт.

«Что-то я упустил из виду, – думал Калев. – Что-то здесь не так, и я пока не могу понять, что».

Он решил перейти к следующему пункту:

– Вам о чем-нибудь говорит имя *Нил Кортни*? Может, так зовут кого-то из окружения Шоува, и он взял себе это имя? Или он выбрал его случайно?

– В документах на этот счет ничего нет, – ответила Джейн, – но я продолжу работу.

– Я подниму этот вопрос в администрации тюрьмы, – сказал Роберт.

– Может, некий Нил Кортни тоже отбывал там срок... Кстати, в эти выходные возвращается психолог, курировавшая Шоува. Мы непременно хотели ее допросить. Сегодня поговорить с ней не получится, но в понедельник я ей позвоню.

– Отлично, Джейн. Есть еще какие-нибудь результаты по обыску квартиры в Лидсе?

Джейн с сожалением покачала головой.

– Ничего, что могло бы нам помочь. Из вещей Шоува там лишь горстка тряпья. Никаких писем, документов или чего-то еще. Специалисты проверяют компьютер Терезы, но похоже, что пользовалась им только она.

– Темная личность этот Шоув, – заключил Калев.

– У него нет выбора, – сказал Роберт. – Он понимал, что после убийства Линвилла попал в поле нашего зрения.

– Что известно о Терезе Малиан?

– Она тоже в каком-то смысле темная личность, – ответила Джейн. – По содержимому ее квартиры о ней мало что удалось узнать. Как я уже сказала, компьютер еще проверяют, но первичный анализ электронной

почты и истории браузера не дал особых результатов. Похоже, у нее было не так уж много контактов с внешним миром – видно, и вправду, тяжелый случай. На пробковой доске на кухне прицеплено несколько открыток, отправленных знакомыми из отпусков, судя по штемпелю, довольно старых. В спальне в ящике комода нашлись детские фотографии.

– Детские фотографии?

– Да. Ребенка лет двух. Не представляю, кто бы это мог быть – может, ребенок подруги? Не похоже, чтобы в квартире жили дети. К тому же эти две подруги этажом выше не могли бы это не заметить.

– Вы созванивались с ее родителями?

– Да. Если верить им, то Тереза не у них, и вообще они уже три года ничего о ней не слышали. Даже не знали, что она живет в Лидсе. И уж тем более не знали о ее сожителе. Имена *Нил Кортни* и *Денис Шоув* им ни о чем не говорят.

– Такой драматичный разрыв у них произошел... – проговорил Калед. – И только потому, что дочь бросила школу? Seriously?

Джейн пожала плечами.

– Есть родители, который такого не прощают.

– Кто же эта Тереза Малиан? – задумчиво спросил старший инспектор. – Наивная особа, какой описала ее Хелен Джефферсон? Невинная душа, что позволяет преступнику пользоваться собой и не пытается заглянуть за радужный фасад? Или же она знала, с кем связывалась? И стала его сообщницей?

– Трудно сказать. – Джейн задумалась на мгновение. – Какая-то она недалекая... В комнате у нее целая полка заставлена дешевыми любовными романами. Знаете, такие с юными девицами в объятиях крепких мужчин на обложках.

– Звучит так, будто Тереза действительно пыталась сбежать от безрадостной реальности в мир фантазий.

– Не сомневаюсь. Этим и привлекают такие книжонки. Следует понимать, что в действительности не бывает таких прекрасных, сплошь желанных девиц, как в этих историях. И такие сильные, отважные и благородные мужчины в реальности встречаются крайне редко. Скорее уж никогда, – с сожалением добавила Джейн.

– Во всяком случае, с Денисом Шоувом она промахнулась – если изначально принимала его за принца, а похоже, что именно так она и представляла себе поначалу.

– Я вот еще на что обратила внимание, – сказала Джейн. – То ли она покидала квартиру в страшной спешке, то ли не рассчитывала, что

задержится надолго. Одежда в шкафу не тронута, ящики в комодке забиты доверху. Не похоже, чтобы она брала с собой какие-то вещи или, на худой конец, сменное белье.

– Это вполне соотносится с показаниями Хелен Джефферсон, – отметил Калев. – Она уверена, что посреди ночи между Терезой и Шоувом произошла серьезная ссора. И он дал волю рукам – что, по всей видимости, произошло далеко не впервые. Но в этот раз Тереза сбежала. И он внезапно остался без средства передвижения, хотя ему необходимо было скрыться как можно скорее. Потому что накануне он убил Мелиссу Купер?

– Или потому что утром увидел свою фотографию в газете, – добавил Роберт.

– Шеф, могу я кое-что предложить? – спросила Джейн. Все это время Калеба не покидало чувство, будто ее что-то тяготило.

– Да?

– Я хотела бы лично поговорить с родителями Терезы. Во время телефонного разговора у меня возникло ощущение... Как-то странно звучит, но было такое впечатление, словно они что-то недоговаривают. Не могу объяснить, но мне это подсказывает интуиция. С этой семьей что-то неладно, и, возможно, это даст нам новую зацепку, если мы выясним, что с ними не так.

– Но они живут в Труро!

– Знаю. Я могла бы съездить туда в выходные.

– Я все равно хотел попросить коллег из Корнуолла проверить эту семью. На тот случай если они все-таки спрятали у себя Терезу. Тогда они, возможно, тоже в опасности.

– Но эти самые коллеги не сумеют выяснить, в чем проблема семейства Малиан. Они не настолько хорошо знакомы с делом. У меня получится лучше, – настаивала Джейн.

– И вы сможете уехать на два дня? Я имею в виду Дилана...

– Я это как-нибудь улажу. Может, сумею договориться с Шоном...

Джейн улыбнулась, но держалась при этом напряженно и неестественно. Два дня вдали от дома стали бы для нее непростым испытанием, но Калев воздержался от дальнейших замечаний. Джейн уже давно не ребенок и сама знала, что делает.

– Тогда ладно, – сказал он и взглянул на часы. С обедом покончено, давно пора возвращаться к работе. – Значит, Роберт сейчас едет в Халл. О разговоре с тюремной администрацией желательно отчитаться сегодня же вечером. И, Джейн, сделайте мне одолжение, навестите еще раз Кейт. Я беспокоюсь за нее.

– За ее душевное состояние?

– В том числе. Но есть и вполне конкретный повод для тревоги. Если в планы Шоува входило убийство тех людей, которые были дороги Линвиллу, тогда опасность грозит и его дочери. Тем более, если для него не имеет значения очередность жертв.

– Что же должна делать Кейт? – спросила Джейн.

– По мне, так лучше всего ей бы вернуться уже в Лондон, – ответил Калев. – К своей прежней жизни и работе. Мне было бы куда спокойней сознавать, что по крайней мере днем она за стенами Скотланд-Ярда, а не торчит одна в доме отца. Там она как на подносе.

– Я поговорю с ней, – пообещала Джейн.

Она не питала особых надежд, но свое мнение оставила при себе. У нее уже не возникало сомнений в том, что между Кейт и шефом что-то произошло. Той ночью. Это не поддавалось логическому объяснению, но интуиция ее не обманывала. И вообще, Калев предпочел бы сам проведать Кейт. Но вместо этого посылал к ней свою подчиненную.

Роберт тоже взглянул на часы.

– Мне пора. До Халла еще нужно добраться...

– Я, пожалуй, сразу поеду в Скалби, – сказала Джейн, – и поговорю с Кейт. Потом у меня еще останется время, чтобы все уладить дома и с утра пораньше выехать в Труро. А вы, шеф?

– Я еще останусь на пару минут, прочувствую обстановку, – ответил Калев, – и поразмыслю.

Он посмотрел, как Джейн и Роберт разошлись по своим машинам. Задумался, догадались ли они, ради чего он, собственно, остался, – но потом лишь пожал плечами. Плевать. Подошел к ларьку и купил себе еще одну порцию картошки.

Ее звали Сью Барли, она по-прежнему жила в Уитби и сразу вспомнила Мелиссу Купер. И мгновенно отреагировала на имя *Линвилл*.

– Боже правый... да, это была трагедия. Ричард Линвилл... Ужасная история. Его ведь убили? А вы его дочь?

– Да, я его дочь, – ответила Кейт.

Она, как и обещала, позвонила Майклу Куперу, чтобы разузнать о подругах его матери. Тот сумел вспомнить только Сью Барли, но сказал, что она подскажет ей и другие имена.

– Надеюсь, она еще живет в Уитби, – добавил он. – Я уж и не помню, когда слышал о ней в последний раз. И, насколько я знаю, мама тоже давно с ней не общалась.

Кейт разыскала в Интернете номер Сью, и, к ее облегчению, та сразу ответила на звонок. К тому же она оказалась весьма разговорчивой и лишенной всякой мнительности.

– Как там поживает Мелисса? – спросила Сью.

Об убийстве писали во многих газетах, но лишь в некоторых раскрыли полное имя жертвы. Очевидно, Сью Барли еще ни о чем не догадывалась.

Как по службе, так и в повседневной жизни Кейт ненавидела сообщать подобные новости. Но ничего другого ей не оставалось.

– Мелисса Купер тоже была убита. Вчера. Предположительно, тем же человеком, который убил моего отца.

На другом конце провода повисло молчание. Затем послышалось тяжелое дыхание.

– *Что?* – в ужасе переспросила Сью.

– Миссис Барли, я понимаю, для вас это полная неожиданность. Я тоже... в полной растерянности. Только вчера в связи с убийством я узнала, что у моего отца была... связь на стороне. С Мелиссой Купер. Прежде я ничего не подозревала и никогда не слышала это имя.

– *Убита?* – вновь спросила Сью.

Кейт поняла, что сейчас выяснять что-либо бессмысленно. Сью была просто неспособна вести разговор.

– Миссис Барли, если у вас найдется время... я хотела бы встретиться с вами в Уитби. Это займет примерно час, не больше. Мне необходимо узнать обо всем этом подробнее. Не об убийстве, заниматься расследованием я предоставляю полиции, – поспешила добавить она. Если

Калеб решит вдруг поговорить с этой женщиной, нельзя, чтобы он с ходу услышал, что к ней уже приезжали и задавали вопросы по делу Линвилла. Кейт чувствовала, что на этот раз он не ограничится лишь угрозами насчет заявления о превышении полномочий. – Просто я сбита с толку из-за этой... связи. Прежний образ моего отца разрушен. Я должна попытаться *понять* его.

– Но кто мог убить вашего отца и Мелиссу? Это же бессмысленно.

– У вас будет время завтра во второй половине дня? – спросила Кейт.

В конце концов ей удалось договориться с ней о встрече в три часа. Сью согласилась даже пригласить остальных подруг Мелиссы. На этом они и попрощались. Сью необходимо было переварить шокирующую новость.

Кейт собралась уже посидеть на террасе, выпить что-нибудь прохладительное, но тут раздался звонок в дверь. В глубине души всколыхнулась надежда – и страх, – что это Калеб решил ее проведать. Но это оказалась Джейн Скейпин. Калеб явно ее избегал.

* * *

– Просто подумала, что не помешает вас навестить, – сказала Джейн.

Кейт пригласила ее на веранду и принесла минеральной воды со льдом и лимоном. Джейн с благодарностью взяла стакан. День выдался на редкость знойный, воздух был неподвижен.

– Вас прислал Калеб? – спросила Кейт.

Джейн помедлила, но в конце концов кивнула.

– Да. Он беспокоится.

– Не стоит.

– И все же. Вам и так пришлось многое пережить, и эти... подробности из жизни вашего отца... От этого ничуть не легче.

– Нет. Но если Калеб понимает это, то должен также понять, что я не могу сидеть сложа руки. Я не хочу вмешиваться в его работу, Джейн. Но должна знать, что связывало моего отца и Мелиссу Купер. Должна взглянуть на эту историю его глазами и попытаться во всем разобраться. Только так я смогу примириться с отцом.

– Понимаю, – сказала Джейн. – И Калеб тоже. Но все это трудно отделить от расследования, вот в чем проблема. Прежде всего, Калеб не хочет, чтобы вы оказались в опасности.

– Что такого может произойти?

– Калеб опасается насчет этого Шоува. Если за убийствами стоит он,

то у него имелся мотив, чтобы поквитаться с вашим отцом, но не было мотивов, чтобы убивать Мелиссу Купер. Во всяком случае, нам о них неизвестно. И поэтому следует исходить из предположения, что им движет желание расправиться еще и с теми, кто был дорог вашему отцу.

– И в их число, конечно, вхожу я, – заключила Кейт.

Джейн кивнула.

– Именно.

– Да, но если я ничего не стану предпринимать, это ничего не изменит. Даже если я вернусь в Лондон...

Джейн подалась вперед. Лондон. Как условный знак.

– Там вы будете в большей безопасности. В том смысле, что значительную часть времени будете проводить в здании Скотланд-Ярда. Не самое плохое место в вашей ситуации.

– Я там не ночую. Не остаюсь там на выходные. Бросьте, Джейн! Если Шоув захочет меня убить, он сможет сделать это и в Лондоне.

– Но сейчас он в Йоркшире. И в данный момент едва ли может передвигаться.

Кейт мгновенно выпрямилась, каждый мускул в ее теле напрягся.

– Вам о нем что-то известно? Калев говорил, что он будто сквозь землю провалился.

Джейн колебалась. В конце концов она решила поделиться хотя бы частью информации. Все равно по ходу расследования что-то появится в газетах. Она не стала называть имен, просто рассказала, что Денис Шоув напал на женщину из Лидса и угнал ее машину. Но поскольку его усиленно разыскивала полиция, вряд ли он осмелился бы ехать на этой машине в Лондон.

– Ему остается только скрыться где-нибудь поблизости. Все прочее в его положении было бы безумием. К тому же мы получили актуальное описание его внешности. Он принял кое-какие меры, чтобы изменить облик, но теперь нам об этом известно. Ему необходима передышка. Шоув слишком умен, чтобы идти на необоснованный риск.

– Значит, и сюда он не явится, чтобы проломить мне череп, – отметила Кейт.

Джейн покачала головой.

– Слишком высока вероятность, что он скрывается где-то поблизости от Скалби. В Лондоне безопаснее.

Но Кейт уже развивала свою мысль.

– Он нападает на женщину и угоняет машину. Непосредственно после убийства Мелиссы Купер. Это должно подкрепить гипотезу Калеба.

– Да. Но для меня, как и для моих коллег, эта гипотеза тоже является приоритетной.

Некоторое время они молча потягивали воду, раздумывая о своем. Где-то вдали гудел самолет, и больше ничто не нарушало тишины послеполуденного зноя. Наконец Джейн прервала молчание:

– Ладно, Кейт, вы сами всё понимаете. Никто не может заставить вас покинуть Скалби, но если вы остаетесь, то будьте осторожны, прошу вас. И не особо любопытствуйте.

– Обещаю, – ответила Кейт.

Джейн отставила стакан.

– Мне пора. В выходные нужно уехать по работе, и сейчас нужно уладить кучу вопросов.

Эти *вопросы*, вероятно, были связаны с Диланом. Кейт собралась с духом. Она понимала, что так редко сближалась с людьми, поскольку боялась откровенных разговоров.

– Вы... вы разведены?

Джейн кивнула.

– Вот уже несколько лет. Мы поспешили с браком, и, к сожалению, это продлилось недолго.

– Мне жаль.

– Ладно, кто в наше время не разведен... Я вполне справляюсь сама.

Кейт подумала, как это, должно быть, непросто *справляться самой*, перед каждой поездкой, перед любой встречей пристраивать ребенка – но в то же время в тебе нуждаются и ты не одинок. Сама она могла распоряжаться временем, как ей заблагорассудится. Не было такого человека, для которого ее присутствие имело бы значение, кто нуждался бы в ней.

Кейт проводила гостью до двери. Пока они шли по коридору, ей подумалось, как же давно она не сидела вот так с другой женщиной, попивая что-нибудь, не говорила почти по душам. Неважно, если ее прислал Калев, – у Кейт создалось ощущение, что Джейн приехала с искренним желанием. Джейн беспокоилась о ней. Прежде никто, кроме родителей, не давал ей этого почувствовать. И теперь, когда Джейн проявила к ней дружеское участие, Кейт ощутила, как внутри разливается тепло. Кроме того, она не привыкла, чтобы кто-то из коллег воспринимал ее как равную и с присущим уважением. Люди, с которыми Кейт работала в Ярде, зачастую закатывали глаза, стоило ей сказать что-нибудь, хмурились или неприкрыто вздыхали. Всякий раз ей внушали, что она говорит нечто нелепое, и любая мысль, которая от нее исходила, была ошибочной – а если

и не ошибочной, то по меньшей мере странной. Но Джейн слушала ее с вниманием и, похоже, понимала.

Когда они подошли к двери, Кейт во второй раз за несколько минут пересилила себя.

– Как дела у Калеба? Когда мы в последний раз виделись, он был очень зол на меня.

Джейн улыбнулась.

– Если б он только злился, то не пекся бы так о вас. Это дело его страшно нервирует. Прежде всего потому, что первой жертвой стал его бывший коллега. А тот факт, что дочь убитого тоже служит в полиции и, само собой, смотрит на все с профессиональной точки зрения и действует соответствующим образом, ничуть не облегчает положения. Думаю, он тревожится, что сам все перемешал, личное и служебное. Ему не следовало бы посвящать вас в ход следствия, но в то же время он прекрасно понимает ваше желание быть вовлеченной.

– Не заметила особого понимания с его стороны, – возразила Кейт, хоть и понимала, что Джейн права: Калев все *понимал*. Он с самого начала держал ее в курсе дел и рассказывал больше, чем должен был.

– У Калеба всё в порядке, – сказала Джейн, – и в качестве шефа тоже.

– Я знаю, что у него были проблемы, – осторожно произнесла Кейт.

Джейн пристально посмотрела на нее.

– Это и в Скотланд-Ярд просочилось?

– Скорее всего, в связи с убийством моего отца. Шеф навел справки о старшем инспекторе, и... как-то все само выяснилось.

– Для Калеба это все непросто. Подобные вещи *всегда* просачиваются. И он это, конечно, знает.

– Поэтому от него ушла жена? Из-за его... проблемы?

– Да, так говорят. Но Калев не говорит об этом, поэтому я тоже знаю все только по слухам.

Кейт стало любопытно.

– Какая она была? Его жена.

Джейн задумалась.

– Симпатичная, – сказала она затем, – и довольно привлекательная.

Кейт буквально почувствовала, как у нее поникли плечи. Ну конечно. Чего она ожидала? Что Калев женится на такой вот неприметной особе, вроде нее?

«И с чего меня вообще это интересует?» – спросила она себя в ту же секунду.

Кейт заметила, как задумчиво смотрит на нее Джейн. У нее возникло

чувство, что эта девушка обладает тонким чутьем и умеет читать людей. Ей стало не по себе.

– Джейн, – сказала она, чтобы поскорее сменить тему, – можно попросить вас кое о чем?

– О чем?

– Не хочу, чтобы у вас возникли сложности, но не могли бы вы сообщить мне, если выясните что-нибудь насчет Мелиссы Купер? Если это прольет свет на их с моим отцом отношения. Само собой ничего такого, что касается следствия. Но, возможно, вы наткнетесь на что-то сугубо личное, и может, тогда...

– Кейт, вы же понимаете, что личное зачастую неотделимо от следствия, – напомнила Джейн. – Но я понимаю ваше желание. Если я пойму, что могу поделиться с вами информацией, не переступив при этом границ, то обязательно с вами свяжусь.

– Спасибо, – поблагодарила Кейт. Она понимала, что Джейн шла на большие уступки.

Они попрощались, и Кейт смотрела, как Джейн садится в свою старую машину и сразу опускает все стекла. Когда машина тронулась, Кейт почувствовала огорчение: ей хотелось подольше поговорить с Джейн. Если уж в ее жизни не было мужчины, то хорошая подруга стала бы хорошей альтернативой.

Впрочем, Кейт понятия не имела, удастся ли ей когда-нибудь подружиться с Джейн. Если она вообще останется в Йоркшире.

В ее жизни царила полная неопределенность.

Жажда вкупе с ощущением того, что о них просто позабыли, тревожила Стеллу куда сильнее, чем состояние Джонаса. При этом она даже не испытывала особых угрызений совести, потому что для этого просто не было сил. Ночь выдалась ужасная: в какой-то момент Стелла сумела заснуть, сидя в неудобной позе, однако проснулась еще до рассвета. Тело затекло, и болел каждый мускул. Шерстяное одеяло кололось, и даже под ним Стелла замерзла. Во рту пересохло. Так всегда бывало после сна, поэтому она всякий раз ставила у кровати бутылку воды. Здесь воды не было, и Стелла осознала это мгновенно. Ей не пришлось сонно озираться по сторонам, приходиться в себя. Пробуждение было резким: ее вырвало из сна, и она тотчас включилась в реальность. Рядом лежал Сэмми. Ночью он сполз из-под ее руки и теперь свернулся, как котенок, в углу дивана. Стелла надеялась, что он проспит еще какое-то время.

В оконце под потолком пробивался тусклый свет. Значит, занимался день. Солнечные лучи светили сквозь грязное стекло, и в потоке света пыль мерцала. Чудесное летнее утро, насколько можно было судить... Стелла вспомнила, что сегодня они хотели все вместе поехать на побережье. Их последний день. В субботу они намеревались собрать вещи и навести порядок в доме. А в воскресенье выехать домой.

И все было бы замечательно.

Стелла поднялась, осторожно, чтобы не разбудить Сэма, и огляделась – но в этот раз не в поисках еще одного одеяла. Она искала способ добраться до оконца. Разбить его и по возможности позвать на помощь – пока что Стелла видела в этом единственный шанс. Она уже выяснила, что лестницы в амбаре нет. Но, возможно, удастся чем-то воспользоваться в качестве лестницы...

Результаты были малоутешительны: оставалось только сложить друг на друга ящики и старую мебель и выстроить из всего этого неустойчивую башню. Удастся ли взобраться по этому сооружению к окну, оставалось под вопросом. Падение с такой высоты означало бы переломанные кости. Стоило ли так рисковать ради призрачного шанса, что рядом пройдет какой-нибудь турист и заметит их?

Пока Стелла раздумывала над этим, проснулся Сэмми и сразу принялся жаловаться на жажду. В конце концов он заплакал.

– Я хочу пить, – всхлипывал он. – Мама, мне ужасно хочется пить!

– Милый, я уверена, скоро нам что-нибудь принесут, – попыталась утешить его Стелла. – Может, они как раз готовят для нас чудесный завтрак... Еще очень рано.

Но к тому моменту было уже одиннадцать часов, а потом и двенадцать. Время шло, а к ним так никто и не заглянул. Стрелка переползла отметку в час, затем в два. При этом Стелла не слышала ничего такого, из чего можно было бы заключить, что Нил и Терри покинули ферму. Иначе как на машине отсюда не выбраться, в крайнем случае на велосипеде, – но все они остались в амбаре. А звук мотора сложно было не услышать.

«Наверное, валяются в кровати, – со злостью подумала Стелла, – пока мы здесь страдаем...»

С течением времени приходилось прилагать все больше усилий, чтобы приглушить чувство зарождающейся паники. Ни к чему было терять самообладание и впадать в истерику, это лишь усугубило бы ситуацию. Следовало держаться ради Сэмми. К счастью, мальчик в какой-то момент снова уснул. Перед этим ему захотелось в туалет; пришлось помочиться в дальнем углу. Теперь он лежал, свернувшись как эмбрион, на диване. Спутанные светлые волосы торчали в разные стороны, на раскрасневшемся лице еще поблескивали невысохшие слезы, веки распухли, губы потрескались. «Не могут же они оставить ребенка умирать от жажды, – то и дело думала Стелла, – это же *ее* ребенок, *ребенок Терри!*»

Потом и она забралась на диван, без сил, полная апатии. Проснулся Сэмми, и первое, что он сказал, было:

– Я хочу пить!

Стелла погладила его по волосам.

– Я тоже, Сэмми, я тоже.

В пять часов у двери наконец-то послышалась какая-то возня. Стелла вскочила. Дверь отворилась, и в амбар вошла Терри с корзиной в руках. Стелла сразу узнала плетеную корзину, которая всегда стояла на кухне в углу. За спиной Терри виднелось безоблачное небо.

– Привет, – сказала та. – Вот, принесла воды и кое-что поесть.

Стелла иронично заметила бы, что они могли бы вспомнить о них и позже, однако прикусила язык. В данный момент Терри была единственной, на кого Стелла, возможно, могла положиться. Стоило хотя бы попытаться привлечь ее на свою сторону, и было бы неразумно с ходу набрасываться на нее с упреками. Поэтому Стелла сказала лишь:

– Мы умираем от жажды.

– Могу представить, – ответила Терри, и в голосе ее слышалось сочувствие. – День сегодня на редкость жаркий. Хотя, – она зябко

поежилась, – здесь все равно довольно прохладно.

– Как там Джонас? – спросила Стелла. – Вы о нем позаботились?

– О, с ним все хорошо, – заверила Терри.

Стелла не могла этого объяснить, но у нее возникло ощущение, что в голосе Терри внезапно пропала искренность. Что она лжет.

– Вы уверены, что он выживет? – продолжала она допытываться.

– Конечно, я уверена. Само собой.

– И что ему не нужно в больницу? Он ведь наверняка потерял много крови...

– У Нила всё под контролем, – сказала Терри. – Вам не о чем беспокоиться.

Ее вера в божественную сущность Нила, похоже, ничуть не пошатнулась. В полном унынии Стелла осознала, что Терри устроена совсем иначе, в отличие от нее самой и всех тех, кого она знала. Ее лицо еще хранило следы побоев. При ней Нил подстрелил человека, запер в амбаре его жену и ребенка. Возможно, Терри уже знала, что его звали вовсе не Нил Кортни и что его разыскивают по подозрению в убийстве полицейского. Даже с ее куриными мозгами нетрудно было понять, что она имеет дело с опасным преступником. Невзирая ни на что, Терри готова была и впредь ему поклоняться.

Стелла подумала, что ей не составит труда подскочить к Терри, оттолкнуть ее в сторону и выбежать наружу. Ей хотелось рвануться к Джонасу, сделать для него хоть что-нибудь – лучше всего, конечно, перетащить его в машину и немедленно отвезти в ближайшую больницу. Но в тот же миг она осознала, сколь бессмысленна была бы такая попытка. Ей пришлось бы иметь дело не только с Терри. Там, снаружи, наверняка поджидал Нил, с пистолетом наготове, и не спускал глаз с двери. Стелла не могла позволить себе такой риск. Если и она будет ранена, у них не останется ни единого шанса на спасение – ни у нее, ни у Джонаса. И в особенности у Сэмми.

Терри поставила корзину на ящик.

– Тут две бутылки воды, тостовый хлеб. Немного овощей. Плитка шоколада. Может, Сэмми захочется сладкого?

Она улыбнулась мальчику. Тот ответил ей настороженным взглядом.

– Терри, – обратилась к ней Стелла, – к чему все это ведет? Что намерен делать Нил? Не может же он вечно держать нас в этом амбаре.

– Нилу нужно какое-то время, чтобы поразмыслить и все спланировать, – объяснила Терри. – Он сейчас оказался в затруднительной ситуации.

– Действительно. Его разыскивают по всей стране. Терри, он убил полицейского. Вы помогаете опасному преступнику.

– Он не убивал этого полицейского. Его подозревают незаслуженно.

– Это его слова!

– Я ему верю.

– Ну, если вы ему верите, Терри, то прошу вас, уговорите его сдаться полиции. Его невиновность будет доказана, и ему нечего будет опасаться. Но если он не остановится... Если Джонас умрет от полученной раны, тогда Нила точно осудят за убийство.

– Нил говорит, что в полиции ему не поверят. Им нужен виновный. Они хотят повесить на него убийство, чтобы выслужиться.

Было ясно, что Терри в точности повторяла слова, услышанные от Нила. *Я невинный агнец и должен стать козлом отпущения!*

Такой особе, как Терри, нетрудно было скормить историю о честолюбивых легавых и их бесправных действиях в отношении порядочных граждан. Ей даже не показалось странным, что у Нила есть оружие и он без раздумий выстрелил в Джонаса. Очевидно, Терри не задумывалась и над тем, как он вообще попал в поле зрения полиции. Как правило, такое не случается без веских причин.

– В газете пишут, что он восемь лет провел за решеткой, – сказала Стелла. – Он забил до смерти свою подругу.

– Мы говорили об этом. Это произошло случайно, – пояснила Терри. – Нил не хотел ее убивать.

– Не хотел убивать? Терри, вы считаете это нормальным, когда один человек избивает другого до такой степени, что тот умирает от увечий? Неважно, хотел он этого или нет.

– Она сама его спровоцировала.

Это было безнадежно.

– Он назвал вам выдуманное имя, – Стелла предприняла новую попытку, – в действительности его имя Денис Шоув.

– Да, ему пришлось взять другое имя, – ответила Терри. – Потому что его преследовала полиция, и он боялся, что они ему не поверят, если поймут.

– И вас не смущает, что он не открылся даже вам?

– В его положении я могу его понять, – сказала Терри.

Больше всего Стелле хотелось как следует ее встряхнуть.

– Терри, прошу вас, помогите нам. Что бы там ни случилось, мы с Джонасом, и уж тем более Сэмми, не виноваты. Мы не имеем к этому никакого отношения. Джонас – отец Сэмми, и если он умрет...

– Он не отец Сэмми, – перебила ее Терри, и в голосе ее прозвучал холод. – И вы не его мать. Я уже поняла, что вы не рады мне. Возможно, вы считаете меня безмозглой потаскушкой, достаточно глупой, чтобы забеременеть в шестнадцать лет, и у которой можно было отнять ребенка, потому что она неспособна о нем позаботиться.

– Мы не отнимали у вас ребенка! Вы сами обратились в службу опеки, потому что хотели отдать его. И только потом нам об этом сообщили, потому что мы были в очереди.

– Я не хотела его отдавать. Это родители на меня надавили. Сэмми был для них позором.

– Даже если так, мы ничего не можем с этим поделать. Мы вернули вам Сэмми сразу, как только вы этого потребовали.

Стелла говорила почти шепотом и надеялась, что Сэмми не услышит этот странный разговор. Она дала ему одну из бутылок воды, и он жадно к ней присосался.

– Вам *пришлось* отдать его. Иначе его забрала бы полиция.

– И потом вы снова передумали... Терри, почему вы все передергиваете? *Вы* хотели...

– Нил открыл мне глаза, – вновь перебила ее Терри. – Он объяснил мне, что я была тогда марионеткой. Служила интересам других людей. Моих родителей. Департамента опеки. И вас с Джонасом.

Стелла хотела объяснить ей: «Нил промывает вам мозги. Он манипулирует вами, чтобы использовать. Неужели вы этого не понимаете?» Но от этого стало бы только хуже. Следовало сохранять спокойствие и вести себя прагматично.

– Терри, разве вы не помните самый первый наш разговор? После того как вы забрали Сэмми и это стало для вас непосильным испытанием? Тогда вы показались мне очень искренней. Девушка, сама еще ребенок, совершенно сбитая с толку и желающая поступить как можно лучше ради своего ребенка... В тот момент было совсем не похоже, что вас кто-то понуждает.

– Да, – произнесла Терри, – но так оно и было. Меня понуждали. Родители из меня душу вытрясли. Потом эта женщина из департамента... Все говорили, как оно будет лучше для Сэмми. Никто не поинтересовался, как было бы лучше для *меня*.

– Мы с Джонасом на вас точно не давили, – сказала Стелла.

Терри пожала плечами. Не похоже было, чтобы приведенные аргументы ее убедили. Стелла не могла сказать, как складывалась ситуация для Терри пять лет назад, но сейчас ею определенно манипулировали. Ее

подчинил своей воле человек, которому она по неизвестным причинам была безоглядно предана.

– Для вас будет лучше всего, – сказала тем не менее Стелла, – если вы порвете с Нилом. Разве вы не понимаете, какой опасности себя подвергаете? Вы можете в конечном счете сами оказаться за решеткой.

Терри снова пожала плечами.

Бесполезно.

– Нельзя хотя бы перенести Джонаса к нам? – попросила Стелла.

– Я спрошу Нила, – ответила Терри и повернулась к двери.

– Нам нужно ходить в туалет, – сказала Стелла. – Ведро или что-нибудь такое...

– Я скажу Нилу, – повторила Терри, после чего дверь захлопнулась.

Стелла и Сэмми снова остались вдвоем.

Суббота, 7 июня

Сью Барли еще не оправилась от известия о смерти Мелиссы. У нее были заплаканные глаза и неестественно бледное лицо. Она жила в домике на окраине Уитби, небольшом коттедже с белыми оштукатуренными стенами, выделяющемся в окружении вытянутых краснокирпичных таунхаусов. Очевидно, Сью страстно увлеклась садоводством, потому как палисадник пестрел всеми мыслимыми оттенками. Среди идеально подрезанных кустов и деревьев, керамических кадок с пестрыми цветами стояли всевозможные фигурки ангелочков с крыльями и натянутыми луками. Кейт передернуло от такого зрелища.

Внутри взору открывалась такая же картина чрезмерного декора. Стены были увешаны картинками, раскрашенными вручную тарелками и маленькими салфетками с вышитыми на них позитивными фразами. На каминной полке и на подоконниках теснились фотографии в рамках, цветочные горшки, фарфоровые чашки, маленькие куклы и мягкие игрушки. Это было убийственно. Кроме того, Сью, по всей видимости, питала слабость к толстым плюшевым коврам пестрых расцветок и креслам, украшенным где только возможно помпонами и кисточками. Кейт сразу пришла к выводу, что у нее длительное пребывание в таком доме вызвало бы психические расстройства.

Сью накрыла в гостиной кофейный столик. Там на диване сидела другая женщина, в том же подавленном настроении, как и Сью. Она поднялась и протянула Кейт руку.

– Дорин Холланд. Я тоже подруга Мелиссы... *была* подругой, следовало бы теперь говорить. Господи боже, я ушам своим поверить не могла, когда Сью мне позвонила. Это ужасно, просто ужасно...

За время службы Кейт научилась с ходу оценивать людей, и прежде всего в том, насколько внешнее проявление чувств соотносилось с внутренним состоянием человека. Она с первого взгляда заметила разницу между этими двумя женщинами. Известие о смерти Мелиссы Купер потрясло обеих, но если Сью была действительно в ужасе и искренне терзалась, то ее подругу скорее переполняли возбуждение и едва скрываемое любопытство. Конечно, Дорин сокрушалась о том, что произошло с их давней подругой, но в то же время это приносило своеобразный интерес в ее жизнь. Кейт не сомневалась, что ни под каким предлогом Дорин не пропустила бы эту встречу.

– Вы действительно работаете в Скотланд-Ярде? – спросила она.

В этот раз Кейт хотелось как можно меньше говорить о себе, чтобы избежать недоразумений, но если они и так обо всем знали, в этом не было ее вины.

– Да, – ответила она, – но я здесь не по работе. Сейчас я лишь дочь Ричарда Линвилла.

– Мелисса как-то говорила об этом. Что у Ричарда есть дочь, и она работает в Скотланд-Ярде. На нее это производило большое впечатление, – сказала Сью и поставила на столик внушительных размеров ягодный торт.

На фоне всей этой мишуры в обстановке, Кейт ожидала, что и торт будет невыносимо сладким, но была приятно удивлена: вкус оказался просто отменный.

Накануне вечером Кейт пыталась выяснить детали того ограбления, которое привело к знакомству ее отца с Мелиссой Купер, но в Интернете, кроме небольшой новостной заметки, ничего не нашлось. Из нее следовало, что грабители – трое подростков – добровольно сдались полиции. Кейт полагала, что Калев и его команда уже навели об этом справки. Исходя из слов Джейн и того факта, что Денис Шоув оставался главным подозреваемым, можно было заключить, что никакой связи между тем ограблением и убийствами не прослеживалось. И все же Кейт спросила об этом Сью и Дорин, но подруги не сказали ничего нового. Ричард и Мелисса познакомились после того происшествия – вот и все, что они знали.

– Их словно громом поразило, – рассказывала Сью. – Так ведь говорила об этом Мелисса? Удар грома. Она посмотрела в его глаза, а он – в ее, и они влюбились безоглядно.

Кейт вспомнила, каким рассудительным и сдержанным был ее отец. Он определенно не стал бы прибегать к подобным описаниям. Но как бы он это выразил? *Я увидел ее, и она мне понравилась. Привлекательная, жизнерадостная, интересная женщина. Она что-то затронула во мне. На меня в то время столько свалилось... Я чувствовал себя опустошенным.*

И это не было отговоркой. У Кейт случались периоды выгорания на службе и нервного перенапряжения, и она знала, что это могло вызывать ощущение внутренней пустоты, хоть и казалось, будто жизнь наполнена и льет через край. Усталость опустошала, истощала внутренне: человек метался, как белка в колесе, и не имел возможности подзарядить батареи.

Работа. А потом и жена. Ее болезнь. Все было на грани. Жизнь уже не могла стать прежней.

Отец всегда был излишне правильным. Измена просто не вписывалась

в его картину мира. И уж тем более в тот момент, когда жена боролась за жизнь.

И все тот же вопрос: насколько хорошо Кейт его знала? Человека, который был для нее маяком, незыблемой опорой и оплотом. Единственной поддержкой в этом мире.

Кейт заметила, как тихо стало в гостиной. Сью и Дорин смотрели на нее в ожидании. Она заставила себя собраться. Предаваться размышлениям можно будет и ночью.

– Они были как будто созданы друг для друга, – сказала Дорин. – Во всяком случае, Мелисса была твердо в этом убеждена.

– Она долгое время была одна, – добавила Сью. – Ее муж умер очень рано. И Мелисса жила только ради сыновей. Непростая жизнь. Она работала в школе в Ньюкасле, и дорога туда-обратно занимала почти три часа. И так каждый день. Но Мелисса справлялась и, несмотря ни на что, была замечательной, заботливой матерью. Но когда дети повзрослели и покинули родной дом... Я так обрадовалась, когда Мел рассказала о Ричарде! Впрочем, у меня были сомнения. Женатый мужчина. И я... – Она осеклась и покраснела. – Простите меня.

Очевидно, Сью позабыла, что говорит с дочерью той самой женщины, которой Ричард изменял с Мелиссой.

– Всё в порядке, – сказала Кейт, – я в курсе.

Ничего не было *в порядке*. Но в данный момент ее чувства не имели значения.

По словам подруг, встречи большей частью происходили в квартире Мелиссы. Выкраденное время, тайное, скрупулезно отмеренное. Ричарду приходилось после службы ехать из Скарборо в Уитби, на что уходило по меньшей мере полчаса. Плюс обратная дорога. Затем время, которое они проводили вместе. Наверное, зачастую Ричард задерживался допоздна. Но Кейт знала, что мама давно привыкла к этому: отцу нередко приходилось работать до позднего вечера. Вероятно, все это время Бренда пребывала в полном неведении.

– Само собой, в какой-то момент Мелисса захотела большего, – рассказывала Дорин. – Ей хотелось как-нибудь провести с Ричардом выходные. Отправиться с ним в отпуск. А еще праздники вроде Рождества или Пасхи. Я к тому, что Мел, хоть и встречалась с мужчиной и была влюблена без памяти, но, как и прежде, подолгу бывала одна. Она была на седьмом небе от счастья, когда Ричард приезжал к ней, и страдала, если у него не получалось. Зачастую ему приходилось отменять свидания в последнюю минуту. Или из-за срочной работы, или оттого, что... – Она не

могла подобрать слова.

– Оттого, что моя мать была больна, – помогла ей Кейт. – И порой ей бывало так плохо, что он должен был ехать к ней вместо того, чтобы проводить время с любовницей.

– Я могу вас понять, – сказала Сью. – Все это... очень непросто.

Кейт взяла себя в руки. Если подруги увидят, как близко она принимает все это, то впредь будут осторожнее и, возможно, о чем-то умолчат.

– Я хочу лишь получить четкое представление, – сказала Кейт. – Это куда важнее моих задетых чувств.

Дорин и Сью переглянулись.

– В конечном счете, – продолжила Дорин, – подобные истории приносят одно лишь несчастье.

– Мой отец когда-нибудь обещал Мелиссе, что останется с ней? – спросила Кейт.

Сью кивнула.

– Да. Только он хотел подождать, когда его супруге станет лучше. Конечно, Мел понимала, что он не мог бросить жену, когда она боролась с этой болезнью. Но Ричард обещал, что разведется, как только она поправится и ее состояние будет более или менее стабильным.

Кейт задумалась.

– Тогда я не совсем понимаю. Майкл, сын Мелиссы, говорил, что их связь оборвалась в две тысячи втором. К тому времени моя мама уже была здорова. Если вообще можно назвать человека здоровым после такой болезни. Но результаты обследований обнадеживали, и я помню, что врачи выражали осторожный оптимизм. Мы продолжали надеяться, и с каждым днем наши надежды крепили.

– Да, – сказала Сью, – по нашим сведениям, так и было. Мел неизменно держала нас в курсе дел. Ей нужно было с кем-то поговорить, а мы были ее лучшими подругами.

– Почему же все развалилось? Между моим отцом и Мелиссой? В тот момент, когда они, можно сказать, были так близки к своей мечте?

Сью и Дорин снова переглянулись. Кейт поняла, что они и сами нередко возвращались к этой теме.

– Мы тоже терялись в догадках, – сказала Дорин, – и всякий раз пытались поговорить об этом с Мел. Мне казалось, Ричард повел себя так, как зачастую ведут себя женатые мужчины. Они постоянно обнадеживают, просят подождать: пусть дети сначала окончат школу, нужно выплатить кредит за дом и всякое такое. Но в конечном счете заявляют, что по каким-

то причинам ничего не выйдет, хотя все условия вроде бы выполнены. Я думала, Ричард то и дело прикрывался болезнью жены, но в действительности не собирался что-то менять в своей жизни. Однако Мел это отрицала. Говорила, что всё совсем не так.

– Да, но что она говорила? – спросила Кейт. – Чем объясняла разрыв?

– Она всегда отвечала как-то уклончиво, – сказала Сью. – Во всяком случае, у меня было такое чувство. Мел всякий раз ссылалась на болезнь его жены, и когда я возражала, что его жена здорова, она отвечала, мол, здоров после такой болезни понятие относительное. Но меня это не убедило – ведь они и прежде должны были знать об этом. А в таком случае не строили бы планы на будущее.

– У вас было чувство, что Мелисса не говорит вам правду? – спросила Кейт.

– Скорее уж чувство, будто она перестала вдруг играть в открытую, – ответила Дорин. – Будто она чего-то недоговаривает. Мел переменялась, обособилась. Перестала сама звонить нам. Мы стали реже видеться, а если встречались, то лишь по нашей инициативе. Это была уже не та Мел, какую мы знали.

– Когда именно это произошло? В то время, когда мой отец ушел от нее? Или еще раньше?

Сью задумалась.

– Обычно такое не сразу бросается в глаза. Но я бы сказала, это началось примерно за девять месяцев до окончательного разрыва. В марте две тысячи второго мы узнали, что все кончено. Но эта необъяснимая отстраненность – ее можно было ощутить еще осенью – в октябре или даже сентябре две тысячи первого.

– Вы заговаривали с ней об этом?

– Само собой, – сказала Дорин. – Но всякий раз получали уклончивые ответы. Мол, у нее подавленное настроение. Хотя прежде такого не было. Стресс из-за работы. Но чтобы так долго... И чтобы на работе ничего не переменялось... Знаете, Мел всегда приходила к нам, когда у нее возникали трудности. Она была не из тех, кто самостоятельно со всем справляется. Мы действительно были близкими подругами, и если у нее возникали проблемы, она всегда искала у нас поддержки. Больше трех лет мы переживали с ней взлеты и падения в ее отношениях с Ричардом. Однако и о нем она вдруг перестала говорить. Из нее приходилось вытягивать каждое слово, но и тогда было такое впечатление, будто мы ничего и не узнали. Мел рассказала нам только о разрыве. И на этом всё.

– По-вашему, между ними могло что-то произойти? В тот период, в

сентябре – октябре две тысячи первого?

– Да, – ответила Дорин, – мы так и предполагали. Но из нее невозможно было что-то вытянуть.

Кейт попыталась вспомнить осень 2001 года. У нее сохранились относительно ясные воспоминания о том периоде, потому что впервые за долгое время маме стало лучше. То был хороший год, они сумели преодолеть весь тот ужас, и все шло к лучшему. В октябре у Кейт был отпуск, и, как всегда, она провела его у родителей. Мама готовила для них, пила с ними чай, и они подолгу разговаривали. Было ли что-то необычное в поведении отца? Кейт порылась в памяти. Он выглядел усталым, перегруженным работой. Но в этом не было ничего странного. Бывал ли он погружен в мысли чаще обычно? Выглядел задумчивым, удрученным? Кейт ничего такого не замечала. Несмотря на ту особую внутреннюю связь с отцом, в тот год она больше заботилась о матери.

В сущности, не было ничего странного и загадочного в том, что между Ричардом и Мелиссой произошло нечто такое, что в итоге привело к разрыву. Возможно, ничего особенного и не случилось. Возможно, их чувства просто не выдержали тех проблем и трудностей.

Если б двенадцать лет спустя они не погибли столь жутким образом, никто и не пытался бы анализировать их отношения и размолвку.

– Мелисса когда-нибудь упоминала имя *Денис Шоув*? – спросила Кейт.

– Нет, – ответила Сью, – а кто это?

Дорин прищурилась.

– Про него писали в газете. Его разыскивают по подозрению в убийстве, и... – она хлопнула себя по лбу. – Ну, конечно. Ваш отец. Этого Шоува подозревают в убийстве вашего отца, верно?

– Да. Мой отец отправил его за решетку много лет назад, и Шоув поклялся отплатить ему.

– Но при чем здесь Мел? – недоуменно спросила Сью. – Если их убил один человек?

– В этом и состоит главная загадка, – сказала Кейт.

– Мел никогда не упоминала это имя, – заявила Сью.

– Когда отец изловил Шоува, они с Мелиссой уже три года как порвали, – пояснила Кейт. – Просто я подумала...

Она не закончила мысль. О чем ей, собственно, думать? Она просто копалась в истории. И многое в ней не увязывалось. В особенности Шоув. Все это было куда сложнее.

– Когда Мелисса переехала в Халл? – спросила она.

– Примерно через год после разрыва, – ответила Дорин. – Кажется, в

феврале две тысячи третьего. Сказала, что ей необходимо было сбежать от прежней жизни. Нам это показалось не очень разумным. Мел там никого не знала, и дорога занимала слишком много времени, если б нам захотелось вдруг встретиться. Впрочем... ей уже не хотелось видеть нас.

– В конце концов мы совсем перестали общаться, – сокрушенно добавила Сью.

За время службы в полиции Кейт убедилась, что зачастую люди проявляют особенное чутье, когда речь идет о друзьях и родных, об их поступках и событиях в их жизни, но при этом не доверяют интуиции или не решаются высказаться, так как опасаются, что это прозвучит нелепо. Боятся выставить себя посмешищем. Поэтому она спросила прямо:

– Скажите честно, вы думаете, что такие перемены в вашей подруге произошли только из-за разрыва с Ричардом? Что между ними просто угасли чувства, отчего они разошлись, и Мелисса попыталась начать новую жизнь? Или, по-вашему, произошло еще что-то? В то лето две тысячи первого года? Нечто, что поколебало их отношения? Что потрясло Мелиссу? Я говорю сейчас о настоящей драме. Настолько тяжелой, что Мелисса не могла поговорить об этом даже с вами, с ближайшими подругами? Нечто, что выбило ее жизнь из привычной колеи? Может, вы приходили к подобным мыслям? Но выбрасывали их из головы, потому что они казались вам безумием? Чем-то неправдоподобным?

На этот раз подруги даже не переглянулись. Обе смотрели в пол. В конце концов Дорин первой подняла голову.

– Да, – ответила она просто.

– Да, – повторила за ней Сью. И добавила через пару секунд: – Но, мисс Линвилл, также честно: мы не имели ни малейшего понятия, что бы это могло быть. Ни малейшего. Нам оставалось только гадать.

В три часа дня Джейн Скейпин покинула квартиру семейства Малиан в Труро. Сильнее, чем прежде, ее терзал вопрос: что же за человек эта Тереза? По всей вероятности, яркий пример покалеченной души. Во всяком случае, Джейн была убеждена, что в такой семье, с такими родителями личностных травм просто не избежать. У нее самой за время разговора возникло чувство, что ей необходимо как-то прийти в себя: принять душ, устроить часовую пробежку или позволить себе бокал темного пива. Но Джейн не стала ничего предпринимать. Она медленно ехала по улицам Труро, пока не заприметила кофейню, остановилась и вошла внутрь. Малианы ничего ей не предложили, хотя знали, что она ехала от самого Скарборо и провела в дороге семь часов. Джейн выехала в семь утра и добралась до места к двум. К счастью, она взяла с собой две бутылки воды и пила по пути, иначе у нее давно не осталось бы сил.

В кофейне Джейн заказала большую чашку кофе и два сэндвича с яйцом, села за маленький столик и перевела дух.

Порой встречались такие вот странные люди. Было чрезвычайно интересно познакомиться с этими Малианами, но поможет ли это знакомство в розысках Дениса Шоува, оставалось под вопросом.

Джейн оценила свои впечатления: идеально прибранная, почти стерильная квартира на окраине Труро. Первый этаж двухквартирного дома. Небольшой палисадник с ровно подстриженной лужайкой, на клумбах ни единого сорняка. Малианы скрупулезно следили за порядком в своей жизни. Миссис Малиан, женщина пятидесяти лет, с незыблемой прической Маргарет Тэтчер, в светлых брюках и коричневом свитере с коротким рукавом. Очень стройная, скорее даже тощая: очевидно, она придерживалась суровой дисциплины в питании. Ее муж, казалось, не обладал такой же силой воли. Пивной живот свешивался через ремень. Красное, лоснящееся лицо свидетельствовало о проблемах с давлением, пристрастии к алкоголю и малоподвижном образе жизни. Было очевидно, что не *он* убирал квартиру до стерильной чистоты и терзал сад средствами от сорняков. При этом он был не из тех, кто мог оспорить что-либо, сказанное или сделанное супругой. Он находился в полном ее подчинении – хотя бы ради собственного спокойствия.

Джейн сразу поняла, что Малианы действительно понятия не имели, где проживала их дочь, на что она жила и с кем. Как и по телефону, Джейн

еще раз спросила их насчет Дениса Шоува и проследила за их реакцией. Но, похоже, они и вправду ничего о нем не знали. Поскольку в местных газетах не было объявлений о розыске, они не слышали о нем и в этом отношении.

Станным казалось, что супруги даже не спросили, почему полиция вообще интересуется их дочерью. Как в телефонном разговоре, так и теперь они проявляли полное безразличие. Сотрудница полиции Йоркшира тратила выходные, чтобы приехать к ним в Корнуолл и поговорить о Терезе. Наверное, любые нормальные родители тотчас забились бы тревогу, принялись бы лихорадочно расспрашивать, что произошло. Однако Малианы на все вопросы отвечали с невозмутимым видом и монотонным голосом, и по большей части их ответ был один:

– Мы не знаем.

В какой-то момент Джейн не выдержала:

– Вам совсем не интересно, почему мы задаем все эти вопросы? Речь идет о вашей дочери!

Миссис Малиан даже бровью не повела.

– Если хотите, – промолвила она, – у нас больше нет дочери.

– Потому что Тереза ушла из школы? Поэтому?

– Да.

– Но... – Джейн с трудом сдержала эмоции.

Это было нелепо. Что происходило в головах у этих людей? Особенно у жены? Вычеркнуть собственную дочь из жизни только потому, что она бросила школу, как поступали тысячи подростков по стране, жаждущие свободы? При этом многие из них все-таки брались за ум, наверстывали пропущенное и позже занимали приличные должности. Случалось, впрочем, что семьи рвали с ними. Тогда они искали эмоционального утешения у сомнительных персон. Таких как Денис Шоув, например...

– Тереза – ваш единственный ребенок? – спросила Джейн.

– Да, – ответила миссис Малиан.

– Послушайте, для нас крайне важно разыскать вашу дочь. Возможно, она связалась с преступником, опасным во всех отношениях человеком. Его разыскивает полиция по подозрению в двойном убийстве.

– Узнаю Терезу, – сказала миссис Малиан. – Ничего хорошего от нее ждать нельзя.

– Вам известны какие-то места, где она могла скрыться? Люди, к кому она могла обратиться в трудной ситуации? Старые друзья, учителя? Кто-нибудь?

– Нет. Мне известно только, что она давно не поддерживала старых

контактов.

Это соотносилось с тем, что Хелен Джефферсон рассказывала Калебу. У Терри не было друзей. За последние годы лишь несколько знакомых, мимолетные связи, которые сложились за время работы в различных пабах. И в конце концов остался один только Шоув.

– Выходит, у вашей дочери нет никого, более-менее близкого? – уточнила Джейн.

– Нет, – ответила миссис Малиан. – Я о таких не знаю.

Ее муж нервно поерзал в кресле. Джейн перевела на него взгляд. Определенно мистер Малиан был более сговорчив, но при этом во всем подчинялся супруге.

– Возможно, ваша дочь в крайне затруднительном положении. И мы считаем, что она оказалась в этой ситуации не по своей вине. По всей вероятности, Тереза не знала, с кем связалась. Но теперь она в опасности, потому что знает правду. И мы очень надеемся на вашу помощь.

Мистер Малиан тяжело вздохнул.

– В этом ее беда. Тереза постоянно попадает в неприятности.

«Вот оно, – воодушевилась Джейн, – я знала. Знала, что есть еще что-то».

– Что еще? Что за *неприятности*?

– Никаких, – отрезала миссис Малиан.

– Но ваш муж говорит, что Тереза *постоянно* попадает в неприятности.

Мистер Малиан прокашлялся. И, не взглянув на жену, сообщил:

– Тереза забеременела в шестнадцать лет. В шестнадцать!

* * *

Джейн заказала еще кофе. Следовало продумать дальнейшие шаги. Пока неясно было, имеет ли смысл продолжать поиски по следу этого ребенка. Миссис Малиан не проронила больше ни слова, только смотрела перед собой, поджав губы. Отец Терри обо всем рассказал сам. О рождении ребенка, передаче его в департамент опеки. О попытках Терри вернуться к нормальной жизни обычного подростка – и неудаче.

– Думаю, эта история преследовала ее. Она как будто замкнулась в себе.

Не удивительно, подумала тогда Джейн. Наверняка миссис Малиан позаботилась о том, чтобы Терри не выкарабкалась из того эмоционального

хаоса, в который ввергла ее беременность. Или постоянно напоминая о *проступке*, или, наоборот, отказываясь затрагивать эту тему. Последнее казалось Джейн более вероятным. Скорее всего, у Терри никого не было, с кем она могла бы поговорить о случившемся. Ее мать держалась так, будто они жили в середине прошлого века и на семью легло несмываемое пятно позора. Она восприняла беременность шестнадцатилетней дочери как личное оскорбление и, очевидно, до сих пор не простила ей этого.

Джейн попыталась узнать об отце ребенка и выяснила, что он уже два года как учится в США.

– Он живет так, как будто ничего и не было, – посетовал мистер Малиан.

– Тереза тоже могла бы так, – заметила Джейн. – Ведь ребенка отдали приемным родителям...

– Ну... да, – промолвил мистер Малиан и устало повел плечами.

Вероятно, он хотел сказать, что усыновление не облегчило ситуацию в семье.

– Есть ли вероятность, что Терри еще поддерживает контакт с отцом ребенка? – спросила Джейн.

– Сомневаюсь, – ответил мистер Малиан. – Во всяком случае, тогда связь между ними сразу прервалась. Может, позднее она возобновила контакт... не знаю. Представляется с трудом.

А теперь молодой человек проживал в Штатах... Даже если Терри и знала об этом, маловероятно, что она сбежала к нему.

Джейн могла проверить только один возможный контакт: сына Терри и его приемных родителей. Она выяснила, что Терри знала семью, поскольку в процессе усыновления возникли некоторые затруднения.

– Сначала Терри захотела отдать ребенка, потом передумала, потом снова захотела. Служба опеки свела ее с приемной семьей, чтобы Терри могла отбросить страхи и сомнения.

Джейн спрашивала себя, свободна ли была Терри в своих решениях. В сознании все более четко складывался образ растерянной девушки, которой ясно дали понять, что от этого неслыханного безобразия необходимо избавиться как можно скорее. И в особенности постаралась ее мать. Была ли у Терри возможность подумать, чего хотела *она*? Мистер Малиан понятия не имел, поддерживала ли дочь контакт с приемной семьей, но отыскал в ящике стола листок с их именами и адресом. Джейн вспомнила фотографии, найденные в квартире Терри: ребенок примерно одного года. Значит, и после усыновления между ними поддерживался контакт.

Джейн спрятала в сумку листок с данными семьи, которая в свое время

усыновила маленького Сэмюела Малиана, и стала прощаться.

– Конечно, я не знаю, действителен ли еще адрес, – добавил мистер Малиан.

Джейн отметила про себя, что эти слова они повторяли сегодня чаще всего: *я не знаю*. Очевидно, они нашли свой способ справиться с ситуацией, которую, прежде всего, миссис Малиан считала непереносимой. Они просто не желали ничего знать. Или знать как можно меньше.

Джейн смотрела на листок с адресом, осязаемый результат сегодняшней поездки. *Стелла и Джонас Крейн, Кингстон-апон-Темз*. Далее следовали улица, номер дома. И телефон.

Еще в кофейне она набирала его дважды, но женский голос автоответчика сообщал, что в данный момент никого нет дома.

Джейн не любила телефонных разговоров. Ей трудно было говорить с людьми, если она при этом не видела их, не могла оценить их личные качества и текущее настроение, чтобы подстроиться. Она обладала тонким чутьем, но это работало преимущественно при визуальном контакте с собеседником. Кроме того, Джейн была способна быстро оценивать интуитивный опыт и выстраивать на его основе стратегию общения. Калейб Хейл часто поручал ей вести допрос. Зачастую ей удавалось вытянуть ценную информацию из самых несговорчивых типов.

Вот и сегодня ее таланты оправдали себя. Джейн была убеждена, что в телефонном разговоре так и не узнала бы о существовании ребенка и его дальнейшей судьбе.

Оставался один вопрос: существенно ли это в рамках расследования? Возможно, что нет. Но в настоящий момент это был единственный ориентир, и Джейн решила попытаться счастья.

Изначально она собиралась найти в Труро дешевый ночлег и на следующий день выехать обратно в Скарборо, но изменила планы. Джейн понимала, что придется сделать крюк, и маршрут получится не самый удобный, но можно было проехать через Лондон и преодолеть при этом значительную часть пути. Где-нибудь на окраине наверняка найдется недорогой отель, и уже оттуда утром она поедет обратно в Йоркшир.

Джейн взглянула на часы. Почти четыре. До самого Лондона ехать примерно пять часов, но была суббота, и серьезных пробок на дорогах не предвиделось. В итоге ей удастся добраться за четыре часа, и уже к восьми она будет на месте. Не самое подходящее время для столь внезапного визита, но об этикете и вежливости речи не шло. Им необходимо разыскать Терезу Малиан.

Джейн встала, расплатилась и вышла на парковку.

Было по-прежнему тепло, даже знойно.
Она покинула Труро и поехала на север.

Стелла соорудила башню из рухляди. В основании стоял стол, на нем выстроились ящики, древние чемоданы, ящики от комода и даже старый радиатор. Конструкция получилась крайне неустойчивая, но Стелла должна была что-то предпринять, чтобы не сойти с ума в этом сумрачном амбаре. Кроме того, у нее складывалось ощущение, что в их ситуации не так опасно взобраться к окну, рискуя сорваться, как просто сидеть и ждать, что будет дальше. Она не знала, что на уме у этих сумасшедших, но в любом случае ничего хорошего. А для Джонаса каждая минута была на счету.

Утром Терри принесла им воды и кое-что поесть, а также карандаши с бумагой и несколько книжек для Сэмми. Она молчала и не реагировала на попытки Стеллы заговорить с ней. Очевидно, Нил запретил ей вступать в контакт. Он понимал, что Стелла постарается привлечь Терри на свою сторону.

Она по-прежнему находилась под его абсолютным контролем.

Теперь, когда еды и питья было достаточно и он мог порисовать, Сэмми немного успокоился. Впрочем, он то и дело спрашивал о папе, и Стелла всякий раз заверяла его, что с Джонасом все хорошо и вскоре он к ним присоединится. Она с трудом затолкала в себя кусок хлеба и выпила полбутылки воды. Потом ей снова пришлось помочиться в углу. Им так и не принесли ведро, а в амбаре среди всего хлама ничего не нашлось.

После полудня под окном выросла башня, и Стелла начала восхождение. Сэмми следил за ней как замороженный. Вся конструкция то и дело содрогалась, и всякий раз Стелла думала, что расшибется о бетон. Но в конце концов ей удалось подобраться к маленькому, заляпанному грязью и покрытому слоем пыли оконцу под самым потолком. Стелла прислонилась к стене, стараясь при этом не обращать внимания на качку под ногами. Она действительно ощущала себя как на палубе судна в беспокойном море.

Стелла выглянула, но стекло оказалось слишком грязным, и ей не удалось ничего разглядеть. Она протерла его рукавом свитера, однако грязь подсохла, и без воды удалить ее не представлялось возможным. Все же Стелла отскоблила ногтем небольшой участок – и смогла разглядеть край дома и часть сада, а также машины Терри и Нила. Их собственная машина стояла в стороне, так что ее не было видно. Сияло солнце, и небо было безоблачное. К концу отпуска и с началом кошмара действительно

установилась хорошая погода.

Нила и Терри не было видно, но это ничего не значило. Должно быть, они вообще не выходили из дома. Туристов на глаза тоже не попадалось – впрочем, и обзор был крайне ограничен. Придется еще раз взобраться сюда с бутылкой воды и как следует отмыть стекло. Только вот стоит ли жертвовать ради этого водой? Нил и Терри непредсказуемы. Невозможно предугадать, когда им в очередной раз пополнят запасы...

Стелла начала спускаться и испытала облегчение, вновь ощутив под ногами твердый пол. И вместе с тем почувствовала ужасную усталость и подавленность. Эта авантюра ничего не принесла, и вряд ли принесет. Невозможно целый день сидеть там наверху в надежде, что удастся заприметить какого-нибудь туриста и привлечь его внимание. В любом случае она могла ждать целую вечность, пока кто-нибудь появится, – и в конце концов упустить его.

К глазам подступили слезы. И как их только угораздило попасть в столь безвыходное, ужасное положение?

– Мама, ты плачешь? – спросил Сэмми.

Она поспешно вытерла слезы.

– Нет. Просто пыль попала в глаза. Давай разберем эту башню.

– Почему?

– Потому что Нил или Терри могут снова заглянуть, и нельзя, чтобы они увидели, что мы сумели добраться до окна.

Ей пришлось снова вскарабкаться наверх и медленно, один за другим снять ящики. При этом она запоминала, в каком порядке они сложены: если снова понадобится выстроить лестницу, это займет куда меньше времени. Но пока Стелла пребывала в такой унынии, что с трудом могла представить, как вновь возводит эту башню. У нее не осталось ни сил, ни надежды. Больше всего ей хотелось упасть на диван и зареветь, однако она взяла себя в руки ради Сэмми. Для него нужно было оставаться сильной – или, по крайней мере, делать вид.

– Мама, – спросил Сэм, – мы умрем?

Стелла обняла его.

– Нет. Не бойся, мой дорогой. Мама вытащит нас отсюда. Тебе не нужно тревожиться.

* * *

Вечером снова появилась Терри, принесла несколько бутербродов,

кексы, шоколад и целую коробку, в которой были сложены бутылки. Стелла пришла в замешательство: прежде им приходилось трястись за каждую каплю, а теперь у них воды столько, что можно продержаться дней пять. Может, Терри хотела избавиться себя от постоянных походов к амбару? Или они с Нилом намеревались покинуть ферму? Стелла не могла понять, как воспринимать эту мысль – с надеждой или с ужасом. Ведь тогда о них некому будет позаботиться, а запасы рано или поздно закончатся. С другой стороны, она могла спокойно искать возможности к спасению, не опасаясь, что внезапно объявится Нил с оружием наготове.

Только вот насколько велики были эти возможности?

– Терри, что вы задумали? Вы решили уехать?

– Здесь еда и питье. – Та словно и не услышала ее. – Расходуйте их экономно.

– Вы не можете уехать и оставить нас в этом амбаре!

– Сядьте на диван, – распорядилась Терри, – к Сэму.

– Что...

– Сядьте!

Стелла послушно села на диван. Терри повернулась к двери.

– Можно заносить, – сказала она.

В ту же секунду в дверном проеме появился Нил. Он вел подле себя Джонаса, но тот не мог сделать ни шага самостоятельно. Нил перекинул его руку через плечо и поддерживал его, но выглядело это так, словно он скорее *нес* его. При этом глаза у Джонаса были закрыты, и сам он, казалось, пребывал в полной апатии. Голова его не валилась вперед, он был как будто в сознании – или, по крайней мере, на грани сознания. Сложно было сказать, воспринимает ли он происходящее вокруг.

Стелла невольно вскочила и вскричала:

– Джонас!

– Сидеть на месте! – приказала Терри.

– Папа! – воскликнул Сэмми.

Нил опустил Джонаса на пол. Тот не шевельнулся.

Проигнорировав приказание Терри, Стелла бросилась к мужу и опустилась рядом с ним на колени. Коснулась его лица. Кожа была горячая и сухая. Джонас горел. Внутри него словно пылал огонь.

Стелла в ужасе посмотрела на Нила.

– Его нужно срочно доставить к врачу. У него лихорадка!

Нил порылся в кармане и бросил ей картонную упаковку.

– Вот, парацетамол. Нашелся в домашней аптечке.

– Этого недостаточно. Ему нужно к врачу!

– У вас есть вода, у вас есть лекарство. Кровотечение остановлено. Он идет на поправку.

Это утверждение было столь абсурдно, что Стелла едва не рассмеялась.

– Нил, у него лихорадка, он горит. Это значит, что рана воспалилась. Прошу вас! Здесь я ничего не смогу сделать для него. Пожалуйста, отвезите нас к врачу!

– Скажи спасибо легавым, – сказал Нил. – Они заварили все это дерьмо.

– Я об этом ничего не знаю, и мне все равно. Я только вижу, что Джонасу нужен врач. Нил!

Тот лишь пожал плечами.

Это его движение переполнило чашу. Стелла и без того была вне себя от злости за все, что им пришлось вытерпеть из-за этой парочки. Она вскочила и с кулаками бросилась на Нила.

– Вы сейчас же вызовите врача! Сейчас же вызовите! Джонас умрет, если вы...

Нил схватил Стеллу за предплечья и с силой опустил ее руки. Она попыталась пнуть его по голени, однако тот проворно увернулся, удерживая при этом ее руки.

– Не психуй, Стелла. Это ничего не изменит.

Стелла остервенело пыталась вырваться из его хватки.

– Отпустите меня!

– А ты прекратишь вести себя как сумасшедшая?

«Кто еще из нас сумасшедший?» – хотелось выкрикнуть Стелле, но гнев, приведший к этому приступу, вновь уступил место холодной ярости, которая и позволяла действовать более взвешенно и осторожно.

В открытом противоборстве у нее не было шансов против Нила – это лишь усугубило бы положение. В особенности для Джонаса.

– Хорошо, – сказала она.

Нил выпустил ее предплечья. Кожа на запястьях горела.

– Слушай внимательно, – сказал он, – мы убираемся отсюда. Когда окажемся достаточно далеко, я анонимно уведомя легавых. Они вас вытащат. А до тех пор у вас достаточно припасов, и Джонас еще выдюжит.

Стелла смотрела на него и пыталась понять, действительно ли он поступит так, как обещал. И не верила ему. Она предполагала, что Нил воспользуется их машиной, и пока никто не знал ее номера, он мог чувствовать себя в относительной безопасности. Как только он известит полицию о пленниках, машина окажется бесполезной. Насколько далеко

ему придется уехать, что позволить себе отказаться от нее?

– Я боюсь, – сказала Стелла. – Мне страшно за Джонаса.

– Я вам не дам помереть тут, – пообещал Нил.

Стелла чувствовала, что в нем произошла какая-то перемена. В его поведении уже не осталось того высокомерия и самоуверенности. У него был несколько загнанный вид, он обильно потел, как и три дня назад, когда только появился на ферме. Все пошло наперекосяк, он уже не контролировал ход событий, а лишь реагировал. Нил не хотел причинять вред Джонасу – он выстрелил рефлекторно, когда человек, от которого он не ожидал сопротивления, внезапно атаковал его. Джонас, горящий в лихорадке, неподвижно лежащий у него под ногами, представлял большую проблему. Нилу оставалось только надеяться, что тот выживет, но даже при этом ему вменяют в вину причинение тяжкого вреда здоровью, и уже за это ему грозит несколько лет тюрьмы.

– Послушай, это и вправду вина полиции, – сказал Нил. – Я не убивал этого полицейского в Скалби, понятно?

Стелла не знала деталей того преступления – в Лондоне такое событие не наделало бы столько шума, как в Йоркшире.

– Но почему в полиции считают, что это были вы?

– Потому что девять лет назад этот тип изловил меня и отправил за решетку. Устроил мне подлую ловушку... И мне хватило глупости, чтобы заявить, мол, я с ним еще поквитаюсь. Что пришью его, как только выйду на свободу.

– Это... не очень разумно...

– Согласен. Но теперь я не *настолько* глуп, – сказал Нил. – Я отсидел восемь лет, и мне хватило. Делать мне нечего, кроме как убивать легавого, чтобы снова оказаться за решеткой! Этот тип сорок с лишним лет проработал в полиции. Наверняка у него хватало врагов и без меня. А вот они вцепились в меня. Дерьмо, чтоб его...

– Если это были не вы, – сказала Стелла, – то у них против вас ничего не будет. Они ничего не смогут доказать.

Нил злорадно рассмеялся.

– Ты даже не представляешь, о чем говоришь.

Стелла сама не могла понять, верит она ему или нет. В сущности, от него можно было ждать чего угодно, но в то же время Нил казался достаточно изворотливым и умным, чтобы обставить вменяемое ему преступление более искусно. А не так, чтобы пришлось, как загнанному зверю, бежать из одного укрытия в другое, учиняя при этом все больше бедствий. Неужели так трудно заранее спланировать бегство за границу и

выехать из страны сразу после преступления? Ведь он понимал, что окажется одним из первых в списке подозреваемых. Стелла относилась к Нилу с большой долей неприязни, но была уверена в одном: он далеко не глуп.

– Но вы лишь все усугубите, если оставите нас взаперти, – сказала она. – Если для Джонаса все закончится худо...

– Не закончится. Я же сказал, мы позвоним.

На лбу у него снова выступил пот. Вся эта ситуация совершенно его вымотала. Стелла догадывалась, что Нил предпочел бы еще какое-то время оставаться на ферме, но похоже, он повелся на ее слова и полагал, что с понедельника Крейнов начнут усиленно разыскивать. Вместо того, чтобы надолго затаиться на ферме, как Нил изначально рассчитывал, ему удалось лишь взять короткую передышку. Кроме того, у него появилась машина, которую никто не разыскивал, он раздобыл наличности и мог запастись провизией. Все-таки это лучше, чем ничего. Но, вероятно, недостаточно.

– Вы не поможете перетащить Джонаса на диван? – попросила Стелла.

Нил наклонился, подхватил Джонаса под руки и подтащил к дивану. Сэмми с ужасом наблюдал за происходящим.

– Папа жив, – успокоила его Стелла.

Теперь Джонас неподвижно лежал на диване. Грудь его слабо поднималась и опадала, футболка покоробилась от спекшейся крови. Но похоже, что Нил и Терри хорошо его перевязали, поскольку даже после перемещения свежей крови не появилось.

– Мне нужны бинты, – сказала Стелла. – И еще больше воды. Нужно промывать рану. А еще лучше что-нибудь дезинфицирующее.

– Я посмотрю, что там есть, – пообещал Нил.

Вряд ли он станет рисковать и поедет в аптеку.

– У нас в машине, – сказала Стелла, – есть аптечка.

Нил махнул Терри. Она прочла в этом жесте безмолвный приказ и тотчас скрылась.

– Ты удивительная женщина, Стелла, – сказал Нил. – Жаль...

– Что «жаль»?

– Жаль, что ты связалась с таким неудачником. – Он кивнул в сторону Джонаса. – Этот тебе не подходит. Такая жизнь тебе не подходит. Заботливая мать и верная жена в лондонском пригороде... Бог ты мой!

– Во всяком случае, лучше так, чем как вы.

Нил медленно кивнул. Вероятно, хотел сказать что-то еще, но передумал. Терри вернулась с аптечкой, поставила ее у дивана.

Никто больше не проронил ни слова. Нил и Терри вышли, Стелла

осталась в амбаре – с пятилетним ребенком и тяжелораненым мужем.
Никогда прежде она не чувствовала себя такой беспомощной.

Джейн приехала в Кингстон-апон-Темз раньше восьми. На дорогах не было пробок, и временами она ехала быстрее положенного. В какой-то момент ей стало все равно, в какое время она объявится у Крейнов – теперь куда важнее было как-то пережить этот день, найти ночлег, упасть на кровать, включить ненадолго телевизор и наконец заснуть. Джейн устала как собака. По пути она еще дважды покупала кофе, но даже это не помогало. Она уже жалела о своем решении: разумнее было бы переночевать в Труро и утром со свежими силами отправиться в путь. К тому же беседа с Крейнками, вероятно, ничего не принесет – пустая трата времени.

Когда Джейн свернула на улицу, где жила семья Крейн, было еще светло, стоял теплый вечер. Люди поливали цветы у себя в палисадниках, болтали через ограду с соседями, ужинали на террасах. Дети нарисовали мелом на асфальте квадраты и теперь усердно прыгали. Джейн вышла из машины и почувствовала запах жареного мяса. Впервые за долгое время в выходные выдалась хорошая, теплая погода, и каждый, кто был дома, старался провести время за барбекю, с семьей и друзьями.

«Уютный квартал», – подумала Джейн. Большие красивые дома, просторные и ухоженные палисадники. Не предел роскоши, но вполне уместно для верхушки среднего класса. Джейн задумалась, соответствуют ли Крейны тому расхожему образу, который сразу возник в голове: хорошо образованные, сосредоточенные на карьере супруги, которые добивались благополучия, но при этом отодвигали на неопределенный срок планирование семьи. Пока не столкнулись с известными трудностями в желании завести детей, так что в конце концов им пришлось обратиться в службу опеки, потому что усыновление стало для них единственным вариантом.

Хотя не исключено, что причиной стали сложности медицинского характера, никак не связанные с возрастом.

В палисаднике у Крейнов трава росла заметно выше, чем у соседей, и было видно, что ее давно не подстригали. И если повсюду кипела жизнь, то их дом выглядел покинутым.

Этого еще не хватало. Похоже, что Крейнов нет дома.

«Этого следовало ожидать, – подумала Джейн, – если учесть, что за все время к телефону так никто и не подошел».

Поскольку палисадники примыкали друг к другу, Джейн не могла обойти дом. И все же она подошла к двери и позвонила – без всякой надежды. Затем заглянула в окно и разглядела прихожую, кафельный пол, гардеробную и лестницу. Двинулась вдоль стены, встала у калитки на задний двор. Здесь тоже было заперто. Джейн оперлась руками о калитку. Насколько она могла судить, во дворе никого не было. Констебль увидела песочницу и пластиковую горку в окружении все той же высокой травы.

Их не было дома не только в эти выходные – они отсутствовали уже долгое время. Возможно, отправились в отпуск. Их ребенок еще не ходил в школу, и неудивительно, что они уехали не в сезон. Джейн чувствовала разочарование и усталость. Все оказалось напрасно...

За спиной раздался голос:

– Здравствуйте. Вам нужны Крейны?

Джейн обернулась. У забора стояла пожилая женщина и смотрела на нее с недоверием. В руках у нее были ключи.

Джейн приветливо улыбнулась.

– Да. Их нет дома?

– А кто вы?

Джейн показала удостоверение.

– Детектив-констебль Скейпин, полиция Йоркшира.

– Полиция Йоркшира?

– Не волнуйтесь, всё в порядке. Мне нужно только расспросить мистера и миссис Крейн по одному делу.

– Они в отъезде. Уже две недели как.

– Понятно.

– Я как раз шла к ним, полить цветы. Еще забираю их почту и всё в таком роде.

– А когда они вернутся?

– Завтра должны. Завтра вечером.

«Разминулись на день», – подумала Джейн.

Она не могла ждать до следующего вечера, хотя бы из-за Дилана. Не говоря уже о том, что это было бы пустой тратой времени. Крейны уехали в отпуск две недели назад. И вероятность, что Терри Малиан обратилась к ним за помощью, была ничтожна.

– А вы знаете, куда они отправились? – спросила Джейн.

– Точно не знаю. Куда-то на север.

Джейн нахмурила лоб. Это было довольно странно. Она ожидала услышать про Испанию или Грецию. Или Багамы. Тогда она точно могла бы подвести черту под этим направлением.

– На север? А точнее вы сказать не можете?

– К сожалению. Миссис Крейн сказала, что они хотят укрыться где-нибудь в глуши. Потому что мистер Крейн измотался на работе и ему нужен покой. Там даже телефон не ловит, представьте себе!

– Но у вас все-таки есть их номер?

Соседка кивнула.

– Да. Но у них там нет сигнала. Мы с миссис Крейн договорились, что если вдруг возникнут проблемы, я буду оставлять ей сообщения на автоответчик, а она будет каждый день или хотя бы через день находить такое место, где сможет их прослушать. Но до сих пор в этом не возникало необходимости. Здесь всё в полном порядке. Только вот, – она скептически огляделась, – с травой у них будут проблемы. Так долго шли дожди... Тут у них не пройти уже.

– Не могли бы вы дать мне их номер? Тогда я просто оставила бы миссис Крейн сообщение.

– Завтра они все равно возвращаются. Тогда вы сможете нормально поговорить.

– И все-таки. На всякий случай, – Джейн снова улыбнулась, но то была ее известная стальная улыбка. – И, если можно, ваш номер тоже.

Женщина вздохнула.

– Тогда мне сначала надо зайти к себе. Я не знаю его наизусть. Номер миссис Крейн, я имею в виду.

– Буду очень вам признательна.

Женщина ушла, сердито бормоча себе под нос. Через некоторое время она вернулась, и помимо ключей, в руках у нее был листок бумаги.

– Вот, я все записала. Мобильный Стеллы и мой домашний. Кстати, мое имя Селия Хеджер.

– Большое вам спасибо, миссис Хеджер, – Джейн спрятала листок в карман и протянула ей свою визитку. – Вот. Здесь мой номер. Если Крейны завтра вернуться, не могли бы вы сказать, чтобы они позвонили мне в понедельник? На случай, если я до них не дозвонюсь.

– Я им передам, – пообещала женщина.

Джейн решила затронуть и другую тему:

– У них же есть маленький ребенок? Вы его знаете?

– Сэмми. Чудный малыш. Приемный. Им действительно повезло с ним. С приемными детьми ведь никогда не знаешь, как с ними будет, верно?

«Со своими, в общем-то, тоже», – подумала Джейн. И все же она кивнула.

– Верно.

По опыту она знала, что люди охотнее отвечают, если с ними в чем-то соглашаться. Джейн сама не стала упоминать об усыновлении, поскольку не знала, насколько открыты Крейны в этом аспекте. Но миссис Хеджер была в курсе, так что Джейн могла задать следующий вопрос:

– А вы случайно не знаете, они поддерживают контакт с биологической матерью Сэмми?

Миссис Хеджер задумалась.

– Не могу сказать точно. Стелла ничего такого не упоминала. Не знаю.

– Что ж, ладно...

Джейн поняла, что больше ничего не узнает. Оставалось ждать возвращения миссис Крейн.

– Спасибо вам за сведения, – сказала она и развернулась.

– Постойте, – окликнула ее миссис Хеджер. Вид у нее стал очень взволнованный. – Я совсем позабыла. Вы... по поводу того странного типа?

Джейн резко остановилась.

– Что за странный тип?

– Ну, он был здесь вчера. Бродил вокруг дома... прямо как вы, – она смущенно засмеялась. – Я с ним заговорила. Странный он какой-то. По внешности... я бы сказала, что арабская. Но хорошо говорил по-английски.

Арабская внешность... по крайней мере, это не Денис Шоув.

– Что ему было нужно?

– Он хотел непременно встретиться с Джоном Крейном. Я ему объяснила, что они уехали. Он хотел знать, куда, но этого я и сама не знаю. А если бы и знала, то не сказала бы. Все-таки он был такой странный.

– В каком смысле странный?

– Ну, он постоянно оглядывался, и глаз у него так дергался... по-вашему, это мог быть террорист? Какой-нибудь... смертник, или что-то в этом роде?

Этот мирный квартал с ухоженными домами и цветущими садами казался сомнительной целью для какой-нибудь «Аль-Каиды», но слова миссис Хеджер пробудили в Джейн любопытство.

– А он сказал, *зачем* хочет встретиться с мистером Крейном? О чем он хотел поговорить?

– Он сказал, что-то там по работе.

– Хм. А он назвал свое имя?

– Нет. И не оставил ни адреса, ни телефона. Вообще ничего. Я сказала ему, что завтра Крейны возвращаются, и в понедельник он наверняка сможет встретиться с Джоном. Тогда он развернулся и ушел. Просто

ушел. Даже не попрощался.

– А чем занимается мистер Крейн?

– Он сценарист. Пишет для телевидения. Я подумала, может, это какой-нибудь актер хочет непременно получить роль... Может, от этого для него многое зависит, и потому он так нервничал?

– Вполне возможно.

Джейн сказала это просто так. Похоже, ничто не связывало семью Крейнов с Терезой Малиан – кроме того факта, что они усыновили ее ребенка. И очевидно, не было никакой связи с Денисом Шоувом.

Оставалось только дожидаться возвращения Крейнов.

– Не волнуйтесь, – сказала констебль. – Я хотела лишь задать им пару вопросов. Нет повода для беспокойства.

– Что ж, хорошо, – сказала миссис Хеджер; в ее голосе сквозило разочарование.

Джейн попрощалась и вернулась к машине. Все, что ей сейчас было нужно, это комната в отеле. Что-нибудь съесть и выпить бокал вина, чтобы расслабиться.

А потом – в постель. И спать, спать, спать...

Однако у нее нашлись еще силы, чтобы позвонить на мобильный Стеллы Крейн. Как и следовало ожидать, в трубке раздался голос автоответчика. Джейн представилась, объяснила, что речь идет о рутинных процедурах, и попросила перезвонить.

На этом, как ей казалось, она сделала на сегодня все что могла.

Понедельник, 9 июня

Все воскресенье Кейт была занята расчисткой завалов: мешками свозила отцовскую одежду в пункт приема, выгребала ящики от хлама, выбрасывала кучи бумаг, записок и старых писем. Удивительно, сколько вещей скапливается у человека в течение жизни. При этом Ричард принадлежал к тому типу людей, которые во всем поддерживают порядок и не имеют склонности хранить все, что у них было в жизни.

Особое внимание Кейт уделяла различным документам. Ей пришло на ум, что в доме, возможно, найдется еще какое-нибудь свидетельство о Мелиссе Купер – письмо, написанное Ричарду, отметка о предстоящей встрече или даже фотография... хоть что-нибудь. Кейт не знала, как отреагирует, если ей в руки попадет нечто подобное, но в то же время ей не терпелось узнать что-то еще. Что значила Мелисса для отца?

Однако найти ничего не удалось. Ричард Линвилл не зря посвятил практически всю жизнь криминалистике. Он знал, как люди попадались на преступлениях: они упускали из виду какой-то след, забывали уничтожить улики, были невнимательны и не думали о том, что против них могло быть использовано все что угодно. Поэтому к сокрытию собственной измены он подошел со знанием дела. В конце концов Кейт поняла, что у нее не было бы ни единого шанса проникнуть в тайну отца, если б Мелисса сама ей не позвонила и Майкл Купер обо всем не рассказал.

Она хотела бы влезть и в компьютер Ричарда, но полиция изъяла его в надежде найти какие-то свидетельства о возможном преступнике. Кейт позабыла запросить его назад. Впрочем, она убеждала себя, что там ничего не было. Специалисты наверняка вывернули его наизнанку: если б они наткнулись на имя Мелиссы Купер и вообще любой неизвестной личности, то расспросили бы об этом ее, Кейт. И кроме того, Калев был немало удивлен, когда узнал о существовании Мелиссы. В конце девяностых частная переписка по электронной почте была еще редкостью, так что Ричард и Мелисса, возможно, и вовсе не пользовались ею. Впрочем, отец был слишком умен, чтобы попасться на таком. Очень часто люди пребывали в уверенности, что удалили все, что могло указать на их причастность к преступлению, но потом находились эксперты, которым удавалось извлечь на свет поразительные вещи.

Ричард был очень умен. И все тщательно продумывал.

Такие мысли помогали Кейт в ее занятии. При этом она чувствовала,

как постепенно к скорби примешивалось негодование. Ее злило то, как отец обошелся с ее матерью. И то, как он обошелся с ней, с его дочерью. Перебирая и складывая вещи, Кейт раздумывала над тем, как можно воспользоваться сведениями, полученными от подруг Мелиссы. Она отметила, что в какой-то мере ей самой стало легче. Получалось, что Ричард вернулся к больной жене не только из чувства долга, не против своей воли выбрал семью. Между ним и Мелиссой что-то произошло. И это все изменило, их отношения не выдержали.

Вот и хорошо. Кейт думала об этом со злорадством.

Но связано ли это с убийствами, произошедшими много лет спустя?

«Надо было рассказать обо всем Калебу», – подумала она с чувством неловкости.

Новость о ее поездке в Уитби его точно не обрадовала бы. Да и Кейт не горела желанием выслушивать его упреки.

Но уже поздно вечером ей все-таки попало в руки нечто такое, что могло хотя бы подсказать направление для следующего шага – куда бы он ни привел в итоге. Кейт перерыла буквально все, что могло содержать в себе хоть малейшую тайну, а когда рылась в кухонном комод в поисках штопора – она решила позволить себе бутылку вина из отцовских запасов, – то наткнулась на почтовую открытку, неизвестно по какой причине там оставленную. Это была рождественская открытка: венок из омелы на двери, украшенный красными ягодами, с темного неба падают снежные хлопья... И эту крайне безвкусную сцену пересекала надпись витиеватыми золотистыми буквами: *Счастливого Рождества*.

Открытка была адресована отцу и отправлена, судя по штемпелю, в 2004 году. *С Рождеством, тебя и твою половину*, – было написано синими чернилами, – *счастья и успехов в 2005 году*. И подпись: *Норман*.

Норман Доурик. Бывший сержант и на протяжении долгих лет ближайший сотрудник отца. Сам Ричард часто называл их *непревзойденной командой*. Кроме того, они были лучшими друзьями.

Кейт и думать забыла о вине. С открыткой в руках она села на террасе и задумалась. Вечер выдался очень теплым, и камни еще хранили дневной жар. В эти дни незадолго до солнцестояния темнело довольно поздно. Приятно было посидеть вот так, полюбоваться цветами в саду...

В те годы не было человека, с кем Ричард проводил бы столько же времени, как с Норманом. Просто потому, что они работали бок о бок, и служба требовала полной отдачи. Мама иногда шутила по этому поводу: «Хотела бы я быть Норманом! Тогда уж мы с тобой точно могли бы перекинуться хоть парой слов, пока тебя не вызвали по очередному делу».

Летом 2004-го все изменилось. Норман принимал участие в захвате наркодилера. Ричард в это время был в отпуске – они с Брендой отправились в короткое турне, чтобы в этот раз действительно побыть вместе. Дело дошло до перестрелки. Норман получил ранение, два дня находился на волоске от смерти и перенес несколько операций. И все равно врачи ничего не смогли сделать. У него отнялись ноги, и он был обречен всю жизнь провести в инвалидном кресле.

И все же у Нормана была возможность остаться в полиции, но исключительно за конторской работой – а это совсем не то, к чему он привык. Кейт припоминала, что отец уговаривал его, как одержимый. Он то и дело рассказывал о своих разговорах с другом, и отчаянию его не было предела.

– Норман сдался. Хочет жить на свою мизерную пенсию и с утра до вечера таращиться на стены. Он с ума сошел. Он совершает большую ошибку.

Ричард так и не сумел переубедить Нормана. Сержанту Доурику перешибло не только хребет, но и душу. В неполные сорок лет он сам поставил на себе крест: на своем будущем, на профессии, на жизни. А постепенно поставил крест и на друзьях. Эта открытка Ричарду, вероятно, была последним жестом вежливости в отношении бывшего напарника. Уже к концу года Норман озлобился и ни с кем больше не хотел иметь дела. Один за другим он обрывал контакты, игнорировал электронные письма, не отвечал на звонки, а когда Ричард приходил к нему, не открывал дверь. В конце концов тот сдался. И с уважением отнесся к желанию бывшего друга оборвать всякую связь с прошлой жизнью.

Но для Кейт бывший напарник отца представлял большой интерес. В те годы, когда в жизни Ричарда появилась Мелисса Купер, они с Норманом работали бок о бок. Кейт задавалась вопросом, удавалось ли Ричарду скрывать интрижку в том числе и от напарника. Для конспиративной схемы, выстроенной отцом, требовался сообщник – тот, кто подменял бы на службе в его отсутствие, прикрывал бы перед начальством, подтверждал бы алиби. И даже если Ричард соблюдал все предосторожности – Норман *должен был* что-то заметить. И намного больше, чем все остальные. Но возможно, Норман был именно тем, кому доверился Ричард...

Калев говорил, что Норман не рассказал бы ничего нового, так как все дела, над которыми они работали, занесены в архив. Это верно. Однако это касалось рабочей сферы, но не личной жизни.

Возможно, Норман знал, почему отношения между Ричардом и Мелиссой потерпели крах.

Просидев целый час в раздумьях, Кейт принялась искать телефонный номер Нормана Доурика. У отца остались несколько записных книжек. По счастью, Кейт не выбросила их, а оставила себе. По словам Калеба, Норман уехал из Скарборо, но его жена, вероятно, еще жила по старому адресу и могла помочь с дальнейшим шагом. Кейт отыскала номер, но когда позвонила по нему, трубку никто не взял. Она помнила адрес и решила на следующий день съездить туда.

И вот уже в восемь часов утра Кейт стояла перед невзрачным домом, расположенным в не самой привлекательной части города. Здесь обитали люди с небольшим достатком, у которых не было денег на хорошие дома. Краска на дверях и оконных рамах давно облупилась. Палисадники заросли травой вперемешку с одуванчиками. На задних дворах была натянута бельевые веревки. Сетчатые изгороди давали сомнительную защиту от взглядов. Впрочем, в такой тесноте, если кто-то и решал поесть на веранде или выпить пива, люди практически сидели у соседей на коленях. Отец рассказывал Кейт, что Норман мечтал о собственном доме, но не мог позволить себе ничего лучше этого уголка – может, после повышения на пару рангов...

Но до этого так и не дошло.

Ровно в восемь Кейт позвонила. Оставалось надеяться, что в это время обитатели дома уже не спали.

Дверь отворилась буквально в тот же миг. На пороге появилась женщина. Кейт узнала ее, хотя прошло уже столько лет.

– Миссис Доурик? – спросила она и улыбнулась.

Женщина тоже неуверенно пригляделась.

– Кейт? Кейт Линвилл?

– Понимаю, время ни в какие ворота, – сказала Кейт. – Но мне необходимо как можно скорее разыскать вашего мужа.

* * *

– Да, он уже давно здесь не живет. А последние четыре года мы вообще не контактировали, – рассказывала Сюзанна.

Она пригласила Кейт на кухню, где собиралась наскоро выпить кофе. Пятнадцать минут, предупредила она, не больше, потом ей нужно уходить. Сюзанна работала в аптечной лавке и должна была явиться туда за час до открытия.

– То есть прямо сейчас, – сказала она, взглянув на часы. – Но ничего.

Начальству никто не скажет, если не частить с опозданиями.

Кейт села на стул и с благодарностью приняла чашку кофе. Сюзанна так и стояла с кружкой в руках.

– Мне трудно усидеть на месте по утрам.

Это была женщина почти болезненной худобы, с изможденным лицом и темными кругами под глазами. Казалось, она постоянно находилась под напряжением – и, вероятно, без всяких на то оснований. Как будто однажды запустила свой внутренний мотор на полную мощность и с тех пор не сбавляла обороты. Такое она производила впечатление. Кейт не назвала бы эту женщину счастливой. Но было видно, что она старается по возможности избегать мыслей, которые ее тяготили.

– Мы давно развелись, – продолжала Сюзанна. – Норман так захотел. Чтобы вы не подумали, будто я его бросила после того, как он оказался прикован к своему креслу. Для меня было вполне очевидно, что мы попытаемся вместе преодолеть судьбу. Хоть судьба эта была не сахар. Он ворчал с утра до вечера, винил Бога и весь мир в своем несчастье, постоянно был в плохом настроении, срывался и спорил.

Она закрыла глаза на мгновение.

– Да, это было ужасно. Но я его понимаю. Его отчаяние. Эту непокорность судьбе. Только... какой в этом прок? Рано или поздно с судьбой приходится смириться, не так ли? Иначе можно просто заболеть.

– Да, – согласилась Кейт, – приходится.

Она еще размышляла, стоит ли сейчас спрашивать о своем отце, но Сюзанна уже продолжала:

– Значит, вы хотели поговорить с Норманом? Тогда вам придется ехать в Ливерпуль.

– Почему он выбрал именно Ливерпуль?

– Мы оба родом оттуда. Правда, никто из его родных там теперь не живет, и потому я не вполне понимаю это его решение. Ну, наверное, его потянуло в места детства. Все знакомо... не знаю.

– И вы сказали... вы уже четыре года не общались?

– Он так захотел. Так я и говорила людям. Раньше то и дело приходили его бывшие коллеги, спрашивали, как у него дела. Я отвечала одно и то же: что могу дать им его адрес, но вряд ли он будет рад их видеть. Думаю, многие были рады воспользоваться таким предлогом, чтобы не ехать в Ливерпуль и не иметь дела с озлобленным, замкнутым в себе человеком.

– А вы, несмотря ни на что, захотели остаться в этом доме? – спросила Кейт.

И сразу подумала, что уж кому-кому, а ей удивляться было нечему. Она

и сама цеплялась за отцовский дом, хотя все говорило против того, чтобы его оставлять.

– Да, знаю, это трудно понять, – вздохнула Сюзанна. – Этот дом... пусть и маленький, ветхий, этот крошечный сад, но чувство, что нам принадлежит клочок земли... В то время это была наша с Норманом мечта. Да, мы давно не вместе, но для меня... это единственное, что у меня осталось. – Она покачала головой. – Мне помогают родители, сама я не выплатила бы кредит. Каждый раз думаю, что надо бы его продать, но не выходит. Это последняя частичка того счастливого прошлого. Но возможно, я тем самым сдерживаю себя?

Казалось, этот последний вопрос она адресовала себе самой, и Кейт промолчала. Но ей были хорошо знакомы чувства и мысли, которые обуревали Сюзанну.

Очевидно, та вспомнила, что Кейт явилась не затем, чтобы обсуждать ее душевное состояние.

– Я поверить не могла, когда прочла об убийстве, – резко переменяла она тему. – Кто вообще способен на такое? Я читала, что полиция разыскивает этого Шоува. Есть доказательства, что это был он?

– По крайней мере, когда-то он грозился отомстить, – сказала Кейт. – Говорил, что убьет моего отца. Думаю, поэтому в полиции и сочли его главным подозреваемым.

– Ко мне, кстати, тоже приходили, – сказала Сюзанна. – Этот... как уж его звали? Сержант Стюарт, кажется.

– Роберт Стюарт, – подтвердила Кейт.

– Да, точно. Ричард и Норман долгое время проработали бок о бок, вот он и спрашивал, известно ли мне о каких-то событиях того периода, которые можно было бы связать с нынешним убийством. Увы, я ничем не смогла ему помочь. Норман часто рассказывал мне о работе, но я не вспомнила ничего такого значимого. Понятно, что они нажили себе врагов. Но не было никого, кто выделялся бы из общей массы. Это мог быть кто угодно. Или ни один из них.

– Остается лишь молиться, чтобы полиция поскорее нашла убийцу моего отца, – обронила Кейт.

Сюзанна взглянула на нее с интересом.

– И вы помогаете им в этом? Я вот только вспомнила – вы же служите в лондонской полиции?

– Да, но это значит, что здесь у меня никаких полномочий. В таких делах нужно четко соблюдать границы, – ответила Кейт, почувствовав себя школьницей, повторяющей заученный текст. – Но в этой связи я выяснила

нечто другое, и это открытие меня сильно гнетет. Вот я и подумала, может, Норман мне поможет...

– А может, я тоже смогу вам помочь?

Норман ей много чего рассказывал. Кейт решила, что ничего не теряет.

– Имя *Мелисса Купер* вам о чем-нибудь говорит?

Сюзанна заметно вздрогнула.

– Ах ты боже мой, – проговорила она.

– Полагаю, это означает «да», – заключила Кейт.

– Да, – Сюзанна кивнула.

Джейн вела машину. Калев сидел на пассажирском сиденье и говорил по телефону.

Констебль слушала.

– Да... хм... – повторял Калев. Затем произнес: – Этого следовало ожидать. Значит, ей не показалось, и ее действительно кто-то выслеживал.

Наконец он прервал разговор и взглянул на Джейн.

– Это из экспертного отдела. Там уверены, что кто-то пытался проникнуть в загородный дом Мелиссы Купер. На задней двери были обнаружены следы, но сразу разобраться в их происхождении не удалось. Теперь уже ясно, что кто-то пытался взломать дверь, но затем отказался от своих намерений. По их словам, дело не в том, что дверь такая надежная. Очевидно, преступнику – или *преступникам* – помешали.

– В тот вечер как раз приехал ее сын, – напомнила Джейн.

– Да, иначе вполне вероятно, что на Мелиссу напали бы в ту самую ночь. К несчастью, для нее это стало лишь отсрочкой.

Повисло молчание. Калебу представилась пожилая женщина в уединенном доме посреди пустоши. Там она стала бы легкой добычей, но в последний момент судьба смилостивилась над ней. Однако это лишь придало решимости ее преследователю. Нападать на Мелиссу в школе посреди бела дня было крайне рискованно.

– Подъезжаем к Ньюкаслу, – сообщила Джейн. – Теперь придется поднапрячься. Эта ферма расположена где-то в самой глуши.

– Значит, ваше знание местности нам вряд ли поможет, – отметил Калев. Он знал, что Джейн была родом из Ньюкасла и провела там детство.

– Нет, – подтвердила констебль, – увы. В городе я еще ориентируюсь, но в его окрестностях никогда не бывала.

Они ехали к Нилу Кортни. Настоящему Нилу Кортни, если им повезет. Узнать о его существовании удалось стараниями Роберта. Хотя поначалу казалось, что его пятничная поездка в тюрьму Халла не принесет значимых результатов. Между подростками, ограбившими игорный зал в Скарборо, и Денисом Шоувом не было никаких контактов. Во всяком случае, ничто не указывало на это. Кроме того, Шоув больше не повторял своих угроз в адрес Ричарда Линвилла. И, по словам начальника тюрьмы, не похоже было, что он денно и ночью думал лишь о том, как бы поизощреннее расправиться с Линвиллом. Знал ли Шоув о связи между Ричардом и

Мелиссой, сказать было сложно. Сам начальник об этом ничего не знал и был немало удивлен.

– Линвилл встречался с той самой женщиной, которую на прошлой неделе казнили в школе? Вот это поворот! Это же все усложняет, так ведь?

Стюарт не стал отрицать это.

Разговоры с остальными очевидцами того ограбления также ничего не дали. Никто из них за последнее время не замечал ничего странного, не ощущал на себе чужих взглядов и не подозревал за собой слежки. Было очевидно, что этим людям ничего не угрожало, но это также означало, что давно забытое преступление не играло существенной роли в текущем расследовании.

Но в понедельник утром Роберту позвонила, как и было условлено, психолог, курировавшая Дениса Шоува. Она и теперь придерживалась благополучного социального прогноза, какой дала ему перед освобождением.

– Не думаю, что он убил того полицейского. Из того, что я прочла, можно заключить, что это было спланированное, тщательно продуманное преступление. Для Шоува это совсем нетипично. Его проблема в том, что он не может контролировать себя в стрессовых ситуациях. Он переходит в нападение, если критиковать или угрожать ему, если давить на него, если он чувствует себя загнанным в угол. Или когда события развиваются не так, как ему хочется. Именно так он и повел себя в отношении своей прежней спутницы, и тот факт, что она скончалась от полученных увечий, можно назвать несчастным случаем. У Дениса не было намерения убивать ее.

Стюарт тогда задумался, как тюремным психологам при характеристике преступника удастся внушить собеседнику, что в действительности жертва сама совершает ошибки, и человек оказывается в такой неблагоприятной ситуации, которую иначе как насильственным образом не разрешить.

– Он никогда не делился с вами мыслями о мести Ричарду Линвиллу?

– Нет.

Стюарт завел разговор о Мелиссе Купер, но психолог никогда не слышала этого имени.

– Кто это? Любовница убитого полицейского? Денис никогда не упоминал о ней. Сомневаюсь, чтобы он знал об их связи. И вообще, с какой стати ему убивать *ее*? Тогда предполагаемый мотив лишен всякого смысла.

«В том-то и проблема», – подумал Роберт.

По крайней мере, с вымышленным именем Шоува – *Нил Кортни* – повезло больше.

– Это его очень дальний родственник. Денис часто о нем говорил. Насколько я поняла, это последний из его близких.

Стюарт среагировал мгновенно. Что-то существенное – наконец-то.

– Вы в этом уверены?

– Да, абсолютно. Мы постоянно заводили о нем речь. Это третий муж кузины его матери – как-то так. То есть родня через три колена. Но все-таки это лучше, чем ничего. Должно быть, он уже довольно стар и живет на ферме где-то под Ньюкаслем. Денис почти не общался с ним, но я убедила его после освобождения обязательно возобновить связь. Для человека, вроде него, который долгое время находился в заключении, важно найти какую-то опору. Свобода может быть очень обременительна, если от нее отвыкнуть.

– Возможно, – согласился Стюарт. – А вам известно, встретился ли он в итоге с Нилом Кортни?

– После освобождения я о нем ничего не слышала. Я уже была в Австралии, когда он вышел из тюрьмы. Но даже если б я осталась здесь, то все равно воздержалась бы от контактов. Я не могу курировать людей и после тюремного срока, это не пошло бы на пользу никому. Они должны научиться жить без моей помощи. Стать самостоятельными.

«Ну да, – подумал Стюарт, – Шоув научился. Возможно, убил двух человек, и совершенно точно подстрелил женщину, чтобы завладеть ее машиной. Он прямо образец самостоятельности».

Они узнали адрес старого Нила Кортни. Это и в самом деле оказалось уединенное поместье в окрестностях Ньюкасла. Кaleb не рассчитывал, что Денис Шоув скрывался там: он должен был понимать, что рано или поздно полиция установит родственную связь со старым фермером. Хотя времени прошло довольно много. «Слишком много», – сокрушенно думал Кaleb. Против них сыграло то обстоятельство, что психолог столько времени провела за границей, но возможно, им следовало проявить больше настойчивости, попытаться установить с ней связь. Тот факт, что они сами не смогли выследить этого родственника, Кaleb считал вполне простительным: родство действительно такое дальнее, что сложно было бы проследить его без прямого указания со стороны. Кроме того, они только на прошлой неделе узнали, что Денис Шоув скрывался под именем *Нила Кортни*.

Роберт Стюарт – поскольку он вышел на этот след – выехал раньше и ради предосторожности взял в сопровождение двух патрульных. Он тоже не рассчитывал наткнуться там на Дениса Шоува, но рисковать не хотел. Теперь они знали, что Шоув вооружен и в случае опасности готов пустить

оружие в ход. Все надеялись, что старый Нил Кортни даст им ценные сведения – нечто, что при самом благоприятном раскладе наконец приведет их к Денису Шоуву.

Джейн проложила маршрут к ферме в системе навигации, и все равно им пришлось поблуждать по лабиринту узких проселочных и грунтовых дорог. Потом они едва не проехали почти заросшие бурьяном ворота, ведущие к ферме. Хотя Стюарт с патрульными проехали там совсем недавно, кусты, папоротники и метровой высоты чертополох снова сомкнулись над дорогой.

– Непохоже, чтобы тут постоянно ездили, – заметил Кaleb.

Проехать оказалось непросто – трава разрослась, и дорога как таковая практически отсутствовала. Справа и слева когда-то простирались огороженные пастбища, судя по останкам изгородей и сгнивших столбов. Но ферма давно бездействовала, и, казалось, природа активно отвоевывала отобранные территории и восстанавливала свои права.

На первый взгляд дом напоминал скорее обветшалый амбар, чем пригодное к жилью строение. Штукатурка на стенах растрескалась и облупилась, окна покрыты слоем грязи, черепица с крыши местами осыпалась с течением лет, и некому было заделать прорехи. Двор был выложен камнем и зарос крапивой – причем крапива преобладала, и камни едва проглядывали. Посреди двора стояла полицейская машина. Джейн заглушила мотор. Роберт Стюарт вышел им навстречу.

– Уютное местечко, – отметил он. – И судя по всему, дома никого.

– По мне, так здесь вообще никто не живет, – сказала Джейн. Она огляделась и поежилась. – Это скорее склеп какой-то. И по-моему, здесь уже *годами* не ступала нога человека.

– Вероятно, пожилому человеку здесь и не место, – сказал Кaleb.

– Думаю, он давно в доме престарелых, – добавила Джейн. – Если вообще еще жив.

– Ну, официально он по-прежнему живет здесь, – сообщил Стюарт. Он показал пачку писем. – Вот. Забрал из почтового ящика.

– Здесь есть почтовый ящик? – удивился Кaleb. – Где?

– На въезде. Скрытый зарослями. Я случайно заметил, что там что-то такое есть, и посмотрел...

Кaleb взял письма и просмотрел бланки, уже извлеченные Стюартом из конвертов.

– Что это?

– Я не успел как следует всё изучить. Но там есть уведомления о начислении пенсии. Выходит, что Кортни еще жив и зарегистрирован здесь.

Он каждый месяц получает деньги. Пенсия довольно скромная, однако на жизнь должно хватать.

– Но не более того, судя по всему, – заметила Джейн. Она оглядела дом, который давно требовал ремонта и выглядел так, словно может рухнуть в любую секунду. – Известная старческая бедность... И это не то, что ожидает нас, – нас она уже настигла. И конечно, это не красит наше общество.

– Никто не заслуживает такой жизни, – согласился Роберт. – И уж тем более на склоне лет.

– Нужно попасть внутрь, – заключил Калев. – Есть подозрение, что Кортни давно скончался, но никто этого не заметил. Возможно, он уже несколько месяцев лежит в своей постели.

– Дверь заперта, – сказал Роберт.

– А где патрульные?

В этот момент один из них появился из-за угла. Он сообщил, что обошел дом кругом и по возможности заглядывал в окна. По его мнению, внутри никого не было.

– Правда, за домом образовалась целая свалка, – докладывал он. – Мусор, по большей части коробки, полные пустых бутылок. Но бутылки и просто так валяются. В основном дешевый виски. Тип, который здесь обитает, видимо, пьет без просыху.

На секунду воцарилось тяжелое молчание. Калев не сразу сообразил, что Джейн и Роберт стараются не смотреть на *него*. Несмотря на мучительную реабилитацию, к нему пристало клеймо алкоголика. Вероятно, навсегда.

Наконец Роберт прокашлялся.

– А где Патрик? – спросил он патрульного.

– Осматривает участок. Хотя сомневаюсь, что он там кого-то обнаружит. По мне, так здесь по меньшей мере несколько месяцев никого не было.

– Входим, – сказал Калев.

Патрульному потребовалось не больше минуты, чтобы взломать ветхий замок. В первый миг все задержали дыхание, но затем выдохнули. Изнутри повеяло затхлым воздухом, и пахло так, что не хотелось даже думать об источниках этого запаха. Но это точно не был дух трупного разложения, и старый Нил Кортни не лежал мертвым в какой-то из комнат.

Свет едва пробивался сквозь грязные окна, но вскоре глаза привыкли к сумраку. Сразу стало ясно, что в доме действительно давно никто не жил, поскольку пол и мебель были покрыты толстым, нетронутым слоем пыли.

Всюду царил невообразимый беспорядок: ящики вынуты из комодов и брошены посреди комнат, их содержимое разбросано по полу, с полок все сброшено, ковры скомканы по углам, вазы опрокинуты, абажур сорван с потолка. Казалось, внутри подорвали мину – по меньшей мере, в двух комнатах на нижнем этаже и на кухне, где вся посуда была выброшена из шкафов и пол устилали осколки. На старомодной плите догнивали остатки пищи. На столе стояла тарелка с чем-то неопределимым, покрытым бледно-синей порослью плесени. И повсюду, как за домом, – горы пустых бутылок. Станный контраст всему этому создавали несколько керамических горшков на подоконнике, в которых росли травы. Хотя от зелени остались лишь высохшие стебли, в этом было что-то трогательное, прежде всего благодаря лейке между горшками – пластиковой лейке, с какими играют дети. Нил Кортни, который, судя по объему потребляемого алкоголя, превратился в ходячую развалину, все же находил в себе силы, чтобы среди упадка – в быту и в жизни – ухаживать за растениями.

– Или этот Кортни – ужасный дебошир, – проговорил Стюарт, – или здесь что-то старательно искали.

– Скорее уж, последнее, – сказал Калев. – Кто-то – возможно, наш дорогой Денис Шоув – все здесь перевернул вверх дном. Вопрос в другом: что стало со старым Кортни?

В то время как остальные пытались выяснить, есть ли в доме подвал, Джейн поднялась по лестнице на второй этаж. Там имелась ванная, таким образом устроенная под скатом крыши, что невозможно было встать в полный рост. В унитазе скопился сантиметровый слой извести. Не нашлось никаких банных принадлежностей, даже зубной щетки. Джейн предположила, что старый Кортни не слишком обременял себя гигиеной.

Наверху имелись еще две комнаты, с такими низкими потолками, что Джейн пришлось пригнуть голову. Казалось, они никогда не использовались – там не оказалось никакой мебели. Очевидно, жизнь Кортни протекала преимущественно в гостиной и на кухне.

Джейн вернулась на первый этаж.

– Подвала нет, – как раз говорил Калев. Он взглянул на Джейн. – Наверху что-нибудь есть?

– Ничего. В буквальном смысле. Кроме туалета, похоже, ничего не использовалось.

Снаружи слышались шаги. Все обернулись. Вошел Патрик, второй патрульный, и поздоровался с Калевом и Джейн.

– Инспектор. Констебль. Я кое-что обнаружил. В саду за домом.

– Что там? – нетерпеливо спросил Калев.

– Очень напоминает могилу. Не сказать, что свежая, но земля еще не осела. Ну, это может быть и собака... Конечно, если она довольно крупная...

Эта новость всех взбудоражила. Они последовали за Патриком в сад, расположенный позади дома. Джейн увидела у стены ящики с пустыми бутылками и содрогнулась.

В саду, раскинувшемся на склоне небольшого холма, также никто не поддерживал порядок, но в результате взору открывался идиллический пейзаж. Старые плодовые деревья, среди них кряжистые дубы с раскидистыми кронами. Заросли ежевики, колокольчики и фиалки. Папоротники и мох. Все росло нетронутым и по собственным законам. Рай для птиц, насекомых, ящериц и прочей живности. Где-то поблизости мирно журчал ручей. И посреди этого великолепия скрывалась могила?

Патрик провел их к подножию холма, до самой границы участка, отмеченной замшелыми останками ограды. Там, укрытый среди можжевельника, был насыпан свежий земляной вал. Холм уже порос травой и клевером. Он появился здесь не этим летом, поскольку природа уже заявила на него свои права, но Патрик оказался прав: земля еще не осела, и при ближайшем рассмотрении можно было различить комья, явно выбранные лопатой.

– Слишком вытянутая, – заметила Джейн. – Для собаки и в самом деле великовато.

– Я бы сказал, этот объект возник здесь прошлой осенью, – сказал Стюарт, и обозначение *объект* показалось Джейн весьма странным.

Калеба как будто разом покинули все силы. И вместе с тем он словно испытал облегчение.

– Готов поспорить, – сказал старший инспектор, – что мы разыскали Нила Кортни.

Стелла была почти уверена, что Терри и Денис сбежали, и они остались одни на ферме – запертые в этом сумрачном амбаре, с запасами воды и провизии, которых при бережном потреблении хватит в лучшем случае на три дня. Стелла не слышала, как заводился мотор. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Накануне она совершенно вымоталась и так крепко спала, что могла и пропустить их отъезд. В воскресенье вечером Стелла еще раз выстроила башню и взобралась по ней, чтобы посмотреть в окно. Обе машины, Терри и Дениса, стояли на месте, но это ничего не значило – ведь они, скорее всего, уехали на машине Крейнов.

Стелла набрала в амбаре старого тряпья, плотно замотала правую руку и разбила стекло, что удалось ей только с шестой или седьмой попытки. Опора под ногами была такая шаткая, что она не могла ударить как следует. В конце концов стекло все же треснуло, и замотанной рукой Стелла вынула осколки из рамы и выбросила во двор. Она с наслаждением просунула голову в проем, вдохнула теплый воздух и подставила лицо солнечным лучам. Затем внимательно огляделась, но не увидела вокруг ни души. Рядом с амбаром порхали несколько птиц, испугнутых звоном разбитого стекла, – и всё. Эта ферма в очередной раз подтвердила свою репутацию идеального укрытия от мира: сюда практически никогда никто не забредал.

Когда Стелла спускалась обратно, то уже в самом низу оступилась и упала. Она отделалась лишь парой ссадин на ногах, но это послужило сигналом: если б она стояла выше, то получила бы серьезные увечья. Только ради того, чтобы подышать свежим воздухом, взбираться туда не стоило. Чем реже использовать эту *лестницу*, тем лучше. Возможно, ей следовало бы занимать там пост каждый день в определенное время и высматривать людей. Вопрос состоял лишь в том, соотносится ли риск сорваться с шансами на успех.

«Но горькая истина в том, – уныло подумала Стелла, – что шансы эти равны нулю».

В остальное время она ухаживала за Джоном. Его по-прежнему лихорадило, и он постоянно спал. Стелла заставила себя заняться его раной – как бы она ни страшилась этого момента, было ясно, что повязку нужно периодически менять. К счастью, в аптечке нашлись несколько пачек бинтов. Когда она снимала старую, присохшую повязку, Джонас тихо застонал. Тогда Стелла взяла немного воды, чтобы облегчить процедуру и

избавить мужа от лишней боли. Хотя это и казалось ей вынужденным расточительством. В их положении не было ничего дороже воды, и Стелла изначально не собиралась тратить ее кроме как на питье. Но когда она увидела, в каком состоянии рана, то поняла, что ее придется промыть, потратив еще какое-то количество воды. Хотя ее познания в медицине были крайне ограничены, но даже она понимала, что если рану не содержать в чистоте, то возрастает риск воспаления. Впрочем, лихорадка, вероятно, и служила главным признаком этого самого воспаления. Сложно было представить менее подходящее место для тяжелораненого, чем этот грязный и пыльный амбар. Ей нечем было продезинфицировать кожу вокруг пулевого отверстия. Оставалось только намочить вату и осторожно протереть рану. Стелла понятия не имела, насколько это вообще эффективно против сепсиса. Ей вспомнились заметки о раненых солдатах во времена Второй мировой войны. Даже в тех условиях, в отсутствие нормального снабжения, многие из них в конечном счете выживали. Стелла могла лишь надеяться, что организм Джонаса достаточно крепок, чтобы справиться самостоятельно.

За весь день Джонас произнес от силы несколько слов. Ему хотелось только спать. Спать, спать, спать... Стелла была вынуждена то и дело успокаивать расстроенного Сэмми, которому хотелось поговорить или поиграть с папой. Он не понимал, почему теперь, когда они снова вместе, отец не может проводить с ними время. Стелла отвлекала его как могла. В корзине с едой нашлась карточная игра, и на какое-то время у Сэмми появилось занятие. На ужин ему досталась доля отца, поскольку Джонас не смог ничего съесть. Но воды Стелла дала ему чуть больше, чем себе и Сэму. У него по-прежнему была высокая температура, губы пересохли и растрескались.

С утра Джонасу стало чуть лучше. Он съел пару кексов на завтрак, и лоб был уже не такой горячий. Взгляд, как показалось Стелле, немного прояснился. С утра она сменила ему повязку – снова при помощи воды. Стелла старалась не показывать страха, однако она смотрела, как иссякают запасы воды, и ей становилось не по себе. Денис Шоув должен был сдержать обещание и поскорее известить полицию или службу спасения, иначе их жизнь окажется под угрозой.

До сих пор Джонас заговаривал только чтобы попросить воды или лекарство. И теперь он как будто впервые ощутил что-то помимо своего тела, измученного лихорадкой и болью.

– Вот ведь дрянь, – произнес он. – Мне так жаль, Стелла... Прости меня.

– Тебе не за что просить прощения. Ты не виноват.

Джонас качнул головой.

– Еще как виноват. Ты не хотела сюда ехать, у тебя было дурное предчувствие насчет этого Нила Кортни. Я тебя переубедил, хотя сам был не уверен. Но не хотел этого признавать.

– Кстати, его зовут совсем не так, – сообщила Стелла. – Его имя Денис Шоув.

Она в двух словах пересказала все, что знала о нем. Джонас был в изумлении.

– Он убил полицейского?

– Он утверждает, что не убивал, но полиция ни за что ему не поверит. Поэтому он вынужден скрываться.

– А почему полиция убеждена, что он убийца?

– Тот полицейский когда-то отправил его за решетку. В свое время Шоув избил подругу, и она в результате умерла. Шоув грозился отомстить ему.

– Господи... Терри знает об этом?

– Теперь знает. Но по-прежнему безоглядно ему предана.

– И где они теперь?

– Уехали. На нашей машине.

Джонас попытался подняться и скривился от боли. Он окинул взглядом амбар.

– Отсюда можно как-нибудь выбраться?

Стелла пожала плечами.

– Пока ничего придумать не удалось. Дверь точно не вышибить. Сколько уж раз я билась в нее плечом, пыталась взломать замок – всё без толку... В этом амбаре, будь он проклят, столько хлама, но нет ничего, что можно было бы использовать вместо инструмента.

– И от меня никакого проку, – Джонас сжал кулак. Даже это напряжение отняло у него силы. – Стелла, я такой идиот... Невообразимый идиот. Броситься на Нила... Дениса, и... вообразить себя героем. При том что я от рождения слабак.

– Ты не слабак, Джонас. Ты не мог бы одолеть вооруженного человека.

– Не будь он вооружен, я все равно не одолел бы его. И мы оба это знаем. – Он откинулся на диване, его лоб покрылся потом. – Не знаю, о чем я думал. Наверное, и не думал вовсе. Я...

– Ты увидел, что твоя семья в опасности, и среагировал инстинктивно. Перестань упрекать себя, – сказала Стелла.

Конечно, она не стала говорить, как злилась на него за этот

необдуманный порыв. Не имело смысла углубляться в эту тему. У них были задачи поважнее, и не стоило растрачивать силы.

– Что там с припасами? – спросил Джонас.

Стелла не хотела его расстраивать, но очень скоро он и сам узнал бы о реальном положении дел.

– Так себе. Еды и питья, думаю, хватит дня на три.

– Три дня?

– Денис пообещал, что сообщит в полицию. Позвонит, когда они с Терри будут в безопасности.

– И ты ему веришь?

Стелла взглянула на Сэмми, но тот что-то мастерил из фольги и не слушал.

– Не знаю, – призналась она. – Думаю, он этого и вправду хочет. Только вот не знаю, не придет ли ему в голову, какой это риск для него. Это же преступник. Насколько вообще можно верить преступнику?

– Проклятье... – Джонас снова попытался приподняться, но тут же рухнул. – Мы должны выбраться, Стелла. Этот тип не сообщит ни в полицию, ни куда-то еще. Он думает только о том, чтобы скрыться, и на нас ему плевать. – Он повернул голову, чтобы из лежачего положения оглядеть пространство. – Ты выстроила эту лестницу. А окно... Оно открыто?

– Да, но толку от него мало. Я думала, может, кто-нибудь появится, и я смогу привлечь их внимание. Но до сих пор никого не было. Позже я снова туда взберусь и понаблюдаю еще какое-то время, только... надеяться особо не на что.

– Сэмми, – вполголоса сказал Джонас. – Думаю, Сэмми пролезет в окно.

– Да, но ты представляешь, какая там высота? Он не сможет спрыгнуть. Он переломает все кости, если останется жив. Это исключено, Джонас.

– Это наш единственный шанс. Других я не вижу.

– Нет.

– Веревка...

– Здесь нет веревок.

– Но можно связать тряпье. Да хоть собственную одежду. Нужно как-то спустить его на ту сторону.

– Джонас, ему пять лет! И высота огромная! Мы не можем рисковать!

– Мы больше рискуем, если ничего не предпримем.

– Да и что он сможет сделать снаружи?

– Может, дом не заперт. Он мог бы взять твой телефон, подняться на

холм и позвонить в полицию. Ты могла бы руководить через окно.

– Сомневаюсь, что Денис оставил телефон.

– Тогда он может добежать до дороги. Рано или поздно проедет машина. Стелла, выбора нет, иначе мы умрем от голода и жажды.

Стелла обхватила голову руками. Ей представилось, как Сэмми, сорвавшись, корчится с переломанными костями на земле и плачет. Услышала, как он звал бы ее. И она ничем не смогла бы ему помочь.

– А что с этим твоим коллегой? Владельцем дома? Как вы условились?

– Ничего конкретного. Что созвонимся, когда я вернусь. И как-нибудь решим насчет ключей.

– То есть ему не покажется странным, если ты не позвонишь *сегодня*?

– Не думаю. Он решит, что за время нашего отсутствия скопилось много почты, не говоря уже об электронных сообщениях. Решит, что я пока разгребаю кучу дел.

– Но через несколько дней он встревожится...

– Несколько дней – это слишком долго, Стелла.

– Ты с кем-нибудь договаривался по работе?

– На следующую неделю. Я собирался в эти дни подготовить пару черновиков, а в следующую среду мы договорились их обсудить.

– А когда ты должен отправить черновики?

– В пятницу. Стелла, до тех пор никто не заметит нашего отсутствия.

– Еще не факт. Может, тебе приходили сообщения, на которые ты должен срочно дать ответ?

– Да. Но кто, по-твоему, пойдет в *полицию* только потому, что я вовремя не ответил на сообщение?

В этом и состоял главный вопрос. В какой момент людей встревожит тот факт, что целая семья не вернулась из отпуска? Когда они решат что-то предпринять, не опасаясь выставить себя посмешищем?

– Соседка, – сказала Стелла. – Уж она-то наверняка гадает, почему мы не вернулись накануне.

– Она скорее решит, что перепутала числа, чем допустит, что беглый убийца запер нас на ферме и уехал.

– Она попытается дозвониться до меня. И удивится, если я не перезвоню.

Джонас бессильно поднял руку и вытер пот со лба. Стелла заметила с тревогой, что разговор стоит ему больших усилий.

– Джонас... – начала она.

Он мотнул головой.

– Стелла, это слишком долго. Никто, кроме этого коллеги, не знает, где

нас искать. И, насколько я помню, секретарь в одной из десятка телекомпаний, с которыми я работаю, знает, что мы договаривались о чем-то с этим самым коллегой. То есть, если кто-то станет нас разыскивать, а до этого дойдет не скоро, им придется сначала установить эту взаимосвязь, чтобы выйти на эту ферму. И это должно произойти за три дня? Три дня, в которые у нас еще есть еда и, главное, вода?

Стелла молчала. Что она могла сказать?

– Идея насчет Сэмми, – сказала она после некоторого молчания, – мне совсем не нравится.

– У тебя есть другие? – утомленно спросил Джонас.

– Давай подождем. Мы ведь можем продержаться несколько дней.

К ним подошел Сэмми. Очевидно, ему надоело комкать фольгу.

– Папа, когда мы поедем домой?

– Скоро, – пообещал Джонас.

– Когда уже полиция приедет нас освободить? – Сэмми еще не расстался с мечтой о главном приключении в своей жизни.

– Думаю, ждать уже недолго, – заверила его Стелла.

– Я проголодался!

– Давай подождем немного. Поедим через пару часов, ладно?

Сэмми вздохнул, вернулся в свой угол и резкими движениями раскидал все, что успел смастерить.

– Стелла, это еще не всё, – Джонас говорил очень тихо. – Я совсем плох. Мне нужен врач.

– Но тебе уже лучше!

– Это ненадолго. Поверь. Мне нужен врач.

Стелла взглянула на окно. Джонас был прав: Сэмми действительно смог бы пролезть в него. Он мог подарить им шанс.

Или подтвердить их участь.

Поскольку ей больше нечем было занять себя, кроме как сидеть в доме отца и предаваться раздумьям, Кейт решила, что вполне может съездить в Ливерпуль. Она понятия не имела, будет ли какая-то польза от разговора с Норманом Доуриком, но с другой стороны, ничего не теряла. В особенности – время. За последние несколько недель время обрело особое выражение. В конце концов, Кейт больше не работала. Она пыталась привести свою жизнь в порядок.

А вот Сюзанна в это утро на работу безнадежно опоздала. Она села за стол напротив Кейт, налила им еще кофе. И стала рассказывать.

– Да, я знала о Мелиссе. Норман рассказал. Ричард с самого начала ему доверился. Чтобы перед кем-то объясниться – и получить надежную поддержку. Его тайные встречи в Уитби... Кто-то должен был его прикрывать. И в известной мере подтверждать его алиби.

По словам Сюзанны, Норман тяжело переживал эту ситуацию. И она тоже.

– Нам нравилась Бренда. Норман порой жаловался, как невыносимо быть сообщником в этом деле.

– Вы в то время еще общались с моей матерью?

Сюзанна покачала головой.

– Она была очень больна. Время от времени я посылала ей открытки с ободряющими словами, книги, цветы... Она очень радовалась им. И всякий раз немедленно отвечала. Но при этом давала понять, что не хочет встреч. «Увидимся, когда мне станет лучше, – писала она, – сейчас у меня выпали все волосы, и я быстро утомляюсь...» Конечно, она не хотела, чтобы ее видели в таком виде. И порой у нее просто не было сил на разговоры. Мне в каком-то смысле было легче. Я не хотела лгать ей в глаза, даже мысль об этом была невыносима. Лгать в том смысле, что я знала насчет измены Ричарда и молчала бы о ней. Это представлялось мне ужасным: собираться вечерами, как раньше, – Ричард, Норман, Бренда и я. Бывало, мы шли куда-нибудь съесть пиццу или встречались у кого-то дома. И вот мы дружно сидим за одним столом, и трое из нас знают, что четвертой изменяет муж. Что у него отношения на стороне, а она ничего не подозревает. Я бы этого не выдержала. Да и Норман тоже. Так что... мы не настаивали, не призывали Бренду к общению. Ситуация и без того была достаточно непростая.

– А вы не думали рассказать моей матери всё начистоту? – спросила Кейт.

Сюзанна вздохнула.

– Само собой. И довольно часто. Норман тоже. Но вот ведь какое дело: его с Ричардом связывала дружба. И мы с Брендой отлично ладили, но без них, наверное, никогда не познакомились бы и не подружились – хотя бы из-за разницы в возрасте. Норман просто не смог подставить своего друга, который, помимо прочего, был и его начальником. Обмануть его доверие. Я и сама опасалась последствий. И не в последнюю очередь для карьеры Нормана. Мы были в тупике. И испытали огромное облегчение, когда эта пагубная связь прекратилась и Ричард, можно сказать, вернулся на праведный путь.

Кейт выпрямилась. Она услышала главное.

– Вам известно об этом что-нибудь? Об их разрыве, я имею в виду. Почему мой отец внезапно порвал с Мелиссой?

– Да, это было странно, – ответила Сюзанна. Она налила себе еще кофе, положила сахар и стала задумчиво перемешивать. – Я тоже пыталась что-нибудь выпытать из Нормана. Но тот ничего не говорил. Ничего, что убедило бы меня.

– По-вашему, он знал истинную причину? И не хотел ее называть?

Сюзанна ответила не сразу.

– Сложно сказать. Он утверждал, что знает не больше моего. И все-таки у меня было такое чувство... не могу объяснить... просто было ощущение, что он знает что-то еще. Но по каким-то причинам не хочет этого говорить. Я полагала, он пообещал Ричарду держать рот на замке, и не понимала, почему. Что такого ужасного у них могло произойти?

– Считается, что они расстались из-за болезни моей матери, – сказала Кейт, припомнив слова Дорин.

– Да, – сказала Сюзанна, – Ричард так все и представил. Но мне это показалось странным. Бренда ведь поправилась. Норман говорил, что Мелисса потребовала от Ричарда, чтобы тот наконец развелся. А Ричард опасался, что у Бренды вновь разовьется рак, если он ее бросит.

– Но в этом нет никакой логики, – заметила Кейт.

– Нет. Потому я и сочла это странным. Чтобы вы знали, на тот момент мы с Норманом уже двенадцать лет как состояли в браке. Я знала этого человека, как никто другой. И чувствовала, что он от меня что-то скрывает. Он больше не хотел говорить на тему *Ричарда и Мелиссы*, буквально выходил из себя, когда я об этом заговаривала. Хотя прежде мы постоянно об этом говорили. Теперь эта тема оказалась под запретом. Кроме того...

Сюзанна запнулась.

– Да? – спросила Кейт.

– Кроме того, мне показалось, что в отношениях Ричарда и Нормана произошли перемены. Конечно, они виделись каждый день на работе, но не более того. Раньше они по меньшей мере раз в неделю отправлялись в паб выпить пива, а иногда договаривались побродить по вересковым пустошам в выходные. Это все осталось в прошлом. И когда Бренда поправилась, мы уже не собирались вчетвером. Впрочем, я была только рада. Я по-прежнему не знала, как смотреть ей в глаза.

– А потом... – начала Кейт.

Сюзанна поняла, о чем она говорила.

– Потом случилось это несчастье. Норман стал калекой. С тех пор... все стало иначе.

Кейт не решалась задавать вопрос, который ее мучил, но в конце концов отбросила сомнения. Это было лишь предположение – возможно, даже тень предположения, не более.

– Вы бы допустили, что Норман в каком-то смысле винил моего отца? В этом несчастье, как вы сказали?

Сюзанна, похоже, была удивлена.

– Нет. Вашего отца там даже не было. Он был в отпуске, когда все произошло.

– Да, но возможно, в этом Норман и упрекал его. Что его не было рядом.

– Не думаю, – сказала Сюзанна. – Нет. Во всяком случае, он никогда такого не говорил. Он озлобился на весь мир, буквально на каждого, кто был более здоров, в том числе и на вашего отца. Не сразу, но постепенно. Когда стало ясно, что его состояние безнадежно, он возненавидел всех, кто вообще здоров.

Кейт подумала о найденной открытке – отправленной примерно через четыре месяца после ранения. Очевидно, в то время Норман еще питал слабую надежду. Она таяла день за днем и в конце концов совсем угасла. Как выразилась его супруга, Норман озлобился и возненавидел всех вокруг. Кейт поняла, что общение между ним и ее отцом сошло на нет. Но, очевидно, что-то произошло еще раньше, некий перелом – что-то изменилось, и эта перемена привела к разобщению. Норман осуждал тайную связь Ричарда, однако они по-прежнему оставались друзьями. Их дружба действительно дала трещину, только когда Ричард порвал с Мелиссой.

Что-то предшествовало их разрыву, и мириться с этим было

невозможно.

Кейт сознавала, что должна поговорить с Норманом.

* * *

К вечеру она добралась до окраины Ливерпуля. Сюзанна дала ей адрес Нормана и добавила при этом, что не знает, живет ли он там по-прежнему.

– В общем-то, – сказала она, – я даже не знаю, жив ли он еще.

Ливерпуль по-своему красив – с реки открывается прекрасный вид на высотные дома, выросшие там за последние годы. Все это дает обманчивое впечатление экономического роста и благополучия. В действительности Ливерпуль относится к числу городов с самым высоким уровнем безработицы в стране и представляет собой бомбу замедленного действия в плане социальной напряженности и беспорядков. Целые кварталы нуждаются в срочном ремонте, но ввиду повальной нехватки средств медленно ветшают. Существуют кварталы, где люди живут в непривычной, по западным меркам, бедности – и полной безысходности касательно улучшения жизненных обстоятельств.

Сюзанна говорила, что пособия Нормана едва хватало на жизнь, и Кейт приготовилась лицезреть картину убогой нищеты. И все равно увиденное произвело на нее неизгладимое впечатление. Она оказалась в той части города, которая прежде была, вероятно, промышленной зоной, теперь уже недействующей. Обширная территория давно заброшенной фабрики, кирпичные стены разрисованы вызывающими граффити, просторные площадки заросли крапивой и чертополохом. Одинокая остановка у дороги, окна складского помещения выбиты все до последнего, от приклеенного у ворот графика погрузки остались оборванные клочки. Очевидно, никто и не пытался отремонтировать это строение – возможно, в этом не было смысла, так как в людях вновь проснулась бы жажда разрушения. Напротив фабрики и остановки выстроились несколько жилых домов, окна которых выходили на дорогу или заваленные мусором дворы. На углу висела вывеска «Кафе», но жалюзи на окнах были опущены, и непохоже было, что там еще можно заказать кофе. Чуть поодаль располагалась заправка, и вот она, по всей видимости, еще функционировала.

Кейт припарковалась под эстакадой, чтобы машина не грелась под солнцем, и двинулась по улице к ближайшим домам. Ей пришлось собрать все свое мужество в кулак. Она страшилась встречи с Норманом Доуриком.

Встречи с его бедственным положением и злобой. И того, что он мог рассказать ей об отце.

Найти дом, который назвала ей Сюзанна, оказалось не так просто: таблички с номерами вытерлись, так что цифры едва можно было разобрать. В конце концов Кейт направилась к ближайшему из домов. Звонок был сломан, но и дверь оказалась незапертой. На лестничной клетке было темно, штукатурка осыпалась со стен, и в воздухе стоял неприятный запах. На первом этаже располагалось по две квартиры, на втором, вероятно, так же. Однако Норман, будучи прикованным к креслу, мог жить только внизу.

Кейт наугад постучала в левую дверь. Сразу послышались шаги, и дверь отворилась. На пороге стояла женщина.

– Да?

Это «да» прозвучало с недоверием. Очевидно, подобные визиты были здесь редкостью, и ничего хорошего от них не ждали.

Кейт приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте. Простите, если помешала. Я ищу мистера Доурика. Нормана Доурика.

Женщина мотнула головой.

– Не знаю такого.

– Он, вероятно, живет на первом этаже. Как и вы. Он парализован, передвигается в кресле.

Женщина задумалась. Кейт видела, как ей тяжело воспринимать информацию и формулировать мысли. Она почувствовала запах алкоголя и поняла по красному, отечному лицу, в чем недуг этой женщины. Пьянство уже подвело ее к могиле: она и сейчас была пьяна. И, вероятно, пребывала в этом состоянии каждую минуту дня и ночи.

Иначе просто не выдержала бы такой жизни.

В конце концов ей все же удалось сосредоточиться.

– А, вы про этого... Он не тут живет.

– А где же?

Женщина неопределенно повела рукой.

– Там где-то.

– В каком-то из домов, вы имеете в виду?

– Да. Только...

Она напряженно думала. Очевидно, пыталась ухватить ускользнувшую в последний момент мысль.

– Только я его давно не видала, – продолжила наконец женщина. – Раньше он, бывало, катил по улице. В этом своем кресле. Но это было

давно.

– Насколько давно?

– Не знаю. С год, может...

Оставалось надеяться, что Норман был еще жив.

На этом Кейт попрощалась. Уверенности, что она разыщет Нормана в одной из квартир, уже не было. Во многом это зависело от готовности соседей к сотрудничеству, и Кейт не знала, встретит ли здесь хоть одного трезвого человека.

С последним она явно преувеличила. Люди в большинстве своем не были пьяны, но и помочь ничем не смогли. Некоторые вообще не знали Нормана и не припоминали, чтобы видели в квартале человека в инвалидном кресле. Другие знали, о ком спрашивала Кейт, но не могли подсказать, где он живет. Ответ, который Кейт слышала то и дело, не внушал надежды: никто в последнее время не видел Нормана. Теперь, когда о нем заходила речь, люди осознавали, что он уже несколько месяцев как не показывался.

– Жаль бедолагу, – сказал молодой, невообразимо тощий человек индийской наружности; он сидел на бетонном бортике за домами и смотрел куда-то в пустоту, пока Кейт с ним не заговорила. – Несчастный человек. Переехал, скорее всего. Если жизнь так сурово с тобой обошлась, то здесь будет еще хуже.

– А куда он мог переехать?

– Не знаю.

– А вы знаете, в каком доме он жил?

– Кажется, в том, – молодой человек указал в сторону дальнего дома и улыбнулся. – Меня зовут Кадир Рошан.

– Спасибо вам, мистер Рошан.

Кейт обошла последние дома. В двух квартирах застать никого не удалось, и женщина, которая жила через два дома, сказала, что там вполне мог проживать мужчина в инвалидном кресле.

– Но я уже целую вечность его не видела. Вы уверены, что он еще живет здесь?

– К сожалению, нет, – ответила Кейт.

Похоже, ее поиски вели в никуда.

Сюзанна дала ей свой номер, и Кейт позвонила по нему. Она спросила, действительно ли Норман мог переехать, а если мог, то куда?

Сюзанна не имела ни малейшего понятия.

– Я уже говорила, что давно о нем не слышала. Само собой, он мог переехать. Там довольно уныло, не правда ли? Я как-то раз навестила его –

и была в ужасе. Не знаю, с чего бы ему уезжать, ведь он вряд ли сможет позволить себе что-то получше. Он бы снова оказался в месте, которое ничем не лучше, так зачем ему эти хлопоты?

Может, он познакомился с женщиной? Впрочем, такой вариант казался маловероятным. Норман был озлобленным человеконенавистником, и судя по сведениям, добытым за этот день, в его повадках мало что изменилось. Какая женщина проявит к нему интерес? И подпустил бы он вообще к себе женщину?

Кейт решила, что на сегодня сделала все, что могла, но следующим утром вернется и попробует еще раз. Как обычно, ее грызли сомнения. Может, она вцепилась в Нормана Доурика лишь потому, что в данный момент других вариантов просто не было? Или в ней действительно пробудилось профессиональное чутье? То самое чутье, которое, как она сама считала, было ей недоступно. Внутренний голос подсказывал, что Норман мог стать ключом ко всему, но паразит, который прочно обосновался у нее в голове, имя которому было *недостаток веры в себя*, убеждал в обратном. «Ты понятия не имеешь. Ты попусту тратишь время. В следственной работе ты никогда не могла отделить важное от второстепенного. В лучшем случае все твои старания окажутся напрасными. А может статься так, что твоими стараниями случится еще какое-нибудь несчастье».

Кейт села в машину и поехала в центр города. Нужно было найти ночлег, а разобраться, что делать дальше, можно и утром.

Отель, с виду вполне приличный, изнутри оказался крайне неудобным. В длинных, узких коридорах царил полумрак, ворсистые ковры давно нуждались в чистке. Маленькие мрачные комнаты дешево обставлены. Чтобы попасть в туалет, нужно было пересечь коридор, однако в номере имелась раковина и зеркало. И небольшой телевизор.

Неважно. На одну ночь сгодится.

Поскольку день стоял теплый и солнечный, Кейт отправилась погулять. Отель располагался недалеко от реки. Поэтому она миновала несколько кварталов и вышла к небольшому парку, за которым начиналась парковка, откуда можно было спуститься к самой реке. По берегу тянулась асфальтовая дорожка, обнесенная железной оградой, чтобы никто не свалился в воду. Кейт присела на поваленное дерево, вероятно, служившее скамейкой. Кругом царила тишина, на парковке стояла лишь одна машина. Изредка мимо кто-нибудь пробежал трусцой, проносился на роликах или медленно шел с собакой. Впрочем, людей было совсем немного – по крайней мере, в этой части города жители имели работу.

Река текла медленно, словно в дрёме. От воды тянуло прохладой, но ветра не было.

Кейт погрузилась в раздумья и, как всегда, не могла избавиться от сомнений. Остаться в Скотланд-Ярде или уйти? А из этого следовал другой вопрос: вернуться в Лондон, в старую квартиру, столь ненавистную, или насовсем перебраться в Скалби, в дом родителей, такой любимый? При этом она не могла сказать с уверенностью, много ли сохранилось от этой любви. Там жила ее семья, там прошло ее детство – и в то же время это место стало прибежищем лжи.

Неожиданно для себя Кейт вспомнила Калеба и его слова. *Я заметил, что вы очень одиноки. Возможно, стоило бы как-то это исправить.*

Тогда Кейт ответила с сарказмом – и теперь она насмешливо усмехнулась. Это звучало так просто, но для нее было невероятно сложно. Недостижимо. Одному Богу известно, как горячо она мечтала, чтобы в ее жизни был близкий и дорогой человек. Кто делил бы с ней радости и печали. Кто спрашивал бы по вечерам, как прошел ее день, сидел бы за завтраком напротив нее и зачитывал программу кинотеатров на выходные. С кем она могла бы строить планы, куда-то ездить, устраивать праздники, а холодными зимними вечерами сидеть вместе перед камином. С кем она чувствовала бы себя в надежных руках. Дома. В безопасности.

Укрытой в тихой гавани.

Может, отец и подозревал, как ей тоскливо. Остальные в большинстве своем считали ее хмурой, замкнутой личностью, которой не нужны были никакие отношения. Которая так дорожила своим одиночеством, что не желала общества других людей. Кейт знала об этом из разговоров коллег, которые и не пытались что-то от нее скрыть. У них сложился вполне конкретный образ, с которым Кейт в действительности не имела ничего общего.

Калеб Хейл. Вероятно, ей следовало проехать до самого Ливерпуля, за пределы Скарборо, отдалиться от Калеба, чтобы понять и признать, как ее тянет к нему. Кейт сама не знала, как это произошло, – чувство не возникло мгновенно, скорее нарастало постепенно. С самого начала Калеб показался ей интеллигентным и милым. И довольно привлекательным. Он олицетворял тот образ мужчины, который Кейт лелеяла последние двадцать лет. Такие всегда отличались приятной наружностью, и уже поэтому у нее не было шансов. Эти мужчины играли в другой лиге. Такие не привыкли замечать серых мышей, которые вздыхали по ним в отдалении, отчаянно и неуклюже пытаясь привлечь к себе их внимание. Они предпочитали равных себе – красивых, успешных и уверенных в себе женщин.

Не таких, как Кейт. Боже упаси.

Но Калев... Калев не только хорошо выглядел и пользовался успехом. Он не всегда был победителем. У него за плечами были и тяжелые моменты. Человек не становится алкоголиком, если в жизни у него все ладится. Гладкая карьера в полиции, высокие показатели в профессии, приятная внешность – это только видимость. Наверняка имели место и переломы. Калев пил так, что от него сбежала жена. И сумел остаться в должности, только пройдя курс терапии.

Калев Хейл знал, каково быть проигравшим.

Возможно, в этом и заключался ее шанс. У них было нечто общее. Они оба знали темную сторону жизни – и далеко не все в ней шло гладко. Для Кейт жизненные неурядицы обернулись полной социальной изоляцией. Для Калеба – алкогольной зависимостью.

Кейт устремила взгляд вверх реки. Здания на другом берегу расплывались в дымке знойного дня. Она не пыталась что-либо разглядеть и на мгновение даже отбросила мысли о Нормане Доурике и обо всех связанных с ним вопросах и проблемах. Она целиком отдалась моменту, ощутила тепло древесной коры, подставила лицо солнцу, почувствовала запах воды и водорослей вперемешку с ароматом скошенной где-то поблизости травы. Впервые со дня смерти отца Кейт сумела расслабиться и почувствовала внутреннюю гармонию. По крайней мере, в этот краткий миг. Она знала, что напряжение, тревоги и печали вернутся, но уже эти полчаса на берегу реки Мерси в Ливерпуле стали для нее большим шагом вперед. Это был первый шаг, и дверь едва приоткрылась перед ней. Кейт задумалась, было тому причиной ее чувство к Калебу или поездка в другой конец страны. Или все дело просто в солнечном дне. Она решила, что раздумывать над этим не имеет смысла. Вероятно, сыграло роль всё вместе.

Кейт поднялась и взглянула на часы. Половина пятого. Времени вполне достаточно, чтобы совершить нечто необычное.

Возвращаться в отель не было никакого желания, и ей показалось, что будет неплохо в виде исключения потратить на себя время и деньги. Кейт мало что позволяла себе. Возможно, если она проявит к себе больше снисходительности, это положит начало – начало масштабным переменам.

Кейт решила, что сходит в парикмахерскую и сделает новую прическу. Может, даже осветлит и покрасит в медь несколько локонов. Это решение было нацелено в том числе и на Калеба, но Кейт пока не хотела в этом признаваться.

В соответствии с регламентом, эксгумировать человеческие останки из могилы в саду и передать их судмедэкспертам могли сотрудники полиции Нортумбрии. Вероятность, что эти останки принадлежат Нилу Кортни, владельцу фермы, была высока, но подтверждение этому пока не имелось. Кроме того, следовало выяснить причину смерти.

Калеб и Джейн вернулись в Скарборо, в то время как Роберт остался ждать результатов экспертизы, чтобы иметь непосредственный доступ к новой информации. Джейн тем временем изучила все письма, добытые из почтового ящика на въезде, и сделала интересный вывод.

– У него был открыт счет в местном банке. И к началу месяца на него еще поступает пенсия. Значит, официально Нил Кортни еще жив – если это действительно он похоронен в саду. Впрочем, вероятнее всего, так оно и есть.

Они сидели в кабинете Калеба. Наступил вечер, но за окном было еще светло; небо отливало синевой, в воздухе ощущалось тепло. В такой вечер приятнее было бы прогуляться или посидеть на веранде какого-нибудь паба за кружкой темного пива. Однако они дожидались звонка от Роберта. Покидать участок не имело смысла – слишком велико было их напряжение.

– Кто-то закопал Кортни в саду и не сообщил о его смерти, – заключил Калеб.

Он поигрывал обломанным карандашом. На столе перед ним стоял целый стакан таких поломанных карандашей. Джейн давно заметила, что заточить их у Калеба редко доходили руки.

– Тот, кто перед этим убил его? – продолжал он рассуждать.

Джейн покачала головой.

– Этого мы пока не знаем. Но вот что интересно: еще две недели назад со счета регулярно снимали деньги. Я, конечно, не эксперт, но тело, которое мы нашли, пролежало там несколько месяцев, не меньше. Значит, кто бы ни снимал деньги со счета, это явно был не Кортни.

– Это мог быть только один человек, – сказал Калеб. – Тот, кто присвоил имя Нила Кортни. Денис Шоув. Его сводный племянник, или кем он там ему приходится. Это объяснило бы, почему он рассказал Терезе Малиан про наследство. Он не работал, но при этом регулярно получал доход, и ему нужно было как-то объяснить это. Конечно, на такую скудную пенсию не разживешься, но поскольку Денис – по показаниям Хелен

Джефферсон – жил преимущественно за счет Терезы, дела его были не так уж плохи.

Джейн кивнула.

– Все сходится. Могу предположить, что именно он так усердно искал в доме, – карточку Кортни. Конечно, ему понадобился пин-код, но цифры наверняка были где-то записаны. Затем он закопал Кортни в саду, чтобы никто случайно не узнал о его смерти, и убрался вместе с картой. А так могло продолжаться довольно долго, поскольку этот несчастный, по всей вероятности, жил крайне уединенно. Возможно, прошли бы годы, прежде чем кто-то что-то заподозрил бы.

– Единственный, кто там регулярно бывал, это почтальон, – сказал Калеб. – И его, похоже, не сильно удивлял тот факт, что в почтовый ящик никто не заглядывает.

Он произнес это с грустью в голосе, да и настроение было под стать. Подобные истории неизменно его удручали. Тяжело было видеть, как безразличны люди. Неужели почтальону было так трудно проявить внимание и узнать, всё ли в порядке у одинокого старика? Закон к этому не обязывал, оставалось уповать лишь на мораль. А это качество у человека либо есть, либо отсутствует. Вообще складывалось впечатление, что люди все реже обременяли себя подобными переживаниями.

Джейн вступилась за безымянного почтальона.

– Тогда в ящике было бы куда больше писем. Если принять нашу версию, что Кортни умер прошлой осенью, то пенсионных уведомлений и выписок из банка накопилось бы с сентября или октября. А у нас на руках почта только с апреля этого года. Полагаю, что Шоуву – если, конечно, за этим стоит он – хватило ума, чтобы время от времени приезжать в Ньюкасл и забирать почту. Так что почтальон вполне мог решить, что Кортни жив и просто редко проверяет ящик. Не забывайте, шеф, что старик, по всей видимости, большую часть времени... – Джейн осеклась и покраснела.

Калебу это осточертело. Этот ступор и смущение, когда речь заходила об *этом*.

– Большую часть времени был пьян вдребезги, да. И почтальон об этом наверняка знал. По-вашему, это объясняло в его глазах, почему Кортни так редко проверял почту? Возможно. Я...

Его прервал телефонный звонок. Калеб взял трубку, кивнул Джейн и переключил аппарат на громкую связь. Раздался голос Роберта Стюарта:

– ...выводы пока рано, но есть первые результаты. Это определенно человеческие останки, принадлежат пожилому мужчине в возрасте от семидесяти до восьмидесяти. Личность пока не установлена, хотя по

возрасту Нил Кортни вполне подходит.

– Я бы сказал, можно на девяносто процентов быть уверенными, что это он, – сказал Калев.

– Согласен, шеф. Смерть наступила осенью прошлого года, примерно в начале ноября. Может, во второй половине октября, но не раньше.

– И?..

Роберт понимал, о чем хочет знать Калев.

– По всей видимости, смерть наступила по естественным причинам. То есть Нил Кортни – если это он – *не был* убит.

Калев даже испытал некоторое разочарование.

– Это точно?

– Как я уже сказал, обследование не закончено. Но все указывает на естественные процессы. Смерть на фоне цирроза печени, как говорит эксперт, но пока это скорее предположение. По прошествии такого периода обследование затруднено. Впрочем, уже по количеству пустых бутылок можно сделать соответствующие выводы.

Калев был признателен, что Роберт в этот раз не стал подбирать деликатных выражений и придерживался фактов. По всей вероятности, Нил Кортни просто-напросто допился до смерти. Иными словами, его постигла участь, которую терапевт предрекал ему, Калеву, если б он в ближайшее время не предпринял меры.

– Кортни не мог сам себя закопать в саду, – отметил он.

– Могу предположить, что он просто упал замертво поздней осенью или не проснулся утром, – сказал Роберт. – А Денис Шоув приехал к нему в надежде разжиться деньгами, но обнаружил его мертвым. Возможно, он и не замыслил ничего такого, просто хотел занять немного денег. Но потом ему пришло в голову, какую выгоду можно извлечь из этой ситуации.

Джейн кивнула.

– Вот и мне так кажется. Он закапывает тело, чтобы никто его не обнаружил. Этот наш почтальон, к примеру. Нет тела – нет покойника. Затем он все обыскивает, находит немного наличности и, главное, карту и пин-код к ней. По выпискам из банка можно разобраться, сколько получал старый Кортни. Не то чтобы много, но это лучше, чем ничего, а в его положении – только что вышел из тюрьмы и не намерен устраиваться на работу – нужно радоваться каждому пенни. И он намеревается пользоваться этим источником как можно дольше. Рано или поздно кто-то заметил бы, что старого Кортни уже нет в живых, но, учитывая, в какой глуши он живет, это произошло бы не скоро.

– Примерно в это же время, – продолжил Калев, – он знакомится с

Терезой Малиан. Почему он называет ей чужое имя? За ним нет никаких грехов, если не считать этой махинации с пенсией. Но об этом никто не знает. Почему он присваивает имя покойника?

– За ним все же есть один грех, – возразил Роберт, – убийство, за которое он отсидел восемь лет. Денис Шоув забил насмерть свою подругу. Возможно, он просто хотел удостовериться, что Тереза ничего об этом не узнает. О нем писали в газетах, в Интернете, вероятно, тоже кое-что есть. Ему не хотелось, чтобы новая подружка случайно узнала об участии своей предшественницы. Это ее наверняка смутило бы.

– Неужели Тереза Малиан так важна для него, что он пошел на такие меры?

Конечно, Стюарт знал, к чему клонит Калев.

– По-вашему, Шоув намеренно присвоил чужое имя? Потому что уже тогда планировал убить Ричарда Линвилла? И Мелиссу Купер? И понимал, что в нашем списке подозреваемых будет одним из первых?

– Он знал, что мы будем разыскивать Дениса Шоува. Под именем Нила Кортни он мог чувствовать себя в относительной безопасности, стоило лишь немного изменить внешность. Денис Шоув просто присваивает личность мертвого, о смерти которого никто не знает. Отличное прикрытие.

– Относительно, – снова возразил Роберт. – Даже если он взял паспорт Кортни, вряд ли его можно где-то предъявить. Кортни родился в тридцатые – сороковые годы прошлого века. Шоув лет на пятьдесят его моложе. Документы ему не помогут. Кроме того, тюремному психотерапевту известно о его дальнем родственнике. Так что рано или поздно нам удалось бы выстроить цепочку от Дениса Шоува к Нилу Кортни.

– Но при этом он знает, что психолог на целый год уехала в Австралию, – напомнила Джейн. – И вполне очевидно, что нам еще не скоро станет известно об этих родственных связях. Как ни крути, смена имени дает ему определенную фору.

– К тому же мы узнали о его фиктивной личности совершенно случайно. Шоув не мог этого предусмотреть, – добавил Калев. – Что-то пошло не так, подруга от него сбежала, и ему понадобилось средство передвижения. Тогда он напал на Пегги Уайлд, чтобы завладеть ее машиной. Только поэтому мы узнали, что он скрывался под именем Кортни и где находился все это время. Выяснили, кто такая Тереза Малиан. В иных обстоятельствах, даже если бы мы нашли его мертвого родственника, не узнали бы, что Денис Шоув присвоил его имя.

Калев еще не успел высказаться, но уже задумался, не перегибает ли он. Не ищет ли доводы, которые подкрепили бы его гипотезу относительно

Дениса Шоува. Но, как бы он ни изворачивался, Шоув собственными действиями подтверждал его предположение, даже если не убивал старого Кортни. Однако Калеп понимал, что его так злит: очередное убийство, которое наверняка можно было бы повесить на Шоува, придало бы ему, Калебу, уверенности. Оправдало бы те издержки, усилия и упорство, с какими он разыскивал его. Временами у него возникали опасения, что глаза его зашорены и он просто не видит других вариантов. Калеп всегда стремился быть открытым для любых, самых странных гипотез. Для него это было непреложным правилом. Он славился своей способностью удерживать в руках множество нитей и распутывать узлы независимо друг от друга. Он мог вести расследование одновременно по десятку направлений и адекватно оценивать каждое направление на любом этапе расследования. В этот раз все было иначе. Калеп чувствовал, что мертвой хваткой вцепился в Дениса Шоува, хотя сам неустанно предостерегал подчиненных от подобной одержимости. Он просто не видел ничего и никого, кроме Шоува. Не видел иных вариантов, иных возможностей, других мыслимых альтернатив. Ничего. И он спрашивал себя: «Почему так происходит? Потому что в этот раз что-то иное действительно не имеет обоснований? Потому что все настолько очевидно, что рассматривать другие варианты просто бессмысленно? Или проблема во мне? Что, если обновленный Калеп работает не так гладко, как прежний?»

Обновленный Калеп – вынужденный порвать со своим лучшим другом и помощником. С алкоголем. Который рано или поздно разрушил бы его. Который, однако, придавал ему сил, позволял выстраивать самые смелые гипотезы, предвосхищать развитие событий. Который безотказно пробуждал его шестое чувство и интуицию. Зачастую Калеп и сам не мог объяснить, чем руководствуется в своих догадках. При этом инстинкт почти никогда его не подводил.

Теперь же внутренний голос молчал. Или же Калеп не знал, как пробудить его к жизни.

Ему всегда казалось странным, как устойчивы порой стереотипы. Но при ближайшем рассмотрении было ясно, что иные явления далеко не так однозначны, как это казалось на первый взгляд. При слове *алкоголизм* людям представлялась картина морального упадка. Им виделся алкоголик, который едва управляет с повседневной жизнью, которому все труднее скрывать свое падение, который медленно, но неотвратимо скатывается к профессиональной, личной и социальной пропасти. Калеп знал, что это верно лишь отчасти. У него случались и срывы, и расстройства – и, вероятно, они участились бы, продолжай он в том же духе. Но чаще всего

благодаря алкоголю он добивался небывалой продуктивности, чувствовал уверенность и силу, во всем добивался успеха. Алкоголь приглушал его сомнения и сметал все препятствия на его пути. Обернется ли это, в конечном счете, в неуправляемое самоволие, и последуют ли за этим профессиональные промахи, Калеб не знал. Он не исключал подобного, но пока этот момент не наступил.

С тех пор как завязал с алкоголем, Калеб чувствовал себя неполноценным, в нем появилась неуверенность. Он чувствовал, что тратит много энергии на то, чтобы скрыть эту неуверенность, чтобы никто из подчиненных этого не заметил. Как ни странно, на это уходило больше сил, чем раньше, когда ему приходилось скрывать от мира свои каждодневные возлияния. Ошибочно полагать, что человек становится свободным, когда вырвется из лап этого демона. Человек просто меняет оковы. И в случае Калеба новые были намного хуже прежних.

Он вдруг осознал, что в кабинете воцарилось молчание. Все, что можно было сказать, было сказано, и Роберт с Джейн ждали его последнего слова.

– Ладно, – сказал Калеб, – наверное, на сегодня мы сделали всё, что могли. Стюарт, вы теперь поедете обратно в Скарборо?

– Да. Но я остаюсь на связи с судмедэкспертом. Он будет держать меня в курсе насчет дальнейшего обследования. Мы уже обо всем договорились.

На этом они завершили разговор. Калеб сунул сломанный карандаш обратно в стакан и поднялся.

– Я заеду куда-нибудь перекусить, – объявил он. – Хотите составить компанию, Джейн?

Констебль, также поднявшись, с сожалением покачала головой.

– Мне надо домой. Хорошо бы хоть иногда возвращаться пораньше.

– Понимаю. Тогда до завтра.

Они вышли из его кабинета. Джейн отправилась к себе, чтобы выключить компьютер и забрать сумку. Вот уже несколько минут она чувствовала тяжесть на душе. Впрочем, тяжестью назвать это было сложно – скорее замешательством...

Джейн искала среди бардака на столе ключи от машины, как вдруг поняла.

Они не позвонили. Крейны. Накануне вечером они должны были вернуться в Кингстон, и сегодня им следовало позвонить.

На всякий случай Джейн проверила голосовую почту, но никаких сообщений не было.

Она колебалась. Попробовать еще раз дозвониться до Стеллы? Или на

стационарный телефон в Кингстоне? Или их соседке?

Возможно, Стелла просто забыла позвонить. Они вернулись после длительного отпуска. Должно быть, у них скопилось множество дел... И все же странно, почему звонок сотруднице йоркширской полиции не стал для них приоритетным. Как правило, люди с тревогой воспринимали все, что имеет отношение к полиции, – и старались как можно скорее прояснить ситуацию.

В конце концов Джейн еще раз набрала мобильный Стеллы. Затем – домашний номер в Кингстоне. Автоответчик в обоих случаях.

Это ее встревожило. На текущий момент семейство Крейнов было единственным связующим звеном с Денисом Шоувом. В которого так вцепился Калев. Есть ли смысл в том, чтобы поддерживать его? Или это лишь оттянет неизбежное – осознание, что они двигались по ложному следу?

И что потом?

Джейн почувствовала, что у нее начинает болеть голова. Слабое покалывание в висках. Наконец-то она отыскала ключи и вышла из кабинета.

Вторник, 10 июня

Стелла спала так крепко, что просыпалась неохотно и с трудом. Тем более что ей снился чудесный сон. Она была дома в Кингстоне, и оказалось, что за ночь в саду расцвели сотни красивейших экзотических цветов. Растения источали такой аромат и создавали такое разнообразие оттенков, что голова шла кругом. Стелла не могла объяснить этого чуда. У нее вообще не было таланта к садоводству, и петунии, которые она летом выставяла в горшках на террасе, неизвестно как доживали до осени. Потом из разбрызгивателей с разных сторон хлынула вода высокими, серебристыми дугами, орошая все это великолепие. Стелла подумала, как здорово было бы забежать туда и напиться. Ее мучила жажда, а вода казалась такой чистой и освежающей... Только вот шланги, проложенные по саду, так странно хрипели, словно где-то работал из последних сил старьй, ржавьй насос. Стелла огляделась, ей хотелось выяснить причину этого. Однако она почувствовала, как что-то изменилось.

Проснулась.

Ни цветов, ни переливающихся на солнце водяных струй. Осталась лишь мучительная жажда, которую Стелла пыталась утолить во сне. И этот странный хрип.

Стелла неуклюже приподнялась. Она лежала на полу, на старом ковре, укрывшись вторым одеялом, найденным среди хлама в углу. Вероятно, на одеяле когда-то спала собака – оно было сплошь покрыто шерстью. Но в нынешнем положении выбирать не приходилось. Без одеяла было слишком холодно, а другого ничего не нашлось.

Рядом приютился Сэмми, он еще спал. Пяти дней в заточении оказалось более чем достаточно: мальчик заметно похудел и стал бледен. Засаленные волосы торчали в разные стороны. Стелла заметила, что у него пересохли и потрескались губы. Ему не хватало жидкости. Как и всем им.

Стелла решила, что выделит ему воды из своей доли.

Она провела языком по собственным губам. Сухие и потрескавшиеся.

Сквозь разбитое окно падал солнечный свет. День снова обещал быть ясным и теплым. А они по-прежнему сидели в этом проклятом каменном узилище. Очевидно, Денис и Терри так никому и не позвонили. Если Денис вообще собирался кому-то звонить.

Стеллой овладело уныние. Хотелось лишь погрузиться в сон и хотя бы на полчаса вернуться в цветущий сад, под струи воды. Но вот она снова

услышала этот странный хрип и повернула голову.

Звук исходил от Джонаса. Он лежал на диване, вероятно, еще спал – и хрипел. Казалось, что-то мешало ему дышать. Стелла видела в тусклом свете, до чего он бледен. Даже сквозь густую щетину было видно, что кожа на лице буквально просвечивает.

Накануне казалось, что Джонас почувствовал себя лучше. Но теперь ему стало еще хуже, чем прежде.

Стелла осторожно поднялась, чтобы не разбудить Сэмми, и приблизилась к мужу. Уже возле дивана можно было ощутить жар, исходящий от его тела. Она тронула его лоб – и тут же отдернула руку. Джонас горел. Снова.

Кроме того, от него исходил неприятный запах. Это был не просто запах пота и немытого тела – в нынешних условиях они все так пахли; запах был какой-то... гнилостный. Рана в животе не заживала. Ему могли помочь лишь антибиотики в лошадиных дозах.

Джонасу нужен был врач. Причем срочно.

Стелла прошла в угол, где были сложены их скудные припасы. Налила воды в чашку и с трудом сдержалась, чтобы самой не сделать глоток. Ей так хотелось пить, что рот был словно набит опилками. Но Стелла запретила себе думать об этом. Приходилось растягивать интервалы между приемами пищи, во время которых допускалось немного попить – во всяком случае, для себя. Приоритет был за Джонасом. Для него в прямом смысле речь шла о жизни и смерти.

Она опустила на колени рядом с ним, промокнула ему губы водой и полила немного на горячий лоб. Ей хотелось бы каждый час прикладывать ему холодные компрессы, чтобы сбить лихорадку, но тогда уже к концу дня у них не осталось бы воды. И не похоже было, что спасение уже близко.

Джонас заворочался, затем открыл глаза. Взгляд у него был остекленелый.

– Воды, – произнес он едва слышно.

Стелла приподняла ему голову и поднесла чашку ко рту. Джонас сделал несколько жадных глотков и откинулся на диван.

– Мне... стало так трудно... дышать. Внезапно, – сказал он слабо.

– У тебя высокая температура. Ты сможешь проглотить таблетку?

– Да, – ответил Джонас.

Но когда он с помощью Стеллы вновь приподнял голову и проглотил две таблетки парацетамола, силы оставили его окончательно. Джонас закрыл глаза и не открывал, даже когда Стелла говорила с ним. По крайней мере, его не мучила боль – или он не сказал об этом. И все же затрудненное

дыхание вызывало больше опасений.

За спиной послышался шорох. Сэмми проснулся и подошел к ней.

– Так хочется пить, – пожаловался он.

Стелла поднялась и, подведя его в угол с припасами, налила ему чашку воды. Сэмми выпил так же жадно, как минутой раньше его отец.

– Можно еще? – попросил он.

У Стеллы сердце обливалось кровью, но она покачала головой.

– Можешь немного потерпеть? Воду и так приходится беречь.

– Когда приедет полиция?

– Скоро уже. Может, даже сегодня.

Но в действительности Стелла уже потеряла всякую надежду. Денис Шоув сообщит о них в полицию, только когда сам почувствует себя в полной безопасности, а это могло затянуться. Джонас был прав в своих пессимистичных прогнозах: если помощь и придет, будет уже слишком поздно. Слишком поздно для Джонаса при его ранении. И для всех, потому что запасы воды очень скоро иссякнут.

Стелла устремила взгляд на окно. Увидела обрамленное в прямоугольник небо. И снова Джонас был прав: Сэмми единственный мог выбраться из этого наглухо закрытого амбара. Поначалу она упиралась, и вечером, прежде чем уснула, отвергла этот план как совершенно абсурдный.

Теперь же Стелла понимала, что вопроса, идти на такой шаг или нет, вообще не стояло.

У них просто не было другого выбора.

Кейт проснулась в восемь часов и решила, что не стоит так сразу бросать попытки разыскать Нормана Доурика. Во всяком случае, она еще раз отправится в тот район, где он жил до последнего времени. Возможно, ей все-таки удастся разыскать кого-нибудь, кто знал бы о его местопребывании. Если ничего не выйдет, она попытается навести справки в журнале регистрации. Доурик жил на пенсию по инвалидности и не мог просто исчезнуть, не лишившись при этом единственного источника дохода. Разве только он давно попрошайничал где-нибудь на улице. В таком случае разыскать его действительно будет невозможно.

Кейт умылась над маленькой раковиной в номере. При этом она внимательно рассматривала себя в зеркало – действие для нее совершенно нетипичное. Обычно она намеренно избегала зеркал. Однако Кейт вынуждена была признать, что мастер, которого она выбрала, неплохо поработала над ее волосами. Вместо привычных облезлых локонов у нее была ступенчатая, короткая стрижка, которая скрадывала худобу лица, делала его более мягким и юным. Неприметный русый цвет оживили светлые и каштановые локоны, и это добавило блеска. Кейт не имела склонности делать себе комплименты, но впервые за много лет она смотрела на свое отражение без грусти и чувства безысходности. Она нравилась себе. Кейт не строила иллюзий и не надеялась стать моделью, и все же она могла уделять себе больше внимания, чем раньше.

После завтрака, который состоял из пропитанных жиром тостов и каши и обещал залечь в желудке до конца дня, Кейт снова поехала в фабричный квартал. Как и накануне, она припарковалась под эстакадой между жилыми домами и промышленной зоной. Когда вышла из машины и направилась к домам, увидела знакомого индийца. Тот уже – или до сих пор? – сидел на бетонном бортике. Кейт вспомнила его имя: Кадир Рошан.

– Вы всё ищете его? Колясочника? – спросил он.

– Да. Мне очень нужно его разыскать.

– Знаете, я вдруг кое-что вспомнил.

Индиец выдержал паузу, покачиваясь взад-вперед на своем бортике. Он так и сидел, обхватив туловище костлявыми, смуглыми руками. Кейт задумалась, значит ли это, что он ждет от нее предложений, и разумно ли будет сунуть ему пятифунтовую купюру. Но Кадир неожиданно продолжил:

– Есть тут одна девочка... Она иногда хвастается, что у нее есть

инвалидная коляска. Настоящая.

– Она инвалид?

Индиец улыбнулся.

– Не в том смысле. У нее, – он постучал пальцем по лбу, – тут не всё в порядке. Но ходить она может. Ей не нужно инвалидное кресло.

– Хотите сказать, она как-то заполучила кресло Нормана Доурика? – заключила Кейт.

– Нельзя это исключать.

– В таком случае она знает, что случилось с Доуриком.

Кадир пожал плечами.

– Это ее надо спросить.

– Как ее зовут? Где ее найти?

– Ее зовут Грейс. Грейс Хенвуд.

Он снова улыбнулся. С ним явно было что-то не так, но по-английски он говорил превосходно. Оставалось надеяться, что он не выдумывал на ходу.

– А где живет эта Грейс? – спросила Кейт.

Кадир показал на один из домов, который ничем не отличался от других. Возле входной двери ржавела выпотрошенная стиральная машина.

– Там. Кажется, их семья единственная там живет. Может, еще престарелая дама этажом выше, но точно не знаю...

– Грейс Хенвуд, – повторила Кейт.

– Будьте осторожны, – предостерег молодой индиец. – Ее отец – садист. Натуральный садист.

Кейт поблагодарила его и направилась к указанному дому. За одной из дверей были слышны голоса. Кейт постучала.

Мужчина, отворивший дверь, вероятно, и был тем самым садистом, о котором предупреждал Кадир. Круглый живот выдавался вперед, но сам он был скорее худощав. На нем были синие штаны и белая майка, на босых ногах – клетчатые тапочки.

– Да? – спросил он.

– Здравствуйте, – начала Кейт. – Ваша дочь Грейс дома?

Мужчина смерил ее недоверчивым взглядом.

– Вы из опеки?

– Нет. Я вообще не имею отношения к каким-либо службам. – В этот раз упоминать Скотланд-Ярд не стоило, иначе никакой помощи от этого типа можно было не ждать. – Я кое-кого разыскиваю, – продолжила Кейт. – Старого знакомого. И мне сказали, что ваша дочь, возможно, знает, где его искать.

– И кто же это?

– Норман Доурик. Может, вы его знаете? Он живет где-то здесь.

– Вы знаете кого-то из здешних? – удивился мужчина и насмешливо оглядел ее.

Кейт была в джинсах и футболке, но даже так была одета лучше, чем большинство обитателей квартала. Кроме того, ее новая прическа выдавала работу дорогого парикмахера.

– Это старый друг моего отца. Он передвигается в инвалидном кресле.

– А, этот!.. Понятия не имею, где он живет. Катался иногда между домами. Но это давно было. Сомневаюсь, что он еще жив.

– Ваша дочь...

– Моя дочь не совсем здорова. Она уж точно помочь вам не сможет.

– И все же мне хотелось бы с ней поговорить, – настаивала Кейт.

В глазах мужчины снова появилось недоверие.

– Вы точно не из опеки?

«И ты прямо трясешься от страха, что я именно оттуда», – подумала Кейт. Она решила, что к этому семейству, в особенности к отцу, следовало присмотреться внимательнее, причем со стороны полиции. Но сама она не имела таких полномочий, да и момент был не самый подходящий.

– Нет. Как я уже сказала, мне лишь нужно найти мистера Доурика.

– Не знаю. И Грейс не знает. А теперь уберите!

Очевидно, он терял терпение. Кейт не сомневалась, что этот человек мог показать себя и с другой стороны. Поначалу он еще пытался соблюдать приличия, но больше не видел для этого причин – и вероятно, подобное поведение, стоило ему больших усилий.

– Или я вызову полицию, – добавил он.

В последнем Кейт сильно сомневалась, однако она понимала, что ничего больше не добьется. Этот человек держал свою дочь под замком и, очевидно, имел на то причины. Кейт видела в нем склонность к насилию; в его взгляде сквозил холод.

Она направилась к выходу и услышала, как за спиной захлопнулась дверь.

Что дальше?

Кейт медленно вышла из дома, раздумывая, как разумнее всего поступить. Где-то над головой вдруг послышался шорох, как будто шепот. Она подняла взгляд.

Окна первых этажей располагались невысоко, чуть выше человеческого роста. Стоя за приоткрытой створкой, на Кейт смотрела женщина. При этом она то и дело опасно оглядывалась – вероятно,

опасаясь, что ее застигнут врасплох. Кожа у нее была нездорового, желтого оттенка.

– Вы ищете Грейс?

Кейт остановилась. И тоже на всякий случай понизила голос:

– Да. А вы ее мама?

– Да. Вам нужно пройти под эстакадой. К старой фабрике. Грейс всегда там гуляет.

Не время было спрашивать, почему Грейс гуляет где-то на заброшенной фабрике вместо того, чтобы сидеть на уроках.

– Спасибо. Я сейчас же туда пойду.

– Помогите ей, прошу вас, – сказала женщина и закрыла окно.

* * *

Кейт разыскала Грейс на заднем дворе фабрики. Девочка каталась на инвалидной коляске посреди сложенных штабелями старых шин и громадных бочек. Оставалось только надеяться, что в бочках не было ядовитых химикатов или еще каких-нибудь опасных отходов. На площадку падала тень от высокого кирпичного строения, которое выглядело крайне ненадежным. «Наглядный пример безалаберности», – подумала Кейт. На всей территории давно следовало принять меры безопасности и установить предостерегающие таблички.

Кейт медленно приблизилась к девочке.

– Грейс? – позвала она.

Грейс остановила коляску. Она крутила колеса руками. Кейт не могла разглядеть, снабжено ли кресло электромотором.

– Меня зовут Кейт. Я знакомая Нормана Доурика.

– Привет, – ответила Грейс.

Кейт заглянула в ее голубые глаза. У нее было нежное и круглое лицо Мадонны. Рыжеватые волосы, забранные за уши, ниспадали до самой талии. Ей было лет тринадцать-четырнадцать, не меньше – об этом свидетельствовали уже развитые женские формы. Но выражение лица не вполне соответствовало возрасту. Очевидно, Грейс еще не достигла психологической зрелости подростка.

Ее отец говорил, что она не совсем здорова. Кадир Рошан постучал себя по лбу и сказал, что у нее не всё в порядке.

– Ты Грейс? – уточнила Кейт.

– Да.

– Твоя мама сказала мне, где тебя найти.

В детских глазах Грейс появился испуг.

– Мама? И папа тоже знает?

– Нет. Он ничего не знает.

Грейс мгновенно расслабилась и смахнула с лица прядь волос. Кейт задумалась, неужели она проводит вот так целые дни? Катается по этой площадке среди шин и бочек? С утра до вечера? Оттягивая тот момент, когда придется возвращаться домой? Эта квартира, вероятно, была для нее самым опасным местом в мире. Опаснее этого сооружения, которое, казалось, могло обрушиться в любую минуту и похоронить под собой любого, кто окажется рядом.

– Замечательное кресло. Оно твое?

– Да.

– Но тебе ведь оно не нужно? Ты можешь ходить?

– Да.

– Но тебе нравится на нем кататься?

– Да.

Кейт приветливо улыбнулась.

– Я не хочу забирать его у тебя, Грейс, но ты знаешь, что оно принадлежит другому человеку, ведь так? Норману Доурику.

Кейт уже во второй раз произнесла это имя, но со стороны Грейс не было никакой реакции. Очевидно, она не знала Нормана по имени.

– Грейс, откуда у тебя это кресло?

Девочка улыбнулась в ответ.

– Оно мое.

– А откуда оно у тебя? Кто-то подарил его тебе?

– Нет. Я его взяла.

Оставалось надеяться, что под этим не подразумевалось *украли*.

– Взяла?

В голосе Грейс появилась неуверенность.

– Оно ему больше не нужно. И я взяла.

– Больше не нужно? Человеку, который передвигался на этом кресле?

Ты говоришь о нем?

– Да.

– Он куда-то уехал? Без своего кресла?

– Не уехал.

Грейс проворно вскочила. Кресло откатилось назад и остановилось. Высокая и худая, она давно выросла из своей одежды. Джинсы были слишком коротки, как и рукава свитера. Только теперь Кейт заметила

синяки на ее запястьях.

«Помогите ей, прошу вас», – сказала ее мать.

Грейс шагнула к одной из бочек и положила руку на крышку. Затем повернулась к Кейт и снова улыбнулась. У нее был умиротворенный и дружелюбный вид.

– Он здесь, – сказала она.

Калеб Хейл стоял перед отцом Грейс и с трудом скрывал неприязнь. Кто-то из коллег в полиции Ливерпуля навел справки, и старший инспектор знал, что перед ним Даррен Хенвуд, сорока двух лет, бывший корабельный механик, уже пять лет как безработный. Выражение его типичной бандитской физиономии произвело впечатление даже на Калеба, хотя он за годы службы повидал немало. Из-за его спины выглядывала Джули Хенвуд, его жена. С первого взгляда было видно, что она отказалась от всякой надежды на какие-то улучшения в жизни.

– Почти девять часов, – говорил Калеб, – и вы понятия не имеете, где ваша тринадцатилетняя дочь?

Они узнали и возраст Грейс, и то, что она единственная дочь в семье Хенвудов.

Даррен пожал плечами.

– Часом позже или раньше, она по-всякому приходит.

– И вас это не беспокоит?

Даррен снова повел плечами.

– Подростки. Знаете, какие они.

– Какие? – уточнил Калеб.

Даррен усмехнулся.

– Непредсказуемые. Делают, что вздумается. Без толку им что-то говорить. А Грейс... с ней-то тем более проблемы!

– Под *проблемами* вы имеете в виду, что ваша дочь отстает в психическом развитии?

– Под *проблемами* я имею в виду *проблемы*. У нее не всё в порядке с головой. С рождения так. Не знаю, почему. Жена водила ее к врачу. И тот тоже не мог объяснить. Так уж бывает: родится человек, растет себе и растет, а мозги отстают.

Калеб неожиданно обратился к Джули:

– Миссис Хенвуд, вы знаете, где может быть ваша дочь?

Джули опасливо покосилась на мужа. Складывалось впечатление, словно ей хотелось спросить, какой следует дать ответ.

– Нет, – пробормотала она в итоге, – я тоже не знаю.

– У нее есть друзья, к кому она могла пойти?

– У нее нет друзей, – ответил Даррен. – Кто станет с ней водиться? Она если и говорит, то несет всякую чушь.

– И все-таки есть люди, кому она доверилась бы?

– У нее есть мы, – сказал Даррен.

Калеб догадывался, что отец, вероятно, был последним человеком, кому Грейс доверилась бы. Матери еще может быть – но миссис Хенвуд находилась в полном подчинении у мужа и вряд ли могла быть опорой для дочери.

Они зашли в тупик. Грейс могла быть где угодно.

– А это правда, что говорят? – спросил Даррен. – Что у фабрики столько полиции, потому что там нашли труп?

– Правда. По всей видимости, это Норман Доурик. Он тоже жил в этом районе.

– Колясочник?.. Какая-то женщина сегодня утром про него расспрашивала. Хотела непременно его разыскать.

– Да, колясочник, – подтвердил Калеб.

Он уже не знал, что еще предпринять, чтобы Кейт прекратила свою самостоятельность. Даже угроза жалобы о превышении полномочий не возымела эффекта. Кейт продолжала как ни в чем не бывало. И что хуже всего – постоянно опережала на шаг Калеба и его команду. Находила покойников одного за другим, звала следователей и представляла им очередной узел в запутанном и без того деле. Случай с Норманом злил его особенно. Когда убили Ричарда Линвилла, Роберт по распоряжению Калеба отправился к миссис Доурик и расспросил о муже. Когда же выяснилось, что они давно развелись и Норман живет где-то в Ливерпуле на свою пенсию, озлобившись на весь мир и отвернувшись от Ричарда, своего бывшего друга и начальника, расследование в этом направлении прекратили.

И вот Кейт находит его мертвым – на заброшенной фабрике, запечатанным в бочке с водой. Она позвонила в полицию Ливерпуля. Те вскрыли бочку и обнаружили тело. Калеб представлял, с каким скепсисом полицейские восприняли ее заявление, основанное на словах умственно отсталой девочки тринадцати лет. Вероятно, они усмехались или демонстрировали свое недовольство, пока возились с бочкой. И каково было их изумление после... Калеб приехал в Ливерпуль уже к вечеру, по звонку Кейт. Он поговорил с патрульными, которые первыми прибыли на территорию фабрики, – бывальными полицейскими, имеющими немалый опыт за плечами. У обоих был нездоровый вид, один из них то и дело утирал платком лоб – очевидно, его до сих пор бросало в пот.

Результаты вскрытия пока не пришли, личность умершего тоже не была установлена. Но из всего, что Кейт узнала от Грейс, следовало, что

речь идет о Нормане Доурике, которого уже несколько месяцев никто не видел. Кейт, казалось, готова была раскрыть целую серию убийств, и каждая жертва имела какое-то отношение к Ричарду Линвиллу. Его любовница. Его друг и коллега... И все сложнее становилось объяснить связь между жертвами и Денисом Шоувом. Единственный, кого до сих пор обнаружил Калев, это Нил Кортни, и тот, уже вне всякого сомнения, умер естественной смертью – в полдень Роберт получил окончательный результат вскрытия. Таким образом, Денис Шоув подозревался в том, что обнаружил Нила Кортни мертвым, похоронил в саду, не сообщив в соответствующие органы, и присвоил его пенсию. Но сверх этого ему нельзя было предъявить каких-либо обвинений – во всяком случае, не в убийстве дальнего родственника. И с убийством Ричарда Линвилла эта история, очевидно, не имела ничего общего.

А вот Доурик не мог сам себя утопить в бочке и после закрыться крышкой. Кейт рассуждала так же.

– Его жестоко убили, – сказала она по телефону, – как и моего отца. Как Мелиссу Купер. Вам лучше приехать, Калев. Иначе местная полиция двинется в ложном направлении. Мне не убедить их в том, что это убийство связано с двумя другими, совершенными в Йоркшире. Здесь считают, что пьяные подростки напали на беззащитного инвалида. Но мне это кажется маловероятным.

Всю дорогу от Скарборо до самого Ливерпуля Калев ругался без остановки.

Когда он приехал, труп уже увезли, однако на территории фабрики было по-прежнему не протолкнуться. Калев сразу заметил, что вокруг царил лихорадочная, почти взрывная атмосфера, превосходящая обычное оживление, какое царит на месте преступления. Он довольно быстро выяснил причину: в неразберихе пропала свидетельница, тринадцатилетняя девочка, указавшая на местонахождение трупа и присвоившая инвалидное кресло жертвы. Она просто исчезла. Полиция уже побывала у ее родителей, но те понятия не имели, где могла прятаться их дочь. Теперь все прочесывали округу в поисках Грейс Хенвуд.

– Девочка точно указала, где спрятан труп, – сказала руководитель группы, когда наконец допустила такую вероятность, что убитый в Ливерпуле мог иметь что-то общее с двумя убитыми в Йоркшире. – Там сотни бочек, а она знала, в какой именно он лежит. Она не могла случайно его обнаружить, ей было бы просто не под силу вскрыть бочку и потом наглухо запечатать ее.

– Хотите сказать, она наблюдала преступление? – заключил Калев. –

Или же видела, как труп прячут в бочку? Если место преступления иное...

– А то и вовсе участвовала. В этих районах действует немало подростковых банд. Такие, к сожалению, не останавливаются перед беспомощным калекой. Даже наоборот.

Калев успел только перекинуться парой слов с Кейт. Теперь она давала показания сотруднику полиции Ливерпуля.

– Грейс этого не делала, я уверена, – сказала она. – Это умственно отсталый ребенок, добрая душа. И двадцать четыре часа в сутки занята тем, что пытается спастись от отца.

– Почему она сбежала с места преступления?

– Это моя вина, я за ней не уследила, – признала Кейт. Калев заметил, что лицо у нее бледное, но держалась она получше, чем в прошлый раз, когда обнаружила Мелиссу Купер. – Калев, она сбежала не потому, что имеет какое-то отношение к убийству. Иначе с чего бы ей вообще показывать, где спрятано тело Доурика? Если б не она, его никогда не нашли бы. Думаю, она испугалась из-за кресла. Она же просто взяла его – и вот появляется орда полиции... Грейс решила, что они приехали из-за нее. Вот и сбежала, и прячется теперь в каком-нибудь укрытии.

Чтобы самому получить представление о ситуации, Калев отправился к Хенвудам. Он сразу почувствовал неприязнь к мистеру Хенвуду и понял, что его жена и кашлянуть боялась, не спросив разрешения мужа. Но складывалось впечатление, что они действительно понятия не имеют, где могла прятаться Грейс. О кресле они также ничего не знали, не говоря уже о трупе.

– Нам нужны имена и адреса тех, с кем она контактирует, – сказал Калев. – В какой школе она учится?

Миссис Хенвуд тихим голосом назвала школу и добавила:

– Это школа для детей... с проблемами. Только Грейс ходит туда не каждый день.

«И никого это особо не волнует», – с грустью подумал Калев.

Коллеги в Ливерпуле опросят учителей в школе, одноклассников и их родителей. Возможно, кому-то из них известно, где могла прятаться Грейс.

Калев достал из внутреннего кармана визитку и сунул Даррену:

– Вот. Если вдруг что-то вспомните, позвоните мне. Или моему коллеге, который был у вас до меня. Или в какой-нибудь полицейский участок. Это очень важно.

– Хорошо, – пообещал Хенвуд.

Оставалось надеяться, что он сдержит слово.

Калев вышел на улицу. Полиция тем временем разъехалась, но

старшему инспектору сказали, что на следующий день они вернутся и продолжат поиски Грейс. За домом на стенке сидел тощий, очень смуглый мужчина, чье туловище покачивалось из стороны в сторону.

– Это правда, что колясочника нашли мертвым? – спросил он Калеба.

– Вероятнее всего, да, это он, – ответил Калеб.

Незнакомец болезненно скривил лицо.

– Это та женщина его нашла? Которая всюду его разыскивала?

Калеб догадался, что речь идет о Кейт.

– Да.

– Потому что Грейс что-то знала, да? Это я подсказал той женщине найти ее. Сказал, что у Грейс есть кресло.

– Вы знаете Грейс?

– Не так хорошо, совсем немного. Несчастливая девочка. Ее отец – садист.

– Что ж, мистер...

– Рошан. Рошан Кадир.

– Мистер Рошан, вам известны места, где могла бы скрываться Грейс? Для нас крайне важно поговорить с ней. Вероятно, она прячется, поскольку боится, что ее накажут из-за кресла. Но никто не собирается ее наказывать. Нам нужно только поговорить с ней.

– Я не знаю, где она, – ответил Кадир.

Его туловище замерло на мгновение, но затем снова закачалось. Калеб не смог бы этого объяснить, но ему казалось, что этот человек знал больше, чем говорил. Или, по крайней мере, имел предположение, но не высказывал его.

Старший инспектор направился к машине и на ходу позвонил Джейн в Скарборо. Он постоянно держал ее в курсе событий и, когда они созванивались в последний раз, попросил забронировать для него номер в каком-нибудь отеле. Ему хотелось остаться еще на день. Кроме того, Калеб велел Джейн связаться с Кейт и предупредить, что им необходимо еще раз поговорить в ближайшее время.

Джейн сразу взяла трубку. Казалось, она была в растерянности. Калеб мог ее понять, он сам чувствовал себя не лучше. Это дело их всех порядком вымотало. Еще один убитый – и снова из бывших коллег...

Джейн сообщила, что звонила Кейт, и выяснила, в каком отеле та остановилась, а затем забронировала там же номер для Калеба.

– Так что она, вероятно, уже ожидает вас, – сказала она и спросила следом: – Есть какие-то новости?

– В сущности, дело дрянь. Есть вероятная свидетельница, девочка

тринадцати лет, умственно отсталая. Она точно знала, где находится тело Доурика – если это Доурик, в чем я почти уверен. Эта девочка бесследно пропала.

– Как это произошло?

Калеб вздохнул.

– Думаю, просто воспользовалась ситуацией, пока все были заняты другими делами. Пока наши коллеги поняли, какую роль играет эта девочка, она незаметно улизнула. И теперь как сквозь землю провалилась.

– И в самом деле, дело дрянь, – согласилась Джейн. – Это все...

Она не договорила.

Калеб догадывался, что хотела сказать констебль. С каждым новым шагом все становилось только сложнее. Казалось, вместо того, чтобы приближаться к разгадке, они лишь отдалялись от нее. Норман Доурик... Каким образом вписать его в их текущую версию происходящего?

Они попрощались, и Калеб в подавленном настроении поехал к отелю.

Джейн уже взяла сумку и собиралась выходить из кабинета, но тут на глаза ей попался листок, лежавший поверх остальных бумаг на рабочем столе. Номера Стеллы Крейн и ее соседки в Кингстоне.

Стоило ли вообще продолжать заниматься этим делом? Оставался ли в этом какой-то смысл? С другой стороны, Денис Шоув совершил преступление. Он выстрелил в Пегги Уайлд, причинив серьезный вред ее здоровью.

«Уж лучше что-нибудь предпринять, чем сидеть сложа руки», – устало подумала Джейн.

Для начала она еще раз попыталась дозвониться до Стеллы, но вновь услышала автоответчик. Затем набрала их номер в Кингстоне – с тем же результатом.

В конце концов она позвонила миссис Хеджер, их соседке.

Та ответила с третьего гудка – и, похоже, вздохнула с облегчением, когда Джейн представилась.

– Ах, констебль Скейпин, как я рада, что вы позвонили... Я уж давно хотела сама с вами связаться, но потом решила... В общем, я засомневалась, может, что-то не так поняла и теперь выставлю себя на смех... Я уже совсем растерялась, но почти уверена, что они говорили про восьмое июня. Только...

Она перевела дух, и Джейн воспользовалась паузой, чтобы прервать этот словесный поток.

– Миссис Хеджер, что случилось? Я так и не дождалась звонка от миссис Крейн.

– В этом-то все и дело. Они так и не вернулись. Ни в воскресенье вечером, ни вчера. Я заходила сегодня к ним забрать почту и полить цветы. В доме никого нет, шторы по-прежнему задернуты. Их нет.

– Вот как, – промолвила Джейн.

– В воскресенье вечером я еще подумала, может, они поздно выехали и приедут посреди ночи. Я была уверена, что утром увижу их машину возле дома. Но нет. Ничего.

– Вы сказали, что *почти* уверены в том, что они собирались вернуться восьмого числа?

– Да, кажется, так они сказали. Но теперь я вдруг засомневалась. Может, они решили остаться еще на неделю?

– Я оставила голосовое сообщение для Стеллы, – сказала Джейн. – Но она так и не перезвонила. Хотя вы договорились, что она будет регулярно прослушивать голосовую почту...

– Да, и меня это тоже насторожило. Я сама со вчерашнего дня оставила ей два сообщения и попросила перезвонить, потому что могла перепутать числа. Но Стелла так и не позвонила.

Джейн задумалась.

– На них это не похоже? Как, по-вашему, насколько это ответственные люди?

– Очень ответственные, – убежденно заявила миссис Хеджер. – Если Стелла сказала, что каждые два дня будет прослушивать сообщения и в случае чего позвонит, то так она и сделает. Тут я могу руку дать на отсечение.

Это все и в самом деле выглядело странно. Особенно в связи с исчезновением Терезы Малиан, биологической матери их ребенка. Которая была в отношениях с беглым преступником.

Миссис Хеджер не знала об этой взаимосвязи, но и ее, очевидно, посетила та же мысль.

– Думаете, с ними что-то стряслось? С целой семьей? Может, авария?..

– О такой аварии я узнала бы. Миссис Хеджер, пожалуйста, подумайте. Может, есть какая-то возможность выяснить, где именно Крейны проводят отпуск? Вы говорили о Северной Англии. Можно ли как-то сузить эти границы? Может, миссис Крейн называла какие-то места? Деревню? Озеро, расположенное рядом, или гору? Достопримечательность?

Джейн буквально слышала, как миссис Хеджер размышляет.

– Нет, – ответил она. – Мы об этом даже не говорили. Я знаю только, что это уединенное место. Там нет ни телефона, ни Интернета, ни мобильного сигнала.

«Превосходное укрытие для беглого преступника», – подумала Джейн.

Но откуда Денис Шоув мог узнать об этом укрытии? Или семейство Крейнов в таких близких отношениях с Терезой Малиан, что они рассказали ей, где они проведут отпуск? Не подозревая, какой опасности себя подвергают...

– Миссис Хеджер, сделайте мне, пожалуйста, одолжение, – попросила Джейн. – У вас есть ключи. Вы не могли бы сходить в дом и как следует осмотреться – может, вам попадется на глаза что-то такое, что стало бы для нас отправной точкой. Какой-нибудь листок с адресом, рекламный проспект, телефон службы по съему домов. Что-нибудь. И неважно, если

взаимосвязь покажется вам абсурдной.

Миссис Хеджер колебалась.

– А у меня потом не будет неприятностей? Если я вот так без оснований устрою обыск в чужом доме?

– Я возьму это на себя, – успокоила ее Джейн.

Конечно, не помешало бы проверить и компьютер Крейнов. Но тот наверняка был защищен паролем, и проверку могли осуществить только эксперты. А подобная ситуация не предполагала изъятия компьютера для экспертизы. Особенно сейчас, поздним вечером. Так что Джейн вынуждена была довольствоваться помощью миссис Хеджер и ее, вероятно, не особо выдающимся талантом ищейки.

– Кстати, – сообщила миссис Хеджер, – этот приезжий опять был здесь. Тот араб.

– Который хотел непременно поговорить с мистером Крейном?

– Да. В воскресенье он весь день ждал перед домом. Я ведь сказала ему, что Крейны вернутся в воскресенье вечером. И вчера он тоже прождал весь день. И явился сегодня утром. Я спросила у него, что же ему нужно так срочно.

– И?..

– Все то же самое. Ему *необходимо* поговорить с мистером Крейном. Срочно. Мне показалось, что это действительно что-то очень важное, как-то уж совсем плохо выглядел этот человек.

– А вы, случайно, не знаете, как можно связаться с этим человеком? – без всякой надежды спросила Джейн.

Однако миссис Хеджер приятно ее удивила.

– Я записала его номер, – объявила она с гордостью. – Он сам прямо-таки заставил меня записать. Сказал, чтобы я передала номер мистеру Крейну, как только его увижу – на случай, если он сам потерял его.

Джейн записала номер, а также имя, продиктованное по слогам: Хамза Ха-лид.

Они условились, что миссис Хеджер позвонит, если обнаружит что-то в доме Крейнов. В конце концов Джейн решила, что уже и неважно, когда она вернется домой, и набрала номер мистера Халида.

* * *

Хамза Халид говорил так тихо и так неразборчиво произнес свое имя, что Джейн пришлось переспросить.

– Мистер Халид? Хамза Халид?

– А с кем я говорю?

– Детектив-констебль Скейпин, полиция Йоркшира. – Чтобы он не встревожился и не бросил трубку при упоминании полиции, она поспешно добавила: – Я по поводу семьи Крейнов.

– С ними что-то случилось? – встревожился мистер Халид.

– Причин для беспокойства пока нет. Но нам необходимо как можно скорее с ними связаться, а от их соседки в Кингстоне мы узнали, что вы тоже их ждете.

– Джонаса Крейна. Мне нужно срочно поговорить с мистером Крейном.

– По какому поводу? – спросила Джейн.

– Насчет фильма. Он пишет сценарий к фильму. Обо мне. Я был... – Мистер Халид запнулся и до того понизил голос, что Джейн пришлось плотно прижать телефон к уху, чтобы разобрать слова. – Я был в тюрьме. В Ираке. Я был пленником Саддама Хусейна.

– Понимаю, – сказала Джейн. – И мистер Крейн хочет снять об этом фильм? О вашей судьбе?

– Он должен написать сценарий. А фильм хотела снять телестудия, «ТВ Адвенчер».

Джейн не знала такой телестудии, но это ничего не значило. Она редко смотрела телевизор, а если такое и случалось, то ей было все равно, кто снял тот или иной фильм.

Она заметила, что Халид использовал прошедшее время. Поскольку он превосходно говорил по-английски, это не могло быть ошибкой.

– Хотела снять фильм? Хотите сказать, что-то изменилось?

В голосе Халида сквозило отчаяние.

– Я узнал об этом на прошлой неделе. Теперь они не хотят снимать фильм. Говорят, что эта тема никому не интересна!

Саддама Хусейна уже восемь лет как не стало. Это уже история. Неужели кому-то еще осталось дело до его жертв?

– И вы хотите поговорить об этом с мистером Крейном?

– Он обещал мне. Обещал, что этот фильм выйдет! Вы знаете, со мной творились ужасные вещи. И с другими тоже. Нас пытали. Нам угрожали расправой. Надо мной инсценировали казни, постоянно. Вы можете представить себе, каково это?

Джейн даже приблизительно не могла представить, что чувствовали жертвы, но ее передернуло от одной мысли об этом. Несомненно, Хамза Халид прошел через ад, и даже по голосу было ясно, до чего тяжела его

травма. Но вся эта история, очевидно, не имела никакого отношения к исчезновению семьи Крейнов.

– Мне связывали руки за спиной и потом подвешивали за запястья, – продолжал Халид. – Я висел так часами. И плечи выворачивало из суставов.

Джейн поняла, что мистер Халид пытается справиться со своими травмами, рассказывая о них каждому встречному. Даже сотруднице полиции, которая позвонила ему совершенно случайно. Ему необходимо было освободиться от груза воспоминаний, и он искал участия в окружающем обществе. Люди должны были выслушать, понять, посочувствовать. И он сходил с ума, когда оставался один на один со своими страхами. Но никому не хотелось слушать его истории. Никто не хотел переживать вместе с ним эти зверства. Джейн понимала, что со временем люди начали избегать Халида. Их пугали бесконечные монологи, в которых то и дело расписывались жуткие сцены пыток. Халид оставался наедине с ужасом своего прошлого, и его все глубже, все прочнее затягивало в этот водоворот. Должно быть, он изо дня в день, изо дня в ночь переживал все по новой.

Фильм был для него надеждой на избавление.

– Вероятно, мистер Крейн не может решать, быть этому фильму или нет, – заметила Джейн.

– Я знаю. Знаю, но... что-то здесь не так, вам не кажется? В телестудии мне сказали, что он еще перед отпуском узнал, что из этого проекта ничего не выйдет. Мы с ним познакомились, он меня понял. Его тронула моя история. Очень тронула.

«Еще бы не тронула», – подумала Джейн.

Халид, словно прочел ее мысли, продолжал:

– Он был искренне тронут. И хотел мне помочь. Я был ему безразличен. Я чувствовал это.

– Мистер Халид, я...

– Мы собирались встретиться, как только он вернется из отпуска. Он хотел составить план и обсудить его со мной. Я уверен, он связался бы со мной и сообщил бы, что... что ничего не выйдет, – его голос заметно дрогнул. – Он не смог бы просто так исчезнуть.

Джейн не разделяла его уверенности. Мало кому нравится сообщать дурные вести, в особенности такому человеку, как Хамза Халид, который столько пережил, которому хотелось бы искренне пожелать благополучия. Джейн вполне могла бы понять, если б мистер Крейн попытался избежать этого разговора.

– Их соседка уже не уверена, что Крейны собирались вернуться восьмого числа, – сказала она.

– Но я уверен, – возразил Халид, – абсолютно уверен. Я тогда сразу это записал. Сомнений быть не может.

Джейн ему верила. В его состоянии ошибиться просто невозможно. Халид уже не первую неделю жил в ожидании встречи с Джонасом. Когда же узнал об отказе, отчаяние, вероятно, лишь подстегнуло его.

– А почему, собственно, вы разыскиваете их? – спросил он неожиданно.

Джейн решила, что ему незачем знать детали.

– У меня к ним лишь пара вопросов, – ответила она уклончиво. – В связи с другим расследованием.

– Понимаю, – сказал Халид, хотя из этого ответа вряд ли можно было что-то понять.

– Вы виделись с мистером Крейном незадолго до отпуска?

– В последний раз я видел его двадцать восьмого апреля. И это была наша первая встреча. Потом мы только раз говорили по телефону. Тогда он и сказал, что до восьмого июня уедет, и мы встретимся после.

– А он что-нибудь говорил насчет места, куда поедет?

– К сожалению, нет. Ни слова. Он говорил что-то про стресс и что врач посоветовал ему взять паузу...

– А вы, случайно, не знаете имя этого врача?

– Нет. Мистер Крейн не говорил, а я не спрашивал. Я же не предполагал, что это может оказаться важным.

Халид, казалось, готов был сорваться в истерику.

– Далеко не факт, что врач о чем-то знает, – успокоила его Джейн. – Мистер Халид, запишите, пожалуйста, мой номер, и если что-то еще вспомните, сразу позвоните. Пусть это даже покажется вам несущественным, все равно дайте знать.

Халид пообещал, что так и сделает, и Джейн продиктовала ему свой номер.

– Если вы сумеете пересечься с мистером Крейном, то попросите его срочно со мной связаться, – попросила она. – Для меня это крайне важно.

Они уже попрощались, но прежде чем дать отбой, Хамза неожиданно добавил:

– С ними что-то случилось, констебль Скейпин. Я это знаю. И, думаю, мистер Крейн в опасности. Вы обязательно должны разыскать его. Тут явно что-то не так. Он бы мне позвонил. Позвонил бы при любых обстоятельствах. Но что-то ему препятствует, и это не к добру.

По прибытии в отель Калевб отметилса на стойке регистрации, но не стал сразу подниматься в свой номер, а выяснил для начала, где разместилась Кейт Линвилл. Ее номер располагался на том же этаже, но в другом конце коридора. Калевб постучался, и спустя примерно полминуты Кейт открыла дверь.

Еще во дворе фабрики, когда они успели перекинуться парой слов, Калевб заметил, что в ней произошла кака-то перемена. Тогда он не сразу сообразил, отчего это, но теперь увидел, что дело в прическе. Волосы были подстрижены и стали чуть светлее. Контраст и в самом деле был разительный. Кейт выглядела моложе, и лицо казалось уже не таким угловатым и худым.

Хотя при этом она, по всей видимости, была в ярости. И это поразило Калеба даже сильнее того факта, что Кейт пошла в салон и вложила в обновление своего облика. Он ожидал, что застанет ее в подавленном настроении. Виноватой оттого, что снова вмешалась в расследование. С другой стороны, Калевб и не заметил, чтобы в этот вечер Кейт робела и смущалась. Скорее наоборот, держалась уверенно и деловито.

На этот раз она с ходу перешла в наступление. Обрушилась на него безо всяких предисловий:

– Я должна знать, почему мой отец был с этой женщиной. И почему он порвал с ней. Я должна знать, что она значила для него. Поэтому пыталась разыскать Доурика – потому что он знал обо всем, был в курсе происходящего. И я надеялась все выяснить. Я имею право разобраться в этой истории, потому что речь идет о моем отце, а он уже мертв, и я не могу с ним объясниться. Я должна узнать правду о его отношениях с Мелиссой Купер. И не могу оставаться в стороне только потому, что вы чувствуете себя оскорбленным всякий раз, когда я предпринимаю какие-то шаги.

Калевб по-прежнему стоял в дверях, чувствуя себя неловко. Они определенно были не единственными постояльцами в отеле.

– Можно мне войти? – спросил он, когда Кейт переводила дух. – Наверное, нам не стоит обсуждать подобные вещи у порога.

Она отступила. Калевб вошел и закрыл за собой дверь. Теперь они стояли друг против друга в спартанской обстановке номера.

– Проблема в том... – начал Калевб, но Кейт его перебила:

– Проблема в том, что всякий раз, когда я копаюсь в личной жизни моего отца, то узнаю об убийстве. Но чем постоянно возмущаться по этому поводу, может, вам хоть раз стоило бы сделать верные выводы?

– И какие же? По-вашему?

– Что убийство моего отца, а также Мелиссы Купер и Нормана Доурика как-то связаны с его личной жизнью. Вы же изобретаете все более невероятные гипотезы, всеми правдами пытаетесь выстроить следствие вокруг его работы и, соответственно, вокруг Дениса Шоува. При этом не можете толком объяснить, какое отношение имеет к нему Мелисса Купер и уж тем более Норман Доурик, который давно оставил службу к тому моменту, когда отец арестовал Шоува и отправил за решетку.

– В этом уже мне разбираться.

– Интересно, как вы на этот раз все увяжете? Неужели вам это не кажется странным? Мой отец заводит интрижку с женщиной, а спустя двенадцать лет, когда между ними уже все кончено, оба мертвы. Жестоко убиты. И вот мы находим единственного человека из окружения моего отца, который знал об этих отношениях, – и тоже убитым.

– Вы не учитываете некоторые точки зрения, – заметил Калев. – К примеру, окружение Мелиссы Купер. Посвященных куда больше. Ее сыновья. А также подруги, как сказал ее старший сын. Доурик не единственный знал обо всем. Кроме того, мне на ум приходит лишь один человек, от кого вы могли получить сведения насчет Нормана Доурика. Это его бывшая супруга, мисс Доурик. Она тоже была в курсе происходящего.

– Но мне кажется, что Норман знал больше других, – возразила Кейт, уже немного успокоившись. – Вы правы, о происходящем знали несколько человек. Но из того, что я узнала от Сюзанны Доурик и от подруг Мелиссы в Уитби...

Калев одарил ее суровым взглядом, но Кейт и глазом не моргнула.

– Разрыв между моим отцом и Мелиссой выглядит крайне загадочно, и никто не знает, почему так произошло. Очевидно, что-то случилось, и они это скрывали. Но Сюзанна Доурик считает, что ее муж знал причину. И никто, кроме него. Однако он не желал говорить об этом даже с ней. И он отдалился от моего отца. Их дружба серьезно пошатнулась – и никогда уже не восстановилась. И вот что странно: по словам Сюзанны, Норман осуждал моего отца за то, что тот изменял моей матери, но при этом оставался его другом. И вот отец разрывает отношения с Мелиссой, возвращается к жене – и внезапно их дружбе приходит конец. В тот момент, когда все вроде бы становится на свои места. Почему? Что произошло, что предшествовало этому разрыву? В этом ключ, Калев. Когда мы выясним

это, то узнаем, кто их убил. И почему.

– Хм, – протянул старший инспектор.

Во всем этом была своя логика, но ему стало не по себе, и он не мог понять, отчего. Возможно, если быть честным перед собой, причина крылась в том, что он внезапно почувствовал себя новичком, нуждающимся в помощи – от женщины, которая была младше и по возрасту, и по рангу. Которую, как он знал, никто из коллег не назвал бы знатоком своего дела. Не говоря уж о том, что она и собственную жизнь не могла привести в порядок.

– Вы помешались на поисках Дениса Шоува, – сказала Кейт.

Очередной камень. Кaleb вдруг ощутил ребяческое желание сказать что-то в ответ, что уязвило бы ее.

– Вам не стоило бы искать за всеми ошибки, Кейт. Вам тоже следовало бы получше присмотреть за нашей свидетельницей. Видимо, это большое искусство, вот так позволить ей улизнуть.

Кейт вздрогнула, и Кaleb уже пожалел о своих словах. Это было гнусно и несправедливо с его стороны. Все, что происходило на территории фабрики, находилось в компетенции полиции Ливерпуля, и ответственность лежала на них.

– Простите, – поспешил он исправиться. – Вы ни в чем не виноваты, Кейт.

Но Кaleb видел, что она и без него осыпала себя упреками.

– Я была как будто в оцепенении. Столько надежд возлагала на разговор с Норманом... Я разыскивала его два дня. И обнаружить его вот так... На какое-то время я даже соображать перестала. Я и не думала, что Грейс может сбежать. А когда опомнилась, было уже поздно. Она как сквозь землю провалилась.

– Такое вполне могло случиться и со мной, – честно признался Кaleb. – Наверное, она испугалась, что ее накажут за кресло. Абсурдно так думать, но никто не знал, что творится у нее в голове.

Кейт кивнула, однако его слова, похоже, ее не убедили.

– Есть какие-то результаты? – спросила она. – Известно уже, где и как был убит Норман? И когда?

Кaleb уже разговаривал с коллегами из экспертного отдела, хотя первые результаты можно было назвать лишь с некоторыми оговорками.

– По всей вероятности, Норман Доурик утонул. Предполагается, что место преступления и обнаружения одно и то же.

Кейт содрогнулась.

– Его утопили в этой бочке? На этой самой фабрике?

– Похоже на то. Это произошло довольно давно. По первым оценкам, в январе или феврале этого года. Но позже удастся установить более точное время.

– То есть примерно в одно время с моим отцом...

– Да. Возможно, чуть раньше.

– Беззащитный калека, прикованный к инвалидному креслу... Кто на такое способен?

– Местные коллеги подозревают банду подростков. Похоже, в этом районе действует несколько группировок, способных на подобные преступления. Не стоит упускать из виду данный фактор. Конечно, это оказалось бы невероятным совпадением, но нельзя исключать, что убийство Нормана Доурика не имеет никакого отношения к нашим убийствам в Йоркшире.

– Вы действительно считаете, что это возможно?

– Я лишь говорю, что нельзя исключать ни один вариант, – он улыбнулся, впервые с той минуты, как вошел в номер. – Ваши слова, Кейт. Сами призывали меня к этому.

Возразить на это было нечего.

– Верно.

Калевб взглянул на часы.

– Уже десятый час. Я с утра ничего не ел. Тут рядом есть паб – может, у них что-нибудь найдется...

– Я не голодна.

– Но когда вы ели в последний раз?

– Утром, как и вы.

– Пойдемте, ну же. Хоть раз дайте себе поблажку, Кейт.

Калевб видел, что она лихорадочно ищет какую-нибудь отговорку. Словно не было ничего хуже, чем просидеть с ним лишний час в пабе, перекусить и выпить кружку пива.

Нет. В его случае – воду.

– Заключим мир, – предложил Калевб. – Договорились? Если причина в этом.

– Мир? Мы разве вели войну?

– Ну, может, и не войну. Но мы все время избегали друг друга. Я считал, что вы постоянно вмешиваетесь, переступаете границы. Простите, если я был с вами груб из-за этого. Теперь мне ясно, как глубоко затронула вас эта история и как важно для вас узнать правду об отце. И все, до чего вы пытаетесь дознаться, соприкасается с расследованием. В этом нет вашей вины, так уж все сложилось. Вы не виноваты.

– Приятно слышать это от вас. И все же... я бы лучше осталась. Я так устала, что ничего не хочется, только спать.

Калев задумался, отчего она вдруг обратилась в прежнюю Кейт. Замкнутую в себе, закрытую. Нелюдимую. Столь непохожую на ту Кейт, какой она была всего пару минут назад, когда обрушилась на него с упреками. С той стороны она нравилась ему куда больше. Тогда Кейт казалась уверенной в себе, говорила ясно и в лоб. Злость помогла ей преодолеть привычные барьеры и предрассудки. По крайней мере, на эти несколько минут. И вот перед ним стояла прежняя Кейт, едва высовываясь из своего панциря, – как пугливая, придавленная грузом негативного опыта черепаха...

Возможно, причина была и в нем. Совместный ужин в пабе таил в себе опасность в том смысле, что разговор мог выйти за рабочие сферы. Калеву вспомнилась та ночь, когда Кейт напилась и пыталась затащить его в спальню. Возможно, она до сих пор чувствовала себя крайне неловко. Для него же это было простым недоразумением, следствием неумеренного опьянения. Он бы сказал сейчас, что ей не в чем себя упрекать и нечего стыдиться. Но решил, что не стоит лишний раз напоминать ей о той истории. Это, скорее всего, лишь усугубило бы чувство неловкости.

Поэтому сказал только:

– Хорошо. Тогда поем в одиночестве. Доброй ночи, Кейт.

В тот момент, когда старший инспектор уже открыл дверь, она сказала вдруг:

– Мы должны разыскать ее. Как можно скорее.

Калев обернулся.

– Кого?

– Грейс. Она в опасности.

– Думаете...

– Возможно, она что-то видела. И знает преступника в лицо. У него теперь большие проблемы, особенно если выяснится, что он стоит за убийством моего отца и Мелиссы Купер. Из-за нее, девочки тринадцати лет, он может провести остаток жизни за решеткой. Если узнает об этом, то сделает все, чтобы *первым* разыскать Грейс.

– Я поговорю с местным инспектором, – пообещал Калев. – Чтобы о Грейс не упоминали в прессе.

– Да, но нужно быть готовыми к тому, что какая-то информация все же просочится. В том квартале довольно много народу знает о происшествии.

Калев кивнул. Кейт права.

– Что вы предлагаете?

– Нужно объяснить местной полиции, что стоит на кону. Они должны приложить все усилия, чтобы разыскать ее.

– Я поговорю с кем нужно. – Калев задержался в дверях. – Так может, все-таки перекусим? Терпеть не могу в одиночку сидеть в пабах.

Кейт качнула головой.

– Нет.

«Она ставит себе барьеры, – подумал Калев. – Не дает себе жить. Не удивительно, что ей так трудно справиться с одиночеством».

Вместе с тем – он признавал это почти с неохотой – она была хорошим следователем. Странно, почему в Скотланд-Ярде этого не замечали. Кейт обладала всеми необходимыми качествами: ясным мышлением, развитой интуицией и умением разбираться в людях.

И в одном она точно была права: самое главное сейчас – разыскать Грейс Хенвуд.

Среда, 11 июня

Этим утром Стелла осознала, что Джонас умрет, если она ничего не предпримет и в ближайшее время не вытащит его из этой тюрьмы и не доставит к врачу. А в конечном счете все они умрут, поскольку запасы, в особенности воды, неумолимо подходили к концу. При самом бережливом распределении воды хватит на сегодня и немного на завтра. Под *бережливым распределением* подразумевалось, что Стелла в очередной раз урежет не только свою часть, но и долю Сэмми. Джонас буквально горел в лихорадке и нуждался в каждой сэкономленной капле. Но даже это его не спасло бы. Без врачебной помощи он не пережил бы эту неделю.

Стелла всю ночь дежурила рядом с ним, смачивала пересохшие губы и каждый час давала пару глотков воды. Джонас этого словно и не чувствовал. Он уже не откликался, когда она звала его, а когда дышал, из грудной клетки вырывался жуткий хрип. Стелла полагала, что у него началось воспаление легких. Кроме того, от раны все сильнее пахло гнилью.

Каждые два или три часа Стелла с нарастающим ужасом меняла ему повязку. Даже в помраченном сознании Джонас выл от боли. Стелла перестала промывать рану, потому что воды осталось лишь для питья. Но все уже воспалилось, и кожа вокруг раны, прежде еще здоровая, стала черно-синей. На использованных бинтах оставалось все больше гноя. Перевязочный материал тоже уходил быстрее, чем изначально предполагалось. Еще немного, и Стелла вынуждена будет признать себя побежденной и в этом отношении.

Постепенно даже в этом холодном, сыром каземате становилось все теплее. Снаружи снова занимался солнечный день, как убедилась Стелла, взобравшись с утра к маленькому окошку. Очевидно, именно сейчас жара установилась на длительный период, что в этой части страны было редкостью. Воздух в амбаре стал тяжелым и спертым, а поскольку солнце шпарило по крыше с утра до вечера, внутри стоял удушливый зной. Через маленькое окошко свежий воздух практически не циркулировал, даже в ночные часы, когда снаружи становилось чуть прохладнее. Стелла буквально чувствовала, как вдыхает пыль, которая оседала в горле и раздражала бронхи. Она часто испытывала жажду жарким днем, после занятий спортом или когда съедала что-то острое. Обычно она могла без труда ее утолить. И даже если приходилось немного потерпеть, ни разу это

не достигало той степени, когда жажда становилась невыносимой. Прежде ей лишь *казалось*, что ее *мучает* жажда. Теперь же Стелла понимала, что в действительности значит мучение.

Мысли о воде все чаще доминировали – и порой даже затмевали тревогу за Джонаса и Сэмми. При этом изредка она все же делала по небольшому глотку. Когда иссякнет последняя бутылка, наступит настоящий кошмар. Стелла читала в книгах, как люди сходили с ума от жажды, теряли остатки морали и даже видимость цивилизованного поведения. В бессильном ужасе она представляла, как достигнет того момента, когда единолично употребит последние запасы воды – в ущерб Сэмми и Джонасу. Стелла была самой сильной в этом проклятом амбаре. Тяжело раненный мужчина и пятилетний ребенок целиком зависели от ее готовности заботиться о них. Пока Стелла еще держалась, напоминала себе о самоотречении, ограничивала себя ради близких. И все же один раз она уже поймала себя на том, как взяла в руки одну из последних бутылок, хотя время, отведенное для еды и питья, еще не наступило. Она оглянулась, убедилась, что Джонас все равно не сознает происходящего, а Сэмми уснул над своей книжкой. И ощутила ужасное искушение – всего один глоток, быстро, никто и не заметил бы... Она уже свинтила крышку, но в этот момент Джонас издал во сне стон, исполненный боли и страдания. И только тогда Стелла опомнилась. Что, ради всего святого, она творит – или намеревается сотворить? Стелла устыдилась, но вместе с тем поняла, что стыд был роскошью, которую она в скором времени уже не сможет себе позволить. Моральные принципы начнут угасать пропорционально физическому страданию.

Этим утром Стелла впервые осознала тот факт, что Денис Шоув не сдержит своего обещания. До сих пор она пыталась убедить себя в том, что он, будучи преступником, все же не был настолько плохим человеком. Что он еще сохранил остатки совести и не оставил бы умирать целую семью. Теперь же она понимала, что обманывала себя. Шоув оказался в бедственном положении, как и она, и действовал по тем же законам. И чем острее он ощущал напряжение и отчаяние, тем призрачнее была его готовность учитывать чужое положение. Шоув скрывался от полиции, его фотографии были в газетах, на него открыли охоту, и, вероятно, он до сих пор не нашел надежного укрытия. Сейчас им двигало лишь желание скрыться. Возможно, семья Крейнов еще мелькала в его мыслях – а может, он уже и не вспоминал о них. Сейчас ему незачем тратить попусту силы.

«Мы должны вызволять себя сами, – решила Стелла, – или все умрем здесь».

Джонас указал единственный путь, который у них оставался, – прежде чем его накрыла лихорадка и он оказался не в состоянии соображать, не говоря уж о том, чтобы действовать. Стелла долго ломала голову в поисках альтернативы – и пришла к выводу, что ее не было.

И что терять им, собственно, нечего.

Первую половину дня Стелла занималась тем, что мастерила веревку, при помощи которой собиралась спустить Сэмми из окна. Она набрала тряпья, пригодного для этой цели, но его оказалось недостаточно. Тогда она без сожалений стянула джинсы – все равно в амбаре было достаточно тепло. Джинсы Джонаса также пошли в дело. К счастью, материя оказалась довольно мягкой, чтобы связать ее в узлы, а их длины в итоге хватило для заветной цели. Какое-то время Сэмми молча наблюдал за ее действиями.

– Мама, что ты делаешь? – спросил он затем.

Раньше он не стал бы так долго ждать, прежде чем задать вопрос. Мальчик ослаб и впал в апатию. Прежде чем Стелла успела ответить, Сэмми добавил усталым голосом:

– Так пить хочется...

– Скоро сможешь попить. Перед большим приключением.

– Что за приключение?

– Ты теперь для нас самый важный человек. Ты всех нас спасешь.

– А полиция не приедет? – разочарованно спросил Сэмми.

Ему до сих пор представлялось, как бойцы спецназа с автоматами наперевес штурмом возьмут ферму и вызволят их. Эта мысль еще поддерживала в нем силы.

Стелла еще раз проверила узлы, хотя затянула их как могла.

– Возможно, когда они приедут, будет слишком поздно. Папе очень плохо. Мы не можем больше ждать.

Сэмми взглянул на отца.

– Папа умрет?

Стелла постаралась придать голосу уверенности:

– Нет, он поправится. Но ему нужно к врачу, и... мы должны поторопиться.

Сэм кивнул.

– И что мне надо сделать?

– Тебе это понравится, – заверила его Стелла. – Ты единственный можешь пролезть в это маленькое окно. Видишь?

Сэмми взглянул на окно. Даже ему сразу стало ясно, что ни папа, ни мама не пролезут в этот тесный проем.

– Да.

– Как думаешь, сможешь выбраться через него? А потом я спущу тебя на этой веревке.

Сэмми мгновенно ожил.

– Мы в группе часто лазаем по канату. И я лазаю лучше всех!

– Значит, все будет хорошо. Я обвяжу тебя и потом медленно спущу. Разумеется, Сэмми счел такой способ ниже своего достоинства.

– Я и так спуститься могу!

– Это слишком опасно. Там довольно высоко. И, как видишь, у нас нет веревки, к какой ты привык и за которую удобно хвататься. А тут мягкие тряпки, и у тебя могут соскользнуть руки.

Сэмми еще поворчал. Но ему так не терпелось показать себя героем дня, что он не мог долго препираться.

– И что я буду должен делать? – спросил сын.

– Первым делом попробуешь войти в дом. Может, Нил и Терри оставили открытой дверь или окно... Может, они вообще ничего не заперли, это было бы идеально.

– Ладно.

– Потом поищешь ключи и попробуешь открыть эту дверь. Если сможешь вызволить нас отсюда, все будет хорошо.

– А если нет?

– Тогда, может, сумеешь найти мой телефон и вызвать помощь... Я буду говорить тебе, какие кнопки нажимать.

– А если я не найду телефон?

– Посмотрим, удастся ли раздобыть воды. Сейчас это важнее всего.

– Давай начнем прямо сейчас? – с нетерпением спросил Сэмми.

Стелла погладила его по волосам.

– Ты очень храбрый. Выпей сначала воды и съешь кусок хлеба. И потом можешь отправляться.

Она взглянула на Джонаса. Он задыхался.

Нет. У нее не было выбора.

* * *

Спустя полчаса Сэмми стоял во дворе и стаскивал с себя канат, крепко завязанный вокруг туловища. У него ушло на это немало времени. Стелла наблюдала за ним из окна и утирала пот со лба. Все прошло хорошо, однако она была на грани. Все время, пока спускала Сэмми, она боялась, что он сорвется, и это вымотало ее и физически. Удивительно, до чего тяжелым

мог быть пятилетний ребенок. Это усугублялось еще и тем, что Стелла не имела надежной опоры под ногами. Ей приходилось не только держать веревку из тряпья, но и удерживать равновесие. Если б она упала, сорвался бы и Сэмми.

Тот наконец высвободился из петли и посмотрел наверх.

– Что теперь?

– Беги к дому. Для начала проверь, не открыта ли входная дверь. Потом – дверь со стороны сада. Потом посмотри, может, открыто окно. Можно ли как-то попасть внутрь?

Сэмми кивнул и убежал. Со своей позиции Стелла могла разглядеть лишь часть крыши и не видела, как ее сын обегал дом и дергал двери. Она осознала, что по-прежнему стискивает конец веревки, и попыталась успокоиться. Худшие опасения, что Сэмми сорвется, не оправдались. Теперь у них появился хоть какой-то шанс.

Прошло немало времени, прежде чем Сэмми вновь появился в поле зрения. Он выглядел разочарованным.

– Мама, там все закрыто!

Проклятье...

– Ты уверен?

– Да. Все закрыто. И ставни на окнах.

Надежда на скорое спасение стремительно таяла. Если Сэмми не попадет в дом, то не сможет добраться до телефона. И до ключей от амбара.

И только теперь до Стеллы дошло, что он сказал.

– Ставни? Они даже ставни закрыли?

– Да.

Значит, отпадала и эта возможность. Иначе Сэмми мог бы найти что-нибудь потяжелее и попытаться разбить стекло. Со ставнями он не сможет ничего сделать. В бессильной злобе и отчаянии Стелла осознала, что Нил все предусмотрел даже на тот случай, если им все же удалось бы вырваться из заточения. Он никогда не позволил бы им вот так запросто вызвать помощь.

– Что мне теперь делать? – спросил Сэмми.

Стелла посмотрела на машины, на которых Тереза и Нил приехали несколько дней назад, хотя с тех пор, казалось, прошла целая вечность.

– Проверь, не открыты ли машины. Может, там что-нибудь найдется. Телефон или ключи...

Стелла не питала особых надежд, но следовало перепробовать все варианты. Нил, похоже, действовал крайне предусмотрительно. С трудом

верилось, чтобы он упустил что-то из виду.

На этот раз Стелла могла наблюдать за Сэмми. Так трогательно было видеть, с каким рвением он взялся за это дело... Ему было всего пять лет, и он так прилежно себя вел... Не жаловался и не капризничал. Делал то, что ему говорили. Возможно, детский возраст тоже накладывал свой отпечаток. Сэмми не сознавал весь ужас их положения. Если мама говорила, что все будет хорошо, он ей верил.

Стелла смотрела, как он подергал одну за другой двери в машине Нила, после чего попытался открыть багажник. Но и машина, по всей видимости, была наглухо заперта. С машиной Терезы ему повезло больше: водительская дверь открылась без проблем. Сэмми издал победный клич.

– Мама! Открыто!

– Отлично! Просто супер!

Впрочем, Стелла не разделяла его ликования. От самой машины, даже открытой, было немного проку.

– Теперь хорошенько всё обыщи. Карманы в дверях, багажник, бардачок, под приборной панелью, под ковриками... В общем, всё.

Сэмми тут же принялся за дело. Стелла тем временем пыталась подавить свои пессимистические ожидания. Даже если в машине найдутся ключи – что было маловероятно, – Сэмми не мог сесть за руль. А на то, что Терри оставила там свой телефон, нечего было и надеяться. Ключи от дома? С какой стати оставлять их в машине? В конце концов Сэмми нашел лишь полбутылки газировки и шоколадный батончик. Все же лучше, чем ничего. Он подбежал к амбару и встал под окном.

– Мама, смотри!

– Ну, это уже что-то, – нарочито бодрим голосом отозвалась Стелла.

Оставалось надеяться, что Сэмми не заметит ее отчаяния и беспомощности. То и другое было крайне заразительно, а сейчас Стелла ждала от него безоговорочного доверия.

– Можно я съем это?

– Само собой. Выпей всю бутылку и съешь батончик. Это придаст тебе сил.

Сэмми не заставлял повторять дважды. И все же, когда он отпил из бутылки, то брезгливо поморщился. Стелла представляла, до чего теплым и мерзким на вкус был лимонад. Но выбирать не приходилось, жажда оказалась сильнее. Растаявший батончик Сэмми также проглотил в один миг. Он весь вымазался в шоколаде и в этот миг выглядел как любой нормальный ребенок – стоял себе на солнце и радовался жизни. Стелла велела ему подождать и спустилась проведать Джонаса. Его состояние

ничуть не изменилось. Она дала ему немного воды и пару мгновений подержала его за иссохшую, разгоряченную руку. От раны шел ужасный запах, но больше всего тревожило его хриплое дыхание. Она лишь надеялась, что Джонас не сознавал своих мучений.

Стелла приняла решение.

Она вновь взобралась к окну и попросила Сэмми еще раз обойти дом и амбар. Может, где-нибудь в стене торчит кран. Тогда они могли бы спустить бутылки и наполнить их водой. Впрочем, и на этот счет Стелла не питала больших надежд, поскольку за две недели, проведенные на ферме, не заметила снаружи водопровода. С другой стороны, она и не обращала на это особого внимания. Вот если б им пришлось поливать сад... но практически все время шли дожди, и потребности в этом не возникало.

Сэмми не появлялся довольно долго. Очевидно, он искал очень тщательно. И когда вернулся, выглядел разочарованным.

– Нет, ничего не нашел.

– Всё в порядке. Ничего страшного.

Это было настоящим бедствием, но Стелла не имела права паниковать. Она и без того упустила слишком много времени и теперь уже не могла медлить.

– Сэмми, послушай, будешь храбрым мальчиком? Ты должен позвать кого-нибудь на помощь. Кто-то должен сообщить в полицию, чтобы нас вытащили отсюда.

– И что нужно делать?

– Ты ведь помнишь, по какой дороге мы ездили за покупками? Или выбирались на прогулки? Помнишь ведь, что нужно подняться по холму и выйти к узкой грунтовке?

– Да.

– И помнишь, в какую сторону нужно идти, чтобы выйти к широкой дороге? По которой чаще проезжают машины?

– Да.

– Как думаешь, сможешь ты сбегать туда и попробовать остановить какую-нибудь машину?

– Чужую?

Как и многие другие родители, они внушали Сэмми, чтобы он обходил стороной чужие машины и незнакомых людей, и сразу убегал, если рядом кто-то останавливался и заговаривал с ним.

– Да, чужую машину. Знаю, обычно это ни в коем случае не следует делать, но сейчас у нас нет выбора.

Стелла понимала, что в этом был определенный риск, но надеялась,

что судьба уберезет их от очередного несчастья в лице педофила, развезжающего по вересковым пустошам. Пришлось лишний раз убедить себя, что многие – особенно любители сенсационных заголовков – живут с постоянным ощущением, что мир полон маньяков, хотя в действительности очень редко кто покушается на маленьких детей.

– Нужно попросить водителя позвонить в полицию. И показать ему дорогу на эту ферму. Ну что, справишься?

Сэмми сразу оробел, даже напугался – впервые с того момента, как выбрался через окно. Одно дело спуститься по самодельному канату, исследовать ферму, проверять двери и окна, обыскать машину и отправиться на поиски воды. И все это в непосредственной близости от родителей. Но совсем другое – в одиночку брести посреди пустоши, все дальше от фермы и папы с мамой...

– А если я встречу злого человека?

– Не встретишь. Я уверена, тебе попадутся очень милые люди и они тебе обязательно помогут.

– А если нет?

Стелла поняла, что он пытается втянуть ее в нескончаемый круг вопросов и ответов, как поступал всякий раз, когда хотел потянуть время и отделаться от неприятного поручения. Убраться в комнате, накрыть на стол... Тогда он затевал эту череду из вопросов, в большинстве своем однотипных. *А если нет? А вдруг?*

В этот раз следовало подавить это еще в зародыше.

– Все будет хорошо, я тебе обещаю. Сэмми, ты уже большой. И ты ведь хочешь, чтобы папу спасли, верно?

– Да, только...

– Ты должен поторопиться, Сэмми. Сейчас нельзя тратить время на разговоры. Папе очень плохо. У тебя все получится. Я бы не стала отправлять тебя, если б не знала, что у тебя все получится.

Конечно, это было не так. Она не стала бы никуда его отправлять, будь у нее выбор. Слишком велик был страх, что все пойдет не так. Ребенок пяти лет, один посреди вересковой пустоши... Здесь терялись даже опытные туристы, и много сил уходило на их поиски. Причем Сэма даже искать никто не будет.

– Главное, не уходи от дороги, – принялась наставлять его Стелла. – Не ходи по лугам или тропам. Стой у дороги, и всё. Тогда с тобой ничего не случится, а скоро обязательно проедет машина.

В глазах Сэмми, устремленных на нее, безошибочно читался страх. Душа болела оттого, что приходилось принуждать его.

– Прошу тебя, Сэмми. Иди.

– Мама...

– Иди!

Стелла произнесла это таким суровым тоном, что Сэмми вздрогнул. Прежде она никогда с ним так не разговаривала. У нее болезненно сжалось сердце.

– Ну пожалуйста. Все будет хорошо.

Хотелось дать ему с собой немного воды, но эти скудные остатки были нужны Джонасу. Оставалось надеяться, что Сэмми на время утолил жажду лимонадом из машины. И достаточно скоро встретит людей.

Сэмми, похоже, понял, что торговаться дальше бесполезно. Он коротко помахал – у Стеллы на глаза навернулись слезы – и скрылся за углом амбара. Храбрый, маленький ребенок, он был до смерти напуган, однако хотел исполнить поручение. Стелла пожалела, что окно не выходило на другую сторону – тогда она могла бы проследить его путь до самой дороги. А так Сэмми сразу пропал из виду. Стелла смотрела в разогретое, безоблачное небо и с трудом сдерживала слезы.

Сэмми не заплакал. И она не хотела плакать.

Стелла спустилась в сумрак амбара, налила немного воды в чашку и напоила Джонаса. Он едва мог глотать, часть драгоценной жидкости стекла по его щеке. Дыхание было ровным. Глаза глубоко запали, веки покраснели.

Стелла сказала ему то же, что говорила Сэму:

– Все будет хорошо.

Скорее всего, Джонас ее не слышал – и наверное, так было к лучшему. Тогда он не заметил бы, что Стелла и сама в это не верила.

«В пасмурные дни здесь, должно быть, совсем уныло», – подумала Терри, наблюдая за рябью на воде.

Она сидела у залива Лох-Райан, глубоко рассекающего западное побережье Шотландии. На другом берегу была видна дорога, вдоль которой ровными, как по нитке выстроенными рядами тянулись низкие, ничем не примечательные дома. В точности как и на этой стороне. Один берег был зеркальным отражением другого. Гористый ландшафт постепенно сглаживался и переходил в холмы. Терри ощущала гнетущее уныние этих пустынных мест. Они с Денисом – ей пришлось долго привыкать к его настоящему имени, и для нее он по-прежнему оставался Нилом – бесцельно скитались по Шотландии, и почти всегда вокруг царило унылое безмолвие, но при этом разворачивались настолько грандиозные, полные дикой романтики пейзажи, что у Терри язык не поворачивался назвать их *гнетущими*. Здесь же, в Кейрнрайане, тоска придавила ее свинцовым грузом. Светило солнце, но было ветрено, и дома вокруг выглядели убогими. Казалось, вот она, конечная станция. Они пересекли страну от края до края, вновь оказались у моря, и пришло время подвести черту.

Возможно, от этого ей и было так грустно: оттого, что они собрались покинуть страну.

В Кейрнрайане был порт. Терри не любила портов.

Все эти дни у нее складывалось впечатление, что у Дениса нет никакого плана, и он стремился лишь убраться на максимальное расстояние от фермы в Йоркшире, где остались тяжело раненный мужчина, женщина и пятилетний ребенок.

«Мой ребенок», – постоянно напоминала себе Терри, но всякий раз пыталась отбросить эту мысль. Она понимала, что Сэмми и его родители протянут в этом амбаре совсем недолго, что еда и питье очень быстро закончатся. Разве не следовало ей, как любящей матери, взять на себя ответственность за них? И неустанно размышлять, искать возможность сообщить о них в полицию? Разве не так поступил бы нормальный человек?

Вместо этого она еще в Йоркшире отдала Денису свой телефон, и тот выбросил его в траву на каком-то пастбище, чтобы полиция не могла отследить их местоположение. Терри не осмелилась возразить. Вообще не посмела сделать что-либо для Крейнов. В противном случае она потеряла

бы Дениса. Мысль об этом вселяла в нее такой ужас, что она душила в зачатке любые помыслы о помощи Крейнам.

Терри всякий раз утешала себя тем, что скоро они сообщат о них в полицию. Ведь Денис дал слово. А до тех пор Крейны смогут продержаться.

Пару раз, пока они блуждали по дорогам Шотландии, она спрашивала Дениса о его дальнейших планах, но тот лишь нетерпеливо отмахивался.

– Просто закрой рот, ладно? Ты меня с ума сводишь своими расспросами! Скоро все сама узнаешь.

Терри больше не осмеливалась задавать вопросы, но ей хотелось, чтобы Денис поскорее разобрался, чего он хочет. Они оставили Крейнов, мягко говоря, в незавидном положении и уже не могли позволить себе проволочек.

С прошлого вечера они жили в маленькой гостинице на побережье между Кейрнрайаном и Странрэром, зарегистрировавшись как мистер и миссис Крейн. Они взяли паспорта Крейнов и заодно всю наличность, какую нашли в доме. Денис был в восторге от паспортов, но Терри понимала, что лучше им не попадать в такие ситуации, когда придется предъявлять документы. С людьми на фотографиях они не имели даже отдаленного сходства.

Утром за завтраком Денис объявил, что они покинут Англию.

– Отсюда шесть раз в день отходят паромы до Белфаста. Думаю, отправляться лучше всего в полдень. Чем больше народу, тем меньше внимания к нам.

– Белфаст?

– А оттуда – в Ирландию. Там нас никто не будет искать.

– Но на что мы будем жить?

– Разносить выпивку ты можешь и там. И я наверняка найду работу.

В его голосе снова появилось раздражение, потому что Терри задавала вопросы. Поэтому до конца завтрака она молчала. Затем Денис отправился в порт, чтобы зарезервировать места, а Терри сидела на берегу и предавалась раздумьям. Мрачным раздумьям. Им нужно было как-то жить, где-то работать. Чтобы устроиться на работу, нужно предоставить документы. Дениса разыскивала полиция, ее, вероятно, тоже. А это означало, что им нельзя называть свои собственные имена. Даже в Ирландии. Но если они и впредь будут представляться *Джонасом и Стеллой Крейн*, что станет с настоящими Крейнами? Как только Денис сообщит о них в полицию и укажет расположение фермы, их паспорта и машина окажутся бесполезными.

И что тогда?

На нее упала тень. Терри подняла голову: Денис. Он вернулся из порта.

– Завтра, ближе к двенадцати, – сообщил он. – Я уже купил билеты.

– И долго придется плыть?

– Чуть больше двух часов. Так что недолго. – Он посмотрел куда-то вдаль поверх воды. – Хотя выдохнуть можно будет, только когда окажемся на борту.

Чуть больше двух часов... В два часа дня они прибудут в Белфаст. Пройдет пять дней с тех пор, как они в последний раз снабдили Крейнов едой и питьем.

Терри собралась с духом, хоть и понимала, что нервы у Дениса и без того натянуты.

– Нил... Денис, когда мы доберемся до Ирландии... мы же потом что-то сделаем для Крейнов?

По его лицу сразу пролегла тень.

– Нам еще понадобится машина. Как, по-твоему, мы доберемся из Белфаста в Дублин?

– Поездом?

– Скажешь тоже, поездом... На машине все равно лучше, – сказал Денис, не утруждая себя объяснениями. – Хватит уже сопли жевать. Нам нужна машина, нужны паспорта. Еще слишком рано звонить в полицию.

– Но Джонас серьезно ранен. Его вообще нужно было сразу доставить к врачу. Потом, Стелла и Сэмми... Денис, им скоро станет нечего есть. И главное – пить.

– Мы оставили им достаточно запасов. Этого хватит на какое-то время.

Терри задумалась, верит ли он сам в то, что говорит. Возможно, он просто убеждал себя.

– Мне кажется, этого не хватит. Это...

Денис двинулся на нее в неконтролируемом порыве. Навис над ней высокой, темной башней. Терри невольно втянула голову и закрыла лицо руками.

– Чтоб я не слышал больше этого дерьма! – прошипел он. – У нас есть проблемы поважнее. Мне сейчас не до Крейнов, и я не хочу слушать твои жалобы. Замолчи, или я тебе вмажу. Ясно?

Терри опасно кивнула. Она знала, что Денис не станет ограничиваться лишь угрозами. Ей недоставало мужества сказать, что она думала в действительности: что своим бегством Денис лишь все усугубляет, что он сам загнал себя в такое скверное положение. Он уже

неоднократно говорил ей, что не имеет никакого отношения к убийству полицейского в Скалби, и Терри ему верила. И была убеждена, что ему не составило бы труда отвести от себя подозрение. Она жила в непоколебимой уверенности, что в правовом государстве человека не могут обвинить в том, чего он не совершал. Но когда Терри поделилась этими соображениями с Денисом, тот лишь язвительно рассмеялся. Поэтому она впредь не осмеливалась говорить что-то подобное. Тем более что ситуация кардинально изменилась: Денис совершил вооруженное нападение, оставил трех человек запертыми в амбаре, одного из которых подстрелил. Спасаясь от наказания за преступление, которого не совершал, он в конечном счете преступил закон. Теперь ему, вне всякого сомнения, грозил тюремный срок.

– Вот увидишь, все будет хорошо, – произнес он миролюбивым тоном.

Терри кивнула, хотя его слова ее не убедили. Для семейства Крейнов, вероятно, уже сейчас все обстояло ровно наоборот. Но Терри не стала говорить об этом. Нервы и без того были на пределе. И все же она попыталась зайти с другой стороны:

– Только я совсем не похожа на Стеллу в паспорте.

Денис смерил ее взглядом.

– Действительно. Особенно волосы. У Стеллы они светлые, а у тебя черные. Надо раздобыть тебе парик.

– Парик? А почему бы просто не покрасить?

– Тоже вариант... Значит, так, поедем в Странрэр и посмотрим, что там можно купить. Вечером можешь покрасить волосы в номере, но завтра придется тебе пропустить завтрак. Нельзя, чтобы хозяйка увидела тебя, это слишком подозрительно.

Терри кивнула. Затем поднялась, отряхнула джинсы и последовала за Денисом к машине. Они поехали по узкой дороге вдоль берега. По правую руку переливалась водная гладь, слева по холмам бродили редкие овцы. Настроение у Дениса приподнялось, он включил радио на полную громкость и временами даже подпевал. В Странрэре они с ходу нашли место на парковке в центре города. Других машин почти не было. Денис огляделся.

– Вон, давай в «Бутс». Там наверняка найдется краска для волос.

– А ты?

– Схожу в банк. Надо снять наличность. Встретимся у машины.

Впервые с тех пор, как они покинули ферму, Денис отпускал ее куда-то в одиночку. До сих пор он старался не спускать с нее глаз. Терри чувствовала, что Денис ей не доверяет. Он словно опасался, что она

попытается как-то выпутаться. Терри удивилась, когда Денис отправился без нее в порт, это было странно. Тем более она не ожидала, что он оставит ее без надзора в городе. Можно было подумать, что его доверие к ней возросло. Или он просто ее проверял?

Денис прихватил ключи от машины и отправился на поиски отделения банка. Таким образом, скрыться ей было бы не так просто – во всяком случае, не на машине.

Терри вошла в магазин. Ей стало боязно и неудобно и захотелось, чтобы Денис был сейчас рядом. Возможно, ее фотография тоже появлялась в газетах. Терри не осмеливалась поднимать голову и смотреть на других посетителей. Она приготовилась к тому, что в любой момент кто-нибудь схватит ее за руку и начнет звать полицию. Терри поспешила в отдел товаров по уходу за волосами. Оказавшись между стеллажами, сделала глубокий вздох. Она в Шотландии. Вероятно, ее разыскивают в Англии, а может, только в Йоркшире. Но уж точно ее не могли искать на западном побережье Шотландии. Или все же могли?

Может, наивно рассуждать в масштабах регионов? И возможно ли вообще скрыться в современном мире, целиком охваченном Сетью? Так, значит, и Денис предавался иллюзиям, если полагал, что сможет затеряться в Ирландии?

И все эти вопросы в конечном счете порождали один-единственный: закончится ли когда-нибудь их бегство?

Усилием воли Терри подавила подступающее отчаяние. В нынешнем положении не стоило слишком глубоко задумываться о будущем – это неизбежно ввергло бы ее в депрессию. Жизнь в бегах, бок о бок с непредсказуемым человеком, который от месяца к месяцу будет все глубже увязать в трясине беззакония и увлечет ее за собой. Терри услышала в голове голос Стеллы: «Уходите от него. Он уничтожит вашу жизнь...»

Легко сказать. Терри не обладала такой силой духа, как Стелла. У нее никого не было, кроме Дениса.

Она взяла упаковку краски – золотистого оттенка, как обещала этикетка, – и, втянув голову в плечи, направилась к кассе. Денис дал ей пару банкнот, и денег хватило почти впритык. Терри забрала несколько монет сдачи и пошла прочь.

Первое, что она увидела, когда вышла за дверь, – телефонную будку на противоположной стороне улицы.

Теперь, когда мобильниками пользовались даже дети в младших классах, телефонные автоматы стали большой редкостью. Но не исчезли окончательно. И в центре Странрэра стоял превосходно сохранившийся

экземпляр.

Терри сжала в руке мелочь из магазина. Условия были идеальные: она одна, перед ней телефонный автомат, и у нее есть несколько монет.

Она может позвонить.

Денис, похоже, задержался в банке, или отделение располагалось дальше от парковки, чем он надеялся. Возможно, ей удастся. Один короткий звонок в полицию. Сообщить о ферме и людях, которые были заперты там и срочно нуждались в помощи.

Тогда полиция узнает номер машины. Мы не сможем завтра проехать на паром. И наши паспорта станут бесполезны.

Но не в этом ли лучший выход? Возможно, тогда ей удастся уговорить Дениса сдать...

В этом больше нет смысла, Денис. Наверное, никогда и не было. Мы не смогли бы всю жизнь скрываться под чужими именами. Иди в полицию, сдайся добровольно. Да, ты стрелял в Джонаса. Но надо надеяться, что он еще жив. Это не будет убийством. Тебя посадят, но потом все останется позади. Потом мы действительно сможем начать новую жизнь.

Терри огляделась. Дениса нигде не было видно.

Она пересекла улицу. Ладонь так взмокла от пота, что монеты едва не проскальзывали между пальцами. Ноги стали ватными.

Я не могу. Не могу предать Дениса.

Эти слова эхом гремели в ушах, но Терри, как зачарованная, шагала к телефонной будке.

Она спасет три жизни. Джонаса, Стеллу и Сэмми. Сэмми – ее ребенок. Денис должен понять.

Однако он не поймет. Терри знала об этом. Всегда и во всем Денис заботится лишь о собственной выгоде. Он напрочь лишен способности понимать других.

Терри потянула на себя дверцу автомата. В глубине души она надеялась, что высшие силы избавят ее от необходимости принимать решение. Телефон мог быть сломан, разбит подростками, которые громят общественную собственность ради развлечения...

Но все выглядело целым и вполне рабочим.

Терри медленно протянула руку к трубке. «Я могу так описать расположение фермы, чтобы им пришлось еще поискать, – думала она, – тогда нам, возможно, еще удастся добраться завтра до Белфаста на машине...»

В этот момент жесткие, как стальные тросы, пальцы сомкнулись на ее

запястье. Терри ничего не услышала, не ощутила даже движения воздуха у себя за спиной. Ее рывком выдернули из телефонной будки и развернули так резко, что она вскрикнула от боли.

Над ней нависло искаженное злобой лицо Дениса.

– Так я и думал, – прошипел он. – Я знал, что с тебя лучше не спускать глаз.

– Денис...

– Ну и?.. Кому ты собиралась звонить? Легавым, да? Все им рассказать, чтобы завтра, когда мы приедем к парому, им осталось бы только перехватить нас?

– Я не хотела им все рассказывать, честно. Я хотела только, чтобы кто-то поехал на ферму и помог Джонасу и остальным. Поверь мне, Денис, я хотела...

– Ты хоть немного соображаешь? – спросил он все тем же, угрожающе тихим голосом. И внезапно взревел: – У тебя мозги хоть есть? Есть *хоть капля мозгов* в твоей мелкой сраной башке? Разве не говорил я тебе тысячу раз? Тысячу! Что нас тут же поймают, как только узнают, что мы ездим на машине Крейнов. Что мы...

Двое прохожих остановились, привлеченные криками, и смотрели на них. Денис понизил голос;

– Ты – подлая мелкая крыса, ты в курсе?

Терри видела, с каким трудом он себя сдерживает. Будь они одни, Денис уже разбил бы ей лицо. К счастью, пока он не мог себе этого позволить. Они и так привлекли к себе много внимания. Кроме того, он понимал, что завтра на пароме к ним будут прикованы все взгляды, если Терри появится на людях с заплывшим глазом и рассеченной губой.

– Прости меня, – проговорила Терри и заплакала.

– Прости, прости... Если б я вовремя не подросел, нас уже преследовала бы полиция. Тебе, видно, плевать, что меня упрячут за решетку?

– Нет, но я хотела помочь Стелле и Джонасу... И Сэмми... Денис, прошу тебя. Ведь проблема только в машине. Давай оставим ее где-нибудь и попробуем найти другую...

Он резко оборвал ее:

– Ты такая наивная, просто рехнуться можно. Другую машину... Угнать? Купить? На чье имя, позвошь спросить? К тому же...

Денис не договорил, и Терри спросила:

– Да? Что?

– У нас проблема. Я не получил денег.

– Почему?

– Счет заблокирован. Видно, узнали.

Терри была в замешательстве.

– В каком смысле? Что узнали?

– Забудь. Только знай, что я не собираюсь больше терпеть твои выходки. Мы по уши в дерьме. У нас скоро вообще не останется наличности, и я не намерен все усугублять заботами о Крейнах. Придется им самим думать, как выкручиваться. Мне, в общем-то, тоже.

– А твое наследство... – робко начала Терри, но Денис вновь ее оборвал:

– Забудь о наследстве. Просто забудь!

Он наконец выпустил ее, развернулся и зашагал к машине. Терри поспешила следом.

– Я купила краску для волос, – сообщила она в попытке вновь добиться его расположения.

– Радуйся, что успела, пока я не проверил счет. Иначе мы уже не могли бы себе этого позволить.

– Но тогда...

– Тогда повязала бы платок. Мне почем знать. Можешь заткнуться хоть ненадолго?

Всю дорогу до Кейрнрайана Терри не смела раскрыть рта. Денис пребывал в скверном настроении. Когда они доехали до гостиницы, он припарковался во дворе, заглушил мотор и с минуту молча смотрел перед собой. Затем взглянул на Терри. Взгляд его был холоден и непроницаем.

– Я не вернусь в тюрьму. Никогда. И если ты подвергнешь меня опасности, если еще хоть раз попытаешься что-то проверить у меня за спиной, одурачить меня – я тебя убью. Тебе ясно?

Терри сглотнула и кивнула.

– Да. Ясно.

– И чтобы я больше не слышал о Крейнах. Это тебе ясно?

Терри снова кивнула.

– Тогда иди и крась уже волосы, будь они неладны, – сказал Денис, вышел из машины и оставил ее одну.

Даже не сомневаясь, что она его послушается.

Никогда прежде Джейн не видела шефа таким бледным и сникшим. Таким усталым. Задавленным.

Он еще утром вернулся из Ливерпуля. Там явно что-то произошло, что ввергло его в такое состояние.

Джейн поняла это, когда Калев пригласил ее и Роберта к себе в кабинет.

– Нам следует оставить в покое Шоува, – сообщил он. При этом голос его звучал непривычно монотонно. – Вероятность, что он стоит за убийством Ричарда Линвилла и Мелиссы Купер, слишком мала.

– Что? – растерялся Стюарт.

Калев долгие месяцы цеплялся за своего главного подозреваемого, и столь резкая смена курса действительно сбивала с толку.

Джейн, со своей стороны, это предвидела. Эту самую сцену. Впрочем, это могло бы произойти намного раньше. Калев сопротивлялся на удивление долго.

Старший инспектор выглядел так, словно за ночь ни на секунду не сомкнул глаз.

– Некоторые факты указывают на то, что убийство сержанта Норманна Доурика следует рассматривать во взаимосвязи с убийством Линвилла и Купер. Согласно последним результатам экспертизы, можно предположить, что он убит первым, даже раньше Линвилла. Долгие годы Норман был ближайшим сотрудником и другом Ричарда, но к тому моменту, когда был арестован Шоув, он уже год как оставил службу. К тому времени они с Линвиллом даже не контактировали. Не знаю, с какой бы стати Шоуву ехать в Ливерпуль и топить Доурика в бочке.

Стюарт побледнел.

– Так его действительно утопили?

– Да. По всей видимости, он отчаянно сопротивлялся. Но у него не было шансов.

– Вам не кажется, что для этого понадобилось бы несколько человек?

– Не обязательно. Доурик был наполовину парализован. В конечном счете с ним мог бы справиться и одиночка.

На мгновение повисло тяжелое молчание. Затем Джейн спросила:

– Из чего вы заключили, что убийство Доурика связано с двумя другими?

Калев вкратце изложил свои доводы: два человека, которые находились в тесных отношениях с Линвиллом, жестоко убиты – как и сам Линвилл. Все три убийства произошли в течение полугода.

– Конечно, бывают совпадения, – заключил он, – и есть вероятность, что за убийством Доурика стоит банда жестоких *подростков*. И это основная гипотеза наших коллег из Ливерпуля. Но я считаю, что нам следует рассматривать все три убийства в некоей взаимосвязи.

– Мы также предполагали, что преступник – Шоув – получал удовлетворение, убивая людей, которые были дороги Линвиллу, – напомнила Джейн. – Думаю, убийство Доурика подкрепляет эту мысль, а не исключает.

– Но проблема в том, что Мелисса Купер была убита *после* Линвилла. Таким образом, этот удар никак не мог задеть его. А что касается Доурика, то вероятно, имело бы смысл как-то донести это до Линвилла. Но вероятность, что тело Доурика вообще будет найдено в запечатанной бочке, посреди заброшенной фабрики, изначально равнялась нулю. Так что убийца не стремился потрясти или запугать Линвилла.

– Если мы оставляем в покое Шоува, – заметил Стюарт, – то, можно сказать, отказываемся от идеи, что преступника следует искать среди тех, кого Линвилл отправил в тюрьму за годы службы. Тогда другие кандидаты ничем не лучше Шоува.

– Разве только ограничимся теми делами, которые Линвилл вел вместе с Доуриком, – добавила Джейн.

Калев покачал головой.

– Это не объясняет убийство Мелиссы Купер.

На это возразить было нечего.

– В каком направлении двигаться теперь, шеф? – спросил Стюарт.

Калев потер глаза.

– Я вчера разговаривал с Кейт Линвилл. Она разыскивала Доурика в надежде узнать подробности отношений между ее отцом и Мелиссой Купер. А мы, к сожалению, не придали ему большого значения.

Стюарт стыдливо опустил взгляд. Это не укрылось от Калеба.

– Не упрекайте себя. В конце концов, я сам решил тогда, что нам незачем разыскивать Доурика. Я вцепился в Дениса Шоува и не видел иных вариантов.

Он в двух словах рассказал, на что указала ему Кейт.

– Она полагает, что причина всех преступлений кроется в личной жизни ее отца, а не в работе. И убеждена, что в его отношениях с Мелиссой Купер – ключ ко всему. Доурик был одним из немногих, посвященных в эту

тайну. В некотором смысле даже единственным.

– То есть?

– Обстоятельства, при которых Ричард расстался с Мелиссой, выглядят довольно загадочно. Так сказала Кейт, и очевидно, Сюзанна Доурик это подтвердила. Что-то явно произошло, и это привело к разрыву – в тот самый момент, когда у них, казалось бы, появился шанс перевести отношения на новый уровень. В это же время случился раскол между Ричардом и Норманом. Доурик вообще переменялся, но отмалчивался всякий раз, когда его жена заговаривала об этом.

– Значит, по мнению Кейт, их разрыву что-то предшествовало, и поэтому все трое теперь мертвы? – заключил Стюарт.

– Именно.

– Боже правый... И за что нам теперь хвататься?

Калеб сокрушенно покачал головой.

– Не знаю. Раздумывал над этим всю ночь, но понял только, что хожу по кругу. А сейчас я... просто устал. И подавлен.

– А насчет девочки что-нибудь известно? – спросила Джейн. – Той вероятной свидетельницы?

– Нет. И в настоящий момент на нее наша единственная надежда. Если она видела преступника и сможет его описать, мы значительно продвинемся. Но для начала ее, конечно, нужно разыскать.

– И если позволите, – добавила Джейн, – нам все-таки не стоит прекращать поиски Дениса Шоува. Я бы не сказала, что мы преследуем совсем уж невинного человека. Вспомнить хотя бы его продолжительные махинации с пенсией Кортни...

– К тому же он подстрелил женщину, – согласился Стюарт. – Присвоил ее машину и оставил тяжелораненую на проселочной дороге. Чудо, что ее удалось обнаружить и она выжила.

– Знаю, – сказал Калеб. – Вопрос в другом...

Джейн и Роберт смотрели на него в ожидании.

– С правовой точки зрения это, конечно, не играет роли, – продолжал он, – но я все больше опасаюсь, что своими действиями мы лишь всё усугубили. Махинации с пенсией – это одно дело, и для личностей вроде Шоува такое вполне ожидаемо. Другое дело – Пегги Уайлд и машина... Возможно, этого и не случилось бы, если бы мы не загнали его в угол. В газетах внезапно появилась его фотография, земля буквально загорелась у него под ногами, и в этот момент ситуация накалилась. Шоув запаниковал и поэтому подверг опасности жизни людей.

– Это его не оправдывает, – возразила Джейн. – Человек не имеет

права стрелять в других людей и угонять их машины только потому, что его приперли к стенке.

– Конечно нет, – согласился Калев.

Однако по нему было видно, о чем он думал. *Нам не следовало заходить так далеко.*

Больше сказать было нечего. Сюзанне Доурик еще накануне сообщили о смерти бывшего мужа, но Стюарт все же решил съездить к ней еще раз. Ему не давала покоя мысль, что он удовольствовался первым же разговором. Калев решил выпить крепкого кофе, а Джейн отправилась к себе в кабинет. Ее снедали сомнения.

Вся надежда на Грейс Хенвуд из Ливерпуля, умственно отсталую девочку четырнадцати лет.

Что бы такого Джейн могла сделать сейчас? Она все больше чувствовала себя беспомощным наблюдателем.

Шоув оказался вне игры. Калев вычеркнул его из списка подозреваемых. И все же Шоув должен был ответить за свои преступления, так что Джейн могла продолжать поиски. Калев и Роберт между тем еще раз все как следует пересмотрят. И попытаются найти что-то новое.

Когда зазвонил телефон, Джейн буквально вздохнула с облегчением. Возможно, это отвлекло бы ее хоть ненадолго.

Женщина на том конце провода, судя по голосу, была явно утомлена.

– Детектив-констебль Скейпин? – спросила она. – Полиция Йоркшира?

– Да. Кто это?

– Меня зовут Амели Бромли, я из пресс-службы «ТВ Адвенчер».

Киностудия, на которую работал Джонас Крейн.

– Да? – Джейн насторожилась.

– Мистер Халид дал мне ваш номер и... можно сказать, вынудил меня позвонить вам, – Амели Бромли тихо простонала. – Этот человек меня просто с ума свел. Терроризирует меня со вчерашнего дня и требует, чтобы я немедленно помогла разыскать Джонаса Крейна.

– Мистер Халид? Это...

– Да, Хамза Халид, этот иракец или иранец, или кто там еще. Он узнал, что мы не будем снимать этот фильм о его жизни, и прямо с катушек съехал.

– Я с ним разговаривала, – сказала Джейн. – Я знаю о его проблемах.

– Я ничего не могу сделать для него, мистер Крейн – тоже. Это ведь не он решает, какие фильмы нам снимать, а какие – нет. Но мистер Халид, похоже, твердо убежден, что Джонас ему поможет, и ведет себя так, будто его жизнь изменится, если мы его разыщем.

– А вам известно, где сейчас мистер Крейн и его семья?

– Я думала, что они уже давно вернулись. К пятнице мы ждем от Джонаса два синопсиса, а в следующую среду у него встреча. И вот Халид утверждает, что Джонас бесследно пропал...

– Во всяком случае, в это воскресенье Крейны так и не вернулись, – подтвердила Джейн.

– А почему этим заинтересовалась полиция? – недоверчиво спросила Амели.

– Мы хотим лишь задать им несколько вопросов в рамках одного дела, – уклончиво ответила Джейн. – Но при этом пока сами не уверены, могут ли они нам как-то помочь.

– Вот как... Как бы там ни было, нужно что-то предпринять, иначе этот Халид не оставит меня в покое.

– А почему он вообще обратился к вам?

– Он всех тут расспрашивал. И кто-то отправил его ко мне. Сказал, будто мне что-то известно. В действительности, я могу только *предположить*, кто предоставил Джонасу дом на время отпуска.

– Это было бы уже что-то, – сказала Джейн.

Возможно, Крейны действительно приведут ее к Денису Шоуву. А может, она сумеет лишь помочь несчастному мистеру Халиду. Так или иначе, Джейн могла сделать *хоть что-то*, продолжая это расследование.

– Ну да, Джонас интересовался у коллег насчет таких мест, где можно на время укрыться от внешнего мира. Кажется, его врач посоветовал ему взять паузу. Ну, вы понимаете, вдали от суеты, без Интернета и телевизора. Подальше от информационного потока. Найти и познать себя. Что-то в этом роде.

Миссис Хеджер в Кингстоне тоже говорила о чем-то подобном.

– Да, это соотносится с моими сведениями, – сказала Джейн.

– У нас тут есть один сценарист, он тоже постоянно с нами работает. И я вспомнила, что у него есть такой дом. Он нужен ему для работы. Это какая-то бывшая ферма, где-то посреди пустошей в Йоркшире.

Где-то на севере Англии...

– А вам известен адрес? Или точное расположение этой фермы? – спросила Джейн.

– К сожалению, нет. Я даже не знаю, последовал ли Джонас моему совету. Без понятия. Но я могу дать вам номер этого самого сценариста.

Джейн взяла карандаш.

– Было бы здорово.

– Хамза Халид требовал у меня его номер, но не могу же я навязывать

другим этого ненормального, – сказала Амели. – Поэтому он попросил меня связаться с вами. Вы ведь точно из полиции? – спросила она с недоверием.

– Можете позвонить по номеру нашего отделения в Скарборо и попросить, чтобы соединили со мной, – предложила Джейн.

Очевидно, это развеяло сомнения Амели.

– Ну ладно, этого сценариста зовут Бенджамин Уилсон. Я не знаю, где он сейчас, но дам номер его мобильного.

Амели продиктовала номер. Джейн попросила передать Халиду, что она обо всем позаботится.

– Пусть идет домой и не беспокоится понапрасну.

– Я молюсь об этом! – сказала Амели и повесила трубку.

Джейн сразу набрала номер мистера Уилсона, но услышала лишь голос автоответчика. Она представилась, объяснила, что хочет лишь задать пару вопросов, и попросила перезвонить.

Констебль не знала, насколько оправданы ее тревоги. Джонас Крейн был свободным автором и мог распоряжаться временем по собственному усмотрению, если только соблюдал оговоренные сроки. Возможно, они просто решили задержаться на ферме, раз уж установилась теплая погода. Странно только, что Стелла не прослушивала голосовую почту и не сообщила соседке, которая присматривала за их домом, что у них изменились планы.

Не стоило сходить с ума по этому поводу. У нее и так хватает забот. Рано или поздно этот мистер Уилсон перезвонит, и, возможно, все встанет на свои места.

К вечеру Джонас едва мог дышать. Большую часть времени он лежал без сознания и лишь изредка приходил в себя. Но в такие мгновения не похоже было, чтобы он понимал, где находится и что с ним вообще произошло. Стеллу он тоже не узнавал. Лишь растерянно озирался, после чего снова терял сознание. Один раз все же прохрипел одно слово: «Пить». Стелла придержала его голову и дала несколько глотков. В борьбе с лихорадкой она давала ему больше воды, чем планировала изначально, так что ее расчет растянуть последние запасы до следующего дня оказался под вопросом. Уже сейчас в бутылке плескались жалкие остатки. У нее не осталось ни парацетамола, ни бинтов, вообще ничего. При этом было очевидно, что без медицинской помощи Джонас вряд ли переживет эту ночь. За весь день Стелла сама не выпила ни капли, чтобы побереечь воду для Джонаса, и чувствовала, как стремительно теряет силы. Она так мучилась от жажды, что ей уже мерещились бьющие источники, голубые озера, запотевшие бутылки с ледяной водой... Стелла как могла старалась отогнать эти видения, так они были мучительны. Глаза горели от сухости, воспаленные веки распухли. Она в отчаянии смотрела на последний глоток в бутылке. Эта толика жидкости едва ли помогла бы Джонасу, но возможно, придала бы ей энергии, чтобы пережить эту ночь. Стелла и не думала о том, чтобы уснуть, она не могла оставлять Джонаса. Но, быть может, в итоге все решат эти ничтожные остатки, эта грань между жизнью и смертью, и Стелла сможет протянуть до прихода помощи...

Помощь...

Вопрос лишь в том, почему она до сих пор не прибывала. Сэмми не было уже шесть часов. Он еще мал, его мучила жажда, и солнце нещадно припекало, так что по пути он наверняка то и дело останавливался передохнуть. И все равно ему давно следовало добраться до дороги. Машины там проезжали довольно редко, но все-таки проезжали. Не могло такого быть, чтобы никто не остановился, когда у дороги бродит ребенок, по всей видимости, без присмотра взрослых.

Но в таком случае не полагалось ли здесь уже быть полиции?

И почему их до сих пор нет?

И где же Сэмми?

Не нужно было отпускать его. Зря она пошла на такой риск. Всего полтора месяца назад Сэму исполнилось пять. Он хоть и был смышленным

ребенком, но рос под присмотром и в заботе, лишенным самостоятельности. Стелла еще никуда не отпускала его одного, разве что к другим ребятам, которые жили на той же улице. И вот теперь он бродил где-то посреди вересковых пустошей в Йоркшире...

Джонас что-то пробормотал, и Стелла мгновенно оказалась рядом. В ней всколыхнулась надежда, что Джонас не только пришел в себя, но и его восприятие чудесным образом прояснилось.

Однако было очевидно, что ничего не изменилось. Джонас по-прежнему блуждал в своих лихорадочных видениях и понятия не имел, кто он и где находится. Стелла при всем желании на могла понять, что говорил муж. Обрывки слов, бессмысленные сочетания звуков. Она была в отчаянии.

– Джонас! – говорила она сквозь слезы. – Джонас, я сделала, как ты сказал. Сэмми выбрался через окно. У нас все получилось, он спустился невредимым. Он приведет помощь. Ждать еще недолго. Нужно продержаться еще совсем немного. Джонас, ты слышишь? Тебе нельзя сдаваться.

Муж приоткрыл глаза, но взгляд его был замутнен. Он ее не узнавал.

– Джонас!

Он снова закрыл глаза. Голова завалилась набок. Дыхание было тяжелым и хриплым. Казалось, руку Стеллы обдавало горячим паром.

Стелла смотрела на мужа и спрашивала себя, неужели это последнее, что она видит? Запыленный амбар, вечерние сумерки за крошечным окном. Узкий продавленный диван. На нем мужчина, с которым она хотела провести остаток жизни.

Мужчина, который умрет, если в ближайшее время...

В этот момент Стелла услышала голос. Скорее, даже шепот снаружи.

– Мама...

Стелла вскочила и стала взбираться по импровизированной лестнице, торопливо, позабыв о всякой осторожности, так что под ней все раскачивалось и опасно кренилось. Наконец она высунулась из окна.

– Сэмми?

– Мама!

Сэмми буквально прильнул к стене амбара и смотрел вверх, так что Стелла не сразу его заметила. Солнце зашло, но небо было еще светлым. Она видела перепачканное лицо Сэма. Сын выглядел усталым, даже измотанным. Казалось, он готов был пройти сквозь стену, только бы вновь оказаться рядом с мамой.

Но почему он один? Где полиция? «Скорая»?

Почему вокруг так тихо?

– Сэмми! Тебя так долго не было!

Слезы блестящими ручейками сбегали по его лицу, покрытому слоем пыли.

– Мама, мне так хотелось пить!

– Где ты был?

– Я искал воду.

– Ты... Сэмми, тебе нужно было бежать к дороге. *Ты должен был привести помощь!*

– Мне хотелось пить. Я искал пруд.

– Какой еще пруд?

Господь всемогущий, Сэмми даже не был у дороги... Вместо этого он бродил по окрестностям в поисках воды. Счастье, что он в итоге сумел вернуться.

– Здесь есть пруд! – настаивал Сэмми.

Стелла понятия не имела, о чем он говорил. Возможно, ему попадалась на глаза какая-то заводь, когда они с Джонасом выбирались погулять.

Она тихо простонала. Все напрасно. Ожидание, надежды, сомнения...

– И потом я уже не смог отыскать дорогу, – сообщил Сэмми.

Стелла видела по его лицу, в каком он отчаянии. Она не имела права упрекать его. Сэмми был еще так мал... Она слишком много требовала от него.

– Все хорошо, Сэмми, все хорошо.

– Я не нашел дорогу. А потом не мог найти дом. И было так жарко... Я испугался!

Он снова заплакал.

– Все хорошо. Ты же вернулся, ничего не случилось.

Мы погибли.

– Мне так хотелось пить...

– Подожди.

Стелла приняла решение. Она спустилась вниз и взяла бутылку с жалкими остатками воды. Перевязала горлышко веревкой, на которой несколько часов назад спускала Сэмми, и как следует затянула. После чего снова влезла на башню из хлама.

– Я спущу тебе воду, – сообщила она. – Аккуратнее!

Бутылка стала медленно опускаться вдоль стены. Сэмми протянул к ней руки.

– Аккуратнее! – повторила Стелла.

Когда бутылка оказалась внизу, Сэмми схватил ее, отвинтил крышку и

выпил быстрыми, жадными глотками. Затем поднял голову.

– Мама, я все равно хочу пить!

– Больше не осталось. Сэмми, посмотри еще раз в машине Терри. А потом еще раз обойди дом. Может, ты все же не заметил кран...

Стелла не питала особых надежд – и действительно, Сэмми вскоре вернулся ни с чем.

– Там ничего нет.

– Хорошо.

Хотя ничего хорошего в этом не было. У них ничего не осталось, совсем ничего. На мгновение Стелла задумалась о том, чтобы использовать воду из радиатора в машине Терри, или из бачка омывателя. Но в случае с омывателем слишком велик был риск, что в воде содержались остатки незамерзающей жидкости. Что касалось радиатора... вода в нем была далеко не стерильной. В нынешнем положении им не хватало только рвоты и диареи.

– Сэмми, тебе надо поспать. Может, завтра еще раз попробуешь сходить к дороге? Что скажешь? Но для этого тебе нужно набраться сил.

В глазах Сэмми появился ужас.

– Я не хочу снова туда ходить. Мне было так страшно... Я хочу остаться с тобой и с папой!

Бессмысленно было обсуждать это сейчас. Оставалось только надеяться, что утром, когда станет светло, в Сэмми вновь проснется жажда действия.

– Хорошо. Но тебе все равно нужно поспать.

– Можно мне к вам?

– Нет, милый, это слишком опасно.

– Я могу взобраться по веревке!

– Это не веревка, и если хоть один узел развяжется, ты сорвешься.

– Тогда я снова обвяжусь, и ты поднимешь меня.

Легкомысленно было надеяться, что Сэмми сумеет достаточно крепко обвязать себя вокруг пояса.

– Нет, Сэмми, лучше иди в машину Терри. Как тебе такая идея? Ляжешь на заднем сиденье, там мягко и удобно, тебе будет хорошо.

Сэмми уже в который раз заплакал.

– Нет! Я хочу к вам!

У Стеллы сжалось сердце, но уступить она не могла.

– Эй, что я вижу? Слезы? И этот молодой человек собирался поставить палатку в саду и ночевать под открытым небом?

Но в данный момент Сэму было не до прежних своих желаний.

- Мама, ну пожалуйста! Я хочу к вам!
- Иди в машину Терри, – отрезала Стелла.

Не было никакого желания подолгу уговаривать Сэма. У нее просто не осталось на это сил, и все тяжелее было говорить. Воздух в этом проклятом амбаре словно состоял из пыли. От нее першило в горле, и когда Стелла начинала говорить, становилось только хуже.

- Мама! – завыл Сэмми.
- Делай, как говорят. Ложись спать. Мы с папой тут, совсем рядом.

Похоже, Сэм понял, что обратно в амбар ему не попасть. Он что-то еще пробормотал насчет голода и страшной жажды – *да, нам всем тяжело*, подумала Стелла, – после чего побрел к машине. Стелла проследила, как он открыл заднюю дверцу и забрался на сиденье.

Хорошо. Он устроился. Не лучшим образом, но все-таки.

Стелла спустилась. У нее подгибались колени, руки дрожали. Казалось, силы постепенно оставляли ее. Даже не верилось, что это произошло так быстро. Она всегда следила за своим питанием, каждый день совершала пробежки и по возможности плавала в бассейне. Она гордилась своим здоровым, тренированным телом. И вот – всего несколько дней в заточении, без еды и питья, довели ее до полного физического истощения.

Не говоря уже о психическом состоянии.

Стелла проверила состояние Джонаса. Все так же плохо. По крайней мере, *не хуже* – во всяком случае, так ей казалось. Но и не лучше.

Стелла свернулась на ковре возле дивана. Она почти привыкла к этому жесткому ложу. Хотелось забыться на час или два. Погрузиться в сон, чтобы не мучиться от боли в желудке, не думать каждую секунду времени о воде. Не слышать, как жутко хрипит Джонас. Не думать о том, как Сэмми плачет в машине Терри. Просто успокоиться. Хотя бы на миг.

Стелла не питала надежд, однако она так вымоталась, что это ей действительно удалось. Она уснула.

Четверг, 12 июня

Джейн терпеть не могла просить об одолжении свою соседку, миссис Поллард. Та уже не пыталась скрывать раздражение, когда ей приходилось подменять Джейн.

Слишком уж часто это стало повторяться, пожаловалась недавно миссис Поллард. Что у нее стряслось? Раньше Джейн как-то умудрялась совмещать работу и Дилана.

– Просто на работе в последнее время не продохнуть, – ответила Джейн.

Однако миссис Поллард заявила на это, что ей следовало прежде подумать, подходит ли ей работа в полиции.

– Как будто по телевизору этого не показывают! Постоянные переработки, никакого графика. Семья вечно на втором плане, браки распадаются...

Джейн хотелось возразить, что телевидение – идеальное средство по распространению стереотипов. Но применительно к ее профессии это вряд ли послужило бы аргументом. Во всяком случае, у тех, кто служил в убийном отделе и к тому же был занят в сложном расследовании, действительно возникали некоторые трудности с рабочим графиком и семейной жизнью. Тем более если о семье в полном смысле слова – как в случае Джейн – и речи не шло. Скорее уж остатки семьи. Но от этого было не легче. Даже наоборот.

– А почему нельзя отвезти его в это... учреждение? – сердито спросила миссис Поллард.

Она стояла босиком, в халате и шапочке для душа. Должно быть, как раз собиралась в ванну. Джейн спросила, не может ли она только сегодня – ну да, не только сегодня, но *снова* – присмотреть за Диланом.

– У них там уже пятый случай скарлатины, – ответила констебль на ее вопрос. – С этого дня они закрылись на карантин, и...

Эту ужасающую новость Джейн прослушала накануне вечером по автоответчику. «Дрянь, – подумала она в тот момент, рухнула в кресло и обхватила голову руками, – дрянь, дрянь!»

– А если Дилан тоже подхватил скарлатину? – ужаснулась миссис Поллард.

– Исключено. Он ею уже переболел, – заверила ее Джейн.

– Что ж, я, по счастью, тоже, – сказала миссис Поллард и

преувеличенно громко вздохнула. – Но впредь так не пойдет, Джейн. В самом деле, вам нужно организовать все это как-то иначе. Я бы на вашем месте не стала терпеть. В конце концов, вы не одна отвечаете за Дилана! Шон мог бы...

– Верно, – согласилась Джейн. – Но вы же знаете этих мужчин...

Она считала подобные стереотипы нелепыми, но знала, что они хорошо действуют на миссис Поллард. В особенности этот. Несколько лет назад мистер Поллард внезапно испарился, бросив жену, и с тех пор миссис Поллард видела в мужчинах корень всех зол.

– Действительно, – подхватила та. – Вечно думают только о себе, ни в чем нельзя на них положиться... Ладно. Присмотрю сегодня за Диланом. Но только *сегодня!* И постарайтесь вернуться к пяти.

– Обязательно, – пообещала Джейн и взмолилась, чтобы ей удалось сдержать слово. – Тогда...

– Приду через десять минут, – проворчала миссис Поллард. – Хотя бы душ я могу принять?

– Само собой. Большое вам спасибо. Не знаю, что бы я без вас...

– Нашли бы другого болвана, – сказала миссис Поллард и захлопнула дверь.

* * *

Спустя четверть часа Джейн уже сидела в машине, удерживая одной рукой руль, а в другой держа бутерброд. Она не успела даже толком позавтракать. Проклятая эпидемия скарлатины смешала ей все планы. Констебль как раз встала на светофоре, когда зазвонил телефон. Джейн ответила по громкой связи.

Это был Бенджамин Уилсон, сценарист. Его голос звучал несколько настороженно. Должно быть, когда он услышал голосовое сообщение, то заподозрил, что кто-то хочет его разыграть.

– Детектив-констебль Скейпин? – спросил он с ударением, которое выдавало его скепсис. – Полиция Йоркшира?

– Да, все верно. Мистер Уилсон?

– Да. Это вам я должен был перезвонить?

– У нас лишь пара вопросов, мистер Уилсон. Речь о вашем коллеге, мистере Крейне.

– Что-то случилось?

– Нам необходимо поговорить с ним в рамках одного дела, но мы не

можем его разыскать. Он должен был вернуться в прошлое воскресенье, но...

– А он не вернулся? Мы с ним договаривались, что он займет дом до восьмого июня.

– Так значит, он снял у вас дом? – спросила Джейн.

– Да, это бывшая ферма среди вересковой пустоши. Откуда вы узнали?

– Мне подсказали в киностудии «ТВ Адвенчер». Мы уже довольно долго разыскиваем мистера Крейна.

– Это ему врач посоветовал. Взять паузу. Крейн страдал от хронической усталости. Во всяком случае, так он сказал. Я лично сомневаюсь, что две недели вдали от мира как-то ему помогут, тем более что он поехал с семьей... Ну да ладно, ему лучше знать.

– И ваша ферма подошла для этих целей?

– Да. То, что он искал. Не найдете места более глухого. Ни телевизора, ни Интернета, ни радио. В низине даже мобильный не ловит. Даже если мировая война разразится, вы ничего не узнаете.

– А вы за это время что-нибудь слышали от него?

– Нет. Но в том-то и смысл, что ему нужно воздержаться от контактов с внешним миром. Если б возникли какие-то проблемы, он, конечно, связался бы со мной, но похоже, всё в порядке.

– А вы допускаете, что он мог задержаться на ферме, не предупредив вас?

– Нет, – убежденно ответил мистер Уилсон, – сомневаюсь. Он уже отдал деньги за две недели – в общем-то, не так много, только расходы на свет, воду и все такое. Даже не представляю, чтобы Крейн мог задержаться дольше оплаченного срока. Ну, разве что решил потом доплатить, но все равно... без предупреждения... на него это не похоже.

– Мистер Уилсон, – спросила Джейн, – а вы не могли бы поехать со мной на эту ферму?

Мистер Уилсон засмеялся.

– Я сейчас не в Англии, констебль. Я звоню вам с Тенерифе. Пишу сценарий к фильму. Действие происходит на островах, вот и пытаюсь проникнуться атмосферой.

«И что это меня потянуло в полицию? – задумалась Джейн. – Надо было идти в сценаристы».

Но с Диланом и готовой прийти на помощь миссис Поллард такая жизнь была бы невозможна: сегодня Тенерифе, завтра ферма посреди пустошей, а потом, быть может, Нью-Йорк...

Ладно, можно иногда и помечтать.

– Понимаю, – сказала Джейн. – А вы не против, если я поеду туда и осмотрюсь? Нам действительно очень нужно разыскать Крейнов.

Уилсон явно колебался. Джейн понимала, в чем дело: разумеется, он не хотел, чтобы у Джонаса сложилось впечатление, будто его коллега обратился в полицию только потому, что он решил, не оплатив аренду, задержаться на время в его доме.

– Только если Джонас... – начал он, но Джейн его перебила.

– Само собой, мистер Уилсон. Я объясню, что приехала не по вашей просьбе. У меня к ним всего пара вопросов, и вы тут совсем ни при чем. Кроме того, я начинаю беспокоиться. Крейны не предупредили даже свою соседку в Кингстоне, которая забирает их почту и поливает цветы. Мне кажется, у них что-то не так, и будет совсем нелишним, если кто-то их проведает.

Этот последний довод, очевидно, убедил Уилсона. Он подробно объяснил ей, как добраться до фермы. Джейн, будучи за рулем, могла лишь запоминать и надеяться, что ничего не перепутает.

– Сообщите мне, когда будете на месте, – попросил в заключение Уилсон. – Неважно, застанете вы там кого-то или нет.

– Обязательно. Я позвоню вам в любом случае, – пообещала Джейн.

Она прервала разговор и задумалась. Доехать ли сначала до участка? По всем предписаниям, следовало взять кого-то из коллег, но устраивать это в столь сжатые сроки было слишком хлопотно. К тому же расследование в отношении семейства Крейнов изначально шло по ее инициативе. И если бы выяснилось, что у них всё в полном порядке, Джейн оказалась бы в глупом положении, а ей не хотелось, чтобы кто-то знал об этом.

На следующем перекрестке она решительно повернула налево. Ферма располагалась недалеко от местечка Эгмонт. Сначала следовало разыскать его, а уж потом – ферму. Через час она уже будет в участке – и, если тревога окажется ложной, скажет, что искала, куда пристроить Дилана.

* * *

Одного часа, чтобы доехать до фермы, осмотреться и вернуться в Скарборо, оказалось явно недостаточно. Чтобы только отыскать это место, потребовалось пятьдесят минут. Дважды Джейн поворачивала не туда и заезжала в необитаемые дебри. В обоих случаях дорога сменялась грунтовкой и оканчивалась труднопроходимым проселком. Вокруг

простирались равнины, росли приземистые кустарники и чахлые деревца, и паслись несколько овец. Солнце жгло нещадно. В машине не было кондиционера, Джейн ругалась и с трудом разворачивалась. Разъяснения мистера Уилсона запомнились лишь фрагментарно. Даже не верилось, что в подобном захолустье еще кто-то обитал. У этой треклятой фермы не имелось даже адреса, так что и от навигатора не было толку.

«До какой степени нужно вымотаться на работе, – думала Джейн, – чтобы забраться в самую задницу мира?»

Но в конце концов она отыскала нужную дорогу. Очень узкую и извилистую.

«Ферма покажется из-за поворота совершенно неожиданно, – говорил мистер Уилсон. – Она расположена в долине; два строения, жилой дом и амбар. А вокруг – ничего!»

Описание оказалось верным. Джейн сразу опознала ферму – и на первый взгляд она выглядела необитаемой. Ставни на окнах закрыты, кругом мертвая тишина.

Значит, Крейнов здесь уже не было. Где же они тогда?

И все-таки Джейн решила подъехать поближе. Возможно, ей удастся что-нибудь обнаружить и понять, где теперь находятся Крейны. Впрочем, в это слабо верилось.

«Наверное, я напрасно сходила с ума», – подумала Джейн. Возможно, им здесь просто надоело – и их вполне можно понять. Они перебрались в уютный отель у самого моря и просто позабыли кого-либо предупредить...

Тогда почему Стелла не отвечает на звонки?

Машина медленно катила по каменистой дороге. Настоящее испытание для подвески. Профессия сценариста виделась Джейн уже не такой привлекательной. Нужно быть сумасшедшим, чтобы тратить деньги на обителище вроде этого и регулярно заезжать туда ради спокойной работы. Джейн не сомневалась, что за два дня впала бы здесь в депрессию и не смогла бы родить ни одной разумной мысли.

Она свернула во двор – и сразу увидела две машины, оставленные перед домом. Они стояли так, что их не было видно ни с холма, ни с дороги, ведущей в долину.

Синий «Рено» и красный «Форд».

Джейн не помнила номер, но сразу сообразила: синий «Рено» Терезы Малиан и красный «Форд», отобранный у Пегги Уайлд, были объявлены в розыск.

Денис Шоув и Тереза были здесь. На этой ферме.

Джейн машинально схватилась за телефон. Следовало немедленно

вызвать подкрепление. Закрытые ставни на окнах не внушали доверия. По всей видимости, Шоув и его подруга забаррикадировались в доме. И держат Крейнов в заложниках? Кроме того, Шоув вооружен. И щепетильностью не отличается. Он без колебаний выстрелил в Пегги Уайлд.

Других машин поблизости не было. Но это ничего не значило. Машина Крейнов могла стоять в амбаре.

Джейн взглянула на экран телефона. Мистер Уилсон не обманывал: сигнала не было.

Нужно было вернуться на дорогу – возможно, там появится сигнал. Так или иначе, следовало отъехать подальше. Здесь она представляла собой идеальную мишень.

До чего же глупо, вот так открыто подъезжать к ферме, забыв обо всех предосторожностях... Одно лишь предположение, что с Крейнками могло что-то случиться, предполагало более осторожное поведение.

Дилетант! Ведешь себя, как неразумный дилетант.

Джейн включила заднюю передачу и не сводила глаз с дома, готовая в любой момент пригнуться, как только прозвучат выстрелы. Она не сомневалась, что ее давно заметили. Шоув понимал, что она увидела машины и обо всем догадалась. А учитывая, что она до сих пор не вызвала подкрепление, имело смысл остановить ее сейчас. Джейн даже удивилась, почему в нее до сих пор не стреляют.

С другой стороны, Шоув не мог знать, что она из полиции. Джейн как-то не подумала об этом. Ее вполне можно было принять за туристку, сбившуюся с дороги. В таком случае разумнее было бы позволить ей уехать.

Джейн начала уже разворачиваться, как вдруг задняя дверца «Рено» распахнулась, и оттуда буквально вывалился ребенок. Он махал ей и бежал через двор. На вид ему было лет пять, и Джейн сразу подумала, что это, вероятно, приемный сын Крейнов. Сэмми, сказала их соседка в Кингстоне – ребенок Терезы Малиан.

Первым ее порывом было выскочить из машины и бежать навстречу, но это могла быть ловушка. Джейн проехала под углом к дому и только потом остановилась. С этой стороны не было окон, а значит – и опасности получить пулю из засады. Джейн выбралась из машины и пригнулась. При этом она старалась держаться так, чтобы машина оставалась между ней и домом.

Вот мальчик выбежал из-за угла. Бедняжка совсем запыхался, так быстро он мчался, очевидно, испугавшись, что незнакомая машина просто

уедет. Грязное, потное лицо, светлые волосы торчат в разные стороны. В широко раскрытых глазах читались страх и полное смятение.

Что здесь произошло?

– Сэмми? – спросила Джейн.

Он оказался достаточно близко, чтобы можно было схватить его за руку и увлечь под прикрытие машины. Мальчик сопротивлялся, но очень слабо. У него как будто совсем не было сил.

– Эй, спокойно. Меня зовут Джейн. Джейн Скейпин. Я из полиции.

Он смотрел на нее с недоверием. Джейн придала палец к губам.

– Тише. Оставайся здесь. Не убегай. Могу я тебя выпустить?

Он кивнул.

Джейн осторожно выпустила его руку.

– Нам нужно быть осторожными. Из-за Дениса Шоува.

Она заметила его недоумение и вспомнила, что Шоув скрывался под другим именем.

– Я имею в виду Нила Кортни.

Мальчик наконец-то прервал молчание. Джейн видела, как растрескались у него губы.

– Он уехал. Нил. И Терри здесь тоже нет.

– Ты уверен? Там стоят обе их машины.

– Мама говорит, они взяли нашу.

– А где твоя мама?

Он кивнул в сторону амбара.

– Там. С папой. Нил запер нас там. Папе очень плохо. Нил его ранил. Я вылез через окно. Но папа и мама не могли пролезть, потому что оно слишком маленькое. Я должен был позвать на помощь, – казалось, он уже не мог замолчать. – Но я хотел найти воду. Тут рядом есть пруд. Ты знаешь, где?

Он взглянул на нее с надеждой.

– Нет, к сожалению. Но погоди...

Джейн заглянула в машину и достала бутылку воды, почти полную. Она никогда не выезжала без воды.

– Тебе, наверное, очень пить хочется?

Сэмми схватил бутылку – и пил так, словно от этого зависела его жизнь. Возможно, так оно и было в действительности. Джейн даже не сомневалась, что ему можно верить. Она не усматривала в этом возможной ловушки. Слишком уж плох был Сэмми: истощенный, изнуренный, полный отчаяния. И его слова выглядели вполне правдоподобно. Денис Шоув воспользовался знакомством Терри с приемными родителями ее ребенка,

чтобы после нападения на Пегги завладеть их машиной. Он принял в расчет, что Пегги рано или поздно найдут, и передвигаться на ее машине будет небезопасно. А Крейнов запер в амбаре, чтобы они не помешали ему бежать.

Калебу незачем было упрекать себя в том, что они с таким усердием разыскивали Шоува. Это был бессердечный преступник.

Джейн направилась к амбару, осмотрела дверь: заперта на замок и дополнительно на засов, снабженный, в свою очередь, навесным замком.

Денис Шоув перестраховался как следует.

Сэмми следовал за ней.

– Вы должны спасти маму. И папу!

Джейн дернула дверь. Так просто ее не открыть. Необходимо вызвать подкрепление, причем срочно.

Изнутри послышался тихий голос:

– Сэмми?

– Это констебль Скейпин, полиция Йоркшира. Миссис Крейн?

Секундное замешательство. Затем изумленно:

– Полиция?

– Да. Мы вытащим вас оттуда, миссис Крейн. Вы в порядке?

– Да, но мой муж... ему очень плохо. Боюсь, долго он не протянет. У вас есть вода? Сэмми с вами?

– Да. Он со мной. И у меня есть вода.

Невзирая на жажду, Сэмми выпил лишь половину бутылки.

– Сэмми говорил про окно...

– С другой стороны. Веревка. Прошу, идемте... на другую сторону.

Может Стелла и считала, что она в порядке, но голос у нее был очень слабый.

«Он даже запаса воды им не оставил, – думала Джейн, пока обходила амбар. – Этот мерзавец...»

Окно располагалось под самой крышей, в нескольких метрах над землей. Боже милостивый, и оттуда Стелла спустила своего сына!.. Смелый поступок. Но это был их единственный шанс. В оконном проеме появилось изможденное лицо. Спутанные волосы, огромные глаза, обостренные черты. Силы у Стеллы Крейн были на исходе.

– Видите веревку? – воскликнула она хриплым голосом.

Джейн увидела свисающую из окна веревку; она выглядела довольно странно, связанная из одежды, тонкого одеяла и всевозможного тряпья.

«А она упорная, эта Стелла Крейн», – подумала Джейн. Взяла конец веревки, обвязала бутылку и как могла затянула узел.

– Можете поднимать. Аккуратно!

Бесконечно медленно бутылка поползла вверх.

– Я вызову подкрепление, – сказала Джейн. – Где здесь можно поймать сигнал?

– Там, на холме. Слабый, но позвонить можно.

Джейн убедилась, что бутылка достигла цели, после чего бросилась к машине. При этом она крепко держала за руку Сэмми. Мало ли что. Она не собиралась оставлять его здесь одного.

– Давай, садись на заднее сиденье. Поднимемся на холм и вызовем подкрепление. Полицию, «скорую». Будет здорово, как считаешь?

Сэмми кивнул. Прежде подобное предложение привело бы его в восторг. Но сейчас ему было не до приключений. Джейн видела, что он глубоко травмирован. Констебль потрепала его по волосам.

– Все будет хорошо, – пообещала она.

Не похоже было, что он ей поверил.

За ночь с Атлантики напоззли тучи, и в Ливерпуле полил дождь. Слабый, монотонный и затяжной, на целый день. Он смыл с улиц пыль после недельной жары. К вечеру лужайки, которые уже обрели бурый окрас, освежатся и вновь зазеленеют. Температура резко упала. Кейт ничего с собой не взяла и, когда вышла из отеля в джинсах и футболке, зябко поежилась. Ей нужна была чистая одежда, в особенности белье. Давно пора возвращаться в Скалби. Калев уехал еще утром. Он оставил ей записку на стойке регистрации. *Надо возвращаться. Я позвоню. Калев.*

И это всё.

Он предлагал ей вместе поесть. И почему она, собственно, отказалась? Потому что еще стыдилась своей выходки той ночью, после убийства Мелиссы? Или у нее просто талант упускать всякий шанс, какой подвернется? Ей нравился Калев. Кейт восхищалась им. Понимала его. Он казался ей таким приятным и привлекательным. Интересным. Ей было очень одиноко, и так хотелось, чтобы в жизни наконец появился кто-то родной...

И вот человек, занимавший ее мысли в последние несколько недель, пригласил ее вместе перекусить в пабе. И она отказалась. Что ж, сама виновата. Во всех неудачах своей унылой жизни виновата только она.

Кейт осталась в Ливерпуле еще на день. Мысли о Грейс не давали ей покоя. Как и слова ее матери: «Помогите ей!»

Кейт видела синие отметины на запястьях Грейс. Видела ее тесную, слишком короткую, застиранную и выцветшую одежду. Видела мечтательную улыбку на ее лице. Ей все еще представлялось, как она кружит в кресле Нормана Доурика по залитой солнцем фабричной площадке. Грейс казалась такой нежной, такой беззащитной... И мысль, что она теперь совсем одна, где-то прячется, что над ней нависла опасность, была невыносима. Кейт целый день бродила по кварталу, затем объехала местность на машине. И всюду высматривала места, в которых могла бы спрятаться девочка – пустующие склады, заброшенные дома и заросшие парки, где можно было укрыться от возможных преследователей. В конце концов она сдалась. Грейс могла быть где угодно. Поисками должна была заниматься местная полиция. Впрочем, они, похоже, не слишком-то усердствовали. Лишь время от времени Кейт замечала поисковые группы. По крайней мере, с собаками...

С другой стороны, им нельзя было привлекать излишнее внимание, и это усложняло задачу. В прессе еще не знали о четырнадцатилетней девочке, которая могла стать свидетельницей чудовищного преступления и чья жизнь теперь оказалась в опасности. Кейт полагала, что Калев сдержал слово и поговорил с руководителем следственной группы. Она купила пару газет, но, к собственному облегчению, не увидела в них заметок о Грейс. Впрочем, это происшествие и не могло вызвать особый резонанс. Ужасно было обнаружить тело, запечатанное в бочку, но... кому есть дело до парализованного, озлобленного человека, жившего в неблагополучном районе Ливерпуля? В двух газетах его даже называли *стариком*, хотя Доурику едва стукнуло пятьдесят. Норман так опустил, что и его неординарная, наводящая ужас смерть была никому не интересна. В «Ливерпуль кроникл» переняли гипотезу местной полиции и писали о бандах жестоких подростков. О самой жертве в статье упоминалось лишь вскользь; по большей части речь шла о склонности к насилию в среде британской молодежи, и ставился вопрос о том, до какой степени в этом повинно социальное расслоение общества.

Кейт было жаль Нормана. Там, где он пребывал теперь, ему было все равно, и все же больно видеть, что мертвым Норман значил для этого мира ничуть не больше, чем при жизни. Однако для Грейс безразличие общества представляло реальный шанс. Полиция могла разыскать ее раньше, чем это сделал бы убийца Доурика. Потому что он, по всей вероятности, даже не знал о возможной свидетельнице.

Кейт сдала ключ от номера и собралась в обратный путь, но перед этим решила заехать еще раз в квартал, где жила Грейс. В дождь все выглядело еще более уныло. По всей территории фабрики образовались глубокие лужи. Заградительные ленты, которые еще вчера шелестели на слабом ветру, теперь висели лохмотьями.

Кейт вышла из машины. Под дождем было холодно. Неважно. Дома она примет ванну и переоденется в теплое.

Квартал словно вымер. «Здесь ее точно никто не разыскивает», – подумала Кейт. И только Кадир по своему обыкновению сидел на бетонной перегородке и покачивался из стороны в сторону. Он промок насквозь, но это его, похоже, не сильно заботило.

– Здравствуйте, Кадир, – поздоровалась Кейт.

Он улыбнулся ей, как старой подруге.

– Привет!

– Дождливо сегодня, – заметила Кейт. – У вас ведь есть жилье?

Кадир кивнул.

– У меня хорошая квартира, на самом верху, – он показал на дом у себя за спиной. – Под самой крышей!

– В такую погоду не лучше ли остаться дома? – Кейт передернула плечами. – Холодно для прогулок.

Кадир, тоже в одной футболке, покачал головой.

– Я привык. Не люблю сидеть взаперти.

– И вообще не заходите?

– Иногда, зимой. Захожу погреться. Но ненадолго. Понимаете, стены на меня давят.

– Могу... представить. Кадир, я так понимаю, о Грейс ничего не слышно?

– Здесь была полиция. Вчера. Спрашивали меня. Только мне нечего было сказать. Я не знаю, где она. И не знаю, видела ли что-нибудь.

– Что видела?

– Ведь об этом речь? Поэтому ее все разыскивают. Возможно, она видела, кто убил колясочника.

Кейт поняла, что глупо было недооценивать Кадира. И в том, что касалось попыток полицейских утаить роль Грейс в этом деле, положение их было весьма шатким. Если только какому-нибудь репортеру вздумается опросить пару местных жителей... Кадир наверняка не единственный понял, в чем тут дело.

Они вступали в гонку со временем.

– Вчера здесь был человек, – сообщил Кадир. – Он спрашивал про нее.

– Что за человек? Из полиции?

– Нет! – он мотнул головой. – Он точно был не из полиции. Говорил что-то насчет *расследования*, чтобы я решил, будто он из полиции... Только меня не обманешь. Я бы узнал полицейского. Инстинкт, знаете ли.

Кейт слышала подобное не раз. Многие утверждали, что могут буквально учуять полицейского, но Кейт считала это в большинстве случаев обыкновенным хвастовством. К тому же едва ли кто-то мог признать полицейского в *ней*. Напротив, когда она представлялась сотрудницей Скотланд-Ярда, другие не в силах были скрыть изумление.

Кадир как будто прочел ее мысли.

– Вот вы, например, из полиции, я в этом уверен. Хоть вы по каким-то причинам это скрываете. Это... как будто аура. Трудно объяснить.

Кейт была под впечатлением, однако не стала комментировать его заявление. Оставалось только догадываться, что в его жизни привело к такому перелому. Судя по его речи, Кадир явно был образован и далеко не глуп. По какой прихоти судьбы его забросило сюда, на этот бетон?

Дома на него давили стены, так он сказал.

Кейт вспомнила, как они с Калемом сидели в его машине, перед домом Майкла Купера. Он говорил тогда, что ей необходимо взять себя в руки, что в мире каждый день ломаются судьбы, и многим приходится куда хуже, чем ей.

– А этот человек... Он хотя бы представился? – спросила Кейт.

– Нет. Просто подошел ко мне и заговорил. Понизив голос. Другие, которые из полиции, все говорили со мной громко и четко. А он... не такой. Он мне не понравился.

– Вы сообщили в полицию?

– Нет. Меня просто высмеют. Это же только чувство.

– А что именно он говорил?

Кадир задумался.

– Спрашивал, знаю ли я Грейс. Нет, он выразился иначе. «Вы знаете девочку, которую все разыскивают? Которая видела того, кто убил полицейского?»

Кейт вздрогнула. О том, что Норман Доурик в прошлом служил в полиции, до сих пор никому не сообщали.

– Вы уверены? Он так и сказал – *полицейского*?

– Абсолютно. Я и сам удивился. Даже я не опознал в бедняге полицейского. Думаю, никто из здешних не знал.

– И что вы ответили?

– Я не дурак, – сказал Кадир. – Я ответил, что не знаю о том, что она видела. Знаю только, что она нашла тело. Тогда он потерял терпение. Хотел знать, где живет Грейс. Я показал. Какой смысл скрывать?

– И он отправился туда?

– Да. Но не волнуйтесь, Грейс там нет. Это последнее место, где она стала бы искать укрытие. Для нее нет места более опасного.

– А как выглядел тот человек?

– Высокий. Очень крупный. Светлые волосы. Нет, он выглядел вполне прилично. Только похож на какого-то... фанатика. Он мне не понравился.

Кейт задумалась. Кадир хоть и был умен, однако не мог знать всего. Существовала довольно высокая вероятность, что этот *крупный, фанатичного вида человек со светлыми волосами* служил в полиции Ливерпуля. А там знали, что Доурик в прошлом был полицейским. Но все остальное не поддавалось объяснению – лишь вызывало вопросы.

Кейт достала визитку, подписала свой номер в Скалби и мобильный, после чего протянула Кадиду.

– Вот. Пожалуйста, позвоните, если что-нибудь произойдет и

покажется вам странным. Или вдруг что-то вспомните, но по каким-то причинам не захотите говорить об этом полиции.

Кадир взял карточку.

– И все-таки вы из полиции. Я так и знал. Лондон, Скотланд-Ярд... Ого!

– Но я не на службе, – объяснила Кейт. – Могу я на вас положиться? Позвоните.

– Хорошо, – пообещал он.

Кейт направилась к дому, где жила Грейс.

Хенвуд подтвердил, что накануне к ним заходил какой-то человек и расспрашивал о Грейс. Даррен вполне честно ответил, что не знает, где могла бы скрываться их дочь.

– И этот человек не представился? – спросила Кейт. – Не назвал имени, не показал удостоверение? Вообще ничего?

– Нет. Я думал... думал, что всё в порядке, – пробормотал Хенвуд.

Он изменился до неузнаваемости, от былой самоуверенности не осталось и следа. В это серое дождливое утро он выглядел жалким, нервным и запуганным. В квартире еще держалось тепло после недельной жары, поэтому Даррен стоял босиком, в поношенных шортах и белой майке, пропахшей потом. Не похоже было, чтобы он спал этой ночью, но вовсе не тревога о дочери лишила его сна – Даррен Хенвуд тревожился за себя. Вся эта ситуация его пугала. Его дочь внезапно оказалась главной свидетельницей в деле об убийстве, и теперь ее усиленно разыскивала полиция. При этом могло выясниться, что Грейс годами подвергалась издевательствам, а то и вовсе физическому насилию. До этого дня девочкой никто не интересовался. Но теперь... Даррен был неглуп. Старший инспектор из полиции Йоркшира, заходивший к ним во вторник, сразу понял, что здесь творилось – что Даррен жестоко обращался со своей дочерью или того хуже. И он не скрывал своего презрения к нему. И эта женщина, которая стучалась к ним уже во второй раз, тоже обо всем догадывалась. Неудивительно, что Даррена то и дело бросало в пот, и он не мог уснуть. Наверное, больше всего ему хотелось просто раствориться в воздухе.

– Вы говорили о собственной дочери с посторонним человеком, даже не спросив, кто он и по какому праву задает вопросы? – изумилась Кейт.

Даррен вытер пот со лба.

– Кто только не спрашивал о ней! То и дело заходил кто-то из полиции... Я думал... думал, сам уже не выдержу...

Само собой, он пытался отделаться малой кровью. И его единственная

надежда заключалась в том, чтобы продемонстрировать максимальную готовность к сотрудничеству, даже преданность. Ни от кого не требовать удостоверения и отвечать на любые вопросы касательно Грейс. Даррен боялся, что настроит кого-нибудь против себя, и ситуация примет печальный для него оборот. Кроме того, что неизвестный действительно был высоким и со светлыми волосами – *фанатизма* Даррен в нем не заметил, – Кейт ничего не узнала. Она решила, что стоит позвонить Калебу и поставить его в известность. Он мог бы выяснить, служит ли такой человек в полиции Ливерпуля. Кейт почти не сомневалась, что так оно и было. Она холодно попрощалась и вышла.

По пути к машине она увидела Кадира на бетонной стенке. Несчастный вымок до нитки.

* * *

Кейт сумела обогнать атмосферный фронт: в Скалби по-прежнему стояла жара. В саду все изнывало без полива, но поскольку вечером ожидался дождь, Кейт не стала себя утруждать. Она вошла в дом и ощутила, как тело расслабилось в прохладе – как свободно можно было вдохнуть, оказавшись в родной гавани. Вдохнуть знакомый запах, по которому она так тосковала все эти дни. Это был запах дома.

Я не смогу продать его. Я не смогу продать его. Никогда.

Кейт прошла по коридору, вышла на кухню и отворила дверь на террасу. Внутрь хлынул горячий воздух. Она достала бутылку воды из холодильника, шагнула на террасу и опустилась в садовое кресло. Одежда на ней давно высохла; мысль о горячей ванне, с учетом погоды, отпала сама собой. Она сделала пару глотков и огляделась. Сад пестрел всеми цветами, но выглядел уже не так опрятно, как прежде. Недоставало рук Ричарда. Кейт не унаследовала его страсти к садоводству. Ей не нравилось работать в саду, и она совершенно в этом не разбиралась. Ее таланты ограничивались прополкой и поливом – с этим она еще как-то справлялась.

С другой стороны, она могла жить здесь и немного запустить сад. Это никому не помешало бы.

Кейт часто задавалась вопросом, можно ли назвать подобную привязанность здоровой. И стоит ли ей вообще тревожиться из-за этой неспособности поставить точку. Возможно, ей просто нужна была какая-то альтернатива, прежде чем отпустить прошлое. Но альтернативы не было.

Потому что она зациклилась на отце? Или она так зациклилась на

отце, *потому что у нее никого больше не было?* Быть может, эта привязанность к отцу являлась для нее наиболее простым выходом? Он был единственным человеком, в присутствии которого Кейт не чувствовала себя убогой и незаметной. С ним она могла смеяться. Ему она могла рассказывать о делах, которые вела, и о своих мыслях. О смелых предположениях, которыми она ни с кем больше не посмела бы поделиться, в особенности с коллегами. В его обществе у нее никогда не возникало ощущения, что она говорит нечто несуразное. Отец слушал ее с неизменным вниманием. Он воспринимал ее всерьез, относился к ней с уважением, и уже поэтому, ради этого чувства, от которого в душе все расцветало, Кейт при любой возможности ехала в Йоркшир.

С другими людьми ее всегда сковывала неуверенность. Это глубоко засевшее чувство: я ни на что не гожусь. Во всяком случае, по сравнению с вами. Я не так красива, не так умна, не так находчива, не так общительна и не так вдумчива, как вы. У меня никогда не возникает умных идей, а если что-то и появится, то я не могу это высказать. Я ничем не примечательна и никому не интересна. Людям со мной скучно. Я лишена харизмы, притягательной силы, и если это не бросается в глаза сразу, то стоит лишь приглядеться.

В том числе и поэтому Кейт отклонила приглашение Калеба в Ливерпуле. Из страха, что он поймет, до чего же она посредственна. По тем редким встречам с мужчинами Кейт знала, как это ужасно – сознавать, что спутник жалеет о свидании и лихорадочно ищет возможность сократить его. То было чувство ужасной неловкости, которое стремительно перерастало в отчаяние и ощущение собственной безнадежности. В большинстве своем мужчины были предупредительны, чтобы не оскорбить ее, но им хотелось поскорее убраться, и ничто не могло этого скрыть. Эта ситуация наводила на нее такой ужас, что Кейт в конце концов стала категорически ее избегать. Она отказывала даже некоторым коллегам, если кто-то предлагал выпить кофе за обедом. Они поступали так из жалости, Кейт была в этом убеждена.

Нет, спасибо, я лучше поработаю.

В какой-то момент ее просто перестали звать.

Калеб стал первым за долгое время. Он дожидался ее с пакетом индийской еды возле дома, и его не отпугнула ее черствая манера. Он предложил ей перекусить вместе. И она снова замкнулась в себе. Решила, что безопаснее будет остаться в номере и бездумно переключать каналы по телевизору, вместо того чтобы пойти в паб с женщиной, к которому ее так тянуло.

До сих пор Кейт могла позволить себе такое, потому что отец был жив. С горем пополам, в безутешном одиночестве, ей все же удавалось жить без друзей, без того, кто был бы всегда рядом и принимал бы участие в ее жизни. У нее был отец. Пусть он и жил далеко, но все-таки жил. Кейт всегда могла ему позвонить, съездить к нему. Они виделись в выходные, во время отпусков, в праздники вроде Пасхи или Рождества. Отец был единственным маяком в ее жизни.

Необходимо было что-то предпринять, если только она не хотела остаться в полном одиночестве. Она уже не могла укрываться от мира и его опасностей, избегая всего, что внушало ей страх. Подобная роскошь стала непозволительной. За время работы в полиции Кейт не раз сталкивалась с опасными типами, но страх перед ними не шел ни в какое сравнение с тем ужасом, какой внушала ей возможность отказа в обыденной жизни. Это был страх перед пренебрежением, равнодушием и скукой. Даже перспектива схлопотать пулю в погоне за преступником пугала ее меньше, чем осознание собственного убожества после очередного свидания.

Кейт встала, вернулась в дом и достала телефон из сумки. В дороге она дважды звонила Калебу, но тот был на совещании. И вот Кейт снова набрала его номер. Она собиралась рассказать ему о том странном типе, который расспрашивал насчет Грейс, а затем спросить, есть ли у него планы на вечер. Если мужество ее не покинет.

Трубку взяла сотрудница, имя которой Кейт никогда прежде не слышала. У Калеба как раз началась телефонная конференция. Нужно ли ему что-то передать?

– Нет, спасибо. А могу я поговорить с констеблем Скейпин?

Кейт не собиралась спрашивать Джейн о планах на вечер, но могла сообщить ей о том странном человеке. Кто-то должен был связаться с коллегами в Ливерпуле и все прояснить.

Но и Джейн была на том же совещании. В конце концов Кейт попросила передать Калебу, чтобы он перезвонил.

Затем она отправилась наверх. Ей не помешало бы принять душ. И сменить белье.

Они находились в Северной Ирландии. Пока что все шло хорошо. Даже Денис был в приподнятом настроении.

Утром он еще сердился, и Терри не осмелилась попросить его прихватить с завтрака тост или какой-нибудь кекс. Не говоря уже о том, что ей хотелось бы выпить чашку кофе. Ей нельзя было появляться в столовой, поскольку ее новый цвет волос привлек бы внимание. Как выяснилось уже во время процедуры, цвет был не совсем золотистый, скорее светло-каштановый с едва уловимым оттенком зеленого. Терри пришла в ужас, когда посмотрела в зеркало. Она ждала вовсе не такого результата, но надеялась, что за ночь цвет еще изменится и станет лучше. В действительности все стало только хуже.

– Выглядишь дерьмово, – прокомментировал Денис, когда увидел ее. – На Стеллу Крейн ты явно не тянешь, жалкое подобие.

Терри заплакала, но Денис сурово взглянул на нее и заявил, что не собирается терпеть ее нытье. Она тотчас взяла себя в руки. Денис так и не объяснил ей, что же случилось, но его плохое настроение, вероятно, было связано с тем обстоятельством, что он не мог снять деньги со счета. Что-то определенно произошло, но Терри не решалась спрашивать – из страха вновь оказаться громоотводом для его злости. Он сказал только, что у них практически не осталось денег и в ближайшее время добыть их будет неоткуда.

– Я отдал последние деньги за билеты на паром, – сообщил он перед тем, как отправился завтракать. – Это значит, что мы не сможем заплатить за номер, когда будем съезжать. Пока я буду внизу, незаметно перенеси вещи в машину, понятно? Встретимся там ровно в девять.

– Но мы не можем просто...

– Господи, ты даже тупее, чем может показаться! Если я говорю, что у меня нет денег, значит, их нет. Так что делай, что говорят. И сделай одолжение, закрой рот!

У них было совсем немного вещей. Они прихватили большую сумку Крейнов, когда уезжали с фермы, куда сложили их белье, футболки и свитеры, а также предметы гигиены: шампунь, мыло, зубную пасту. Зубные щетки купили в аптеке. Этого должно было хватить на первое время, и в мотелях они не привлекли бы к себе внимания.

– Если у нас не будет сумки, – объяснил Денис, – люди сразу

заподозрят неладное. А так – счастливая супружеская пара спокойно проводит отпуск.

Все это было не так. *Счастливые* супруги, спокойный отпуск... Буквально все, что когда-либо говорил или делал Денис, оборачивалось ложью. Началось с того, что он предстал перед ней под вымышленным именем и умолчал о том, что отбывал тюремный срок, – и заканчивалось тем, что они уже несколько дней находились в бегах и снова под чужими именами. Терри дошла до того, что перекрасила волосы и носила в сумке паспорт, принадлежащий женщине, которую оставили запертой в амбаре на уединенной ферме. Всякий раз, когда Терри думала об этом, ей становилось не по себе. Она чувствовала, что эта лавина все стремительнее увлекает ее в пучину преступности, насилия и лжи. И даже Денис был уже не тем, что прежде. Да он и раньше обходился с ней довольно грубо и уже не раз поднимал на нее руку. Но временами он все же проявлял заботу и внимание и нередко говорил ей, что считает ее красивой, чудесной девушкой. Терри чувствовала, что он понимает ее и полностью на ее стороне. Он осуждал ее родителей, которые вынудили ее передать Сэмми на усыновление, и постоянно убеждал ее, что она пострадала в том числе по вине Крейнов. Когда они приезжали к ним в Кингстон, Денис говорил, что хочет непременно познакомиться с мальчиком, который «был частью тебя, милая». Но затем Терри с удивлением обнаружила, что за весь вечер он ни разу не обратил на Сэмми внимания, однако при этом выказал большой интерес к жизненным условиям и привычкам Стеллы и Джонаса. Позднее, когда они днями напролет объезжали йоркширские пустоши, потому что Денис был одержим идеей разыскать загородный дом Крейнов, он объяснял: «Я делаю это для тебя, Терри. У них растет твой ребенок. И они хотят любой ценой удержать тебя в стороне. Ты произвела маленького Сэмми на свет, но теперь тебе лучше обратиться и оставить счастливое семейство в покое. И ты станешь это терпеть? Ты вправе видеть, как растет твой сын. И я сделаю все, чтобы ты могла осуществить это право».

Тогда она чувствовала себя польщенной. Терри уже забыла, когда в последний раз кто-то проявлял к ней участие, интересовался ее жизнью. Заботился о ней. *Боролся за ее права.* Это было чудесно.

Теперь же... Она больше не слышала от него комплиментов, от былой нежности не осталось и следа. Денис больше не говорил о Сэмми и о том, что Терри имела право с ним видеться. Складывалось впечатление, что Крейны были интересны ему лишь в одном аспекте: что с них можно взять.

В конечном счете он сумел присвоить их личность.

Но и в это утро Терри не посмела ему возразить. Когда Денис ушел

завтракать, она стала собирать вещи. Ванна после ее неудачного эксперимента с покраской волос выглядела ужасающе. Краска была практически повсюду – в раковине, на смесителях, на зеркале, на кафельном полу и на белых полотенцах. Терри принялась лихорадочно все оттирать, после чего сунула грязные, еще сырые полотенца в пакет и спрятала на дне сумки, чтобы никто ничего не заподозрил. Затем прихватила еще два чистых полотенца. Она понимала, что это воровство, однако надеялась, что заслужит этим похвалу от Дениса. Если у них не осталось денег, то любые вещи придутся кстати. Теперь это не играло особой роли – все равно они не станут платить за номер.

С сумкой в руке Терри стала спускаться по лестнице. При этом она замирала на каждой ступеньке и прислушивалась. Из обеденной зоны доносились голоса, на кухне гремела посуда. Соблазнительно пахло кофе, яичницей с беконом и оладьями с сиропом. Рот у Терри наполнился слюной. Может, удастся что-нибудь перехватить на пароме? Но главное, что супружеская чета, которой принадлежал отель, и девушка, помогавшая с уборкой и покупками, были по уши в делах.

Терри сумела незамеченной выйти на улицу и пересечь двор. Ровно девять, как и было условлено. Денис, конечно, не доверял ей и оставил ключи при себе.

Но вот и он сам. И явно нервничает.

– Чисто? Ничего не забыла?

Денис отпер машину, они быстро закинули сумку на заднее сиденье и сели.

– Я был гениален, – сообщил Денис, запуская двигатель. – Сказал им, что тебе нездоровится. Тошнота, диарея, полный набор. Поэтому ты не спустилась завтракать и тебе нужен врач. Они дали мне адрес доктора в Странрэре и думают, что я сейчас повезу тебя к нему. В жизни не догадаются, что мы свалили. – Он выехал со двора. – Они были очень обеспокоены и просили передать, чтобы ты поправлялась.

– Спасибо, – пробормотала Терри.

В отличие от Дениса, она видела в этом обмане нечто иное, чем хитроумный, удачный ход. И вдруг пожалела, что взяла полотенца.

До отхода парома оставалось еще три часа. Терри опасалась, что их побег из отеля заметят слишком рано, но Денис лишь отмахнулся от ее тревожных мыслей.

– Они предупредили, что к этому доктору бывают очереди, потому что он очень востребован. Так что никто даже не задумается, почему нас нет так долго. В конце концов, у них же и других дел полно.

И все-таки Денис нервничал. Он остановил машину на отдаленной парковке к северу от порта, и сказал, что они будут ждать здесь. Терри поняла, что в ближайшее время нечего и мечтать о кофе или тосте. С утра еще светило солнце, но теперь с моря наплзли тучи. Стал накрапывать дождь.

Никогда еще Терри не чувствовала такого уныния.

Когда пришло время ехать в порт, Денис совсем издергался. И это было так явно, что Терри начала опасаться, что уже по этой причине их остановят. Любой опознал бы в Денисе беглого преступника. Но, очевидно, никто этого не заметил. Они предъявили билеты и беспрепятственно проехали на паром. Кроме них, пассажиров было совсем немного. Дождь только усиливался, и температура резко упала, так что погода не располагала к морским прогулкам.

По крайней мере, на пароме Терри наконец-то получила кофе. Она грела озябшие пальцы о пластиковый стаканчик и чувствовала, как кофеин вновь пробуждает в ней жизненные силы.

Возможно, все как-нибудь наладится. Ей представилось, как они с Денисом живут где-то в пригороде Дублина, в уютном коттедже посреди ирландских лугов. В саду, обнесенном низкой каменной оградой, играют и смеются дети...

Когда они сошли с парома в Северной Ирландии, у Дениса сразу приподнялось настроение. Они еще не покинули Великобританию, но оказались на шаг ближе к Ирландии, и это положительно сказалось на его расположении духа.

Он отказался от намеченного плана переночевать в Белфасте, а следующим утром тронуться на юг – и решил сразу ехать в направлении Дублина.

– Денег почти не осталось. Ночевка в Белфасте, и мы банкроты. И я не почувствую себя в безопасности, пока мы не покинем страну. Этой же ночью пересечем границу.

Им пришлось заправиться, что означало очередную дыру в их скудном бюджете. Было почти три часа, и дождь не прекращался. Терри слышала, что в Ирландии вообще часто шли дожди. Воспрянувшая было робкая надежда мгновенно угасла. Уютный коттедж отнесло в необозримую даль, как и детей, играющих под летним солнцем. Остались лишь пустынная дорога, огибающая Белфаст, да унылый пейзаж, едва различимый сквозь плотную завесу дождя. Кругом, насколько можно было разглядеть, пастбища и ограды. Время от времени попадались фермерские подворья. Дома жалась под склонами холмов, их окна казались пустыми и

безжизненными. Терри невольно вспомнила свою маленькую квартиру в Лидсе, как они проводили время с Пегги и Хелен. Она чувствовала себя несчастной, но теперь понимала, что жизнь была не такой уж и плохой. У нее имелись друзья, хоть какая-то работа, маленькая, но очень уютная квартира. Они часто встречались за бокалом вина с Пегги и Хелен, и все были в хорошем настроении. Холодными зимними вечерами Пегги готовила для всех горячий шоколад с ромом, они садились у камина и разговаривали, в то время как за окном падал снег. Терри постоянно жаловалась, ждала, что в ее жизни произойдет нечто особенное и это все изменит.

И вот оно произошло. Теперь вся ее жизнь изменилась до неузнаваемости. Она сидела в угнанной машине, голодная и озябшая, рядом с беглым преступником, ехала под проливным дождем Северной Ирландии...

Спустя примерно полчаса Денис свернул на проселочную дорогу и заглушил мотор.

– Достань сумку. Надо бы надеть свитер. Холод собачий.

Чтобы не расходовать бензин, он не стал включать отопление, и Терри тоже озябла в одной лишь футболке. Она перетащила сумку с заднего сиденья. Денис открыл ее – и застыл.

– А это еще что?

– В смысле? – не поняла Терри.

Денис взял одно из полотенец, которые она прихватила из номера.

– Это что, полотенца из отеля?

– Да, я...

– Что? – Он уставился на нее, его лицо исказила злоба. – Что?

Терри надеялась, что Денис похвалит ее за сообразительность, но все оказалось совсем не так.

– Я думала...

– Что ты думала?

– Я думала... они нам понадобятся. Ну... ты же сказал, что у нас проблемы с деньгами... а так нам не придется покупать...

Денис порылся в сумке и обнаружил грязные полотенца, завернутые в пакет.

– Поверить не могу! Ты стащила все полотенца?

Терри молчала, но если бы ей хватило духу раскрыть рот, она спросила бы, отчего он так нервничает. Потому что это воровство? Он забил насмерть подругу в состоянии аффекта, восемь лет провел за решеткой, напал на семью с ребенком, присвоил их машину и паспорта... И теперь

беспокоился из-за пары полотенец?

Терри пока не догадывалась, что его волновали вовсе не вопросы логики и морали.

– Какая же ты тупая, – процедил Денис. – Такая тупая, что жуть берет. Мне бы вышвырнуть тебя из машины и ехать дальше одному. Ведь ты же в конце концов все изгадишь!

Терри пыталась что-то сказать, но издала лишь жалобный писк и тихое:

– Денис...

Тот смотрел, как вода стекает по ветровому стеклу. Он словно пытался понять, как его вообще угораздило связаться с такой безмозглой особой. Но затем развернулся без всякого предупреждения и дважды ударил Терри по лицу, так что ее голову мотнуло, как боксерскую грушу.

– Ты и до трех сосчитать не можешь, шалава! – закричал Денис. – Что, по-твоему, подумала эта дуреха в отеле, когда убиралась утром в нашем номере и увидела, что все полотенца пропали? По-твоему, она решила: *о, наверное, они взяли их на прием к доктору?* Так, по-твоему?

Терри не осмелилась напомнить, что следы краски сами по себе вызвали бы подозрение, и с ее стороны вполне разумно было спрятать испачканные полотенца. Однако она промолчала, и Денис ударил ее еще раз. Терри почувствовала привкус крови во рту.

– Нет, она огляделась и заметила, что и наших вещей в номере нет. И тогда эти идиоты в странном отеле поняли, что мы сбежали. Не так уж трудно додуматься, если мозгов хоть на грамм больше, чем у тебя!

– Но... – Терри трудно было говорить, губы ее мгновенно распухли. – Но... они бы и так заметили... – Слова звучали невнятно. – И мы сумели добраться...

– Потому что нам дьявольски повезло! Но ты могла все запороть! Они могли позвонить в полицию, и нас перехватили бы на чертовом пароме!.. Знаешь что? Если бы тупость воняла, находиться рядом с тобой было бы невозможно!

Терри отодвинулась, насколько позволяло кресло. Ведь все прошло хорошо. Они попали на паром, благополучно с него сошли...

Они в Ирландии.

Но ему было необходимо дать выход напряжению, накопившемуся за все эти дни, и в особенности за последние часы. Терри видела это по его глазам. Он с ней еще не закончил.

Прежнюю подругу он забил насмерть...

Терри распахнула дверь и вывалилась из машины в мокрую траву. Лил

проливной дождь, дул резкий, холодный ветер. Терри вскочила. Голова гудела, все лицо болело, во рту натекло столько крови, что пришлось сплюнуть. При этом ей показалось, что она выплюнула зуб.

В ней пробудился инстинкт самосохранения. Оставалось надеяться, что еще не слишком поздно.

Терри бросилась бежать, так быстро, как только могла. Бежала под дождем, в глушь. Слышала, что он преследует ее.

Знала, что он ее настигнет.

И все равно бежала.

Прочь от Дениса Шоува.

Прочь от него навсегда.

До вечера ни Калев, ни Джейн не перезвонили, и Кейт в свою очередь не решилась позвонить еще раз из страха показаться навязчивой. После того как был обнаружен Норман Доурик, работы у всех прибавилось. Дело принимало совершенно иной оборот: трое убитых, и главный подозреваемый таковым уже не являлся. Кейт представляла, как чувствовал себя Калев.

В конце концов Кейт собралась с духом и снова набрала номер Калеба в управлении, но ей никто не ответил. Тогда она попыталась дозвониться на мобильный, но услышала лишь автоответчик. Это показалось ей странным, но, возможно, Калев решил закончить рабочий день пораньше. Должно быть, он почти не спал за прошедшие две ночи и просто хотел отдохнуть.

У нее созрел безрассудный план, однако прошло еще полчаса, в течение которых Кейт бесцельно расхаживала по дому и набиралась мужества, прежде чем решила его воплотить: поехать к нему домой. Она могла сказать, что все равно была неподалеку.

Просто решила заглянуть...

Кейт поняла, что должна стать решительнее, если хотела что-то изменить в своей жизни.

Еще в тот день, когда они вместе сидели в саду, Калев предупреждал ее о возможной угрозе и дал ей свой адрес. Он жил довольно далеко, на Соуз-Клиф в Скарборо. Нужно было ехать вдоль эспланады, мимо отелей, на первый взгляд роскошных и ухоженных, но довольно убогих под красивыми фасадами. Прежде Кейт иногда ездила туда с отцом. Они оставляли машину и шли гулять вдоль утесов у окраины города. Им нравилось смотреть на закатное солнце летними вечерами. Но сегодня посмотреть на закат ей не удалось бы. С запада надвигались тучи; еще немного, и польет дождь.

Калев жил на Уиткрофт-авеню, ухоженной улице, где из квартир крайних домов открывался вид на море. Дом старшего инспектора располагался где-то посередине, так что моря видно не было, разве что краешек – с верхних этажей. Так или иначе, жилье в этом квартале значительно превышало финансовые возможности полицейского, пусть он и был старшим инспектором. Разве что у жены Калеба хватало денег. Или он получил наследство.

Его машина стояла у въезда – вероятно, Калев был дома. Оставалось

надеяться, что он еще не лег спать. Вряд ли он придет в восторг, когда она позвонит и вырвет его из сна. Кейт стояла перед дверью, пыталась понять по косвенным признакам, спит он или нет. В какой-то момент ей показалось, что изнутри доносится монотонное бормотание, как будто был включен телевизор или радио. Но затем Кейт поняла, что в саду соседнего дома разговаривают два человека.

Так, ладно. Она ничего не добьется, если так и будет мешкать.

Кейт нажала кнопку звонка.

Калеб открыл, когда Кейт уже сникла и собралась уходить. Но было очевидно, что она не вытащила его из постели: он вышел в повседневной своей одежде и не выглядел заспанным. Впрочем, Кейт и не сказала бы, что он ей обрадовался. Это ожидание у двери, вероятно, объяснялось тем, что Калеб вообще не хотел принимать гостей и долго заставлял себя, прежде чем пошел открывать.

«Не так, – думала Кейт, – опять я все сделала не так. Калеб вымотался за последние дни и хотел спокойно отдохнуть этим вечером. А тут я...»

– А, Кейт, это вы... Что случилось?

– Я... ну, я просто была тут неподалеку... – Она представляла, до чего жалко выглядит в этот момент. – Я пыталась сегодня несколько раз дозвониться...

Калеб прошелся рукой по волосам. Кейт видела, как он устал. Однако старший инспектор показался ей не только усталым. Он выглядел замученным. Несчастливым. Калеб страдал, и вовсе не потому, что вымотался на работе.

– Да, ужасный выдался день... Я у себя почти и не был. Столько всего произошло... – Он отступил в сторону. – Не хотите войти?

Кейт надеялась, что Калеб говорил это не только из вежливости.

– Если я не помешаю...

– Не мешаете. Как видите, я сегодня уехал с работы чуть раньше. Так вымотался... Мне просто нужна передышка.

– Тогда мне, наверное, лучше...

– Нет-нет, все хорошо. Проходите.

Кейт думала, он проведет ее на террасу, но Калеб указал на кухню.

– Прошу.

Когда она прошла рядом с ним, то наконец почувствовала. Все это время что-то было не так, но Кейт не могла понять, в чем дело... Теперь же все встало на свои места: от него пахло алкоголем.

Калеб был пьян.

Кейт не смогла скрыть своего ужаса, и Калеб рассмеялся:

– Да. Впервые за полгода. Уже неплохо. Некоторые сдаются еще раньше.

«Что случилось, – хотелось ей спросить, – что, ради всего святого, случилось?»

Вместо этого она смущенно промолчала и огляделась. Прежде пространство дома состояло из двух комнат, но перегородку снесли, и теперь потолок подпирали массивные деревянные балки. С одной стороны была устроена кухня с длинной металлической стойкой и белыми полками на стенах. В обеденной зоне стояли деревянный стол и деревянные же стулья. Со стороны сада стена была остеклена, и создавалось впечатление, словно они находились на крытой веранде.

Кейт была под впечатлением.

– Это... У вас чудесный дом, Кaleb.

– У бывшей жены был хороший вкус. И много денег. Дом принадлежит ей, но после развода она не захотела здесь оставаться. Однако я плачу ей за аренду... хотя и сам думал съехать. Все не было времени подыскать что-то и переехать. Работа, сами понимаете. А потом несколько месяцев в клинике... – Он рассмеялся, но в смехе его слышалось отчаяние. – И вот результат.

Кейт заметила бутылку на стойке. И стакан рядом.

– Мой ужин, – прокомментировал Кaleb. – Могу я вам предложить?..

– Нет, спасибо.

– А я-то думал, вы не прочь пропустить хорошего виски.

– Кaleb...

– Да, простите. Я не очень-то учтив, когда пьян. Жене это тоже в конце концов надоело. Она говорила, что я становлюсь злым и циничным, когда выпью. И была права. Но это еще полбеды. – Он взял бутылку, налил немного в стакан и осушил одним глотком. – Я не только превращаюсь в засранца. Когда я пьян, то чертовски хорош в работе. Чем больше выпью, тем гениальнее становлюсь. Главных своих успехов я добился, когда безудержно пил. Мозги нуждаются в этом пойле, чтобы работать на полную. В этом горькая истина.

Его голос звучал иначе. Жестче и громче обычного. В нем слышалась затаенная агрессия. Кaleb успел порядочно выпить, прежде чем Кейт свалилась как снег на голову. «К счастью, я, – подумала она. – К счастью, не кто-нибудь другой».

– Знаете, в чем еще горькая истина? – продолжал Кaleb. – Обратная сторона медали, будь она проклята. Без этого пойла я – ничто. Один громадный ноль. Неудачник. Бездарь.

– Это совсем не так.

– По-вашему, нет? Знаете, что сегодня произошло?

Кейт покачала головой.

– Нет.

– Шоув, – сказал он. – Денис Шоув. – Прислушался к звучанию этого имени.

– Вы его разыскали? – спросила Кейт. – Он арестован?

– Нет. Но это вопрос времени. Нам известно, что он переправился на пароме из Кейрнрайана в Белфаст. На угнанной машине. У нас есть номер. А у него нет шансов.

– Но... это же отличная новость!

– Он напал на семью, – сообщил Калев, – на уединенной ферме, среди вересковых пустошей. Подстрелил отца и запер в амбаре вместе с женой и ребенком. Они едва не погибли от жажды. Джейн вовремя их обнаружила.

– Джейн?

Старший инспектор кивнул.

– Джейн. Пошла по следу, который вообще, казалось бы, не имел отношения к делу, и сама все распутала. Ну что за женщина! Это ей бы руководить следствием, а не мне. Мало того, что я ошибочно преследовал Шоува, так даже подобраться к нему не сумел. А вот Джейн... из нее выйдет хороший полицейский. Просто отличный!

Он снова взялся за бутылку. Пока ее вновь не сковала робость, Кейт шагнула к нему и положила руку на запястье.

– Нет, Калев. Хватит. Вам достаточно на сегодня.

Тот взглянул на нее с удивлением.

– Думаете, это вам решать?

– Это просто совет.

Он действительно поставил бутылку.

– Тот человек, отец семейства... Неизвестно, выживет ли он. Сейчас он в больнице, в критическом состоянии.

Кейт так и не убрала руку с его запястья.

– Что случилось, Калев? Что вас так изводит? В чем вы себя упрекаете?

– Что меня изводит? Да вы же сами знаете. В этом расследовании я допустил самую глупую ошибку, какую только можно допустить. Я мыслил в одном ключе, связал сам себя. Практически с самого начала. В моем трезвом мозгу не было места для кого-то другого, кроме Дениса Шоува. Даже когда я стоял перед казненной Мелиссой Купер и не знал, как увязать ее с Шоувом, то все равно не мог от него отцепиться. Раньше со мной

такого не было, Кейт. Никогда.

– Очевидно, что этот Шоув опасен и вы преследовали его не напрасно.

– Знаете, какой за ним был грех, пока я в него не вцепился? Махинации с пенсией. Жалкая афера, причем на смешные суммы. Конечно, это тоже следовало пресечь. Но не таким способом! Не так, чтобы я собирал следственную группу и выслеживал его днем и ночью.

– Но все прочее...

– Все прочее не случилось бы, если б я не загнал его в угол. Шоув – тот еще подонок и, конечно, вызвал подозрение, когда скрылся под чужим именем сразу после убийства Линвилла. Но по-настоящему он слетел с катушек, только когда в газетах появилась его фотография и не осталось такого места, где он почувствовал бы себя в безопасности. Только тогда он напал на Пегги Уайлд и угнал ее машину. Затем забаррикадировался на этой глухой ферме и подстрелил Джонаса Крейна. Предпринял сумасшедший побег в Ирландию. И если что-то пойдет не так при задержании, он станет отстреливаться, что приведет к новым жертвам.

Игнорируя предостерегающий взгляд Кейт, Калев взял бутылку и налил себе так резко, что виски пролился на столешницу. И одним глотком осушил стакан.

– Озвучить вам мое внушительное резюме, Кейт? Первое дело инспектора Хейла после курса реабилитации. Что мы имеем? – Он принялся загибать пальцы. – Пегги Уайлд, серьезно ранена и по-прежнему находится в больнице. Джонас Крейн, отец семейства, неизвестно, переживет ли эту ночь. Глубоко травмированная женщина и травмированный ребенок. Человека, который стоит за всем этим, мы до сих пор не можем изловить. Он вооружен и в бегах вместе со своей подружкой, и пока точно неизвестно, то ли она с ним заодно, то ли у него в заложницах. И да, чуть не забыл: мы по-прежнему не знаем, Кейт, кто убил вашего отца. С февраля месяца мы не продвинулись ни на шаг. Впрочем, если прибегнуть к методу исключения, то все выглядит не так уж и плохо, как считаете? Теперь мы знаем, что Шоува можно вычеркнуть. Ну разве это не значительный шаг?

– Прекратите, Калев. Это того не стоит. Вы...

Он уставился на нее.

– Что того не стоит?

– Снова начинать пить. Что бы ни стряслось, это не повод возвращаться к прежнему вашему состоянию.

– И в каком же я был состоянии?

– Насколько мне известно, пьянство подвело вас к пропасти. Может,

теперь вы считаете, что были при этом первоклассным следователем, но напрасно себя упрекаете. Это было самоубийство с отсрочкой.

Калев задумчиво посмотрел на стакан.

– Когда я покидал клинику, терапевт сказал, что испытание начнется для меня, как только я столкнусь с первой же серьезной проблемой. Когда меня что-нибудь потрясет, подорвет мои устои, когда я не увижу иного выхода, кроме как в алкоголе... Но это не так. Все началось гораздо раньше. Для меня испытание началось уже с первого дня. Я вернулся в свой кабинет, и меня трясло от страха. Передо мной на столе лежало дело вашего отца, и все, что я чувствовал, это глубокое отчаяние. Я считал, что мне это не по плечу. Я чувствовал себя слабым и беспомощным. В этом вся проблема, Кейт: без алкоголя я не верю в себя. Не верю, что могу чего-то достичь. У меня появляются идеи, но в следующий миг они кажутся мне глупыми и тупиковыми. Я буквально цепенею. Не знаю, какие отдавать распоряжения. Просто сижу, не в силах принять решение, и надеюсь, что что-то произойдет и укажет мне путь.

– Но вы что-то предпринимали, Калев. Я видела вас в работе. И вы казались весьма убедительным. Уверенным.

– Я помешался на Денисе Шоуве. Прямо-таки вцепился в него зубами. Он был как свет в ночи... – Калев тряхнул головой. – Не думал, что скажу когда-нибудь о нем такое.

Кейт хотела бы сказать, как хорошо его понимает. Когда он заговорил о недостатке уверенности, она готова была перебить его: «Это же я! Вы в точности описываете меня. Я знаю, что вы чувствуете. Вы не одиноки».

Но Калев между тем продолжал:

– Жена то и дело пыталась проанализировать, в чем тут дело. Выяснить причину моих сомнений, моей неспособности поверить в собственные силы. Постоянно копалась в моем детстве и в юности. В чем крылась проблема? Когда была допущена главная ошибка? И знаете что, Кейт? Нет ничего такого. Ничего, что объясняло бы мое поведение. Почему я, только когда пью, не считаю себя неудачником. У меня было нормальное детство. Заботливые, любящие родители, братья и сестры. Хорошие учителя. Все было хорошо. Мирно и слащаво. Ничего, что могло бы меня оправдать.

Кейт вновь протянула к нему руку, хотя он и не думал хвататься за бутылку. На сей раз она пыталась выразить свое участие, тепло. Понимание.

– Видимо, так уж бывает, Калев. Не всегда получается найти ответы. Почему я так одинока? Почему мне так тяжело открыться другим людям?

Почему я не могу поверить в себя? Я так долго искала ответы... Ответы найдутся. Для меня и для вас. Но они сокрыты так глубоко, что мы не можем их увидеть. Возможно, никогда и не увидим. С этим приходится жить.

Кейт так и не поняла, слушал ее Калевб или нет, поскольку он уже сменил тему.

– У меня вечно было такое чувство, будто Джейн сомневается насчет Шоува. Хотя она следовала моим распоряжениям и сумела хоть что-то извлечь из ситуации. Это она спасла тех людей. Буквально в последнюю минуту. Джейн и этот беженец из Ирака. Он был уверен, что с ними что-то стряслось. И Джейн ему поверила.

Кейт не знала, какая в этом взаимосвязь, но понимала, что расспрашивать сейчас о чем-то бесполезно. Поэтому она просто кивнула.

– Хорошо...

– После того как Джейн освободила Крейнов, нам стало известно, на какой машине передвигаются Шоув и Малиан. Тереза Малиан – это биологическая мать приемного ребенка Крейнов. Понимаете?

У Кейт голова шла кругом.

– В общих чертах.

– До сегодняшнего дня они находились в Кейрнрайане. Это в Шотландии. Оттуда они на пароме добрались до Белфаста. Причем уехали, не оплатив счет в отеле, и, по всей видимости, прихватили что-то из имущества. Так что хозяева сразу обратились в полицию. Более того, этим двоим хватило глупости заселиться под фамилией Крейнов. Стелла и Джонас Крейн. Поскольку после полудня наш запрос о поиске был во всех системах, мы довольно скоро получили обратную связь. Наши коллеги в Шотландии сразу поставили нас в известность. Так что теперь нам точно известно, где они находятся.

– Но это же успех, Калевб!

– Не мой – Джейн.

– Вы – команда.

– Да-да, – проговорил старший инспектор.

По крайней мере, он больше не притрагивался к виски. Кейт видела, в каком он отчаянии. Она убрала руку с его ладони. Нельзя было держать ее там вечно. Кейт поняла вдруг, что Калевб не ответит на ее прикосновение. Не этим вечером – и, возможно, никогда.

– Вам лучше пойти спать, Калевб. Возможно, завтра вы посмотрите на все это совсем иначе.

– Завтра мне придется поразмыслить, как быть дальше. – Он кивнул на

бутылку. – Лучше вылить что там осталось.

– Возможно. – Кейт не заметила в нем решимости. – Мне остаться?

– Нет. Мне хотелось бы побыть одному.

– Я боюсь, что вы...

– Что?

– Что вы продолжите.

– Я пойду спать.

Они смотрели друг на друга, и Кейт не знала, что будет дальше. Ограничится ли все этим срывом, или же Калев вновь покатится под откос. И последствия не заставят себя ждать. Все было возможно, ничего не стоило исключать.

Кейт взяла сумку. И вспомнила, почему, собственно, приехала сюда.

– Да, Калев, я вот что хотела сказать. Сегодня утром я снова говорила с Кадиром. Тот странный тип, который постоянно сидит перед домом Грейс. Он хоть и чудной, но в курсе всего, что там происходит.

Кейт видела, что Калебу трудно сосредоточиться на ее словах. Он тоже это заметил.

– Вот и весь результат терапии, будь она неладна! Я теперь вообще не переношу это пойло. Раньше с половины бутылки я блистал умом. Теперь лишь чувство, будто в голове все перемешалось... Как у меня с речью? Слышно, что я пьян?

– Немного. Возможно, сегодня вам лучше ни с кем больше не говорить. Не стоит никому знать.

– Да. Само собой. Это разумно, так ведь? Что вы хотели сказать? Насчет типа перед домом?

– Так вот, он сказал...

Но Калев отмахнулся.

– Знаете что, сегодня от меня уже никакого толку. Вам лучше поговорить с Джейн. Сегодня ее звездный час. Ей непременно нужно дать повышение.

Кейт могла бы заметить, что Джейн еще слишком молода, чтобы повышать ее до детектива-сержанта, – но промолчала. Это ее не касалось.

– Мне позвонить ей?

– Да. Так будет лучше. Или съездите к ней. Бёрнистон, Лайнстоун-Гроув, номер... Ох, и память... – Калев схватился за голову, словно это помогло бы ему сосредоточиться. – Пятнадцать, кажется. Или пять. Или двадцать пять.

– Полагаете, к ней можно вот так заявиться?

Калев грубо рассмеялся.

– Ну, ко мне же вы наведались.

Он заметил выражение ее лица и добавил уже мягче:

– Я не всерьез. Нет, честно, думаю, она даже обрадуется. У нее нет возможности выбираться по вечерам. Джейн очень одинока, чтобы вы знали. Из-за Дилана. В этом ее главная проблема.

Улица, по крайней мере, была та – на это Калебу еще хватало соображения. Кейт опознала дом по машине Джейн. С цифрой пять, в какой бы комбинации она ни располагалась, Кaleb не угадал. Бёрнистон, пригород Скарборо, представлял собой довольно новый район, чистый и ухоженный. Небольшие дома из красного кирпича, стреловидные окна, беленые двери. Лужайки в палисадниках аккуратно подстрижены. Такая мещанская обстановка казалась нетипичной для Джейн – насколько Кейт могла о ней судить. Впрочем, не исключено, что Джейн выбрала такое жилье не по своей воле. Скромная площадь этих домов говорила о главном: они продавались по доступной цене. Вероятно, Джейн зарабатывала еще не так много, но квартире где-нибудь в центре Скарборо предпочла домик с небольшим садом. Хотя бы из-за ребенка. Пришлось в чем-то сэкономить, и этот ухоженный район стал для нее компромиссом.

Дождь еще не начался, но в небе уже чернели густые тучи, и это не сулило ничего доброго.

Второй раз за вечер Кейт звонила в чужую дверь и задавалась вопросом, правильно ли поступает. Возможно, она лишь действовала всем на нервы. Кaleb явно не обрадовался ее появлению. Следовало просто позвонить Джейн. Но в глубине души Кейт знала, почему не сделала этого. Несколько месяцев она провела совершенно одна в доме своего отца, довольствуясь лишь собственным обществом – и чувствовала, что больше так не может. Ей не следовало больше быть одной. Ей хотелось видиться с другими людьми. Хотелось жить.

Послышались торопливые шаги. Дверь отворилась. Джейн. Она с удивлением смотрела на Кейт – по крайней мере, та надеялась, что это удивление, а не испуг.

– Кейт? Вот это неожиданность... – Джейн не предложила ей войти. – Что-то случилось?

– Пока ничего. Я на это надеюсь, во всяком случае. Знаете, я могла бы и позвонить... – проговорила Кейт. Ей вдруг стало неловко.

«Все-таки это *испуг*, – догадалась она. – Не стоило мне приходиться».

– Да?

По дому разнесся дребезг, и в следующий миг что-то со звоном разбилось.

– Боже правый! – воскликнула Джейн и бросилась внутрь.

Кейт постояла несколько минут в нерешительности. Она чувствовала себя лишней, последней, кого Джейн хотела бы видеть этим вечером. Она помешала. Впрочем, не исключено, что помешал бы и любой другой. Джейн выглядела такой усталой, загнанной... Так, словно дома с нее спадала маска деятельного, уверенного в себе детектива. И за этой маской скрывалась простая женщина, которая всеми силами пыталась управиться с собственной жизнью, придавленной грузом бытовых проблем.

Джейн все не появлялась, и Кейт уже подумывала уйти. Тихо прикрыть дверь и удалиться. Но потом передумала. Переступила порог, прошла по коридору на кухню. И замерла в растерянности.

Джейн возилась на полу, усыпанном осколками. По всей видимости, разбилось сразу несколько предметов из стекла и фарфора. Осколки разлетелись по всем углам. И среди них на корточках сидела Джейн. Осторожно подбирала крупные куски и бросала в мусорный мешок.

Она подняла голову.

– А, Кейт... Прошу прощения, небольшая катастрофа.

За столом сидел молодой человек. Во всяком случае, его рост и телосложение соответствовали по меньшей мере годам восемнадцати. Но по выражению лица это был скорее малолетний ребенок. На рыхлом, бесформенном лице блуждала дебильная улыбка. Редкие светлые волосы налипли на лоб, обрамляя массивную круглую голову. На нем был темно-синий спортивный костюм – вероятно, единственная одежда, в которую могло бы влезть такое грузное тело. Кейт еще не видела таких толстых людей. Мясистые, крупные ладони. Руки в складках, словно тугие сосиски. Тело, которое едва ли помещалось в нормальные дверные проемы. Которое не выдержал бы ни один стул. По счастью, он сидел на лавке. И даже там его масса свешивалась по краям. Он издал странный клокочущий звук и зачерпнул со стола что-то съестное, перемешанное с осколками в непонятную массу.

– Еда, – проговорил он невнятно, – есть!

Джейн вскочила и мгновенно оказалась рядом. Ухватила его за руку.

– Нет! Это осколки. Это опасно!

Он уставился на нее.

– Голод.

– Потерпи. Сейчас что-нибудь дам. Мне нужно навести порядок. Не бери ничего в рот, слышишь?

Тот обиженно надул губы, но перестал хватать опасное месиво со стола.

Кейт стояла, не в силах сдвинуться с места. Она уже жалела, что

вошла. Теперь было ясно, почему Джейн не предложила ей пройти в дом.
Джейн взглянула на нее. Смахнула волосы с потного лба.
– Да, – сообщила она, – это он и есть. Это Дилан.

* * *

Был один безотказный способ успокоить Дилана: булочки со взбитыми сливками и персиковым джемом.

– Конечно, это неправильно, – сказала Джейн, – учитывая его вес. Но по-другому не получается. Нужно как-то находить время на себя. Ну, что значит *на себя*? Нужно иногда подстригать траву, принимать душ, сосредоточенно работать с документами, которые не успела просмотреть за день. Приходится его утихомиривать. Тогда я пичкаю его любимой едой. Он становится мирным, как ягненок.

Дилан сидел за столом и уплетал булочки, обильно накладывая на них взбитые сливки. Джейн и Кейт навели порядок на кухне, сложили крупные осколки в мусорный мешок, убрали разбросанную повсюду еду и собрали пылесосом мелкие осколки. Дилан и Джейн как раз ужинали, и парень раскидал все, что было на столе.

– Потому что я позвонила, – поняла Кейт. – Господи, мне так жаль...

– Не знаю, в этом ли причина, – сказала Джейн. – Если что-то идет не так, как ему хочется, он теряет голову. У нас это не редкость.

Они сидели в гостиной. Дверь на кухню была открыта. Джейн не спускала глаз с Дилана.

– Выпьешь что-нибудь? – спросила она.

После предпринятой совместно уборки между ними завязались доверительные отношения. Кейт все еще беспокоилась, что стала причиной для припадка Дилана, и в то же время чувствовала: Калев был прав. Джейн очень одинока. И теперь не похоже было, чтобы она пыталась от нее отделаться. «В конце концов, ей теперь нечего скрывать», – подумала Кейт.

– Нет, спасибо, – сказала она. – Посиди немного, позволь себе передохнуть.

Джейн кивнула и откинулась в кресле.

– Вообще по будням он проводит время в центре для инвалидов. Ему там дают задания, и это идет на пользу. Он мастерит что-нибудь несложное – прищепки, плетеные подставки... Всякое разное в этом роде. Утром его забирает автобус, а вечером привозит обратно. В половине шестого он уже дома. К сожалению, я не всегда успеваю вернуться к этому времени. Калев

знает о моей проблеме и старается отпускать меня пораньше. Он и в самом деле хороший начальник. Ну... конечно, у него не всегда получается прикрыть меня.

– И что тогда?

Джейн пожала плечами.

– Прошу соседку. До сих пор она всегда выручала. Конечно, ворчит и жалуется при этом, но я могу на нее рассчитывать. Она очень одинока и мается от скуки, а мне это на руку. А еще она любит ощущение власти над другими. Ей нравится, что я завишу от нее и терплю ее едкие комментарии, и по несколько раз в неделю смиренно прошу о помощи. Конечно, и ей не под силу утихомирить его иначе, как едой. Если посмотреть на него, можно подумать, он скоро лопнет, но Дилан может вместить в себя невообразимое количество еды. Тогда он успокаивается. А что мне остается? Не могу же я требовать, чтобы она организовала для него развлекательную программу. Я рада, что она хотя бы присматривает за ним.

Кейт до сих пор не могла прийти в себя. Она считала Джейн матерью-одиночкой, постоянно занятой и усталой, как многие женщины в подобной ситуации, но в то же время не лишенной своего счастья: ребенок, которого она любит. Который любит ее и нуждается в ней. А вместо ребенка... этот гигант, заплывший жиром колосс. Совершенно беспомощный, всецело зависимый от нее. Непосильная ноша для этой молодой, хрупкой женщины. Тот, кто вытягивал из нее все силы, истощал ее. И, вероятно, ничего не давал взамен. *Не мог ничего дать взамен.*

– Сколько ему лет?

– В апреле исполнилось восемнадцать.

– Так он...

– Мой брат. Мой *младший брат*. – Джейн рассмеялась. – Я, можно сказать, унаследовала его от родителей. И обязательство всегда быть с ним.

Кейт осознала всю тяжесть этого груза.

– Они потребовали от вас...

– Мама, – коротко ответила Джейн. – Отец сбежал, когда Дилан был еще маленьким. А мама всю свою жизнь посвятила этому ребенку. Перед смертью она взяла с меня обещание, что я никогда не отдам его в приют.

– Это очень серьезное обещание, – тихо произнесла Кейт.

– Да. И я не знаю, долго ли еще смогу его сдерживать.

Джейн встала, взяла из буфета стакан и налила себе джина. Вопросительно взглянула на Кейт, но та помотала головой.

– С ним все тяжелее. Дилан становится сильнее. Агрессивнее. Он принимает кучу таблеток. Отчасти поэтому его так разнесло. Хотя причина,

конечно, и в том, что мы постоянно успокаиваем его едой. Порочный круг, но я не представляю, как его разорвать.

– И ты управляешься совершенно одна?

– Ну, если не считать обаятельную соседку, то да, – ответила Джейн.

– Он всегда был таким?

– Врожденный дефект.

На какое-то время повисло молчание. На кухне Дилан гремел ложкой по тарелке. Джейн смотрела перед собой. Кейт представились вечера этой женщины. Как она спешит домой после работы. По пути, может быть, наскоро покупает самое необходимое. Редко успевает к половине шестого. Выслушивает ядовитые замечания соседки, которую в очередной раз просила о помощи. И вынуждена терпеть, потому как боится, что в следующий раз соседка откажет. Как она сидит здесь взаперти. Присматривает за своим непредсказуемым братом. Не может никуда выбраться: ни прогуляться на побережье, ни сходить в спортзал, ни встретиться с друзьями за пиццей. И разумеется, никаких свиданий. А уж о близких отношениях с мужчиной не приходится даже мечтать – любой унес бы ноги, едва познакомился со специфическим приданым Джейн. Кейт догадывалась теперь, что причиной ее развода также стал Дилан.

– Ох, Джейн, – тихо проговорила она.

Та вскинула голову.

– У тебя новая прическа? Тебе очень идет. Выглядишь моложе.

– Спасибо, спасибо большое.

– А зачем ты вообще приехала? – спросила Джейн. – В смысле, я рада. Честно. Как ты, наверное, догадалась, у меня редко бывают гости. Но ты же не просто так решила заглянуть?

– Да.

Кейт торопливо пересказала все, что узнала от Кадира. О странном типе, который ходил по кварталу и расспрашивал насчет Грейс.

– Я только хотела прояснить, действительно ли он из полиции. Тогда можно было бы не волноваться на его счет. Я была у Калеба, но...

Кейт прикусила язык. Она не собиралась говорить о своем визите к нему.

Джейн сразу заметила, что что-то не так.

– Была у Калеба? Этим вечером?

– Да.

– И он отправил тебя ко мне?

– Он решил, что ты сможешь все прояснить. Позвонить в управление в Ливерпуле.

– А почему он сам не позвонил? Это заняло бы пару минут.

– Он...

Кейт помедлила, но потом вспомнила, что Джейн говорила несколько минут назад: Калев действительно хороший начальник. При этом в ее голосе слышалось тепло, и по лицу было видно, как она ценит Калеба. Джейн никогда не причинила бы ему вреда. Скорее она могла бы помочь.

– Он был пьян, Джейн. Стоял на своей замечательной кухне и хлестал виски, как воду. Но был еще достаточно вменяем и сообразил, что этим вечером ему лучше никому не звонить. По его голосу все сразу становится ясно. И по его манере выражения.

– Проклятье, – выругалась Джейн. – Ну что за дрянь! – Она оставила стакан, так и не притронувшись к содержимому. – У меня еще днем появилось дурное предчувствие. Из-за этой истории с Шоувом. Это его... буквально из колеи выбило.

– Я слышала, ты сегодня спасла целую семью?

– Да. И Калев теперь уверен, что с ними ничего не случилось бы, если б мы не загнали Шоува в угол... Знаешь, Кейт, в этом что-то есть. Но факт остается фактом: Шоув – опасный преступник. Его перехватят в Ирландии, и все будет хорошо. Это успех нашей команды. И мне бы хотелось, чтобы Калев смотрел на это так же.

– Он так и не поймал убийцу моего отца. И Мелиссы Купер. И Норманна Доурика.

– И все же я не считаю, что мы зря преследовали Шоува. Он крайне опасен. Рано или поздно он все равно оказался бы в такой ситуации, что кого-нибудь пристрелил бы, или зарезал, или забил до смерти. Он из тех людей, кого называют вечными преступниками. Такие не меняются.

– Джейн, никто не должен знать о том, что я рассказала насчет Калеба.

– Само собой. Вопрос лишь в том, возьмет ли Калев себя в руки завтра? Сумеет ли еще раз выкарабкаться?

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Калев вновь оказался на грани. В сантиметре от пропасти.

– Есть, – заявил Дилан.

Никто даже не заметил, как он появился в гостиной. Казалось, он сразу заполнил собой все пространство, и дом сделался еще меньше. Его лицо было вымазано сливками. Ими же оказался заляпан спортивный костюм. Штаны были перепачканы чем-то не поддающимся определению. Кейт задумалась, каким образом Джейн удавалось содержать его в относительной чистоте.

Та взяла брата за руку.

– На сегодня достаточно, Дилан. Может, хочешь посмотреть телевизор?

– Телевизор, – повторил Дилан и плюхнулся на диван, который прогнулся под его тяжестью почти до пола.

– В этом его центре пошла эпидемия скарлатины, – сказала Джейн. – И они закрылись на несколько дней. Так что завтра придется снова просить соседку.

– Телевизор! – уже не сказал, а скорее потребовал Дилан. Кейт поняла, что он мог быть очень агрессивным. – Телевизор!

Джейн вставила диск в плеер и включила телевизор. «Томас и его друзья». Дилан радостно засмеялся и загудел в подражание паровозу. В этот момент у Кейт зазвонил телефон. Она быстро поднялась и вышла из гостиной. В таком шуме было невозможно что-то понять.

– Кейт Линвилл.

Шепот. Она ничего не разобрала.

– Алло? Кто это? Кейт Линвилл у телефона.

– Кадир. Это Кадир.

Он все еще говорил шепотом. Кейт прошла на кухню. Дилан между тем ревел, как экспресс, пронсящийся под окнами.

– Кадир? Что такое? Вы можете говорить громче?

– Он здесь, – прошептал Кадир. – Тот человек. Он ищет Грейс.

– Он у вас?

– Нельзя, чтобы он услышал. Он опасен.

– Кадир, вам нужно...

– Я знаю, где Грейс.

– Это точно?

– Предполагаю. Но *почти уверен*.

– Вы можете позвонить в полицию Ливерпуля?

– У меня заканчиваются деньги...

Что-то звякнуло. Ну, конечно: у Кадира не было мобильного. Удивительно, что ему удалось найти уцелевший телефон-автомат в этом депрессивном квартале.

– Ладно, Кадир. Оставайтесь на месте. Я обо всем позабочусь. Где Грейс?

Снова звякнула монета. Кадир говорил очень тихо. Кейт буквально чувствовала его страх. Он был в панике.

– ...раньше... Канада-Док... вниз по реке...

Кейт могла разобрать лишь обрывки фраз.

Затем связь прервалась.

У детектива-сержанта Роберта Стюарта в очередной раз сорвалось свидание, и не было ни малейшего желания возвращаться домой. Это извечная проблема интернет-знакомств. Неделями обмениваться сообщениями и думать, что из этого действительно может что-то выйти. Но когда наступает время перевести виртуальное знакомство в реальную жизнь, начинаются проблемы. Его нынешняя пассия – если можно было так выразиться – долго не соглашалась на встречу. Этим вечером она наконец-то сдалась, но в последний момент прислала сообщение и под надуманным предлогом все снова отменила. Эта девушка словно по каким-то причинам боялась реальности. Возможно, имела отрицательный опыт, а может, была романтической натурой и опасалась, что волшебство их виртуального общения разрушится, как только они встретятся за вином и пастой... Но, вероятнее всего, ее данные о себе не соответствовали истине, и она страшилась того момента, когда это станет очевидно.

Поскольку путь домой пролегал мимо центральной больницы Скарборо и ему не хотелось проводить вечер в компании телевизора, Роберт спонтанно решил проведать Стеллу Крейн, ее сына и, прежде всего, – мужа. Было восемь часов, еще не слишком поздно для визита. Если окажется, что миссис Крейн спит или не хочет говорить, он вполне может уехать без лишнего шума.

Джейн Скейпин была сегодня на высоте, это да. Учитывая не самые простые обстоятельства ее жизни, она проделала великолепную работу. Это было в ее духе: спокойно и без лишних слов двинуться по стороннему следу и в конце концов попасть в самое яблочко. Этот след в итоге вывел их на Дениса Шоува. Сорок минут назад Роберт получил сообщение, что коллеги в Ирландии схватили Шоува и его спутницу. Они угодили в руки одного из патрулей, кольцом окруживших Белфаст. К счастью, раненых не было. Морально истощенный, Шоув даже не попытался применить оружие, а сразу же сдался. У его спутницы еще при задержании сдали нервы, и она разрыдалась. На новое воплощение Бонни и Клайда эта парочка никак не тянула.

С того момента, как он узнал об их поимке, Роберт пытался дозвониться до Калеба, однако шеф, к его недоумению, не брал трубку. Он уехал домой раньше обычного, но, как правило, отвечал на звонки. Тем более в такой день, как этот, когда предполагалось схватить человека, за

которым они все – и Калев с особой решимостью – охотились не один месяц. Это было совсем не похоже на него. С другой стороны, шеф весь день выглядел мучеником. Роберт плохо разбирался в человеческих чувствах и не понимал его. Денис Шоув наконец-то попался – он у них в руках! Да, он с высокой долей вероятности не убивал Линвилла. Следовало признать, в этом плане они практически не продвинулись. Но все могло измениться, если только разыскать эту девочку в Ливерпуле. А это, скорее всего, лишь вопрос времени. Денис Шоув – тот еще мерзавец, и хорошо, что он снова отправится за решетку. Это был успех. И тот факт, что им удалось обнаружить тело Нормана Доурика в Ливерпуле, как бы ужасно это ни выглядело, также можно считать успехом. В первом случае заслуга была на счету Джейн, во втором – этой серой мыши. Кейт Линвилл.

Может, в этом проблема Хейла? В том, что его обставили две женщины? Но вообще-то Калев не столь консервативен...

Когда Роберт подъехал к больнице и вышел из машины, начался дождь. У него не было при себе зонта, так что он пробежал по мощеной дорожке к главному входу. Еще сидя в машине, вновь попытался дозвониться до Хейла, и снова безуспешно. Подумал, не поставить ли в известность Джейн, но потом решил не мешать ей. В последнее время она выглядела не лучшим образом. Ей и без того хватало проблем в жизни.

Роберт полагал, что придется расспрашивать персонал, в какой палате лежит Стелла Крейн, но, к своему удивлению, встретил ее уже в холле. Он узнал ее с первого взгляда, поскольку один из первых приехал на ферму по звонку Джейн. Он видел, как санитары выносили едва живого Джонаса Крейна из душного, пропахшего экскрементами амбара. Задал несколько вопросов истощенной Стелле и подарил ее сыну переводную картинку футбольного клуба «Манчестер Юнайтед», случайно найденную в машине. Лицо мальчика осветилось улыбкой, и Стелла сказала слабым голосом:

– Спасибо. Большое вам спасибо.

И вот она снова стояла перед ним: в джинсах, кроссовках и футболке с длинными рукавами. Она по-прежнему была очень бледна, и глаза казались слишком крупными на скуластом, изможденном лице. И все-таки по сравнению с утром Стелла выглядела намного лучше. Длинные светлые волосы были вымыты и собраны в хвост. Она даже немного накрасилась.

– А, сержант, – сказала Стелла, увидев его. – Я как раз собиралась немного прогуляться. Но там, оказывается, дождь.

– Да, погода к прогулкам не располагает, – подтвердил Роберт и потрянул головой. На волосах и на лбу у него блестели капли. – И похолодало заметно. Я бы на вашем месте остался. Вы еще не окрепли,

мигом схватите простуду.

– Пожалуй, вы правы, – согласилась Стелла.

Она говорила непривычно медленно. Вероятно, ей дали сильное успокоительное.

– Я хотел сообщить, что мы его взяли, – сказал Роберт. – Дениса Шоува. Его перехватили в Северной Ирландии.

Стелла не выразила бурной радости, но восприняла новость как хорошую. Затем в голову ей пришла какая-то мысль. Глаза, и без того большие, расширились.

– А он...

Роберт знал, о чем она хотела спросить.

– Нет. Он не оказал сопротивления. Все прошло без единого выстрела. Теперь он предстанет перед судом и, полагаю, получит немалый срок.

– А что будет с Терри? Терезой Малиан. Его спутницей.

Роберт задумался.

– От наказания ей точно не уйти. Ей предъявят обвинение в соучастии.

– Она во всем слушалась его. Денис Шоув ее контролировал.

– Ее роль в этом деле будет тщательно разобрана. Потребуется помощь психологов. В каком-то смысле она тоже жертва, и это будет принято во внимание. Коллеги в Ирландии говорят, что на ней живого места нет. По ее собственным показаниям, она попыталась сбежать, но Шоув настиг ее и жестоко избил. И все-таки не стоит вам так беспокоиться на ее счет. Тереза хоть и молода, но уже вполне взрослая и знает об ответственности, так что оправдать ее не получится.

Стелла кивнула.

«Она все еще напугана, – подумал Роберт, – и глубоко травмирована».

– Как дела у вашего сына? – спросил он деликатно. – И главное – как ваш муж?

– Сына пока забрала медсестра. Они вместе рисуют. Здесь все очень мило. А муж... – Она повела плечами. – Ему очень плохо. Врачи надеются, что он переживет эту ночь.

– Переживет, обязательно, – сказал Роберт. Ему хотелось обнадежить эту бледную, напуганную женщину. – Все будет хорошо.

– Это был кошмар. Просто ужас... – Она содрогнулась. – Мы просто хотели отдохнуть, прийти в себя. В особенности Джонас. Он переутомился, жил в постоянных тревогах... Это врач посоветовал ему взять паузу. Найти такое место, где он был бы оторван от мира. Где нет ни телефона, ни Интернета. Возможность отдышаться, прийти в согласие с самим собой. Но все пошло совсем не так...

Стелла замолчала, глядя на дождь.

– Сама по себе идея была отличная, – сказал Роберт. – Вы не могли предугадать, что так выйдет. Никто не может такого предугадать. Просто... потому что в мире существует зло. К сожалению.

«Что может быть банальнее?» – спросил он себя в ту же секунду.

Однако Стелла кивнула со значением.

– Да. От этого никуда не деться. Каждый день мы читаем об этом в газетах. И все равно, никогда не думаешь, что с тобой может произойти нечто подобное. Это как с тяжелыми заболеваниями или автокатастрофами. Это всегда происходит с другими. Пока... тебя самого это не коснется.

– Все позади.

Стеллу словно осенило.

– Я непременно должна увидеться с вашей коллегой. С этой невероятной женщиной, которая разыскала нас. Как, по-вашему, это возможно?

– Детектив-констебль Джейн Скейпин. Разумеется, это возможно. Вам, так или иначе, придется заглянуть к нам в управление. Нам нужны подробные показания обо всем, что произошло. Если хотите, Джейн проведет с вами беседу.

– Было бы здорово. Я очень ей благодарна. И хотела бы высказать это лично.

– Джейн просто удивительная, – согласился Роберт, – и превосходно справилась с этим делом.

Повисло молчание; некоторое время каждый думал о своем. Затем Роберт откашлялся.

– Ну что ж...

Стелла улыбнулась. Эта слабая улыбка, очевидно, стоила ей больших усилий.

– Пожалуй, я пойду прилягу. С прогулкой и в самом деле лучше повременить.

– Просто хотел передать, что мы его взяли, – сказал Роберт. – Мы не можем вернуть все вспять, но он хотя бы заплатит за содеянное.

– Спасибо, что зашли.

Стелла пожала ему руку, затем развернулась и пошла обратно. Роберт проводил ее взглядом. Она с трудом передвигала ноги.

«Только бы ее муж выжил», – подумал Роберт.

Он вышел из больницы и под дождем пробежал к машине. Там еще раз попытался дозвониться до Калеба.

Снова ничего.

Это было так непохоже на шефа, что Роберт забеспокоился. Но потом он решил, что Калев, возможно, просто хотел отдохнуть. Он слишком мало спал в последнее время.

Может, он просто пораньше отправился спать...

– Канада-Док, – сказала Кейт. – Куда-то ниже по реке. Это единственное, что я поняла. Он сказал, что знает, где прячется Грейс. И он напуган, я это прямо почувствовала. Этот странный тип снова появился там.

– Нужно сообщить коллегам в Ливерпуле, – встревожилась Джейн. – Этот Кадир должен показать им укрытие.

– Я сказала ему оставаться на месте. Надеюсь, он послушается.

– По крайней мере, мы знаем место. Канада-Док, ниже по реке. Они должны знать, где это.

– У тебя есть номер той женщины, которая руководит расследованием? – спросила Кейт.

Джейн кивнула.

– Сейчас же ей позвоню. – Она указала на лестницу. – Телефон наверху. Приходится прятать его от Дилана.

Дилан все еще гудел, как паровоз, и подпрыгивал на диване. Джейн поднялась на второй этаж, чтобы связаться с полицией Ливерпуля. У Кейт между тем появилась идея. Она вернулась на кухню и набрала номер Сюзанны Доурик. Та ответила после второго гудка.

– Здравствуйте, это Кейт Линвилл. Сожалею о том, что произошло.

Сюзанна говорила вполне спокойно:

– Спасибо, Кейт. Эта новость меня, конечно, потрясла. Но мы с Норманом столько лет не общались... Так что...

Она не закончила предложение. Было и так ясно: со смертью Нормана в ее жизни ничего не поменялось. И спустя столько лет она не могла почувствовать скорбь.

– Сюзанна, у меня к вам вопрос. Вы говорили, что к вам то и дело заходили бывшие коллеги Нормана. И некоторых из них вы даже не знали. Вы помните, когда это было в последний раз? Я имею в виду, до того как сержант Стюарт приходил к вам в связи со смертью моего отца.

– Подождите-ка, – сказала Сюзанна. – Это было... в общем-то, не так давно. В начале января, наверное. Да, в январе точно кто-то приходил.

– И вы его не знаете?

– Нет, я его не знаю. Он сказал, что еще новичком немного поработал бок о бок с Норманом и очень ему признателен. Довольно молодой, лет под тридцать, наверное.

Кейт затаила дыхание.

– А как он выглядел?

– Очень крупный, – ответила Сюзанна. – Светлые волосы.

– Он назвал свое имя?

– Да, он представился. Но, честно признаюсь, я уже не помню, как его звали. Я и значения этому не придавала.

Вероятно, это и не имело значения. Если человек пытался узнать, где живет Норман, чтобы затем убить его, то скорее всего, назвал вымышленное имя.

– И вы дали ему адрес Нормана?

– Да... – Сюзанна заговорила вдруг очень неуверенно. – Так вы считаете... этот самый тип...

– Я этого не знаю. Не тревожьтесь понапрасну, Сюзанна. Даже если это его рук дело, он все равно нашел бы способ добраться до цели. Уж вы мне поверьте.

На этом они распрощались. Судя по голосу, Сюзанна была очень расстроена. Зато теперь Кейт почти не сомневалась, что этот странный тип не мог быть сотрудником полиции Ливерпуля. Убийца вернулся. Он разыскивал Грейс Хенвуд, представлявшую для него большую опасность.

«Откуда он узнал? – спрашивала себя Кейт. – Как ему удалось так быстро узнать о возможной свидетельнице? И выяснить, кто она?»

В прессе о ней не было ни слова. Даже если предположить, что множество людей в квартале знали, что к чему, и догадывались, какую роль играла Грейс в этой истории и почему ее разыскивала полиция – все равно удивительно, как быстро эта новость долетела до преступника.

«Он кого-то знает, – подумала Кейт. – Кто-то из местных ему помогает».

Такое предположение пугало ее – и одновременно казалось абсурдным. Но иначе быть не могло. У него определенно был сообщник.

Джейн спустилась с телефоном в руке.

– Они сейчас же отправят кого-нибудь к мистеру Рошану. И пошлют людей в Канада-Док. Конечно, они были не в восторге оттого, что *мы* предоставили им сведения, но противиться не стали. И кстати, насчет этого странного типа... У них есть люди, подпадающие под твоё описание, поэтому нельзя исключать, что он все-таки из полиции. Но сегодня же вечером с этим обязательно разберутся.

Кейт рассказала ей о своем разговоре с Сюзанной.

– Я почти уверена, что это он, – заключила она. – В январе он расспрашивал о Нормане, после чего поехал в Ливерпуль и убил его. И уже

после – моего отца. Его адрес он запросто мог узнать по телефонной книге. А под конец – Мелиссу Купер. Очередность очень важна, Джейн.

– Возможно, – согласилась констебль. – Только сейчас...

– И он менее чем за сутки узнал о Грейс. Он на удивление хорошо осведомлен, тебе не кажется?

– Еще рано говорить об этом, Кейт. Может оказаться, что он действительно из полиции. А человек, который был у миссис Доурик, возможно, и в самом деле бывший коллега Нормана. Не стоит пока бить тревогу. Коллеги в Ливерпуле во всем разберутся. Больше мы сделать ничего не сможем.

Кейт посмотрела в окно. Начался дождь. Крупные капли разбивались о разогретый асфальт. Под плотными, серыми тучами вечер был заметно темнее обычного.

Она еще слышала напуганный голос Кадира. Думала о Грейс. В последние дни эта хрупкая девочка то и дело возникала у нее перед глазами – бледное личико и ангельская улыбка. Слишком тесная, короткая одежда. Красно-синие отметины на запястьях. И в голове звучал голос ее матери: «Помогите ей!»

И вот оно, снова – внутреннее чутье, которое необъяснимым образом подсказывало ей, что нужно делать. То самое чутье, которое было погребено под грузом сомнений и страхов, но при этом то и дело робко напоминало о себе, с тех пор как Кейт пыталась выяснить, кем в действительности был ее отец.

Кейт захотела поехать туда, в Ливерпуль. Грейс была в опасности, и это произошло по ее вине.

И по какой-то причине Кейт опасалась, что полиция в Ливерпуле могла все испортить. Что там не сознавали всю серьезность положения. Они изначально с недоверием отнеслись к тому, что люди из полиции Йоркшира проявляли интерес к этому делу и указывали на связь этого убийства с двумя другими, произошедшими в округе Скарборо. И вот снова с их стороны поступали некие сведения. Как уже сказала Джейн: *они были не в восторге оттого, что мы предоставили им сведения...*

Кейт почти не сомневалась, что они отправят ближайший патруль в Канада-Док, и если патрульным с ходу что-нибудь не бросится в глаза, то они развернутся и поедут дальше.

Она поколебалась, но решила все-таки ничего не говорить Джейн. Та не одобрила бы ее идею, хотя бы потому, что позднее ей пришлось бы объясняться перед Калобом. С чего бы ей добровольно навлекать на себя его гнев?

Кроме того, Джейн уже высказала свое предубеждение относительно предположения, что этот странный тип и есть убийца.

– Что ж, ладно, – небрежно сказала Кейт, – так или иначе, все прояснится. Дашь знать, если выяснится что-то новое?

– Конечно, – пообещала Джейн.

– Ты как, справишься?

– Да, у меня всё под контролем.

Дилан действительно замолчал и теперь зачарованно следил за приключениями маленького локомотива. Джейн выглядела напряженной и встревоженной. Кейт хотела сказать еще что-нибудь ободряющее, но ей ничего не пришло в голову, что не прозвучало бы глупо ввиду специфической ситуации Джейн.

Поэтому она сказала лишь:

– Ну, тогда я поеду. Доброй ночи.

Джейн не предлагала ей остаться еще ненадолго. Может, ей и было очень одиноко, как говорил Кaleb, но вместе с тем она дьявольски уставала и выматывалась, и так каждый вечер.

Обстоятельства не очень-то располагали к приему гостей.

* * *

Кейт ехала по залитым дождем улицам так быстро, что невольно удивилась, как ее никто не остановил. Пошел девятый час. По пути она заехала к себе домой и положила в сумку пистолет отца. «Исключительно ради безопасности», – заверила она себя. Кейт не ела с самого утра, однако не чувствовала голода. И все-таки насыпала в тарелку немного хлопьев, залила молоком и проглотила буквально залпом. Она не знала, что ожидало ее этой ночью, и хотела быть в форме.

Когда Кейт выехала, было почти девять. К одиннадцати она рассчитывала добраться.

Кейт явно переоценила свои возможности. Хотя она пренебрегла всякими ограничениями скорости и других машин было немного, к половине двенадцатого она доехала лишь до окраин Ливерпуля. Дождь не прекращался. Один раз Кейт все же остановилась, чтобы сходить в туалет и купить кофе, так что теперь она чувствовала себя вполне бодро. Даже сверх меры. Адреналин переполнял каждую клетку ее тела.

Когда Кейт наконец добралась до места, она была уже не так уверена в целесообразности своего намерения. Три часа назад Джейн поставила в

известность местную полицию. Что бы ни произошло, времени минуло слишком много. Ход событий не мог приостановиться, пока Кейт проедет от восточного побережья к западному – и только потому, что она опасалась, что все пойдет не так.

На улице, где проживала Грейс, было тихо. Ни в одном из окон не горел свет. Два уличных фонаря оказались разбиты. Кейт заглушила мотор и вышла из машины. Она припомнила, какой дом показывал ей Кадир. *У меня квартира под самой крышей...*

Никакого замка на входной двери не было, так что Кейт вошла беспрепятственно. Щелкнула выключателем справа на стене. Ничего, как она и предполагала. Ощупью поднялась на два пролета, остановилась на площадке и позвала вполголоса:

– Кадир? Это Кейт. Вы дома?

Никто не ответил. Кейт повернула дверную ручку и вошла. Глаза уже привыкли к темноте. Она оказалась в крошечной комнате, втиснутой под скатом крыши. По окну барабанил дождь. Комната была обставлена довольно скудно. Матрас в углу, накрытый одеялом. Стол и стул, газовая плитка. На планке у стены тарелка и чашка. Образец совершенной непритязательности – или крайней нищеты. Еще одна дверь вела, как выяснилось, в крошечную, убогую ванную. Там тоже никого не было.

Кейт вышла на площадку. Кадира не было дома. Но это еще ничего не значило: он сам говорил, что довольно редко бывал в своей комнате. Поначалу Кейт связывала это с его странностями, но теперь понимала, что он имел в виду: в такой тесноте, под скатом крыши она и сама долго не выдержала бы.

Осторожно пробираясь в темноте, Кейт спустилась на первый этаж и, оказавшись на улице, глубоко вдохнула. Прошла немного, к той стенке, на которой постоянно сидел Кадир. Никого.

Взглянула на дом, где жила Грейс с родителями. Окна совершенно темные. Если бы полиция разыскала девочку, ее наверняка доставили бы к родителям. Но Кейт не хотелось стучаться к ним просто так.

«Посмотрю для начала, что это за Канада-Док, – решила она. – Если там никого не окажется, вернусь и подниму из постели этого Даррена».

Навигатор проложил путь и указал время пути в шесть минут. Это оказалось не так далеко, так что Грейс и Кадир вполне могли добраться туда пешком.

Кейт завела мотор.

Поначалу она ехала через жилой квартал. Впрочем, в это время все было закрыто, и лишь в редких окнах еще горел свет. Время от времени

навстречу попадались другие машины. Дождь понемногу стихал, но лил по-прежнему монотонно. В такую ночь вряд ли у кого-то возникла бы мысль прогуляться вдоль реки. Кейт ехала по Риджент-стрит, по левую руку темнели воды Мерси. По берегу горели фонари, и даже в дождь можно было разглядеть огни Биркенхеда на другой стороне реки. Кейт чувствовала, что не совсем одна. Местность становилась все менее обитаемой. Больше не попадалось магазинов, пабов, жилых домов. Вместо них тянулись складские помещения, кирпичные строения, в которых располагались офисы, в этот час закрытые. В ночное небо вздымались краны. Высокие заборы окружали фабричные территории. Здесь производились запчасти для судов и портового оборудования, и до утра не стоило никого ждать. Кейт медленно ехала дальше. Слева теперь строений почти не попадалось, вместо них вдоль реки тянулись заросшие травой огороженные площадки. Изредка попадался какой-нибудь контейнер, ангар или строительная бытовка.

«Вы на месте», – сообщил голос навигатора.

Кейт притормозила, развернулась и проехала немного назад. «Ниже по реке от Канада-Док», – сказал Кадир. Капли дождя переливались в свете фар. Слева располагался заброшенный складской ангар. По правую руку тянулась стена. О чем конкретно говорил Кадир? Сложно было понять, откуда начинать поиски, тем более Кейт и не знала, что именно следует искать. Она медленно поехала дальше, внимательно осматриваясь. И наконец-то увидела припаркованную машину, которую она прежде упустила из виду. «Пежо».

Кейт подъехала ближе и притормозила. Сердце ее бешено заколотилось. Действительно, «Пежо». Она вышла из машины, присмотрелась. В темноте, да еще в дождь, сложно было определить ее цвет, но Кейт прихватила с собой фонарик. Она быстро двинулась по улице, почти вплотную к стене, чтобы сразу не попасться на глаза, если в машине кто-то сидел. Она чувствовала, как пахнет река. Дождь усилил запах гниющих водорослей.

Кейт уже вымокла, когда приблизилась к машине. Она сразу увидела, что в ней никого не было. Когда же посветила фонариком, то застыла на месте: машина была зеленого цвета.

Зеленый «Пежо».

Ей вспомнились показания подруги Робина Спенсера: зеленый «Пежо» несколько раз проезжал по Чёрч-Клоуз. Тогда никто не мог сказать с уверенностью, заслуживает ли это внимания. Теперь же ее свидетельство обретало значение.

Совпадения быть не могло.

Кейт записала номер – зарегистрирован в Скарборо – и огляделась. В стене, в том месте, где стояла машина, имелся проход, наскоро перекрытый досками и колючей проволокой. Это был единственный проход поблизости. По крайней мере, других Кейт не заметила. Где, черт подери, полиция? Или все уже позади? Но почему тогда машина по-прежнему здесь? Может, они разыскали Грейс, но ее преследователь сумел ускользнуть? Или все было так, как Кейт и предполагала с самого начала? Патрульные проехали по улице, не заметили ничего подозрительного и покатали дальше...

Кейт встала перед проходом и попыталась оттащить нагроможденную кем-то баррикаду, но безуспешно. Возможно, где-то был и другой вход, но ей не хотелось тратить время на поиски. Кейт подтянулась и перелезла через стену. Когда она спрыгивала на другую сторону, то зацепилась правой ногой за колючую проволоку. Послышался треск разрываемых джинсов, и в тот же миг она почувствовала жгучую боль. Ощутила, как по лодыжке потекла кровь.

Кейт тихо выругалась. По крайней мере, она оказалась по эту сторону. Конечно, не помешало бы включить фонарь и осмотреться, но Кейт побоялась. Кругом все поросло травой, но чуть дальше угадывалась осмолённая площадка. Рядом стояло какое-то здание. На ветру хлопала то ли дверь, то ли окно. Непохоже было, что строение как-то использовалось. На это указывал и заделанный досками проход.

Кейт знала, что теперь необходимо вызвать подкрепление. У нее были все основания полагать, что где-то здесь скрывается серийный убийца, и она могла оказаться с ним один на один. На всякий случай Кейт достала из сумки пистолет и сняла его с предохранителя. Проблема – как уже не раз в эти месяцы – заключалась в том, что она была не при исполнении и не имела права требовать подкрепление. Могла лишь совершить экстренный звонок, как и любой другой человек.

Так и быть, она будет играть по правилам, но приложит все усилия, чтобы они поспешили.

Кейт искала телефон в сумке и не услышала, как он приблизился.

Получив удар по затылку, она даже не успела испугаться. Рухнула наземь и мгновенно потеряла сознание.

Кадир еще никогда не бывал в столь затруднительном положении. А ему многое довелось пережить – и хорошего в этом было не так уж много. С малых лет он стыдился цвета своей кожи и часто становился объектом для насмешек со стороны сверстников. Иногда это были добродушные подначки, но все чаще – проявление откровенной расовой ненависти. В школе его называли *карри*. Дома он плакал и говорил матери, что больше не вынесет этого, но та возражала. Говорила, что ему следовало бы радоваться, потому что все еще не так плохо.

И вот однажды стало намного хуже.

Кадир с содроганием вспоминал тот вечер, восемь лет назад, когда он поздним вечером возвращался от знакомого и ждал поезд на безлюдной платформе в пригороде Ливерпуля. Они появились словно из ниоткуда. Скинхеды. Пятеро крепких, как медведи, парней, наголо обритых, в кожаной одежде и армейских ботинках. Кадир сразу понял, что они не упустят его из виду, тщедушного, одинокого индийца. Стараясь не привлекать внимания, он двинулся к лестнице, так, словно и не заметил их.

Они окружили его. Принялись переталкивать друг друга, пока он не потерял равновесие. И уж тогда они взялись за него. Сломали ему нос и несколько ребер. Затем оттащили его в темный тоннель недалеко от вокзала. В памяти сохранились беленые стены, разрисованные граффити. Ночная тьма в другом конце короткого тоннеля. Слепящий свет карманных фонарей. Ему сказали, что он не имеет права находиться в их стране и что теперь он узнает, какая участь ждет таких, как он. Что он пожалеет о том, что приехал в Англию.

Они пытали его. Несколько часов. Без жалости. И оставили в покое, только когда решили, что он мертв. К утру Кадир пришел в сознание и дополз, отмечая кровью свой путь, обратно до платформы. В этот час там было множество людей, все ехали на работу. Он припомнил, как несколько человек в ужасе закричали. Затем приехала «скорая». Полиция. В больнице его залатали, и врач говорил, что никогда еще не видел, чтобы человек был так зверски изувечен.

Физически он поправился.

Душевная рана так и не исцелилась.

И все же Кадир остался жив.

И он не был уверен, сумеет ли выжить на этот раз.

Руки и ноги были привязаны к трубе; тело находилось в таком неудобном положении, что с каждой минутой становилось все большее. Он находился в квадратном помещении с кирпичными неоштукатуренными стенами. Сейчас Кадир этого не видел – кругом царил непроглядный мрак. Но тип, который притащил его сюда, имел при себе фонарь, и Кадир успел все разглядеть. Затем тяжелая дверь захлопнулась, и шаги стали удаляться. Это было... сколько же прошло времени? Кадир понятия не имел. Возможно, он пробыл здесь не так уж и долго. Тьма лишила его не только возможности ориентироваться, но и ощущать время. Теперь он понимал, как люди, подолгу запертые в темноте, сходили с ума.

Хуже всего было бездействие, на которое он оказался обречен. Кадир знал, что этот тип разыскивал Грейс. Теперь он надеялся, что ошибся. Что Грейс не здесь, а прячется совсем в другом месте. Во всяком случае, в доках он ее не видел. Непонятно было, как этому типу удалось проследить за ним. Если Кадир чему и научился в жизни, так это бесшумно и практически незаметно передвигаться с места на место. словно тень, он прошел в цеха Канада-Док, двигаясь обходными путями, известными, возможно, только ему. И все-таки за те полчаса, которые ушли на дорогу, мерзавец не отстал ни на шаг. Напал на него и связал. Что оказалось не так уж сложно: Кадир не оказал ни малейшего сопротивления. Он стыдился этого, но страх буквально парализовал его. И вот он сидел в этом подвале, не имея возможности сделать что-то для Грейс...

В темноте был слышен рокот воды. Кадир прислушивался к этому шуму, и ему становилось не по себе. Территория доков раскинулась по берегу Мерси, широкой и полноводной реки. Но этот подвал, очевидно, располагался *под* рекой. От одной мысли об этом у Кадира перехватывало дыхание. Он представлял нависшую над ним толщу воды, и его бросало в пот. Он убеждал себя, что подвал расположен здесь уже много лет и до сих пор выдерживал давление. Так почему его должно прорвать теперь?

Вот снова послышались шаги, и все тело Кадира напряглось. Он возвращался. И вероятно, не ради того, чтобы освободить пленника. Кадир видел его лицо. Этот человек напал на него, связал и запер где-то в катакомбах. Он не мог отпустить его живым.

Лязгнул засов, и дверь открылась. Кадир обратил внимание, что ригель, вероятно, плохо держится в шарнирах: когда его сдвигали, он гремел. Возможно, дверь удалось бы открыть изнутри, если как следует навалиться. Но, будучи привязанным к этой трубе, Кадир не смог бы этого проверить.

Свет фонаря вновь рассеял мрак. Кадир зажмурился. Он заметил, что

незнакомец что-то тащил за собой. Наконец-то понял, что это человек. Женщина. Грейс?

Незнакомец сбросил свою ношу на пол, точно мешок. Это была не Грейс. Теперь Кадир узнал ее. Та женщина из полиции. Кейт.

Последняя надежда растаяла. Все это время он поддерживал себя мыслями о Кейт. Она была в курсе. Кадир сказал ей, что странный тип снова здесь. Что Грейс, вероятно, прячется в Канада-Док. И Кейт пришла. Но и она угодила в ловушку.

Оставалось надеяться, что она перед этим поставила в известность коллег.

Незнакомец не проронил ни слова. Он положил фонарь рядом и принялся связывать Кейт. Похоже, она была без сознания, поскольку никак не отреагировала. Он не стал привязывать ее к трубе – вероятно, опасался, что в таком случае они с Кадиром попытаются освободить друг друга. Он связал ее зверским образом, стянув руки и ноги за спиной, так что Кейт выгнулась дугой. Кадир знал, что адские боли не заставят себя ждать.

Он воспользовался возможностью, пока горел свет, и торопливо огляделся. Возможно, ему удалось бы обнаружить нечто, что помогло бы им освободиться. Увиденное не то чтобы обнадеживало: в потолок был вделан клапан, по его краям сочилась вода, растекалась по стенам и капала на пол. Если Кадир правильно все понял и они действительно находились под руслом реки, то при помощи этого механизма можно было затопить подвал. Неважно, как и для чего – в их с Кейт положении это не сулило ничего хорошего.

В бетонной плите под клапаном располагалась решетка. Если открыть клапан, вода хлынет в подвал. И даже если им удастся освободиться от веревок, через решетку им не пробиться. Кадир сглотнул. Он ничего не говорил.

Но знал: они должны выбраться отсюда, и как можно скорее.

Пятница, 13 июня

Кадир понятия не имел, сколько прошло времени. Определенно было уже давно за полночь, когда во тьме раздался голос. Так неожиданно, что Кадир перепугался.

– Эй? Есть тут кто? – спросила Кейт.

Она пришла в сознание и, похоже, была полна сил. Слава богу. Должно быть, полученный удар оказался не таким сильным.

– Я здесь, – отозвался он. – Кадир.

– Я слышала чье-то дыхание, – сказала Кейт. – Значит, это вы...

– У меня связаны руки и ноги. Я вишу на какой-то трубе, мне не высвободиться.

Внезапно вспыхнул свет, и Кадир снова испугался. В первую секунду он решил, что незнакомец снова вернулся. Ослепленный, Кадир приоткрыл глаза, но в подвале была только Кейт. Она по-прежнему лежала, выгнувшись дугой. Рядом с ней на полу лежал фонарь.

– Все это время был у меня в кармане, – сказала Кейт. – По счастью, он его не заметил. Теперь у нас хотя бы есть свет.

О спасении речи пока не шло, но Кадир почувствовал робкую надежду. Кейт служила в полиции, она привыкла к опасным ситуациям и опасным людям. Во всяком случае, ей удавалось сохранять спокойствие. Неплохая предпосылка, чтобы все же выбраться как-то из этой передраги.

– Вы же сообщили своим? – спросил Кадир. – Они знают, что мы здесь?

– Да. По крайней мере, одна из коллег в курсе, и она будет начеку. Не волнуйтесь, Кадир. Нас вытащат отсюда.

– Это тот самый тип, который повсюду расспрашивал насчет Грейс. Не представляю, как он узнал, что я здесь.

– Он проследил за вами. Этот тип убил трех человек. Он расчетлив и умен. И теперь опасается, что его разоблачат.

Кейт говорила и одновременно вытягивала тело, пытаясь ослабить веревки. Но Кадир не заметил, чтобы она добилась какого-то успеха. Преступник затянул узлы на совесть.

– Я видел его лицо, – сказал Кадир. – Кейт... он убьет меня.

– Скоро здесь будет полиция, – успокоила его Кейт. Голос у нее был сдавленный. Должно быть, в таком положении она с трудом могла дышать. – Почему вы решили, что Грейс прячется в этом богом забытом

месте?

– Я вспомнил, что ее отец когда-то работал здесь. Кто-то мне рассказывал. Здесь было предприятие, на котором производили оснастку для судов, но пять лет назад они разорились. С тех пор эта территория заброшена, а Даррен Хенвуд сидит без работы. Вот я и подумал, что Грейс, возможно, ориентируется здесь, потому что отец наверняка брал ее с собой. Прежде Даррен был добрее, когда еще имел работу... Может быть так, что она спряталась здесь?

– Звучит довольно запутанно. Но вы ее нигде не видели?

– Нет. Возможно, я ошибся. Это ведь было только предположение.

– Если вы правы, то надеюсь, что Грейс успела скрыться. Этот убийца, наверное, прочесывает каждый угол в ее поисках.

– Здесь, похоже, разветвленная система катакомб, – сообщил Кадир. – Коридоры, помещения... все находится под рекой. Слышите, как шумит вода? Это Мерси. Прямо над нами.

Повисло гнетущее молчание. Они вслушивались в журчание и плеск воды.

– И это еще не все, – сказал Кадир. – В потолке есть стальной клапан. Оттуда постоянно просачивается вода. Думаю, его можно как-то открыть и затопить здесь все ходы.

Кейт не ответила, но Кадир видел, как она посмотрела наверх. Увидела клапан и решетку под ним – и вновь принялась изо всех сил растягивать веревки. Бесполезно. Освободиться самостоятельно было невозможно.

Она задумалась на мгновение, затем сказала:

– Кадир, послушайте, мы не можем безучастно ждать. Нужно попытаться как-то высвободиться. Я подберусь к вам, а вы попробуйте как-нибудь опуститься по этой трубе. Думаю, вам больно не меньше моего, но других вариантов нет. Необходимо добиться такого положения, чтобы вы могли распутать узлы на моих запястьях. Наоборот сделать не получится – у меня руки завязаны за спиной, и я ничего не увижу. Но, возможно, вы сумеете освободить меня. Тогда я освобожу вас, а это уже значительный шаг.

– Одна беда, – проговорил Кадир. – Дверь заперта на засов. Правда, звук был такой, будто задвижка уже довольно хлипкая.

– Возможно, это наш шанс. Давайте же. Нельзя терять время.

«Она великолепна, – подумал Кадир, – просто молодец. Держит нервы в узде и придумала разумный план. Ну, это же Скотланд-Ярд. Лучшие в своем деле».

Миллиметр за миллиметром, игнорируя боль, Кадир стал опускаться

вдоль трубы. «Мало времени, – думал он, – слишком мало времени...»
Но все-таки шанс.

Казалось, все вокруг догадывались по его лицу, что произошло. У него как будто было написано яркими буквами на лбу: «Я взялся за старое!»

Вообще-то ему следовало бы позвонить своему терапевту. Так было условлено. Что он сразу сообщит, когда произойдет то, что произошло. Чтобы обсудить необходимые шаги, принять экстренные меры, натянуть страховочную сетку... «Не пытайтесь справиться самостоятельно, – предупреждал терапевт. – Риск несоразмерно велик. Признайтесь, что вам нужна помощь, и воспользуйтесь этой помощью».

Признайтесь, что вам нужна помощь... Легко сказать. Когда человек и без того считает себя полным неудачником... Так теперь еще и признаться терапевту, что в буквальном смысле нырнул в бутылку виски, напился так, что заплетался язык и не держали ноги... Что он, опять же вопреки договоренности, держал дома алкоголь, не уничтожил все запасы... Список прегрешений получался внушительный. Но Кaleb не хотел выступать в роли кающегося. За время терапии ему не раз приходилось повторять громко и четко: «Меня зовут Кaleb Хейл, и я алкоголик!»

Его уже тошнило от этого.

Голова гудела, желудок бунтовал, и во рту так пересохло, словно организм временно перестал вырабатывать слюну. И все-таки ему удалось сесть в машину, доехать до управления и пройти в свой кабинет. Кaleb знал, что лицо у него бледное, как у покойника, и лоб покрыт испариной. При этом он то и дело щурился от света, хотя день был серый и дождливый. Он страдал от жесточайшего похмелья, и нечего было надеяться, что окружающие предполагали нечто иное.

Кaleb налил большую кружку кофе в автомате и рухнул в рабочее кресло. Он понятия не имел, как переживет этот день. Казалось, голова готова взорваться в любой момент.

«Есть ли еще в мире такие идиоты, как я?» – спрашивал он себя разочарованно.

В дверь заглянул Роберт Стюарт.

– А, шеф, ну наконец-то! Я как раз говорил с миссис Крейн. Ее муж пережил эту ночь. Ему уже получше.

Калебу потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить. Да, точно: Крейны. Семейство, которое Денис Шоув запер на ферме и уехал на их

машине.

– О, – выдавил из себя Калев. – Слава богу.

– Я вчера несколько раз пытался дозвониться до вас. Шоува перехватили в Ирландии. И Терезу Малиан тоже.

– Ранены?

– Нет. Шоув был уже морально истощен. Сразу сдался.

– Это... хорошие новости, – с трудом выговорил Калев.

Роберт пристально посмотрел на него.

– Все хорошо? У вас нездоровый вид.

– Мигрень. Со вчерашнего дня. Потому и не отвечал на звонки.

– Вам бы прилечь, шеф... Вы и впрямь скверно выглядите.

Калев не хотел углубляться в эту тему.

– Пройдет. Еще новости есть?

Роберт кивнул.

– Скоро приедет миссис Крейн, дать показания. И ей хотелось бы поблагодарить Джейн. Вы не знаете, где она?

– Я ее пока не видел. Впрочем, я и сам только приехал.

Калебу хотелось, чтобы Роберт наконец вышел. Он понимал, что от него все еще пахнет спиртным, и не хотел, чтобы подчиненный уловил запах. Калев заметил вдруг, как задумчиво посмотрел на него Роберт. Возможно, ему вспомнилось, что шеф и прежде говорил что-то насчет мигрени, но вскоре всем становилось ясно, что за этим крылось.

По счастью, в этот момент зазвонил телефон.

Центральный пост.

– Некая миссис Поллард, сэр. Хочет непременно связаться с констеблем Скейпин и не может до нее дозвониться. Она вне себя, говорит, это очень важно. Что ей...

– Соедините, – сказал Калев.

Он был готов на что угодно, лишь бы прервать этот разговор с Робертом.

В тот же миг из трубки донесся сердитый, возбужденный голос:

– Так не может продолжаться! В самом деле. Я всегда была готова помочь, постоянно выручала. Но возникает уже такое впечатление, будто мною пользуются. Я уже не так молода, чтобы вечно взваливать на меня такое!

– Секунду, – прервал ее Калев.

От ее пронзительного голоса головная боль только усилилась. Старший инспектор проглотил уже несколько таблеток этим утром, но знал, что этим не ограничится.

– Вы вообще кто?

– Маргарет Поллард. Я соседка Джейн Скейпин.

Из разговоров с Джейн Калэб знал, что ее соседка играла не последнюю роль в присмотре за Диланом.

– А, миссис Поллард... Теперь понял. Что стряслось?

– Что стряслось? Мне многое довелось пережить, но... сегодня рано утром я проснулась от невообразимого шума. По соседству кто-то буянил, так что, казалось, дом развалится в любой момент. Я-то еще подумала: «Господь милостивый, бедная Джейн... Дилан, видно, снова распсиховался, и она не может с ним совладать». Так что я оделась и поспешила к ним, такая уж у меня натура. Ну, я ведь могла и сказать, мол, какое мне дело до этого?

Похоже, она ждала от него ответа. Калэб протянул неопределенное:

– Хм...

– Никто не открывал, но у меня есть свой ключ, так что я просто вошла. И что я вижу? Ее нет. Джейн. Потом уж я обратила внимание, что и ее машины тоже нет. Она уехала. А Дилан буянил. Полагаю, Джейн дала ему таблеток, чтобы успокоить, она так делает иногда. Но проблема в том, что он слетает с катушек, когда их действие прекращается. В таких случаях необходимо вовремя вернуться, но когда у нее это получалось?

Калэб с ужасом понял, что количество проблем в жизни Джейн сильно превосходило возможности одного человека. Он всегда удивлялся тому, как ей удавалось находить баланс между требующим постоянного ухода братом и напряженной работой. Джейн редко жаловалась и всякий раз совершала невозможное. Но только теперь Калэб со всей ясностью осознал, что она постоянно балансирует на краю пропасти, и лишь по счастливому велению судьбы ей до сих пор удавалось избежать катастрофы. Он прикрыл трубку ладонью и прошипел Роберту, который по-прежнему стоял в дверях:

– Проверьте, здесь ли Скейпин. Это срочно!

Роберт кивнул и исчез.

– Я и теперь дала ему таблеток, – продолжала тем временем миссис Поллард. – Он наконец-то уснул. Но когда проснется, его снова переclinит, и мне кажется, ему не стоит больше давать этих лекарств. К тому же я не знаю, сколько скормила ему Джейн и когда это было. Что мне теперь делать?

По голосу и манере общения Калэб понял, что эта миссис Поллард не самая приятная из людей, но ей стоило отдать должное: по крайней мере, она взяла на себя ответственность и не оставила Дилана без присмотра.

– Миссис Поллард... – начал он, однако она его перебила:

– А теперь я никак до нее не дозвонюсь. Мобильный она не берет и по прямому номеру в управлении тоже не отвечает. Эта ситуация невыносима. И уже давно.

В глубине души Калев был с ней согласен. Для Джейн так просто не могло продолжаться. Для ее соседки, в общем-то, тоже. И, вероятно, для ее брата.

– Миссис Поллард, мы сделаем все возможное, чтобы разыскать Джейн как можно скорее и поставить в известность, – сказал он. – Вы не могли бы до тех пор присмотреть за ее братом?

– А если вы ее не найдете?

– Она все-таки на службе. И ей следовало бы находиться на связи.

Калев выразился довольно сдержанно. Джейн не *следовало бы* – она *должна* находиться на связи. Раз ее нет на рабочем месте, Калев должен знать, где она. Казалось более чем странным, что Джейн не брала мобильный. Вот если б еще голова так не раскалывалась и он чувствовал бы себя не так ужасно... Тогда, возможно, у него возникли бы какие-то мысли на этот счет. Может, она что-то и говорила ему, а он позабыл об этом? Обычно в состоянии опьянения его разум выдавал гениальные мысли, однако накануне Калев явно хватил лишнего. Или алкоголь теперь действовал на него иначе... Так или иначе, о гениальности речи даже не шло. Он превратился в жалкого, замученного похмельем неудачника.

Вернулся Роберт.

– В управлении ее нет. И никто не знает, куда она могла подеваться.

Миссис Поллард услышала его.

– Это невозможно! Она ведь ваша коллега! Вы должны знать, где она!

– Мы ее разыщем, – заверил Калев. – Будьте уверены. Всему найдется разумное объяснение.

– Разумного в жизни Джейн Скейпин осталось не так уж много, – заявила миссис Поллард. – Я давно задаюсь вопросом, почему она позволяет так себя эксплуатировать. В конце концов, она же не одна отвечает за Дилана. Почему Шон постоянно уходит от ответственности?

Ну почему же именно сегодня он так туго соображает?

Шон. Джейн несколько раз упоминала это имя. Бывший муж, насколько догадывался Калев. С какой стати ему нести ответственность за Дилана?

– Вы о бывшем муже Джейн? – удостоверился Калев.

– Нет. Я-то знаю, что он при первой же возможности унес ноги. Я про второго брата. Второго брата Джейн. Он здесь почти и не показывается.

– У Джейн есть еще один брат?

– Бестолочь. Полагаю, у него и работы нормальной нет. По пальцам можно сосчитать, сколько раз за все эти годы он помогал с Диланом. Я часто говорила Джейн, что она, в конце концов, не одна отвечает за Дилана. Но ей никак не удастся повлиять на Шона. Если вы не дозвонитесь до Джейн, так может, сумеете разыскать ее братца... Если вы его пристыдите, в нынешних обстоятельствах от этого, может, и будет какой-то толк. Шон Холгейт. Проживает в Ньюкасле. Больше ничего о нем не знаю. Я присмотрю пока за Диланом. Но это в последний раз!

С этими словами миссис Поллард бросила трубку.

Калеб взглянул на Роберта.

– Вы знали, что *Шон* – это не бывший муж Джейн, а ее второй брат?

Роберт был удивлен не меньше шефа.

– Нет. Я думал...

– Попробуйте разыскать его. Шон Холгейт. Ньюкасл.

Улаживать сложные семейные обстоятельства Джейн было не в их компетенции, но Калеб счел это актом взаимопомощи между коллегами. Ему стало тревожно. Сложно было представить, чтобы Джейн накачала брата таблетками и просто исчезла.

«Здесь что-то не так», – думал он.

В голове была полная каша.

Узлы на запястьях ослабли, когда Кейт уже потеряла всякую надежду. Положение, в котором ее связали, причиняло невероятную боль. Под конец это стало почти невыносимо. Кроме того, она чувствовала, что кровообращение во всем теле нарушено. На глазах то и дело выступали слезы, и Кейт ничего не могла с этим поделать.

«Давай же, – твердила она про себя, – давай, давай...»

КаDIR сумел сползти по трубе до самого пола, но едва мог дотянуться до ее запястий. Собственные веревки сковывали подвижность пальцев. Несколько раз ноги сводило такой судорогой, что ему приходилось с трудом выпрямляться, чтобы расслабить затекшие мышцы.

– Простите, – говорил он дрожащим от боли голосом. – Мне очень жаль, но...

Кейт сама дрожала от напряжения – и осознания, что уходит бесценное время. Но торопить его не имело смысла. КаDIRу и без того приходилось нелегко. Однако время неумолимо утекало, а преступник явно не собирался оставлять их в живых. Эти доки выглядели заброшенными, но слишком велик был риск, что кто-нибудь обнаружит пленников. Этот тип не останавливается перед убийством. Он, не моргнув и глазом, избавится от двух человек, которые могли его опознать. Кейт не строила иллюзий на этот счет.

Когда был распущен последний узел, она хотела без промедления заняться веревками на ногах. Однако ни пальцы, ни руки – вообще ни один мускул в теле ее не слушался. Она лежала на боку, избавленная от мучительной позы, но боль никуда не ушла. Даже наоборот. Кровь хлынула в онемевшие конечности, и это сопровождалось невыносимыми муками. Кейт тихо заскулила и уткнулась лицом в холодный, отсыревший пол. Она снова теряла время, но не могла ничего поделать. Через некоторое время все же сумела подняться и принялась распутывать узлы на лодыжках. Дело продвигалось довольно медленно, но ей удалось наконец освободить и ноги. Только теперь Кейт пришло в голову взглянуть на часы. Почти семь утра. На освобождение лишь одного из них ушло несколько часов.

Кейт проверила карманы, и оказалось, что у нее действительно остался только фонарик. Впрочем, и это многого стоило. Сумки при ней, конечно, не было, телефона, который она держала в руке в момент нападения, – тоже. Как и отцовского пистолета. Нападавший, похоже, забрал у нее все, и

только фонарик упустил из виду.

Их единственной надеждой была Джейн.

Когда она заподозрит неладное?

Кейт сказала Кадиру, что кое-кто из ее коллег в курсе, – но прежде всего, чтобы успокоить его. Теперь она жалела, что не сказала Джейн о своем намерении поехать в Ливерпуль. Констебль знала, что Грейс в большой опасности и, по мнению Кадира, прячется в Канада-Док, но при этом она полагала, что полиция в Ливерпуле после ее звонка обо всем позаботится. Разумеется, утром она позвонит еще раз – и услышит, что патрульные не заметили в доках ничего подозрительного.

Но на этом Джейн не успокоится. Она попытается связаться с ней, с Кейт. В какой-то момент встревожится, потому что не сможет до нее дозвониться. Вот только когда?

Так или иначе, может оказаться слишком поздно. Ждать помощи не имеет смысла. Они должны спасти себя сами.

Кейт подняла фонарик. Тот светил уже не так ярко. Батареек надолго не хватит.

Она встала, приблизилась к двери и повернула ручку. Дверь поддалась на миллиметр, затем ее удержал засов. Кейт несколько раз толкнула. Кадир оказался прав: задвижка была довольно старой.

– Кейт, – позвал Кадир, – освободите меня. Может, вместе нам удастся ее выломать...

Кейт толкнула еще пару раз, но в конце концов вынуждена была сдаться. Она могла бы пока оставить Кадира здесь, выбежать наружу и позвать на помощь, после чего вернуться к нему. Но поняла, что ничего из этого не получится. Засов, может, и видел лучшие времена, однако в полную негодность еще не пришел.

Кейт вздохнула. В одиночку ей не справиться.

Она приспособила фонарь таким образом, чтобы работать в его свете, и принялась развязывать узлы на запястьях Кадира. На это ушел еще час. Наконец-то Кадир, избавленный от веревок, рухнул на пол. Кейт присела на колени и стала массировать его затекшие мускулы.

– Вы должны подняться, – повторила она. – Ну же, Кадир, поднимайтесь. Нужно выбираться отсюда!

Кадир ползком двинулся к двери.

Спустя еще час они сидели, в полном измождении привалившись к стене. Это было безнадежно. Засов держался крепко, и дверь не поддавалась. Они освободились от веревок, но по-прежнему не могли выбраться.

Калеба не покидало тревожное чувство. Он уже несколько раз пытался дозвониться на мобильный Джейн, но постоянно слышал голос автоответчика. Оставил ей два сообщения с просьбой как можно скорее с ним связаться. Но Джейн как сквозь землю провалилась.

Калев знал, насколько она была ответственна, когда дело касалось Дилана. Сколько сил она прикладывала, чтобы удовлетворить его потребности. Знал, что она не могла просто так оставить его одного, не договорившись перед этим с миссис Поллард, страдающей, вероятно, хронической раздражительностью. Это было совсем на нее не похоже. Настолько, что даже заторможенное сознание Калеба било во все колокола.

Он принял очередные две таблетки, выпил еще крепкого кофе и начал постепенно приходить в себя. До сих пор Калев гнал эти мысли, но теперь ему неожиданно вспомнился визит Кейт накануне вечером. Она совершенно внезапно возникла у него на пороге, потом оказалась на кухне и потрясенно глядела на бутылку виски. Калев задумался, станет ли она говорить об этом с другими. Впрочем, он не назвал бы ее особо болтливой.

Кейт что-то говорила... насчет этой истории в Ливерпуле... Про того странного индийца, который вечно сидит на своей бетонной стенке... который что-то сообщил насчет Грейс Хенвуд...

Однако Калев не стал ее слушать. Он ничего не хотел знать, исполненный жалости к самому себе. И отправил ее к Джейн, к супердетективу.

Калев снова взялся за телефон и набрал номер Кейт в Скалби. Целую вечность выслушивал гудки, но никто так и не подошел. Затем позвонил на мобильный. Автоответчик.

– Кейт, это Калев. Мне необходимо с вами поговорить. Речь идет о вчерашнем разговоре и, прежде всего, вашем визите к Джейн. Пожалуйста, перезвоните как можно скорее.

Старший инспектор положил трубку и задумчиво уставился на телефон. Странно, что и Кейт теперь недоступна. В памяти постепенно оживали образы и слова с прошлого вечера. Кейт говорила, что весь день пыталась до него дозвониться. В конце концов она явилась к нему домой – зажатая, запаниковавшая, когда он предложил ей вместе перекусить в пабе. Должно быть, у нее было что-то важное, и она хотела непременно обсудить это с ним. А он направил ее с этой информацией к Джейн Скейпин...

И теперь обе они исчезли.

Калебу это совсем не нравилось.

Ливерпуль... Может, Джейн успокоила брата с помощью таблеток, и они с Кейт поехали в Ливерпуль? И теперь самовольно разыскивали Грейс Хенвуд? Но почему тогда они не отвечали на звонки? Джейн тем самым нарушала все предписания.

И это было на нее совсем не похоже.

Калеб связался с полицией Ливерпуля и попросил соединить с коллегой, которая вела расследование по делу Нормана Доурика. Он хотел знать, не происходило ли за последние сутки что-то особенное. Ничего, что заслуживало бы внимания. Грейс Хенвуд разыскать так и не удалось, и сведений по новым направлениям для поисков нет.

– А с вами связывался Кадир Рошан? – спросил Калеб.

– Кто? – с удивлением переспросила коллега.

Они понятия не имели, кто это. Но Кейт сказала, что разговаривала с Кадиром. Узнала от него какую-то информацию...

Калеб просто положил трубку. Затем попытался еще раз дозвониться до Джейн. Безуспешно. Затем набрал номер Кейт. С тем же результатом.

В кабинет вошел Роберт. Он выглядел крайне взволнованным. Или сбитым с толку. А может, всё разом.

– Странная это история, шеф. Я узнал адрес и номер Шона Холгейта. Но к телефону никто не подходит.

– Пусть отправят туда патруль. Может, Холгейт все-таки дома. Или кто-нибудь из соседей подскажет, где он работает... Он должен пока присмотреть за братом. А что вы называете *странной историей*?

– Я уже связался с полицией Ньюкасла, шеф. Они отправили к нему патруль. При этом выяснилось, что на всю семью Холгейтов, включая Джейн, был заведен протокол. Вы об этом знали?

– Нет. Протокол? В связи с чем? Что-то серьезное?

– В общем, да, – Роберт взглянул на него с тревогой. – В связи с транспортным происшествием и бегством с места аварии.

– Боже правый, – проговорил Калеб. У него было такое чувство, что из Роберта этим утром каждое слово придется вытягивать клещами. – Шон Холгейт? Это он скрылся с места аварии?

Роберт покачал головой. «Если он так и будет тянуть резину по утрам, карьеру ему не построить», – подумал Калеб.

– Наоборот, – сказал сержант. – Холгейты не виновные, а пострадавшие. У Дилана нет врожденных дефектов, как говорила Джейн. В возрасте пяти лет его сбила машина, и он несколько месяцев пролежал в

коме. Виновника так и не нашли.

* * *

Кaleb раздумывал, имеет ли эта история какое-то отношение к его нынешней проблеме. Джейн Скейпин и Кейт Линвилл исчезли при невыясненных обстоятельствах. О Грейс Хенвуд по-прежнему ничего не известно. И они понятия не имели, кто стоит за убийством Нормана Доурика, Ричарда Линвилла и Мелиссы Купер.

Имеет ли при этом значение тот факт, что у Джейн есть брат, о котором никто из коллег до сих пор не знал?

И какую роль сыграли во всем этом обстоятельства, до сих пор не известные, – в результате которых ее младший брат стал инвалидом?

Роберт сумел выяснить, что в пять лет Дилан попал под машину, когда катался на велосипеде по уединенной проселочной дороге. Он упал, и его, вероятно, еще и протащило на какое-то расстояние. Водитель скрылся, свидетелей не было. Лишь спустя полтора часа в полицию поступил анонимный звонок, и кто-то сообщил о покалеченном ребенке на дороге. При этом так и осталось непонятным, звонил это виновный водитель, или же кто-то случайно обнаружил Дилана, но не хотел ввязываться в хлопоты с полицией. Жизнь мальчика висела на волоске. А спустя месяцы, когда Дилан вышел из комы, он стал беспомощным инвалидом, умственно и физически. Виновника трагедии пытались найти, но безуспешно, и расследование в конце концов закрыли.

– Вы понимаете, почему Джейн никогда не рассказывала об этом? – растерянно спросил Роберт. – Почему постоянно говорила что-то насчет врожденного порока? И почему она не упоминала, что у нее есть второй брат?

– Она упоминала имя *Шон*, только мы считали, что речь идет о ее бывшем муже, – вспомнил Кaleb. – Наша ошибка. И вот еще что важно: Джейн вообще довольно редко говорила о своих затруднениях. У меня часто возникало впечатление, что она рассказала про Дилана лишь тогда, когда нуждалась в нашем содействии, – к примеру, ей необходимо пораньше уехать домой, или она опаздывает на службу... Джейн не могла совсем умолчать об этой проблеме, но по-моему, ей этого очень хотелось бы.

– Почему? Тут ведь нечего стыдиться. Даже наоборот. Джейн творит невозможное. – Роберт не мог этого понять.

Но у Калеба тоже имелся за плечами тяжелый период – и теперь вполне мог повториться, – и ему знакомо было то саднящее чувство, которое возникало, когда люди сочувственно смотрели на него, шептались за спиной и резко замолкали при его появлении. Джейн была сильной, самостоятельной женщиной и едва ли ненавидела что-то сильнее, чем сочувствие или неприкрытое любопытство, какое пробуждали в людях судьбы вроде ее. Калеба не особенно удивляло, что она утаивала трагическую историю своего брата. И если верить словам миссис Поллард, то второй брат избегал ответственности, оставил сестру один на один с тяжелой проблемой и почти не появлялся у нее – не говоря уж о том, чтобы помочь ей. Женщина, вроде Джейн, не стала бы рассказывать об этом всем подряд. «В общем-то, – думал Калеб, – все вполне сходится. В этом не было ничего странного».

– Нужно разыскать Шона Холгейта, – сказал он. – Но если это не удастся, то не стоит паниковать. Хоть эта миссис Поллард жалуется и ворчит, но сомневаюсь, что она оставит Дилана одного. Куда больше меня тревожит, что констебль Скейпин не отвечает на звонки.

И Кейт Линвилл, добавил он про себя. Роберту не следовало знать, что Кейт накануне была у него и хотела поделиться чем-то важным. Кроме того, неизбежно возник бы вопрос, почему разговор между ними так и не состоялся, а Калебу не хотелось касаться этой темы.

Кадир Рошан. Этот индеец был единственной отправной точкой. Больше Кейт ничего не успела сказать.

Калеб решительно поднялся, игнорируя боль, от резкого движения пронзившую затылок.

– Я поеду в Ливерпуль, – объявил он. Ничего не оставалось, кроме как самому поговорить с мистером Рошаном. – Вы остаетесь здесь, сержант. Держите связь с коллегами в Ньюкасле, если им все-таки удастся разыскать Шона. И займитесь миссис Крейн, если она явится. Примите у нее показания по делу Шоува.

Роберт был явно не в восторге. Калеб и Джейн расследовали убийство Нормана Доурика, а ему оставалось сидеть здесь и записывать показания. Впрочем, он ничего не сказал. Распоряжение шефа обсуждению не подлежало. Хоть у него и возникло впечатление, будто шеф в этот день... мягко выражаясь, был не в лучшей форме. У него было предположение, и все симптомы указывали на это, и он думал: «Ну что за черт! Шеф не справился».

Но и по этому поводу Роберт ничего не сказал.

Стелла Крейн появилась точно вовремя и была разочарована, не застав Джейн. Она принесла с собой букет и вручила его Роберту.

– Может, удастся передать его ей потом, – сказала Стелла. – Хотелось бы, чтобы она знала, как мы ей благодарны. Мы обязаны жизнями ее упорству.

Она выглядела заметно лучше, была уже не так напряжена. Джонас пережил эту ночь и, судя по всему, поправится. Роберт повидал немало жертв преступлений и знал, что последствия пережитого будут преследовать их еще долгое время, то и дело возвращаться и терзать чаще, чем они предполагали сейчас. Но в этот момент Стелла была счастлива и свободна: этот кошмар остался позади, хотя все могло закончиться совсем иначе.

Роберт поручил младшей из коллег заняться поисками Шона Холгейта и теперь мог посвятить все свое внимание истории Стеллы. Он включил диктофон, попросил ее сесть и рассказать все по порядку. Время от времени сержант задавал вопросы и делал пометки.

«Странная история, – думал он. – Супруги усыновляют ребенка, и внезапно в их жизни появляются люди, с которыми в нормальных обстоятельствах вообще не может быть никаких контактов. Их жизни угрожает опасность, они чудом избегают гибели, хотя в какие-то моменты до этого поступали легкомысленно или безответственно».

Неизбежность пережитых ими событий буквально завораживала. Утратить контроль над собственной жизнью – Роберт не мог представить ничего ужаснее. Но именно это и произошло с Крейнками. В какой-то момент их затянуло в водоворот, из которого они уже не могли выбраться собственными силами, не имели даже возможности маневра. «Нечего удивляться этим цветам, – думал Роберт, – и благодарности от Стеллы. Джейн стала для них ангелом-спасителем. Без нее у них не было бы шансов».

Но один пункт интересовал его особенно.

– Какую роль вы отвели бы Терезе Малиан? – спросил он. – Соучастницы? Или жертвы?

Стелла задумалась на мгновение.

– Скорее жертвы, – сказала она затем. – Тереза находилась в полной эмоциональной зависимости от него. Во всем ему подчинялась. Если б

Шоув велел ей утопиться в ближайшем озере, она так и поступила бы. Она была убеждена, что кроме него у нее в целом мире никого больше не было. Шоув манипулировал ею, как хотел.

Роберт кивнул.

– И все же это не освободит ее от ответственности. Тереза взрослая женщина и добровольно попала в зависимость от преступника. Впрочем, суд примет во внимание ее психологическое состояние.

– Во всем, что произошло, виновен Шоув, – сказала Стелла. – У меня, например, складывалось впечатление, что Тереза вовсе не хотела оставлять нас запертыми в амбаре. Она беспокоилась о том, что с нами станет. Но боялась возразить ему. В каком-то смысле Тереза тоже была заложницей, как и мы.

– Что ж, – произнес Роберт после некоторого молчания. – Тогда я услышал все, что необходимо. Что вы планируете делать дальше? Вашему мужу, конечно, придется еще какое-то время провести в больнице?

Стелла кивнула.

– Я сниму номер в отеле, и мы заселимся туда с Сэмом. Поживем там, пока Джонас не поправится. Будет лучше, если мы вернемся в Кингстон втроем. Это будет... особенный момент. Я на это уже и не надеялась. Думала, если мы каким-то чудом спасемся, то я останусь с Сэмми одна. Нам крупно повезло.

Роберт не возражал. Без Джейн... Стоило только подумать о ней, и он нахмурился. Все-таки странно, почему Джейн так и не появилась, и никто понятия не имел, где она. И почему она оставила брата предоставленным самому себе.

На душе становилось все тревожнее.

Не успела миссис Крейн попрощаться и выйти, как появилась сотрудница, которой Роберт перепоручил разыскать Шона Холгейта.

– Мне перезвонили из Ньюкасла, – сообщила она. – Патрульные побывали по адресу проживания Холгейта, но там никого не оказалось. Они опросили соседей. По их информации, Холгейт нигде не работает и живет на пособие. Так что никто не знает, где он сейчас.

– Хм, – протянул Роберт.

И этого человека Джейн вынуждена называть *братом*. Если принять во внимание, как она выматывалась, вынужденная исполнять служебные обязанности и обеспечивать Дилана... При этом у Шона в течение дня нет никаких дел, и он все равно почти не показывается у них.

– Хорошо, – сказал Роберт, – благодарю, констебль. Значит, пока мы не можем ничего предпринять. Остается надеяться, что констебль Скейпин

скоро объявится, а за Диланом пока присмотрит ее соседка. Возможно, для парня так даже лучше, нежели оставлять его с этим лоботрясом.

Молодая сотрудница была довольно амбициозна и хваталась за любую возможность проявить себя.

– Сэр, я тут навела справки... Насчет той истории с Диланом Холгейтом.

Роберт нахмурил лоб.

– Сейчас это неактуально.

Она кивнула.

– Возможно. И все-таки... есть в ней кое-что странное. Я связалась с инспектором в Ньюкасле, который тогда занимался этим делом. Конечно, эта история получила определенный резонанс. Все-таки речь шла о бегстве с места аварии с тяжелыми последствиями...

– Ну и?..

– Угадайте, кто позвонил тогда в «скорую» и полицию в Ньюкасле и сообщил о сбитом ребенке? Спустя примерно полтора часа после происшествия, если верить медикам.

– И кто же? Кажется, звонок был анонимным?

– Старший инспектор Линвилл. Это он позвонил.

– Линвилл? Но...

– Нет, к несчастному случаю Линвилл непричастен. Но ему поступил звонок. Анонимно. И уже после он принял необходимые меры.

У Роберта голова пошла кругом. Возникло странное ощущение, словно от него что-то ускользает.

– Я правильно понимаю? Тот, кто обнаружил Дилана на дороге, инкогнито обратился к Ричарду Линвиллу?

– Да, и уже Линвилл инициировал все меры.

– Получается, этот аноним не стал обращаться по экстренному номеру в полицию? А вместо этого позвонил инспектору в Скарборо? Почему?

Голос у молодой сотрудницы чуть вибрировал. У нее в запасе была еще одна сенсация.

– И позвонил Линвиллу не просто на рабочий телефон. А напрямую. На мобильный.

Роберт недоуменно уставился на констебля.

– На мобильный Линвилла?

– Да. Странно, правда? Неизвестный человек, который то ли сбил ребенка, то ли оказался свидетелем происшествия, звонит одному из старших следователей уголовной полиции... Не самый тривиальный ход, верно?

- Откуда, черт возьми, у него был номер Линвилла?
Констебль пожала плечами.
– Полагаю, этого нам уже не узнать.

* * *

Калев как раз остановился у заправки, чтобы выпить кофе, когда ему позвонил Роберт. С пластиковым стаканом в руке он обошел вытянутое строение и встал посреди одуванчиков и чертополоха, покрывающих поле, казалось, до самого горизонта. Позади был слышен шум проезжающих по дороге машин. Где-то в поле пронзительно кричала птица. Прохладный ветер обдувал лицо. Так было намного лучше. Таблетки и кофе понемногу действовали, но Калев все еще чувствовал себя отвратительно. Если бы стояла жара, как в предыдущие дни, он давно свалился бы без сил.

– Что такое, Роберт? – спросил старший инспектор. – Я уже скоро буду в Ливерпуле.

– Сэр, не знаю, стоит ли заострять на этом внимание... Но мы тут обнаружили кое-что очень странное.

– В связи с ливерпульской историей? – спросил Калев. – И остальными убийствами?

Не хватало еще, чтобы Роберт нарыл очередную проблему, требующую безотлагательного решения. В данный момент у Калеба совершенно не было на это сил.

– Не знаю. Просто... возможно, это и не имеет никакого значения... но это связано с Линвиллом.

– Роберт, мне бы по-быстрому выпить кофе и как можно скорее ехать дальше. Давайте короче!

Торопливо и потому несколько запутанно – поскольку чувствовал нетерпение шефа, – Роберт рассказал о том, что сам узнал пару минут назад. Об анонимном звонке на мобильный Линвилла. О его мгновенной реакции. И об открытом по сей день вопросе, откуда звонивший знал номер инспектора.

Калев был озадачен, как и Роберт до этого.

– Да... но это значит, что звонивший знал Линвилла. И справедливо обратное: выходит, Линвилл знал, кто ему звонил?

– Надо полагать, сэр. Я сам звонил в управление в Ньюкасле и поговорил кое с кем из сотрудников. Они в то время усиленно разыскивали не только скрывшегося водителя, но и звонившего. Причем неясно было,

разные это люди или один и тот же человек. Линвилл дал подробные показания. Номер на экране не высветился, и дважды был слышен звон монет, поэтому он предположил, что звонили с уличного автомата. Линвилл не узнал звонившего по голосу. Он неоднократно повторял, что впоследствии долгое время ломал над этим голову, но просто не мог понять, кто это. Почему тот человек обратился к нему и откуда он узнал его номер, осталось для Линвилла загадкой.

– Конечно, Линвилл был в своем роде известной личностью. Люди знали его, а он, в свою очередь, их не знал, или просто не мог вспомнить. Кто-то, кто пересекался с ним – неважно, насколько поверхностно – или просто слышал о нем, предпочел обратиться к нему, нежели набрать три девятки. Допустимо, но...

– ...остается открытым вопрос с номером. Он был известен довольно узкому кругу. Это люди из личного окружения и...

– ...коллеги, – закончил Калев, тихо проронав. – *Кто-то из наших?*

Повисло молчание. Он вылил остатки кофе себе под ноги. Ему резко расхотелось пить.

– Это еще не всё, – сказал Роберт. – Другая история куда интереснее.

– Да?

– Коллега в Ньюкасле удивился, что я ничего не знал об этом. Ведь еще в конце прошлого года с ним разговаривала сотрудница из управления в Скарборо и получила подробные сведения о том деле и о состоянии расследования на тот момент.

Калев нахмурился.

– Наша сотрудница?

– Да. Угадайте, кто?

– И кто же?

– Джейн. Джейн Скейпин.

– *Что?*

– Сэр, может, это ничего и не значит. Я к тому, что эта история все-таки затронула Джейн. Ведь пострадал ее родной брат. И нет ничего необычного в том, что в будущем она воспользовалась своим положением, чтобы получить информацию. И, конечно, получает. По-дружески, от коллег.

У Калеба вдруг свело желудок.

– Но это значит... Когда был убит Линвилл и мы принялись детально изучать его служебную деятельность, Джейн обо всем умолчала. Этот странный звонок, заверения Линвилла, что он не узнал звонившего... последствия той трагедии для семьи... для ее семьи...

– Может, она решила, что это несущественно?
– Или не поверила, что Линвилл действительно не узнал звонившего?
– Шеф! – в голосе сержанта появилась тревога. – Что вы хотите сказать?

– Пока сам не знаю, Роберт. Почему, черт возьми, мы ничего не узнали об этом деле? У нас болтают обо всем и о каждом. И никто в целом управлении не упомянул об этой истории? Ведь должны же быть коллеги, которые застали тот период!

– Об участии Линвилла особо не говорили. Холгейты, кстати, ничего об этом не знали. Наверное, чтобы они, да и другие сотрудники, не осаждали Линвилла. Его репутация и его слова не вызывали сомнений, в том числе у коллег в Ньюкасле. Если он говорил, что понятия не имел, кто ему звонил, значит, так оно и было. Человека, такого, как он, старались избавить как от звонков и писем потерпевших, так и от сплетен коллег. Полагаю, кто-то и был в курсе, но эта история давно забылась. Об этом никогда особо не заговаривали, потому что никто не сомневался в правдивости его слов: Линвилл ничего не знал.

– Это значит, что Джейн также не знала о роли Линвилла в той истории. И вот она звонит в Ньюкасл, потому что ей, как одной из потерпевших, все это не дает покоя. Ей хотелось выяснить, как все происходило. Возможно, она и не надеялась узнать что-то существенное, но неожиданно для себя получила новые сведения.

– Наверное, так и было, сэр.

– И она... *ничего* нам не говорит.

– Нет, – подтвердил очевидное Роберт. – Ничего.

Калев задумался.

– Насколько я знаю Джейн, она запросто могла расследовать это дело. Как, по-вашему, могла она заподозрить, что Линвилл сам...

Роберт и сам уже пришел к этой мысли.

– Что Линвилл мог оказаться тем водителем? В панике уехал, а позднее состряпал эту странную историю, чтобы обратить внимание на сбитого ребенка? Это маловероятно. Тогда ему достаточно было набрать номер экстренных служб, и не пришлось бы впутывать себя. К чему рисковать? И я уже проверил – как в свое время наши коллеги в Ньюкасле, исключительно ради протокола: на момент преступления Линвилл находился в своем кабинете. Вместе с сержантом Доуриком. На протяжении дня. Это подтвердили и другие сотрудники.

– Сержант Доурик...

Калебу снова стало дурно, и теперь это не имело отношения к виски,

выпитому накануне. То было ощущение надвигающейся угрозы. Но пока ему сложно было понять, чем вызвано это тревожное чувство.

– И когда Джейн звонила им, ей назвали и это имя?

– Да. Потому что Доурик был в кабинете в тот момент, когда Линвиллу позвонил кто-то неизвестный. Позднее он говорил, что Линвилл то и дело спрашивал: «Кто вы?» И очевидно, не получил ответа.

– Джейн называют имена Доурика и Линвилла. В связи с несчастным случаем, в результате которого ее брат становится инвалидом, а ее собственная жизнь, как и жизнь всей семьи Холгейтов, превращается в кошмар. Вскоре после этого Доурик убит. А затем и Линвилл. Возникает вопрос...

– Шеф! – в ужасе воскликнул Роберт.

– И вчера вечером я отправил к ней Кейт. У нее появилась какая-то информация, но я... не захотел слушать. Сказал, что ей лучше обсудить это с Джейн. Кейт сразу поехала к ней. И теперь обе они исчезли. Кейт Линвилл и Джейн Скейпин.

– Возможно, этому найдется объяснение, – сказал Роберт, но судя по голосу, он сам себе не верил.

– Мы должны как можно скорее разыскать констебля Скейпин, сержант. Отправьте людей к ней домой. Пусть как следует осмотрят всё и допросят эту соседку. Возможно, она что-то подскажет. Я позвоню, если что-то выясню в Ливерпуле.

Калев прервал разговор, резко повернулся и побежал к машине.

Он чувствовал, что нельзя терять ни минуты.

Она так и не растеряла своей материнской сущности, даже теперь, на службе в полиции.

Она купила сэндвичей, завернутых в пленку. Они и на вкус отдавали этой самой пленкой, но ему так хотелось есть, что он готов был проглотить и не такую дрянь. Само собой, взяла несколько бутылок воды, и это тоже оказалось кстати, потому что он помирал от жажды. Они сидели в ее машине. Он поедал сэндвичи, и в нем просыпались давно забытые чувства: он как будто вновь оказался дома, в безопасности. Хотя момент был совершенно для этого не подходящий. Он оказался в затруднительном положении – возможно, самом трудном за все время. Но если он справится с этим, то все будет хорошо. Тогда для них начнется новая жизнь.

Соус вытекал между кусками хлеба и капал ему на рубашку, но это было неважно. Главное, что он мог наконец поесть. Он не спал целую ночь, его тело дрожало от усталости. Но еда уберегла его от обморока.

Джейн уберегла его. Как уберегала всегда, особенно в детские годы – загубленные годы, но без нее было бы еще хуже. Она собирала его в школу, стирала его вещи. Готовила ему ужин. Покупала припасы в походы. Содержала в порядке его одежду. Заботилась буквально обо всем. Как и теперь.

– Без тебя, – сказал он, – все пошло бы под откос.

Джейн выглядела бледной, напряженной, грустной.

– И сейчас идет, – ответила она тихим голосом.

Такой ответ его не устроил.

– Нет. Все хорошо. Все *будет* хорошо. Вот увидишь!

Перед ними в тусклом свете пасмурного дня раскинулись заброшенные доки. Если город и просыпался, готовясь к новому дню, то здесь по-прежнему не было ни души. И это оказалось ему на руку. Вернее: это было для него спасением. И все-таки ему необходимо найти решение. Он уже примерно понимал, *что* следует предпринять, но пока не был уверен, поможет ли ему сестра.

Он доел последний кусок хлеба, после чего жадными глотками выпил полбутылки воды. Возможно, он терял время, но ему следовало трезво оценивать свои возможности. Что толку, если он свалится в изнеможении. Ему нужны силы. И он чувствовал, как они возвращаются. Чувствовал, как поднимается уровень адреналина в теле, и это помогало побороть

мучительную усталость. Рано или поздно он рухнет как подкошенный, но не сейчас. Сначала нужно довести до конца начатое.

– Две проблемы, – сказал он. – Осталось уладить еще две проблемы, и все останется позади. Тогда мы сможем начать с нуля.

На ее лице читалось сомнение.

– Каким образом? Что изменится?

– Все, – убежденно заявил он. – Для меня, во всяком случае. А для тебя – нет?

– Сомневаюсь, что мы сумеем выкрутиться. Все вышло из-под контроля. Рано или поздно полиция разыщет Грейс Хенвуд. Кейт зубами вцепилась в это дело и не успокоится. Мы в тупике, Шон. И чем дальше, тем сложнее нам выбраться.

– Нет. Мы выберемся. Вот увидишь. – Он сделал еще глоток и закрутил крышку на бутылке. Теперь он чувствовал себя сытым и уверенным. – Ты ведь не станешь паниковать? Только потому, что впервые что-то пошло не так?

Джейн, не ответив, наклонилась вперед и закрыла лицо руками.

Он провел ладонью по ее волосам. Посмотрел на ее плечи, худые и костлявые под тонким свитером. Она была такой худой. Изможденной. Загнанной от жизни с Диланом. Задавленной грузом ответственности, который на себя взвалила. Покорной судьбе, обрекшей их на эти несчастья – которая и судьбой-то не являлась в смысле высшей силы. Их обрекли на это люди.

– Я всегда хотела, чтоб из меня вышел хороший полицейский, – промолвила Джейн через какое-то время.

– Из тебя вышел хороший полицейский, – возразил он.

Она покачала головой.

– Тогда я не допустила бы всего этого. Не сидела бы здесь и не кормила бы тебя. Я бы помешала тебе. Ведь так поступают хорошие полицейские!

– Но ты не только полицейский, а еще сестра. И дочь. У тебя есть прошлое за плечами. Скверное прошлое. Ты пережила кошмарные вещи и не можешь отстраниться от этого. Эта история тянется за тобой всю жизнь. И ты, как и я, чувствовала, что так не может оставаться. Чтобы жертвы оставались жертвами, а виновные – безнаказанными. – Он снова погладил ее по волосам. – Как раз потому, что ты полицейский, Джейн. Речь идет о правосудии. В твоей профессии и вообще по жизни. Если нет правосудия, наступает страдание. Истории вроде нашей требуют правосудия. И я уверен, что ты чувствуешь то же самое.

– Зато я не уверена, – сказала Джейн.

Просто она слишком напугана. И переутомлена, измучена. Когда он все уладит, она по-новому посмотрит на мир.

– Тяжело нам пришлось, – сказал он. – Тогда. Ты ведь помнишь, как было?

Джейн кивнула.

Довольно скоро всем стало ясно, что Дилан останется инвалидом. Поначалу никто не хотел сознавать всю степень трагедии – все пребывали в эйфории, когда он вышел из комы. Долгие месяцы они думали, что Дилан или умрет, или никогда не очнется, навсегда останется обездвиженным и заточенным во мраке. И все-таки он вернулся к жизни. Дилан Холгейт, смысленный мальчик пяти лет, сияющий от счастья, солнечным осенним днем он умчался на велосипеде – и вот снова был с ними. Но он стал другим. Настолько другим, что в какой-то момент никто толком и не мог вспомнить то время до катастрофы, вспомнить прежнего Дилана.

Джейн первой осознала масштабы трагедии, даже раньше родителей. Раньше остальных она прекратила себя обманывать: что все когда-нибудь наладится, что не всегда будет так плохо, что понемногу все обернется к лучшему.

Мама часто говорила, что после комы – это нормально, когда человек некоторое время ведет себя немного иначе. И уже в свои пятнадцать лет Джейн порой недоумевала, откуда мама может судить об этом. Что она знала о долгосрочных последствиях для пациентов, бывших в коме? Джейн неоднократно ходила с родителями и Диланом к врачу и удивлялась, почему, кроме нее, никто не понимал жестокой истины, крившейся за витиеватыми, смягченными словами врачей: насколько можно было судить на тот момент, Дилан достиг своего конечного состояния. В его поврежденном мозгу уже ничего нельзя было изменить. Конечно, существовали определенные меры, но ничто в мире не могло обеспечить сколь-нибудь существенных изменений в его состоянии. Дилан уже не смог бы обходиться без посторонней помощи.

Со временем и остальные перестали строить иллюзии, и это раскололо семью.

Позднее Джейн выделила две причины этого раскола. С одной стороны, для матери с тех пор из троих детей остался лишь один. А с другой – отец не нашел в себе силы, чтобы смириться с судьбой и попробовать ужиться с этим.

Это сломило родителей, каждого на свой лад. Мама с утра до вечера хлопотала с Диланом и мгновенно превратилась в удрученную, хронически

усталую и совершенно загнанную женщину. Дилан рос агрессивным, едва управляемым ребенком, и успокоить его можно было разве что при помощи сильнодействующих медикаментов. После этих препаратов Дилан лишь безучастно сидел, едва напоминая человека. Это зрелище было так невыносимо для мамы, что в конце концов она швырнула все лекарства в унитаз и смыла.

– Я не позволю больше поступать так с ним! – крикнула она – и лишила остальных домочадцев тех редких передышек, какие у них были.

Отец держался от этого всего в стороне, все реже бывал дома, поздно возвращался с работы и даже в выходные постоянно искал возможности сбежать от семьи. Однажды он и вовсе не вернулся. Какое-то время все думали, что он хотел отдохнуть от них, но в какой-то момент стало ясно, что отец скрылся и больше они его не увидят. Через некоторое время мама собралась с силами и сообщила о его исчезновении, но дальнейшие, не слишком активные поиски ничем не увенчались. В конце концов, он мог находиться в любой точке мира.

К несчастью, отец был единственным кормильцем в семье. И с этих пор им стало негде брать деньги.

Мама была так занята Диланом, что не осознала бы даже этой проблемы, но Джейн в конечном счете заставила ее обратиться в соответствующие инстанции, и они получили хотя бы социальную помощь. Им пришлось съехать из просторной, светлой квартиры и поселиться в каморке на три крошечных комнаты где-то на городской окраине. Джейн вынуждена была делить комнату с Шоном, мама спала вместе с Диланом. Денег ни на что не хватало: будь то одежда, школьные принадлежности, и уж тем более походы в кино. Друзья от них постепенно отделились. Кому хотелось навещать Холгейтов? Смотреть, как изможденная миссис Холгейт мучается с растущим и уже довольно сильным Диланом? Кому хотелось слушать его вопли, наблюдать его припадки?

После школы Джейн делала все, чтобы уберечь семью от полного хаоса. Прежде всего она заботилась о Шоне. Он всегда был тихим, с детства очень крупным для своих лет, но скорее из таких, кого называют кроткими увальнями. Во многом мечтательный, он редко говорил о проблемах, пытался справляться самостоятельно, и вероятно, в большинстве случаев ему это не вполне удавалось. Джейн, как могла, заменяла ему мать. И все-таки она не могла оградить его от каждодневных трагедий: от социальной изолированности, от неприязни со стороны сверстников. От сцен, которые изо дня в день разворачивались перед его глазами. И того факта, что в возрасте тринадцати лет он лишился заботы

родителей.

Джейн хорошо помнила, как однажды вечером Шон впервые заговорил о своей злости, о правосудии. Ему тогда было пятнадцать, Джейн – семнадцать. Они лежали по своим кроватям в такой крошечной комнате, что даже не нашлось места для шкафа. И тогда он вдруг промолвил в темноте:

– Родители не виноваты, что все так стало. Во всем виноват тот мерзавец, который сбил Дилана и потом сбежал.

Конечно, это он был во всем виноват, но Джейн понимала, почему Шон упомянул при этом родителей. Зачастую она сама с грустью и разочарованием говорила об отце и матери – вероятно, чаще, чем о неизвестном виновнике. У него не было ни лица, ни имени, никто его не знал. Но родители... Эти люди вместе произвели на свет троих детей и приняли на себя большую ответственность. Когда же наступил тяжелый момент, когда они оказались перед лицом серьезного испытания – то оказались неготовыми. И поведение родителей ранило Джейн больше всего прочего. Она была разочарована. В отце, который не нашел иного пути, кроме как трусливо сбежать, сознавая при этом, на что обрекает семью. И матери, которая так сосредоточилась на Дилане, что весь прочий мир прекратил для нее существование, и жизнь вне заботы об этом беспомощном ребенке словно замерла. Возможно, Джейн это затронуло не так сильно: ей было пятнадцать, когда все это произошло. Она все-таки могла говорить о нормальном детстве. А вот Шон, этот впечатлительный подросток, нуждавшийся в любви и заботе, который в семье был наименее стойким, и, глядя на которого, Джейн видела перед собой тонкий стебелек на ветру, – за него она тревожилась больше всего. И уже из-за него не могла простить родителей. Джейн поняла, что слишком четко выражала эти мысли, особенно при Шоне.

– Этот человек разрушил нашу жизнь, – продолжал Шон. – Дилана и папы с мамой. Твою. Мою.

Именно от этих мыслей Джейн и пыталась всячески отделаться. Ей не хотелось говорить о *разрушенной жизни*. Даже думать не хотелось.

– Мы еще можем устроить свою жизнь, Шон, – сказала она.

– Только не я, – возразил брат.

– И ты сможешь.

– Хотел бы я разыскать этого типа. Который сбил Дилана.

Джейн улыбнулась. Шон-мститель.

– И что потом?

– Я бы спросил его, почему он это сделал. Почему он просто сбежал.

Никто не брался сказать, могло ли все сложиться иначе, если б Дилану вовремя оказали помощь. В какой мере на его состоянии сказались эти упущенные полтора часа. Но одной лишь вероятности, что эта задержка повлияла на его дальнейшую судьбу, оказалось достаточно, чтобы наделить Шона уверенностью: это ключевой момент. Если б водителю хватило мужества и совести, чтобы сразу вызвать «скорую», это избавило бы их от худшего.

– Шон, мы никогда его не найдем. Столько времени прошло... Придется смириться с этим.

– Я не могу смириться.

– Нужно смотреть в будущее. Что случилось, того не изменишь. Мы должны двигаться дальше.

– Я ни о чем другом не могу думать, – сказал Шон. – Только об этом водителе. И о том, как он уехал.

Могла ли она в тот момент предположить, что мысль, зародившаяся в голове подростка, позднее перерастет в одержимость?

– Шон, – сказала она тихо, – а знаешь, о чем я думаю?

– О чем?

– Пойти в полицию. В смысле работать.

– Хочешь стать полицейским?

– Почему бы и нет?

– Они же так облажались с Диланом!

– Может, я буду лучше, чем они.

– Вот это да! – Шон был под впечатлением. – Моя сестра. Полицейский. Потрясно!

Теперь, спустя столько лет, едва ли Джейн могла сказать, что пройденный до этого дня путь хоть в чем-то был *потрясным*.

Калеб приехал в Ливерпуль и, едва оказавшись в фабричном квартале, сразу заметил, что Кадира нет на его привычном месте.

Оставалось надеяться, что это не значило ничего дурного.

Калеб заглушил мотор и вышел. Для начала он направился в квартиру Грейс Хенвуд, хоть особо и не надеялся, что родители как-то узнали, где могла прятаться их дочь.

Ему открыла миссис Хенвуд. Вид у нее был еще более несчастный, чем в прошлый раз. Хотя, казалось бы, куда уж хуже.

– Детектив, – сказала она тихо. Вероятно, еще помнила его. – Грейс так и не объявилась. И мы понятия не имеем, где бы она могла быть. Полиция опросила всех ее одноклассников. И ничего.

Мистер Хенвуд появился из кухни.

– Вы разыскали Грейс? – спросил он.

– Нет, – Калеб покачал головой. – Сожалею.

В глазах у миссис Хенвуд заблестели слезы.

– Она как сквозь землю провалилась. Я ничего не понимаю. Это ведь как-то связано с тем человеком, которого нашли на фабрике, верно? Но наша Грейс не имеет к этому никакого отношения! Конечно, ей не следовало забирать кресло, но...

– Миссис Хенвуд, – прервал ее Калеб, – никто не обвиняет Грейс. Она не совершила ничего противозаконного. Очевидно, она думает, что ее накажут, и поэтому прячется. Но для этого нет оснований.

– Полагаете, она действительно просто спряталась? Что с ней ничего не случилось?

К сожалению, Калеб не был уверен на этот счет, но ему не хотелось еще больше пугать миссис Хенвуд.

– Думаю, Грейс все-таки прячется. И вам не приходило в голову, куда бы она могла податься?

– Она может быть где угодно, – сказал мистер Хенвуд.

– О ней кто-нибудь еще спрашивал?

– Нет. Вчера и сегодня – никто.

– А КаDIR Рошан к вам не заходил?

– Кто?

– Молодой индеец. Постоянно сидит на стенке перед домом.

– А, этот, – догадался мистер Хенвуд. – Станный мальчик. У него с

головой не в порядке. Нет, он не заходил.

– А вы знаете, в каком доме он проживает?

Миссис Хенвуд кивнула.

– В доме напротив. Мансардный этаж, кажется.

– Он имеет какое-то отношение к исчезновению Грейс? – спросил мистер Хенвуд.

Калевб отмахнулся.

– Нет. Но возможно, он что-то видел.

По неясной причине Калевб не надеялся застать мистера Рошана в квартире. Странно, что его не было на этой стенке, когда солнце не припекало и дождь не лил как из ведра. Идеальная погода, чтобы сидеть на своем излюбленном месте. Калевб все больше тревожился. Буквально все, кого затронула эта история, исчезали один за другим.

Старший инспектор попрощался с Хенвудами, после чего пересек улицу и вошел в указанный дом. Многие квартиры в доме, похоже, пустовали. Только за одной из дверей были слышны шаги, но и те сразу затихли, когда Калевб прошел мимо. Очевидно, сюда никто не заходил, и его появление в квартале было своего рода сенсацией.

Мансардный этаж, сказала миссис Хенвуд.

Калевб осторожно толкнул прикрытую дверь. Заглянул в тесную, убого обставленную комнату. Косые стены. Крошечные окна, едва пропускающие свет. Все удобства сведены к минимуму: матрас, плитка, тарелка с чашкой, ложки. Таз для воды. Кругом прибрано, все очень чистое.

И в самом углу – Грейс Хенвуд.

Она сидела, подтянув к себе колени и обхватив ноги. Длинные волосы окутывали ее, подобно мягкому занавесу.

Калевб сразу узнал ее по описаниям Кейт. Мягкое, ангельское лицо. Большие голубые глаза. Длинные волосы, порядком запачканные за эти дни.

– Грейс? – спросил тем не менее Калевб.

Девочка кивнула. Она казалась такой напуганной, что складывалось впечатление, словно ей больше всего хотелось сейчас раствориться в стене.

– Да, – сказала она.

Калевб осторожно шагнул к ней.

– Меня зовут Калевб Хейл. Я из тех, кто расследует убийство человека в инвалидном кресле.

Выражение ужаса на ее лице только усилилось.

– Полиция, – выдохнула она.

Калевб улыбнулся.

– Да. Но никто не причинит тебе вреда, Грейс, и полиция в том числе. Ты не сделала ничего плохого, так что тебе не о чем волноваться. Мы только хотим знать, видела ли ты что-нибудь. Когда того человека на фабрике... опускали в бочку.

– А кресло? – спросила Грейс.

Калевб отмахнулся.

– Можешь оставить себе, все хорошо. Грейс, тебе и в самом деле нечего бояться. Но ты сейчас можешь здорово нам помочь. Ты же знала, что тот человек находится в бочке. Значит, ты видела, как кто-то опустил его туда?

Это было скорее утверждением, нежели вопросом. Грейс кивнула.

– Да.

– Это был мужчина? Женщина? Может, несколько человек?

– Мужчина.

– Один? Он сумел проделать все в одиночку?

Грейс выглядела несколько неуверенно.

– Тот был парализован. Он же не мог защититься.

– Верно. Жуткое дело, правда? А ты можешь описать этого человека? Или, может, ты его знаешь?

– Я его не знаю. Он очень большой, с белыми волосами. Не очень старый.

– Сколько примерно лет?

– Моложе, чем вы, – сказала Грейс.

Значит, не больше сорока.

– Но... ты не знаешь его имени? И где он живет?

– Нет.

– А потом ты его видела? Я имею в виду, когда он... сделал это?

Грейс обхватила себя руками. Она боялась.

– Да, – прошептала она.

– Когда? И где?

– Ночью.

– Где?

– Он шел к моему убежищу. У него был фонарь. Он все обыскивал.

– Но он тебя не нашел?

– Нет. Потому что пришел Кадир. И та женщина.

– Что за женщина?

– Которой я показала человека в бочке.

– Кейт, – догадался Калевб.

Грейс усердно закивала.

– Кейт. Она хорошая.

Калеб шагнул ближе, присел на корточки, чтобы не нависать над ней.

– Это верно, Грейс. Кейт очень хорошая. И она очень волновалась, когда ты исчезла. Она хотела непременно тебя разыскать. Чтобы защитить, понимаешь?

Грейс смотрела на него с недоверием. Очевидно, с ней такого ни разу не было – чтобы кто-то ее защищал. Потому она не понимала, о чем говорил Калеб.

– А где сейчас Кейт? И Кадир? Они вместе?

– Да.

– Где?

– Заперты.

– Заперты? Это убийца того инвалида их запер?

– Да.

– Где? – настойчиво спросил Калеб. – Грейс, где они? Пожалуйста. Это важно!

Кейт и Кадир в руках человека, на совести которого, вероятно, три жестоких убийства. Который чувствовал себя загнанным в угол и которому уже нечего было терять.

– Прошу тебя, Грейс. Где они?

Девочка поднялась одним изящным движением и, подобно стройному жеребенку, встала посреди комнаты. Только теперь Калеб обратил внимание, до чего убогий у нее вид. Что одежда была запачкана и плохо пахла, что грязь въелась ей в кожу. Она несколько дней жила на улице. Да и прежде, похоже, никто особо не следил за тем, чтобы она регулярно мылась и носила чистую одежду.

– Я покажу, – сказала Грейс.

Калеб понимал, что сейчас самое время вызвать подкрепление.

– А ты можешь объяснить, где это?

Грейс беспомощно посмотрела на него.

Значит, она не могла дать описание. Могла только провести его. Вызвать подкрепление и подождать их здесь? Это могло затянуться. Кроме того, Калеб опасался, что Грейс откажется сотрудничать, когда здесь появится полиция. Что страх парализует ее, и она не сможет проронить ни слова. В таком случае у них будут большие проблемы.

Поэтому старший инспектор улыбнулся:

– Хорошо, Грейс. Покажи мне, где это. Мы должны поторопиться.

Он сможет позвонить, когда поймет, куда они идут. А пока следовало любыми средствами сохранить доверие Грейс.

– Поторопиться, – повторила она с серьезным видом. – Да. Мы должны поторопиться!

– Я должен довести это до конца, – сказал Шон.

Он съел все сэндвичи и выпил всю воду. Теперь не оставалось ничего, кроме как завершить начатое.

– Прошу тебя, – сказала Джейн, – не делай этого. Ты зашел слишком далеко. И будет только хуже. Ты лишь сильнее увязнешь. Хватит!

Шон воззрился на нее в изумлении.

– Ты в своем уме? Я отправлюсь за решетку из-за этих двоих. Ты сама говорила, что эта особа из Скотланд-Ярда преследует меня по пятам. У меня нет выбора!

– Ты запер Кейт и этого индийца. Ты так и не разыскал ту девочку, которая наблюдала за убийством Доурика. Этому не будет конца. Все вышло из-под контроля. Это безнадежно.

– Когда я разберусь с Кейт и индийцем, то разыщу девочку. Не могла же она раствориться в воздухе.

– Убьешь и ее? Шон...

– На чьей ты стороне?

– Я на твоей стороне, но я не могу допустить, чтобы ты... – Джейн, не договорив, глубоко вдохнула.

– Что? Чего ты не можешь допустить?

– Ты убил трех человек, Шон. Я прикрывала тебя, но...

– Ты не только прикрывала меня, Джейн. Ты помогала мне. Ты предупредила меня, что мою машину видели в Скалби. Теперь ты сообщила, что есть свидетельница, эта слабоумная девочка. Как, по-твоему, я должен был поступить? Откинуться на стуле, сказать *ага* и спокойно дожидаться, когда меня схватят?

– Первым делом тебе нужно было избавиться от машины. Просто невысказанно, что ты до сих пор на ней разъезжаешь. А сейчас ты мог бы уехать. На юг Англии, а то и вовсе в Шотландию. Куда угодно. У полиции в лучшем случае был бы фоторобот, составленный со слов умственно отсталой девочки. Они бы ни за что тебя не нашли. Господи, Шон, я же хотела предупредить тебя. Я хотела, чтобы ты знал, что тебя видели. Я не предлагала тебе *убивать* их!

Шон презрительно скривился. Он и не предполагал, что она так малодушна. Что у нее сдадут нервы. Джейн сдалась, а теперь пыталась подвигнуть к этому и его...

– Вчера вечером ты снова мне позвонила, – напомнил он. – Ты сказала, где может прятаться эта Грейс. Что этот индеец, вероятно, разыскал ее. И что Кейт, скорее всего, тоже наведается сюда. Что я, по-твоему, должен был предпринять?

– Я хотела, чтобы ты уехал из Ливерпуля. Чтобы ты прекратил ошиваться в этом квартале и расспрашивать всех насчет Грейс. Черт возьми, Шон, ты в конце концов добьешься, что тебя смогут опознать несколько человек. Своими безумными поисками ты можешь лишь подкрепить все, что скажет о тебе Грейс. В нормальных обстоятельствах к ее словам отнеслись бы очень осторожно, но ты своим поведением сам придаешь им достоверности. Это безумие. Я хотела остановить тебя!

– Вечно ты умнее всех, – выдавил он со злостью.

Джейн была права, и Шон это понимал. Он сам приложил кучу усилий, чтобы все усугубить.

– Уже неважно, – сказал Шон. – Ничего не изменишь. Я должен избавиться от этих двоих в подвале. Иначе мне не скрыться.

Он распахнул дверцу и вышел. Огляделся. Кругом все тихо и спокойно, не видно ни души. Хорошо, этим нужно воспользоваться. Не было никакой уверенности, что сюда вообще никто не забредал. Он и так слишком долго тянул.

«Вот к чему эти сэндвичи, вода, забота, – подумал он со злостью. – Она хотела меня задержать – и по-своему обработать».

Шон собирался затопить эти катакомбы. Грейс, сама того не ведая, указала ему идеальное место, а этот индеец и женщина из Скотланд-Ярда сами пришли к нему в руки. Он уже отыскал помещение, где располагался механизм, при помощи которого открывались клапаны. Все просто. Ему не придется спускаться к пленникам, видеть их. Можно не опасаться, что они при этом нападут на него или он сам оставит какие-то следы.

Джейн тоже вышла. Они стояли друг против друга, разделенные машиной.

– Что ты задумал? – спросила Джейн.

– Затоплю подвал. А после – хорошо, я успокоюсь. И уеду отсюда. Может, даже переберусь на континент на какое-то время. Я оставлю эту Грейс в покое. Ты права: ее показания все равно не воспримут всерьез.

В глазах Джейн читался ужас.

– Ты не можешь утопить их там!

Она сразу поняла, что он имел в виду. Сооружения вроде этого были ей знакомы. Зачастую в них предусматривалась возможность заполнения водой всех нижних помещений.

– Могу и утоплю, – заявил Шон. – Эти двое опасны. Особенно женщина из Лондона. Я не хочу по ее милости провести остаток жизни за решеткой.

Джейн обошла машину. Достала телефон из сумки.

– Мне жаль. Я вызываю подкрепление. Я не позволю тебе сделать это.

Поначалу он даже не поверил, что Джейн говорит всерьез. Не настолько же она глупа и должна понимать, что сама уже слишком глубоко завязла в этой истории. Это она предоставила ему всю нужную информацию. Она разыгрывала этот спектакль перед коллегами, хотя знала, кто стоит за этими убийствами. Она предостерегла его, когда положение стало таким шатким.

– Не глупи, – сказал Шон. – Ты отправишься в тюрьму, как и я. Может, и ненадолго, но ты сядешь. И можешь забыть о своей карьере в полиции.

Джейн и глазом не моргнула.

– Я знаю. Но не могу допустить, чтобы кто-то еще погиб.

– Бедный Дилан, – беззаботно промолвил Шон. – Два близких человека, которые у него остались, отправятся за решетку. Ты хоть подумала, что с ним станет?

Он заметил неуверенность в ее глазах, тень сомнения. Но это продолжалось лишь доли секунды; затем к ней вернулась прежняя решимость.

– Я звоню своим.

– Ты этого не сделаешь, – сказал Шон.

Джейн изумленно посмотрела на пистолет в его руке. Откуда у него оружие? И он направил его на собственную сестру...

– Брось телефон, – приказал Шон. – И подальше.

Джейн не могла верить, что он это сделает. Что он в нее выстрелит.

– Ты делаешь все только хуже, – сказала она.

– Брось телефон, – повторил Шон.

Послышался щелчок предохранителя. Джейн бросила телефон на асфальт. Теперь он лежал между ними. Шон отбросил его ногой в сторону, на безопасное расстояние.

– Теперь застрелишь меня? – спросила Джейн. – Чтобы я не мешалась? Или ты думаешь, я буду стоять здесь и ждать, пока ты затопишь подвалы?

Она видела, что Шон размышляет. Совесть не позволила бы ему застрелить собственную сестру. Но теперь Джейн представляла серьезную угрозу.

– Откуда у тебя пистолет? – спросила она.

Шон гордо осклабился.

– Отобрал у этой Кейт.

Значит, это пистолет Ричарда Линвилла. Джейн знала, что Кейт получила его обратно.

«В каком-то смысле тоже справедливо, – подумала она, – что меня, возможно, пристрелят из его оружия».

Шон неожиданно шагнул к ней, и Джейн подумала: «Все. Сейчас он убьет меня».

Но в следующую секунду ей в лицо врезалась рукоятка пистолета. Резкая боль пронзила висок, и в глазах мгновенно потемнело. Джейн даже не почувствовала, как упала. Она потеряла сознание прежде, чем ударилась об асфальт.

Снова и снова они пытались выломать засов. Толкали, трясли и тянули, били в дверь плечами, чтобы сорвать ее с креплений. Бесполезно. Скрежет, раздававшийся при этом, то и дело вселял в них надежду: казалось, еще немного, и ригель сорвется. Но всякий раз их ждало разочарование. Засов держался. Крепко и незыблемо.

И Кейт, и Кадир были на пределе. Хоть адреналин в крови не давал почувствовать усталость, они были разбиты, вымотаны морально и физически. Несколько часов ушло только на то, чтобы освободить друг друга. И все попытки выбить дверь оказались тщетными. Их мучили голод и – особенно – жажда. Кейт понимала, что это станет для них огромной проблемой, если они не освободятся.

Поначалу фонарь горел постоянно, но вскоре свет его настолько померк, что этот факт уже нельзя было игнорировать. Тогда Кейт предложила включать его лишь время от времени. Иначе уже в ближайшее время они остались бы вообще без света. Теперь они подолгу сидели в темноте – и это была не та привычная, ночная тьма. То был абсолютный, непроглядный мрак. Только чтобы не сойти с ума, Кейт то и дела включала фонарь. Чтобы удостовериться, что мир вокруг них еще существует – пусть этот мир и состоял сейчас из бетонной камеры. Кроме того, Кейт всякий раз смотрела на часы. Был почти полдень.

Ее занимал один вопрос: когда Джейн заподозрит неладное?

– Как, по-вашему, что будет? – спросил Кадир.

Он долгое время не произносил ни слова. Иногда, в свете фонаря Кейт видела, как он беззвучно шевелит губами. Быть может, пытался при помощи какой-то мантры обуздать панику...

– Думаю, этот тип давно ушел, – ответила Кейт. Она скорее надеялась на это, но старалась говорить убедительно. – Он не сумел разыскать Грейс и скрылся. Во всяком случае, я бы так и поступила. Убралась бы как можно дальше от Ливерпуля.

– И он просто оставил нас здесь? – ужаснулся Кадир.

– Он не может отпустить нас. И он считает, что здесь нас никто не найдет. Но это не так. Констебль Скейпин в курсе. Она знает, что вы сказали мне насчет укрытия Грейс. И она приедет, когда не сможет дозвониться до меня.

– Но когда?

– Скоро. Джейн догадлива, и ей не понравится то, как внезапно я исчезла. Она попытается разыскать меня.

Лишь бы так и было! Джейн не знает, что я поехала сюда. Надо надеяться, она не удовлетворится неопределенными комментариями от местной полиции.

Но Джейн это никогда не устроило бы. Педантичная и упрямая, она не позволяла сбить себя с толку, когда шла по следу. Кейт пока не знала всей истории, но поняла, что Джейн в одиночку спасла от гибели целую семью и благодаря ей удалось перехватить Дениса Шоува.

– Вы, наверное, тоже умираете от жажды? – спросил Кадир.

– Да. Но лучше не говорить об этом. Сосредоточьтесь на чем-то другом, Кадир. Жажда только усиливается, если о ней постоянно думать.

– Я не могу сосредоточиться ни на чем другом. Все мысли только о воде...

Кадир провел здесь больше времени. И вряд ли имел возможность как следует подкрепиться, прежде чем отправился в доки, чтобы помочь Грейс.

– Все будет хорошо, – сказала Кейт.

Она включила фонарь. Кадир выглядел бледным и изможденным. Воспаленные от сухости глаза лихорадочно блестели.

– Ждать еще недолго, – заверила она его.

– Может, еще раз попробуем с дверью? – предложил Кадир.

Они поднялись и снова налегли на дверь в попытке сорвать ригель. Впустую. Правое плечо у Кейт ныло от боли. Она так долго билась в стальную дверь, что вся правая сторона, вероятно, была теперь в синяках.

– Нужно поберечь силы, – сказала она. – Ничего не остается, кроме как дожидаться Джейн. Нам не вышибить чертову дверь, придется признать это.

– Как, по-вашему, можно слизывать воду со стен? – спросил Кадир.

Он смотрел на тонкие ручейки, сбегаящие по стенам.

Кейт пожала плечами.

– Это речная вода. Не думаю, что из Мерси стоит пить.

– У нас в Индии все пьют из Ганга. Моются там, смывают туда нечистоты, сбрасывают мусор – и пьют.

– Многие заболевают и умирают.

– И на удивление много народу переживает это. Еще пару часов, и я...

Он замер на полуслове. Сверху раздался странный звук. Протяжный, ржавый скрежет. Звук затих, но через секунду раздался снова.

– Что это? – в ужасе спросил Кадир.

Кейт вскочила, посветила фонарем на потолок. Она не заметила,

сдвинулась ли стальная пластина клапана, но ясно было одно: звук доносился оттуда.

Кто-то пытался открыть клапан.

Ей стало дурно. Дерьмо. Этот мерзавец никуда не ушел. По-прежнему был здесь. И хотел быть уверенным, что пленники не выберутся.

И пытался затопить подвал.

Кадир тоже вскочил. Он, как и Кейт, сразу понял, что происходит.

– О, нет! – Индеец хватал ртом воздух. – Нет. Кейт, что нам... что мы можем...

Как по команде они одновременно бросились к двери. Принялись толкать, бить в нее кулаками. Кричать.

Ситуация кардинально поменялась.

Очевидно, через несколько минут недостаток воды уже не будет проблемой.

* * *

Когда Джейн пришла в себя, то не сразу сообразила, где находится. Она лежала на мягком сиденье, но ей было неудобно. У нее затекли все мускулы, и она не могла вытянуть ноги. Джейн приподнялась и посмотрела сквозь загрязненное ветровое стекло своей машины. Увидела заброшенные доки, и в памяти все мгновенно ожило.

Ливерпуль. Шон. Он ударил ее, и она потеряла сознание. По всей видимости, он затащил ее в машину и пристегнул к пассажирскому сиденью.

Джейн повернула зеркало и взглянула на свое лицо. Она была бледной, но в области виска, куда пришелся удар, появилась лишь небольшая припухлость. К вечеру она станет размером с куриное яйцо и окрасится всеми цветами и их оттенками.

В тот же миг ей вспомнилось намерение Шона, и она попыталась распахнуть дверь. Проклятье, Кейт и Кадир заперты где-то в катакомбах, и Шон собирается заполнить все водой. Если уже не сделал это...

Дверь не поддавалась – Шон заблокировал замки. Джейн перегнулась к водителскому сиденью, откуда можно было отпереть все двери одновременно, и выбралась наружу, стараясь при этом не обращать внимания на пульсирующие боли в голове. Телефон... где-то поблизости должен лежать ее телефон. Нужно срочно вызвать полицию.

Но Джейн не могла его найти. Шон не был дураком. Он знал, что

сестра очнется и сумеет выйти из машины, поэтому забрал телефон.

Джейн взглянула на часы. Впрочем, до этого она не обращала внимания на время и не знала, как долго пролежала без сознания. Задумалась. Она могла пробежать по округе в надежде, что встретит кого-нибудь и сумеет позвонить. Но решила, что это слишком рискованно. Для Кейт и Кадира на счету была каждая минута. Нужно разыскать их и освободить.

Джейн перелезла через нагромождение досок, перекрывающих проход. Машина Шона стояла на прежнем месте, поэтому оставалась надежда, что он еще не успел совершить задуманное. Но это также означало, что ей следует быть осторожнее и не попадаться ему в руки. Он вооружен и решительно настроен. Он в отчаянии. И, возможно, во второй раз не ограничится тем, чтобы лишь на время вывести сестру из игры...

Найти вход оказалось несложно, и дверь была не заперта. Джейн осторожно приоткрыла ее. С затаенным ужасом она приготовилась увидеть грязную речную воду под ногами, но внутри было сухо. Внезапно раздался скрежет, и Джейн поняла, что Шон уже приводил в действие свой безумный замысел. Поскольку все сооружение давно не обслуживалось, оборудование наверняка пребывало в плохом состоянии, механизмы заржавели, покрылись известью и начали выходить из строя. Так что осуществить задуманное оказалось сложнее, чем предполагал Шон. Однако он был силен и не собирался сдаваться.

Времени оставалось мало.

Джейн стала спускаться по крутой, бесконечно длинной лестнице, в непроглядную тьму, под толщей воды. Она понятия не имела, как далеко ей придется пройти, чтобы разыскать пленников – если они вообще там. Шон в любой момент мог справиться с механизмом. Джейн не знала, успеет ли она найти дорогу обратно и добежать до лестницы.

Они пошли пешком, потому что Грейс отказалась садиться в машину. Страх и недоверие буквально окутывали ее, подобно запаху. Калевб подозревал, что Грейс боялась за Кейт, и помогала ему только поэтому. Иначе она просто сбежала бы при первой же возможности. Девочка испытывала панический ужас перед мужчинами и полицией. Таким образом, Калевб своей персоной воплощал ее худший кошмар. Хотя его и трясло от нетерпения, потому что они тратили бесценное время, и доехать на машине было бы гораздо быстрее, он старался сохранять непринужденный вид, словно его вполне устраивал такой способ передвижения. Грейс могло напугать все что угодно, и он был осторожен.

Они шагали уже полчаса, и хоть находились еще в черте города, местность вокруг казалась заброшенной. Здесь особенно остро ощущалась главная проблема Ливерпуля: разорившиеся предприятия и, как следствие, высокий уровень безработицы. Пустующие офисные здания, брошенные верфи, бесконечные ряды гигантских контейнеров, ржавеющих и поросших чертополохом. Во всем был сделан расчет на реку и судостроение, но те времена уже прошли. Предприятия сдавались одно за другим. В итоге остался своеобразный город-призрак, пустой и унылый. Олицетворение безнадежности.

– Далеко еще? – спросил Калевб.

Он уже немного запыхался, в то время как Грейс словно не замечала усталости. В этот день его физическое состояние оставляло желать лучшего. Не хотелось даже думать о том, какой процент алкоголя еще содержался в его крови.

– Там, – сказала Грейс и улыбнулась. – Вперед!

Она указала на поросший травой участок у самой реки, обнесенный бетонной оградой. Проход был наскоро заколочен досками и балками. Но Калевбу сразу бросилось в глаза другое: зеленый «Пежо», оставленный непосредственно у стены. И рядом, совершенно точно, – машина констебля Скейпин.

«Дерьмо!» – выругался про себя Калевб.

Она была замешана. Калевб не знал еще, в каком качестве, но, учитывая все, что он выяснил этим утром, безобидного объяснения в голову не приходило.

Осознание, что Джейн Скейпин вводила их в заблуждение, причиняло

едва ли не физические страдания. Кaleb вынужден был на мгновение остановиться и перевести дух.

Но медлить было нельзя. Старший инспектор двинулся дальше. Предаваться скорби он мог и потом.

Грейс ускорила шаг и остановилась перед заколоченным проходом на бывшую верфь.

– Там, – сказала она. – Внизу.

Кaleb заглянул через заграждение. Увидел невысокое строение, наподобие склада, с виду заброшенное, окруженное зарослями крапивы и чертополоха. Дверь была открыта.

– Они в этом здании? – уточнил он.

– Внизу, – ответила Грейс и смахнула с лица прядь волос. – Там большой подвал, они в нем.

– Ясно.

Очевидно, система подземных сооружений. Кaleb достал телефон.

– Не бойся, – сказал он Грейс. – Сюда приедет полиция, но не за тобой, слышишь? Тебе не о чем волноваться.

Грейс насторожилась, но по крайней мере не убежала.

Кaleb тем временем уже связался с полицией Ливерпуля. Он запросил срочное подкрепление и объяснил, где находится. Старший инспектор понятия не имел, что это за место, но по пути обратил внимание на названия улиц.

– Это недалеко от Канада-Док, – догадался диспетчер.

– Возможно. И передайте, что это срочно.

Кaleb задумался. Вероятно, ему придется иметь дело с двумя противниками. Хотя их вполне могло быть и больше. Он не знал об их местоположении. Не знал, вооружены ли они. И что конкретно задумали. Принимая во внимание три совершённых ими убийства, он понимал одно: эти люди не остановятся ни перед чем.

В соответствии с предписаниями Кaleb должен был вывести Грейс из опасной зоны и дождаться подкрепления. До этого ему не следовало что-либо предпринимать, в одиночку и без оружия.

Это согласно предписаниям. Но внутренний голос подсказывал, что терять нельзя ни секунды. Кaleb не мог этого объяснить – если только не принимать в расчет агрессивно настроенных преступников, – но его не покидало ощущение непосредственной угрозы и опасности. Он чувствовал, что подкрепление может прибыть слишком поздно.

– Идем, – сказала девочка и стала карабкаться через заграждение.

Кaleb удержал ее за руку.

– Нет, Грейс. Дальше я пойду один. Тебе не нужно туда спускаться. Возвращайся домой.

При слове *домой* она ощутимо вздрогнула.

– Или обратно в квартиру Кадира, – предложил Кaleb. – Там ты будешь в безопасности.

– Ты их не найдешь, – возразила Грейс. – Они в самом низу.

– Найду. Поверь мне. Пожалуйста. Ты всем нам здорово помогла. А теперь возвращайся обратно.

Грейс спрыгнула с ограды и отступила на шаг. Кaleb надеялся, что она сделает именно так, как он сказал. Исчезнет.

Он перебрался через нагромождение досок, перемахнул на другую сторону и спрыгнул в мягкую траву. Кругом царила тишина – лишь кричали изредка чайки, да слышно было, как вода накатывала на берег. Казалось, на многие километры вокруг нет ни души.

Но машины по ту сторону ограды говорили о другом.

Пригнувшись, Кaleb двинулся к строению. Впрочем, он вполне мог и выпрямиться в полный рост – все равно его было видно, и если б кто-нибудь захотел его подстрелить, то для него это не составило бы трудности. Но ничего такого не произошло. Кaleb приблизился к двери. Отворил. Увидел лестницу. Довольно крутая, она вводила куда-то вглубь. Внизу царила крошечная тьма.

«Лабиринт, – подумал Кaleb, – под рекой».

Он колебался. У него не было при себе даже фонаря. Как ему сориентироваться в темноте? Не лучше ли дождаться подкрепления?

В этот момент он услышал ужасающий шум. Жуткий металлический скрежет, неприятный – как звук бормашины, только намного громче. Словно терлись две стальные плиты. От этого звука все тело пронзала судорога.

Кaleb не знал, что это. Но такой скрежет не сулил ничего хорошего. Времени не оставалось.

Он стал спускаться.

* * *

Когда Кейт поняла, что за дверью кто-то пытается сдвинуть засов, к глазам подступили слезы – она до последнего надеялась, что их спасут. Когда же услышала голос Джейн, то была уже не в силах сдерживаться.

– Вы там? – спросила Джейн.

Кейт прижалась к двери.

– Да, Джейн, мы здесь... Господи, этот тип пытается все затопить. Выпусти нас! Скорее!

Слышно было, как Джейн возится с засовом.

– Черт бы его побрал, крепко сидит!

Она вскрикнула от боли.

– Что такое? – спросила Кейт.

– Кажется, сорвала ноготь... Неважно. Засов не сдвинуть!

– Не может быть! До этого он нормально двигался!

– Вот только человек, который сдвигал его, на две головы выше меня и с утра до вечера тягает штангу, – просипела Джейн. – Чтоб его, засел безнадежно!

Снова раздался скрежет. Незримый противник все еще пытался сдвинуть стальную пластину под сводом. У него и у Джейн была общая проблема: старое, изъеденное ржавчиной оснащение. Неизвестно только, кто справится первым. Надежда стремительно таяла. Джейн, вероятно, видела преступника, и, судя по ее словам, он представлял собой гору мышц. Факт не в их пользу. Весь вопрос в том, как долго Джейн сможет продолжать попытки? Когда придет время сказать ей: «Поднимайся обратно, спасайся сама»?

– Джейн, мы можем рассчитывать на подкрепление? – спросила Кейт.

Та все еще боролась с засовом.

– Он ударил меня и забрал телефон. Я потеряла сознание и не могла позвонить. К тому же он вооружен.

– Калев знает, что ты здесь?

– Нет.

Теперь, когда помощь была так близко и в то же время недостижима, Кейт чувствовала, как ею овладевает паника. У нее уже не осталось сил, чтобы противостоять ей.

– Джейн...

– Не получается! – натужно просипела констебль.

Снова этот ужасающий скрежет. Кадир направил фонарь на стальную пластину.

– Кажется, она чуть сдвинулась.

– Глупости. Она или сдвинется разом, или не шелохнется, – возразила Кейт. – Там все насквозь проржавело.

– Он может спуститься и просто застрелить нас, – сказал Кадир.

«Уж лучше так, чем утонуть здесь», – подумала Кейт.

В этот момент за дверью послышался другой голос. Кейт и подумать

не могла, что когда-нибудь будет так рада услышать его.

Голос Калеба.

– Это вы? Господи, ну и темень!.. Джейн?

– Шеф! Помогите. Кейт внутри. Засов...

Хоть и с четвертой попытки, но они все же справились. Засов со скрежетом отошел. Дверь распахнулась. В свете фонаря Кейт увидела Джейн и Калеба. У констебля кровоточила рука. Старший инспектор выглядел ужасно, словно состарился на десяток лет.

Пластина над головой закрипела. И на этот раз точно пришла в движение.

Калеб поднял глаза к потолку. И тотчас понял, что все это значит.

– Уходим! И поживее!

Кейт с фонарем в руке бежала впереди. Остальные следовали за ней.

Клапаны разом открылись, и речная вода хлынула в проходы.

* * *

На поверхности их ожидал день – и свет. Повсюду была полиция. Кто-то набросил ей одеяло на плечи, другой подал кружку горячего кофе. Кейт взглянула на Кадира, сидящего на траве. Взглянула на Грейс – с ней беседовала одна из коллег, с виду вполне дружелюбно, и девочка казалась вполне спокойной.

Кейт взглянула на Джейн.

– Джейн! – Она протянула к ней руку. – Как я тебе благодарна! Ты так долго продержалась внизу, ты рисковала жизнью...

– Не нужно благодарить, – сказала Джейн. Она выглядела даже хуже, чем Калеб, а уж тот был чуть живой. – Скоро сама поймешь. Благодарность тут неуместна.

Кейт недоуменно взглянула на Калеба, и у нее возникло ощущение, что старший инспектор уже все понимал. Он выглядел печальным. Подавленным. Разочарованным до глубины души.

– Это была Мелисса Купер, верно? – спросил он. – Это она была за рулем той машины. Она сбила Дилана. И в панике сбежала с места аварии. Позвонила Ричарду Линвиллу. Они с Доуриком помогли все замять. И потому все трое должны были умереть.

Джейн кивнула.

Кейт ничего не понимала. Она знала одно: они справились. В последнюю секунду. Они остались живы.

«И в этот момент, – думала Кейт, измученная и усталая, – только это имеет значение».

Суббота, 14 июня

Вечером все-таки выглянуло солнце. Весь день оно скрывалось за плотными облаками, лишь время от времени лучи просвечивали сквозь их толщу. Но к вечеру поднялся слабый ветер, прорвал бреши в облачном покрове. Сквозь них проглядывало синее небо, и теперь солнечный свет заливал землю.

Все было как в тот первый день после ее приезда в Скалби. Кейт и Кaleb сидели на террасе, и перед ними стояла картонная коробка, источая запах карри. Кейт принесла с кухни две тарелки и приборы. Но есть пока не хотелось, и упаковка осталась нетронутой.

В сравнении с тем первым днем кое-что все же изменилось. Мягкий вечерний свет вместо жаркого полуденного солнца. Воздух был сухой и прохладный. Сад зарос еще сильнее.

И оба они стали другими. Кейт чувствовала это, хоть и не могла объяснить, в чем состояла эта перемена. Возможно, причиной стал тот факт, что оба они лишились иллюзий, познали разочарование.

Кaleb выглядел так, словно прошлой ночью вообще не сомкнул глаз. Словно разом постарел на многие годы.

«Как она ранила его, – подумала Кейт, – как глубоко разочаровала...»

Она и сама была в шоке, когда узнала всю правду. В ужасе, в недоумении. Кaleb приехал к ней вечером, с индийской едой в руках – и грустью во взгляде. С того момента они сидели на террасе, и он рассказывал о том, что случилось.

Джейн знала обо всем с самого начала. И ее брат.

– Мелисса Купер совершила наезд на Дилана Холгейта. Само собой, ненамеренно. Несчастный случай. Она ехала по грунтовой дороге в окрестностях Ньюкасла – наверное, возвращалась домой, в Уитби. Нам уже известно, что в то время она работала в Ньюкасле. Возможно, ехала слишком быстро, была невнимательна... Все-таки ей приходилось каждый день проделывать немалый путь, она уставала. Так или иначе, Мелисса сбила пятилетнего мальчика на велосипеде. Оставила его лежать на дороге и бесцельно ездил по округе. Спустя час наконец пришла в себя. Но вместо того чтобы позвонить в полицию или «скорую», она набрала номер своего друга – с телефона-автомата. Позвонила Ричарду Линвиллу и, в ужасе, рассказала о произошедшем. Она не знала, что ей делать.

– Но мой отец... он же принял все меры, чтобы помочь ребенку?

– Да, он попросил подробно объяснить, где произошел несчастный случай, и сразу направил туда «скорую». Конечно, он мог сказать ей, чтобы она позвонила сама, анонимно, и ему не пришлось бы впутываться в эту историю. Могу только предположить, почему Линвилл поступил иначе: возможно, Мелисса была так растеряна, что Ричард засомневался, сможет ли она вообще позвонить куда нужно, и главное – сделать это вовремя. Ему предпочтительнее было рискнуть самому, чем подвергать дополнительному риску ребенка. Не забывайте об этом, когда будете судить о дальнейших событиях.

Кейт уже догадалась, что было потом.

– Но он покрывал Мелиссу.

– Он сочинил историю. Анонимный звонок от неизвестного мужчины. И Ричард при всем желании не мог сказать, кто это был. Конечно, все понимали, что этот человек знал номер Линвилла. Но никому и в голову не пришло заподозрить вашего отца. Если он говорил, что не узнал звонившего, значит, так оно и было. Никто не сомневался в его словах.

– Дилана можно было спасти. А он остался инвалидом...

– Да. И семья Холгейтов осталась один на один с этой бедой. Никто так и не ответил перед судом, чтобы создавалась хотя бы видимость справедливости. По словам Джейн, это было тяжелее всего: осознание, что правосудие оказалось бессильно. Кроме того, никто не покрыл им расходы, не предоставил страховых выплат. Виновника так и не нашли, и это было финансовой катастрофой для Холгейтов.

– И позаботился об этом мой отец, – прошептала Кейт.

Калев кивнул. Он понимал, как ранит ее эта правда об отце, но разве мог он скрыть от нее факты?

– Да. Ваш отец молчал. Как и Норман Доурик, его ближайший сотрудник. Он тоже был в кабинете, когда раздался тот звонок. Он знал, кто звонил. Полагаю, в первую секунду Линвилл даже назвал Мелиссу по имени. Все-таки Доурик знал об их связи. Линвилл попросил его и в этот раз поступить по-дружески: промолчать о реальном положении дел и поддержать его версию с анонимным звонком. Само собой, это придало достоверности истории Линвилла.

Кейт была сбита с толку. Она просто не могла поверить, что отец оказался способен на такое.

– Но что грозило Мелиссе Купер, если бы она во всем призналась?

Калев задумчиво склонил голову.

– Сложно сказать. Сбить человека – это одно дело. Но уехать с места происшествия, почти на полтора часа оставив пострадавшего без

помощи, – это сильно все усложняло. Ведь на тот момент неясно было, выживет ли Дилан. А если бы выяснилось, что его можно было спасти, если бы ему немедленно оказали помощь, – это обернулось бы по меньшей мере причинением вреда здоровью по халатности. Кстати, это и вызывало у Шона Холгейта такую нестерпимую злобу. Он был убежден, что для Дилана все закончилось бы куда благополучнее, если бы не эта фатальная задержка. Впрочем, насколько я понял из слов Джейн, судить об этом с уверенностью никто не мог. И все-таки ваш отец понимал, что у Мелиссы могли возникнуть серьезные проблемы. И он решил прикрыть ее.

– Должно быть, он очень любил ее, раз пошел против закона... Ни за что не поверила бы, что он способен на такое. Что найдется человек, который смог бы подвигнуть его на это.

– Мы не знаем точно, что послужило причиной, Кейт. Ричард вынужден был принимать решения очень быстро. Очевидно, он сделал первое, что пришло ему в голову, – и это стало *точкой невозврата*. Он бы сам предстал перед судом. Это поставило бы крест на его карьере, подорвало бы его безупречную репутацию, и вероятно, лишило бы его права на пенсию. Доурик, возможно, тоже оказался бы под ударом. Ричард не мог этого допустить. Обратной дороги не было.

Теперь все сходилось и становилось понятным.

– Но их отношения, – сказала Кейт, – не выдержали этого.

– Нет. Это стало для них тяжелым ударом. Вы же сами обратили внимание на эту странность. Ричард и Мелисса расстались в тот самый момент, когда уже не было нужды скрывать свои отношения. Полагаю, Ричард не мог простить Мелиссу за то, что она втянула его в эту историю, вынудила поступить вопреки собственным принципам. А Доурик имел те же претензии к Ричарду. Их связывала между собой страшная тайна, и, вероятно, каждый в том или ином смысле упрекал другого. В конечном счете их пути разошлись. И как мы теперь знаем, с Доуриком судьба все равно обошлась довольно сурово.

Кейт заметила, что ей проще задавать вопросы по существу. Так ей легче было справиться с потрясением. Ее отец оказался совершенно чужим для нее человеком. Который вел двойную жизнь, обманывая жену и дочь. Который замял несчастный случай на дороге и покрывал виновного. Который думал лишь о собственном благополучии, тогда как речь шла о пострадавшей семье. Думал о своей карьере, о репутации, о пенсии. Старался сохранить в тайне внебрачные отношения, в которых состоял несколько лет. Потому что и об этом, скорее всего, стало бы известно, если бы он сказал правду.

Кейт думала, что знает отца, как никто другой. Но кем он был на самом деле? Вероятно, она уже никогда не узнает ответ...

– Каким образом Джейн и ее брат докопались до правды? – спросила она. – Спустия столько лет? Джейн поэтому пошла в полицию? В надежде что-то выяснить?

– По ее словам, все было не так. Но ее желание стать полицейским тесно связано с той историей. Это не было совпадением. В глазах семьи Холгейтов полиция дала маху, потому что виновника так и не нашли. Джейн, будучи подростком, сделала из этого собственные выводы, и это имело вполне себе позитивный характер: она решила сама поступить в полицию. Хотела быть лучшей в своем деле. Стать супердетективом. Из тех, которые целиком отдаются работе, вгрызаются в дела и не дают уйти от наказания людям, вроде тех, что оставили Дилана на дороге. Возвращают веру в справедливость семьям, вроде ее собственной. Она жила этими идеалами. У нее и мысли не было о возмездии. И она добилась своего. С отличием окончила полицейскую академию. И была... была великолепна в работе. Лучшая из всех моих сотрудников.

– Но это и в самом деле было совпадение? – спросила Кейт. – Что она попала именно в Скарборо? Где служил и мой отец?

Калев кивнул.

– Это действительно совпадение. Впрочем, ничего удивительного. Джейн родом из Ньюкасла и хотела остаться на северо-востоке Англии. И при этом работать в уголовном розыске. Вариантов было не так уж много.

– И никто не знал ее историю?

– Откуда? Тот случай не вызвал особого ажиотажа. К тому же Джейн была замужем, взяла фамилию мужа... Никто и не заметил бы взаимосвязи.

– А что вам было известно о ней?

– Только то, что она рассказывала. В случае Джейн, это не то чтобы много. Поначалу мы лишь знали, что она молода и, по всей видимости, талантлива. Она была замужем, но никто не знал ее мужа. Потом у нее умерла мама, и только тогда я узнал, что у нее есть брат, умственно и физически ограниченный. Прежде о нем заботилась мама. Однажды Джейн завела об этом разговор, объяснила, что взяла брата под свою опеку. В течение дня он находился в специальном учреждении, но Джейн сказала, что ей придется иногда уезжать пораньше или задерживаться по утрам. Она хотела знать, насколько это уместно, и смогу ли я мириться с подобными обстоятельствами. Конечно, я мог и сказал ей об этом. Она была невероятна. И я готов был пойти на любые послабления, только бы она осталась у нас.

Кейт устало потерла глаза. Все начиналось так безобидно, так незаметно... По ее опыту это было типично для больших драм: поначалу все кажется таким несущественным. Впоследствии же приходит понимание, что при ближайшем рассмотрении тревожные знаки можно было заметить намного раньше.

Калеб, похоже, угадал ее мысли.

– Я со вчерашнего дня все острее сознаю, как мало обращал на нее внимания. Каждый день работал бок о бок с Джейн и не мог представить, как бы мы все управлялись без нее, – но практически не проявлял к ней участия как к простому человеку. Я знал – или, по крайней мере, мог представить, – что жизнь у нее, с беспомощным братом, совсем не сахар. Но поскольку она превосходно исполняла свои обязанности, я не особенно вдавался в обстоятельства. Потом узнал, что муж от нее ушел. Теперь-то я понимаю, что причиной тому стал Дилан. Тогда я просто подумал: жаль, очередной брак распался. Но это происходит постоянно...

Кейт представила Дилана. Как он бьет посуду и разбрасывает ее по всей кухне. Как сидит за столом и требует еды. Как смотрит в экран телевизора и во весь голос подражает звукам локомотива.

Очевидно, муж Джейн этого просто не выдержал.

– Джейн говорит, что именно в этот момент все стало рушиться, – продолжал Калеб. – Она надеялась, что муж будет ей помогать, а он вместо этого просто сбежал. Джейн осталась одна. С братом и обещанием, которое дала матери: что будет о нем заботиться и никогда не отдаст его в приют.

– Это, конечно, было безумием, – сказала Кейт. – Это обещание.

– Джейн чувствовала себя связанной им. И неизбежно теряла контроль над ситуацией. Мы видели только очевидное: замученную женщину, но при этом безупречную в своей работе. Никому, и мне в том числе, не приходило в голову хоть раз поговорить с ней, спросить, как она со всем этим справляется.

– Сомневаюсь, что она сказала бы о реальном положении дел. Калеб, не убивайтесь так! Как вы сами сказали: вы видели только очевидное. Джейн не хотела, чтобы другие знали о ее проблемах. Вы с уважением отнеслись к ее желанию. А сами...

Кейт запнулась и замолчала. Впрочем, Калеб знал, что она хотела сказать.

– Да. Я в то время прилагал все усилия, чтобы никто не замечал, сколько я пью. И, наверное, бросился бы на любого, кто попытался бы откровенно поговорить со мной об этом. Странно, не правда ли? Видно, в чем-то мы все устроены одинаково. Постоянно притворяемся, стараемся

создать видимость благополучия... Хотя за этим фасадом полная разруха.

Кейт промолчала. Наверное, так оно и было.

– Ну, – продолжал Калед, – если не вдаваться в подробности, то Джейн вновь испытала на себе тот ужас, в который их ввергла эта трагедия. Отец тогда бросил семью. Мама занималась исключительно Диланом. Нарастали денежные проблемы. Это была катастрофа, в финансовом и социальном плане. И проблема была связана не только с Диланом, но и с неспособностью родителей справиться с ситуацией. Так или иначе, Джейн так и не сумела полностью оправиться. Чувство злости и беспомощности внезапно вернулось. Джейн подавляла эти чувства, но они все хуже поддавались контролю.

– И она решила провести расследование? – догадалась Кейт.

– Да. Хотя поначалу и не надеялась выяснить что-то новое и существенное. Она просто поговорила со следователем в Ньюкасле. Как с коллегой. Сказала, что знакома с той семьей и хотела узнать, каким было положение дел на момент расследования. Коллега, по всей видимости, любил поболтать, но и причин для недоверия у него не было. Фамилия *Скейпин* никак не фигурировала в связи с расследованием. Сначала Джейн узнала о том странном звонке Линвиллу. О его утверждении, что он не узнал звонившего, хотя у того был его номер. Потом прозвучало имя Нормана Доурика – ближайшего сотрудника Линвилла, который подтвердил его слова. Конечно, у Джейн еще не возникло мысли, что имел место некий заговор. Но это пробудило в ней недоверие. И она не отступила.

– Но сами преступления совершал ее брат? – уточнила Кейт.

– Да. И они это подтвердили. Шон особо подчеркивал, что Джейн при этом не было. Но сама Джейн заявила, что обо всем знала. Шон давал ей возможность остаться в стороне, но она ею не воспользовалась.

– И с самого начала была в курсе?

– Не сразу. Когда был убит ваш отец, у нее появилось недоброе предчувствие, хоть и не такое стойкое. Но когда свидетельница сообщила о зеленом «Пежо», Джейн действительно заподозрила худшее. После убийства Мелиссы Купер сомнений уже не возникало. Джейн поговорила с Шоном. Тот во всем признался. С того момента Джейн была в курсе. Только теперь я осознал, что она постоянно склоняла меня к версии с Денисом Шоувом. Она не могла допустить, чтобы я оставил его в покое и обратился к другим гипотезам. Слишком велик был риск для Шона и для нее самой. Только сержант Стюарт неоднократно выражал сомнения, однако он оказался в меньшинстве.

– Она пыталась спасти нас. Меня и Кадира. И рисковала при этом жизнью. Это следует принять во внимание.

– Само собой. Но накануне вечером она предупредила брата по телефону. Сообщила, что Грейс, вероятно, скрывается в доках. И что вы с Кадиром можете ее разыскать. Джейн солгала вам, когда сказала, что связалась с полицией в Ливерпуле. Она разговаривала с Шоном. Она с самого начала поставила его в известность насчет Грейс. Как ни крути, Кейт, – она помогала преступнику.

– Он – ее брат.

– Да, – согласился Калеб. – И семейные связи для нее святы.

Повисло молчание. Затем Кейт принялась распаковывать коробку.

– Давайте, в конце концов, поедим. Иногда это помогает.

– От чего?

– От боли. И разочарования.

Калеб не стал возражать, когда она положила ему в тарелку уже остывшего риса.

– Что вы теперь будете делать? – спросил он. – Останетесь здесь? Вы могли бы перевестись в полицию Скарборо. У нас освободится место.

Это прозвучало в шутливом тоне. Кейт недоуменно посмотрела на него. Калеб подался вперед.

– Серьезно. Я бы поддержал вашу кандидатуру. Это была отличная работа. Вы и в самом деле хорошо себя показали.

Кейт улыбнулась, впервые за это время.

– Спасибо, Калеб. Но я не останусь. Постараюсь поскорее продать дом. И для начала вернуться в Лондон. К прежней жизни. А там будет видно.

– Уверены?

– Уверена. Пришло время отпустить отца. Так что нет смысла оставаться в этих стенах. Жить в этом городе. В конце концов, работать на его прежнем месте, даже сидеть за его столом. Конечно, мне очень льстит ваше предложение, но я предпочла бы состояться в чем-то своем. Я уже достаточно взрослая.

– А ваша карьера в Скотланд-Ярде?

– Это сложно назвать карьерой. И я... трудно объяснить, но я постоянно была одной ногой здесь, рядом с отцом. Так и не избавилась от этой привязанности. Мне сложно было жить собственной, отдельной жизнью. И теперь я хочу попытаться.

– У вас есть все для большой карьеры.

Кейт кивнула, но в то же время понимала, что не все так просто. Она и в самом деле неплохо себя проявила, была изобретательна и настойчива.

Решительна и – кто бы мог подумать – уверена в себе. Как и полагалось хорошему детективу. И вместе с тем Кейт сознавала, что действовала в особых обстоятельствах, и впредь этого не повторится. Она полагалась только на себя, действовала как частное лицо и ни перед кем не отвечала. С этого момента вновь будут коллеги. Начальство. Совещания. Ей придется объяснять свои шаги, отстаивать свою точку зрения перед теми, кто смотрел на некоторые вещи совсем иначе. Она понимала, что мгновенно растеряет всю уверенность. Превратится в запуганное, робкое существо, каким была прежде. Неспособное занять четкую позицию, высказать свое видение. Уж такова ее суть. Кейт не питала иллюзий. Не надеялась, что вернется в Лондон и станет другим человеком.

– Не забывайте о том, что вы проделали, – сказал Кaleb. – Порой можно черпать силы из таких вот моментов.

Кейт решила, что попытается. Ничего больше она не могла себе пообещать.

– А вы? – спросила она. – Что будете делать?

Старший инспектор пожал плечами.

– Первым делом свяжусь с полицией Ливерпуля, чтобы там как следует пригляделись к отцу Грейс. Девочке нужна помощь. Да, а потом... потом буду искать замену констеблю Скейпин. И надеяться, что мои люди скоро оправятся от шока. Все сбиты с толку. Никто – *никто* – не мог себе такого представить.

– Мы наверняка еще увидимся. Я буду приезжать, хоть и продам дом. Хочу навещать Джейн.

– Под конец вы воспринимали ее почти как подругу, верно?

– Да. И я не забуду, что она пыталась любой ценой вызволить нас из этих катакомб. Кaleb, она хотела остановить неистовство своего брата. Она уже не помогала ему.

– Но это произошло слишком поздно.

Некоторое время они молча ели. Пили при этом воду, хотя Калебу мучительно хотелось пива. Или виски. Прошлой ночью он пил, чтобы забыть обо всем, что произошло в Ливерпуле. И он знал, что приложится к виски, как только вернется домой. Эта вода на веранде у Кейт была чистым фарсом. Но ему не хотелось спорить, выслушивать упреки.

Он в свою очередь скатывался обратно.

Но ему придется с этим жить.

Или кануть в бездну.

Вторник, 17 июня

– Я – ваш адвокат, Шон... могу я к вам так обращаться? Вы можете все мне рассказать. Более того, это необходимо. Лучше всего я смогу защитить вас, если пойму, что вами движет. Что мотивировало вас сделать то, что вы сделали.

– Мне нечего скрывать.

– Хорошо. Вы убили трех человек. И уже признались в этом. Теперь мы должны постараться, чтобы суд проявил понимание к вам и вашей ситуации.

– Моя сестра не говорила мне этого делать. Она не имеет к этому отношения.

– Но ваша сестра рассказала вам о том звонке детективу Линвиллу? Когда неизвестный, предположительно, человек сообщил о несчастном случае с вашим братом?

– Да. И она сказала мне, что с ним был кто-то еще. Сержант Норман Доурик, который уже оставил службу. Тогда я решил к нему навеститься. Сестра сказала, что его парализовало в результате ранения и он прикован к инвалидному креслу. Я подумал...

– Вы подумали, что с ним будет проще, чем с Линвиллом, так? Беспомощный калека... вероятно, из него удалось бы вытянуть куда больше?

– Да. Вроде того.

– И вы поехали к нему домой?

– Да. Но застал только его жену. Я сказал, что когда-то работал с ним и хотел бы его навестить. Выяснилось, что они в разводе и он проживает в Ливерпуле.

– И вы поехали в Ливерпуль?

– Да. Его жена дала мне адрес. Она-то думала...

– Что вы бывший коллега, я понял. Это было в январе этого года?

– Да.

– Вы изначально намеревались напасть на него?

– Напасть?

– Применять силу? Чтобы узнать подробности того звонка?

– Не знаю. Я хотел просто поговорить с ним. Все это казалось мне странным. Кто-то звонит этому инспектору на мобильный, он разговаривает несколько минут и после не имеет ни малейшего понятия, с

кем говорил? Очень странно.

– Вы встретили Доурика на территории фабрики?

– Да. Я не застал его в квартире, поэтому отправился искать по округе. Совершенно случайно забрел на эту заброшенную фабрику. И он катался там в своем кресле. Боже, до чего он был убог... Озлоблен на весь мир... Безнадежный случай.

– И вы спросили его прямо?

– Да.

– И?..

– Я сразу заметил, как он отреагировал. Эта история... она преследовала его. Он сразу понял, о чем я говорил. Несчастный случай, ребенок, звонок... Что-то явно было не так. Я готов был поклясться в этом.

– И он все вам рассказал?

– Да.

– Что именно?

– Что это была любовница инспектора. Мелисса Купер. Это она сбила Дилана. И оставила лежать на дороге. Затем позвонила своему любовнику. Тот, конечно, сразу понял, что ее ждут крупные неприятности. Поэтому они сговорились – насчет анонимного звонка. О том, что Линвилл не узнал, кто ему звонил. Таким образом, Мелисса Купер оказывалась вне подозрений. Затем Линвилл условился с Доуриком, что тот будет молчать.

– Норман Доурик рассказал вам все это добровольно?

– Не совсем.

– Что значит «не совсем»?

– Доурик не хотел говорить. Но было слишком поздно. Я уже понял, что он что-то скрывает.

– Как вы добились, чтобы он все рассказал?

– Главное, что он рассказал.

– Но что вы сделали с ним?

– Это имеет значение?

– Об этом пойдет речь в суде. Данные медэкспертизы однозначны. Тело было тщательно обследовано.

– Бочка.

– Бочка? Она была пустой?

– Нет. Полной до краев. Крышка валялась рядом. Так что в нее со временем просто набралось воды. Думаю, в ней еще оставались какие-то химикаты. Во всяком случае, запах был странный.

– Так. И что?

– Я окунул его головой в воду.

- Он сопротивлялся?
- Хм... Да.
- Но вы, конечно, оказались сильнее.
- Я много тренируюсь.
- Это видно. А Доурик был к тому же парализован.
- Да.
- Вы окунули его в воду? Несколько раз?
- Да.
- И так долго держали под водой, что он едва не захлебывался?
- Да.
- Время от времени вы его вытаскивали?
- Да. И спрашивал, готов ли он рассказать.
- И в какой-то момент...
- В какой-то момент он сдался. И все мне рассказал. Про Линвилла, про Мелиссу. В общем, все.
- И тем не менее ему это никак не помогло.
- Само собой. Или я должен был сказать: «Рад был побеседовать, мистер Доурик, и спасибо за информацию»? А потом просто уйти? Я все-таки пытал его. Он бы сразу сдал меня полиции.
- И вы довели начатое до конца.
- Да.
- Вы его утопили. Засунули в бочку и запечатали крышкой.
- Да.
- Вполне надежный тайник. Никто и не подумал бы искать его там. Но вы не подозревали, что за вами следили.
- Нет, понятия не имел.
- Вы рассказали сестре о том, что сделали?
- Нет. Я только сказал, что поговорил с Доуриком. И пересказал все, что узнал от него.
- Как ваша сестра отреагировала на это?
- Она была в шоке. У них в управлении этого Линвилла чтили как героя. Он уже был на пенсии, когда пришла Джейн, но видимо, про него все еще говорили с восхищением. Якобы никто не знал человека более порядочного. Джейн сочла это возмутительным – и несправедливым. Этот тип вместе со своей подружкой уничтожил нашу семью и думал только о том, чтобы спасти собственную шкуру. При этом для всех он был чуть ли не вторым Иисусом. «Как такое возможно, – думал я, – как?» Чтобы один человек вводил в заблуждение все свое окружение?..
- Значит, поначалу ваша сестра ничего не знала о смерти Доурика?

- Нет.
- А что потом?
- Вы уже знаете. Потом я поехал и прикончил Линвилла. А потом – Купер.
- Ваша сестра...
- После смерти Линвилла она еще молчала. Но когда я убил Купер, она мне позвонила. Была вне себя, хотела знать, имею ли я к этому отношение.
- И вы признались?
- Я отказываюсь отвечать.
- Она предупредила вас, когда было найдено тело Доурика и выяснилось, что была некая свидетельница. И в прошлый четверг вечером она сказала вам о предполагаемом местонахождении свидетельницы, которую вы отчаянно выслеживали. По крайней мере, к этому моменту ваша сестра знала, что все три убийства совершили вы, Шон.
- Не знаю.
- Но она вам позвонила?
- Я не хочу это обсуждать.
- Я – ваш адвокат, Шон. Я не обвиняю ни вас, ни вашу сестру.
- Все равно.
- Три убийства, Шон. И вы собирались убить Кейт Линвилл из Скотланд-Ярда. И мистера Рошана, который вообще не имел к этому никакого отношения и пытался лишь уберечь Грейс... Нам нелегко придется в суде. У вас руки по локоть в крови, Шон.
- То же самое можно сказать о Купер, Линвилле и Доурике. На их руках кровь моего брата, который беспомощно лежал посреди дороги и так пострадал, что ни один врач не отважился давать прогнозы. Кровь моей семьи, которая распалась из-за них. Отец бросил нас, мать умерла раньше срока. Брак моей сестры потерпел крах. Я лишился будущего, о котором мечтал. Мы были счастливы. У нас все было в порядке. И вот безмозглая, истеричная женщина сбивает ребенка и, недолго думая, уезжает. Ей даже не хватило храбрости сразу вызвать «скорую». А ее любовник, – важный чин в полиции, между прочим, – все заминает. Чтобы она вышла сухой из воды. Но, могу поспорить, судья не увидит в этом трагедии. Никто из вас не видит.
- В чем именно ваша трагедия, Шон?
- В несправедливости. Никто не знает, каково это – так долго мириться с несправедливостью. Сознать, что виновник так и остался безнаказанным. И только мы увязли в дерьме. Безвылазно. Это так тяжело, что порой и не верится, что выдержишь. И потому я рад, что все вот так

закончилось.

– Чему рады? Что вы и ваша сестра на долгие годы отправитесь за решетку?

– Нет. Я рад, что другие заплатили. Это того стоит. Неважно, что теперь будет. Только это имеет значение.

Понедельник, 23 июня

– Первым делом, – сказал Джонас, – нужно подстричь траву. Это ужас какой-то. Она скоро в дом прорастет!

– Первым делом, – поправила Стелла, – ты приляжешь отдохнуть. А я займусь травой. Ты едва избежал смерти, Джонас. Помни о том, что сказали врачи. Ты должен побережь себя!

Они стояли перед своим домом. За четыре недели их отсутствия сад изрядно зарос.

«Месяц, – подумала Стелла, – нас не было ровно месяц. А сад разросся в дремучий лес... Впрочем, и у нас вид не лучше. Все мы порядком потрепаны. Истощены. И Джонас потерял по меньшей мере десять килограмм...»

– Хорошо все-таки вернуться, – сказал Джонас.

Он только вышел из машины – и уже обессилел. Этим утром его выписали из больницы, и ему хотелось немедленно вернуться домой. Им всем хотелось вернуться. К обыденной жизни, которую они так хорошо знали, к которой так привыкли. К жизни без Дениса Шоува и Терезы Малиан. Больше всего Стелле хотелось вычеркнуть их из памяти, однако она понимала, что это не сработает. Тереза была матерью Сэмми, и с этим ничего нельзя было поделать. Возможно, когда-нибудь она снова объявится. Или Сэмми в будущем захочет что-то узнать о ней – или даже встретиться... Произошедшее, конечно, не могло положительно сказаться на жизни пятилетнего приемного ребенка, который еще не вполне осознавал все это.

Но Стелла не сомневалась, что все это удастся разрешить.

Для начала следовало привести мысли в порядок. Стелла сожалела, что не смогла поговорить с той милой женщиной, которая спасла их, – сержантом Джейн Скейпин. Стелла была убеждена, что без нее они все погибли бы. Но ей сказали, что возникли некие трудности. Это было связано с убитым полицейским, о котором говорил Денис. Его разыскивали в связи с тем убийством, но Шоув уверял, что невиновен, и по всей видимости, так оно и оказалось. Стелла была этому рада. Это означало, что Тереза связалась не с убийцей. Хотя Денис едва им не стал, но это совсем другое дело. Это «едва» многое меняло – во всяком случае, для Стеллы. Ей не хотелось, чтобы спутником биологической матери ребенка был убийца. Возможно, мысль была несколько иррациональной, но Стелла ничего не

могла поделаться.

А вот Джейн оказалась замешана в каком-то деле. Стелла еще не вполне разобралась в этом, ей не доставало информации. Но она решила, что позже все выяснит.

– Пойдемте же, – сказала она.

В любой момент могла появиться соседка и засыпать их вопросами, отвечать на которые у Стеллы пока не было никакого желания. Возможно, как-нибудь позже...

За спиной послышался робкий голос:

– Миссис Крейн! Мистер Крейн!

Стелла обернулась. Улицу пересекал пожилой мужчина. Он хромал, подволакивая ногу. Очевидно, дожидался под деревом на противоположной стороне улицы...

Джонас тоже обернулся.

– Ох, мистер Халид!

Хамза Халид подошел ближе. При этом его большие, темные глаза словно сканировали окружающее пространство, не упуская из поля зрения ни единого угла.

– Как хорошо, что вы вернулись, мистер Крейн... Я вас дождаться не мог! Вы знаете...

– Я знаю, мистер Халид, – сказал Джонас. – Знаю, что произошло.

Он беспомощно смотрел через его плечо на Стеллу, словно беззвучно спрашивая: «И что нам с ним делать?»

Стелла уже поняла, кто этот человек. Тот беженец из Ирака, о котором должны были снять фильм.

– Мистер Халид, – сказала она и протянула руку. – Приятно с вами познакомиться. Я – Стелла Крейн.

Хамза пожал ей руку. Его костлявые пальцы оказались холодными как лед.

– Миссис Крейн, – повторил он шепотом.

Стелла знала со слов сержанта Стюарта, что Хамза Халид также сыграл немаловажную роль в их спасении. Это он связался с Джейн Скейпин. Удивился, когда Крейны не вернулись из отпуска, и первым забил тревогу.

У нее пока не было возможности поблагодарить Джейн, однако она могла позаботиться об этом сломленном человеке.

Стелла взяла его под руку.

– Пойдемте пока с нами, – сказала она. – Для начала выпьем вместе чаю. А потом обсудим, что можно предпринять в вашем случае.

«Не подавай ему ложные надежды», – прочла она в тревожном взгляде Джонаса. И ответила так же беззвучно: «Но только надежда и помогла нам выжить».

Они вошли в дом. Тот встретил их тишиной и прохладой. Сэмми радостно завопил, завидев в гостиной свои игрушки, по которым он так истосковался.

«Всё в полном порядке, – с удивлением отметила Стелла. – Как будто ничего и не происходило».

Затем она взглянула на Хамзу Халида – и в этот миг осознала, что, вероятно, обманывала себя. Что, пережив нечто подобное, нельзя просто вернуться к прежней жизни. Что шрамы никуда не денутся. И все они, даже Сэмми, возможно, пронесут этот опыт через всю свою жизнь.

Позже. Она сможет поразмыслить над этим позже. А сейчас заварит чай. И какао для Сэмми. Откроет все окна и двери, чтобы выветрить из комнат застоявшийся воздух.

«Пусть нам будет непросто, – подумала Стелла, – но это все еще наша жизнь. Мы и в самом деле вернулись».

---

notes

Примечания

1

«Чивас Ригал» – популярная марка блендированного шотландского виски.

Заяц (кролик), приносящий яйца, – один из центральных символов празднования Пасхи в католической культуре.